

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

**Григорий Флегонтович Сивков
ГОТОВНОСТЬ НОМЕР ОДИН**

**Любовь Михайловна Макарова
ПОДСНЕЖНИК НА БРУСТВЕРЕ**

**Степан Гаврилович Иванов
В ОГНЕННОМ НЕБЕ РОДИНЫ**

**Владислав Иванович Шихов
МЫ ПОЛ-ЕВРОПЫ ПРОШАГАЛИ**

**Георгий Зотеевич Тиунов
ЭТО БЫЛО НА РЫБАЧЬЕМ**

**Иван Иванович Юхнов
ДРУЗЬЯ МОИХ ВОЕННЫХ ЛЕТ**

**Любовь Алексеевна Буткевич
В ПОЛЕВОМ ГОСПИТАЛЕ**

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

Пермское книжное издательство. 1985

Эту книгу написали участники Великой Отечественной: летчик и снайпер, пулеметчик и пограничник, офицер штаба и медсестра... Они рассказывают об участии в боевых действиях, о товарищах, с которыми довелось вместе бить врага, размышляют о войне и мире, о судьбе будущих поколений, ради которых, не жалея жизни, шли в бой. Рассказ от первого лица позволяет увидеть героев, что называется, изнутри, крупным планом, увидеть их чисто человеческую реакцию на великие события. Книга помогает глубже понять истоки массового героизма советских людей в Великой Отечественной войне. Она адресована широкому кругу читателей.

Рецензент Ю. В. Плотников

© Пермское книжное издательство, 1985.

Б $\frac{11202-12}{M152(03)-85}$ 2-85

ГРИГОРИЙ ФЛЕГОН-ТОВИЧ СИВКОВ. Родился в Кунгурском районе Пермской области. В годы Великой Отечественной войны — летчик-штурмовик, командир эскадрильи, штурман авиаполка. В составе 210-го штурмового Севастопольского авиаполка прошел боевой путь от Кавказа до Вены. Дважды Герой Советского Союза. После войны был старшим летчиком-испытателем, находился на преподавательской и научно-исследовательской работе. Кандидат технических наук. В настоящее время возглавляет кафедру в Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского.

ГОТОВНОСТЬ
НОМЕР ОДИН

БОЕВАЯ ТРЕВОГА

Близилась война.

Наша отдельная авиаэскадрилья располагалась в бессарабском селении Чадыр-Лунге, в тридцати километрах от государственной границы. Летный и технический состав эскадрильи — на редкость дружный и сплоченный. К тому же здесь были ребята из Пермской авиашколы.

Павлуша Старцев — из бывших беспризорников, отчаянный парень. Волевой, но всегда с доброй улыбкой. Работал он на «Уралмаше», откуда и пошел в летную школу. Блестящий летчик. Великолепно пел русские песни, аккомпанируя себе на гитаре. Игорь Сократов — человек положительный во всех отношениях, да и летчик прекрасный, спокойный, рассудительный сибиряк, всеми уважаемый в эскадрилье; омич Евгений Мыльников — остроумный весельчак; молчаливый украинец Иван Крамаренко, добродушный, хозяйственный хлопец; предприимчивый Ивад Усов; красавец блондин, весьма авторитетный Петр Толмачев; лучший спортсмен эскадрильи Тимофей Сагайдак; москвич Юрий Мальцев, красивый, любивший прихвастнуть. Летать он умел хорошо, но с дисциплиной жил не в ладах. Был он прирожденным рассказчиком: один жест, одно слово — и все катаются по полу от смеха. Нередко подшучивал он над ребятами.

Накануне войны, 21 июня, в субботу, ребята договорились с местными девушками поехать в лес на пикник.

Воскресенье, 22 июня 1941 года. 7 часов утра. Проснулись. Лежим, балагурим. Слышим стук в окошко.

...Евгений Мыльников не спеша оделся и, пританцовывая, вышел на улицу.

Он скоро возвратился назад и тихо, спокойно сказал:

— Тревга.

Вскакиваем, быстро одеваемся и бежим в штаб. Там никого. Вскоре появился командир эскадрильи.

— Кто объявил тревогу?!

— Дежурный по части...

Мимо нас строем прошли саперы. От них узнаем о нарушении нашей государственной границы.

Позже, уже в 12 дня, из речи В. М. Молотова нам стало известно, что фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз.

— Война!!!

А день на редкость солнечный, безветренный. Кипенно белые домики. Бледная зелень молодых виноградников. Упирающиеся в небо пирамидальные тополя. И жуткая, словно отстоявшаяся тишина, немая, как в картине «Над вечным покоем» художника Левитана. Ее режет возникший вдалеке глухой гул самолетов. Гул усиливается, и мы уже видим группу приближающихся двухмоторных машин. Вот они над нами, летят совсем низко, метрах в семистах от земли. И вдруг среди завывающего гула моторов раздается чей-то окрик:

— Кресты на крыльях! Смотрите, кресты!

Отчетливо видим черные кресты с желтой окантовкой. Острой болью доходит до сознания: «Это чужие самолеты! Это враг!»

Какая-то чудовищная нелогичность: в нашем небе и вдруг эти черные кресты?! Зачем они к нам пришли?! Что им здесь нужно?! И, словно в ответ, слышится отдаленный раскати-стый гром взрывов. Фашисты сбрасывают бомбы на станцию.

— Бомбят, гады!

— Эх, дать бы сейчас им прикурить!

А лететь не на чем. Эскадрилья ожидала новые боевые машины. На аэродроме всего лишь три учебных самолета...

Смешанное чувство ненависти и горечи.

В ту пору мне было 20 лет. И я как-то в тот день не сразу понял, что такое война, хотя и готовился к ней, чувствовал, что предстоят большие боевые события. Но никак не думал, что все случится вот так, как случилось.

Когда же увидел немецкие самолеты, идущие на бомбежку, во мне разгорелось чувство жгучей ненависти к врагу и было одно желание: как можно скорее вступить в бой.

До 11 июля эскадрилья находилась в Чадыр-Лунге. Каждый день спрашиваем своего командира: когда же будут самолеты?

— Дайте нам любое оружие. Больше невозможно ждать. В воздухе не на чем, так на земле воевать будем!

Наконец выехали в учебно-тренировочный центр, переучиваться на новые самолеты Су-2. Это ближний бомбардировщик, неплохой по тому времени самолет. Он был вооружен шестью пулеметами ШКАС, имел скорость 400 километров в час и бомбовую нагрузку 600 килограммов. Маневренный, легкий в управлении самолет. Вот на нем-то несколько позже и началась наша фронтовая летная жизнь.

А пока были учебные полеты. Мы осваивали новые самолеты и... отступали. Перелетали с одного аэродрома на другой, все дальше и дальше на восток. Остановились на станции Котельниково, между Сталинградом и Сальском. Оттуда после тренировочных полетов в декабре 1941 года несколько наших экипажей, в том числе Старцев, Мельников и я, получили назначение в 210-й бомбардировочный авиационный полк...

Полк был сформирован незадолго до начала войны из пилотов гражданской авиации. В основном это была молодежь. Ребята воевали с июля 1941 года, и весьма успешно. Они сделали уже много боевых вылетов на Су-2.

Летный состав полка имел хорошую подготовку. Потери были сравнительно небольшие. Среди летчиков — много награжденных орденами, что тогда, в начале войны, было еще большой редкостью.

Командовал полком майор Володин. А когда его назначили командиром дивизии, обязанности командира полка временно исполнял начальник штаба майор Ильенко. Волевой, спокойный, умный воспитатель молодых летчиков. Правда, отчитывал он нерадивых хлестко.

За глаза летчики звали майора Ильенко (как и во многих авиасоединениях в то время звали своих любимых командиров) — «Батя». Был он суровым и справедливым человеком, и за это все любили его в полку. Даже когда он стал начальником штаба в соседней дивизии, мы к нему продолжали ездить в гости.

Эскадрилей нашей командовал капитан Сурай. Высокий, неторопливый в решениях, волевой командир. Все он делал обдуманно, без ошибок. Уважасмый, авторитетный человек в полку.

Мы, новички, «молились» на своих командиров, как на богов. Они были великолепными летчиками, отважными и очень дружными между собой людьми.

Воевали в нашем полку два воздушных аса, два Ивана, разные по характеру, закадычные друзья: москвич Иван Ерошкин и украинец Иван Раубе.

Иван Раубе — высокий, спокойный, чуточку, пожалуй, флегматичный, блондин, пел чудесным тенором украинские песни. Боевые задания он выполнял образцово и был лучшим летчиком в полку.

Иван Ерошкин — плотный, среднего роста, веселый и живой по характеру и тоже хороший летчик.

С ними летали штурманы Тима Гуржий и Саша Иванов — непревзойденные снайперы бомбометания...

Все летчики полка имели хорошую довоенную подготовку, летали вслепую, по приборам. Мы, новички, еще этого тогда не умели.

Наконец наступил долгожданный день — 28 декабря 1941 года — день моего первого боевого вылета.

Настроение у меня, как и у всех ребят, было радостное. Совсем недавно начался разгром фашистских захватчиков под Москвой. Враг бежал, бросая технику, оставляя наши города и села.

Мы сидим в землянке вблизи от стоянки самолетов. Жарко палит печка-буржуйка. На нарах аккуратно постлана солома. Маленький стол, на котором подмигивает походная лампа, сделанная техниками из гильзы снаряда.

Немногословный и сосредоточенный, капитан Сурай смотрит на карту, развернутую на столе.

— Идете девяткой. Ведущий экипаж Раубе — Гуржий. Ведомые: справа — Дорогавцев, слева — Ерочкин.

Напряженно слушаю капитана, ем, как говорится, его глазами, а в голове одна мысль: «Пошлет или нет...»

— Правый ведомый в третьем звене — экипаж Сивкова — Землякова, — слышу свою фамилию...

— Задача — бомбить танки противника, на окраине населенного пункта Медведково, вот здесь, — капитан показывает по карте. — Две зенитные батареи противника расположены в пяти километрах севернее цели. Вас прикрывают четыре истребителя И-16 из полка Тараненко. Все! Задача ясна?

Командир группы Иван Раубе отвечает за всех:

— Ясна!

— Выполняйте!..

— По самолетам! — командует Раубе и вместе со штурманом Гуржием выходит из землянки. Следом за ними — и все мы, экипажи боевого расчета.

Сумрачное утро встречает зябкой тревожной прохладой. Молча расходимся по своим машинам. У моего самолета техник-лейтенант Королев докладывает:

— Товарищ младший лейтенант, самолет к боевому вылету готов!

— Хорошо, спасибо, Миша!

Он улыбается в ответ.

Волнуюсь, конечно. Надеваю парашют. Сажусь в кабину. Привычный осмотр приборов и агрегатов, проверка исправности действия рулей. Застегиваю замок привязных ремней.

Штурман Петя Земляков проверяет тем временем подвеску бомб. Залезает в свою кабину. Проверяет пулемет. Готовит карты.

Все в порядке. Ждем сигнала. Стремительно взлетает зеленая ракета. Запускаем мотор. Выруливаем на старт. Комэск Сурай уже на старте. Взмахом белого флага он выпускает каждого из нас в воздух.

...Вижу самолет ведущего Раубе и все самолеты группы. Петя тоже делает обзор своей зоны. Прислушиваюсь к двигателю. Работает нормально. Срезая круг, пристраиваюсь к ведущему. Постепенно все самолеты занимают свои места.

Деловито и мерно гудит мотор. В памяти четко встают слова командира группы, которые нам Иван Раубе часто повторял на учебных полетах: «Хочешь жить, держись в строю!»

Стараюсь точно сохранять место в строю. Зорко слежу за самолетом ведущего. Раубе слегка покачивает самолет с крыла на крыло: «Внимание!»

— Подходим к линии фронта! — говорит Петя.

У ведущего открылись люки. Даю команду штурману:

— Открыть люки!

Слышу в ответ:

— Люки открыты!

С самолета ведущего посыпались бомбы. Нажимаю на боевую кнопку. Бомбы летят на танки противника. Все время не отрываю глаз от ведущего. Весь строй, как единое целое, управляемое ведущим, делает левый разворот со снижением, на курс 90 градусов.

Справа сзади видим черные клубки дыма — разрывы зенитных снарядов противника. Чужих истребителей не видно.

Через полчаса — мы дома. Над аэродромом ведущий дает

сигнал внимания, делает резкий поворот в сторону. Самолеты эскадрильи расходятся и по очереди заходят на посадку.

Произвел посадку, зарулил на стоянку. Здесь уже встречает моторист Иван Михайлов, поздравляет с боевым крещением и спрашивает:

— Как мотор?

— Нормально! Спасибо, Ваня!

К самолету подходит комиссар эскадрильи капитан Лещинер.

— Пройдем на правую сторону самолета, — говорит он.

Мы с Петей Земляковым, ничего не понимая, растерянно идем за капитаном. Обошли самолет вокруг хвоста, остановились.

— Поздравляю с первым боевым вылетом! — протягивает руку комиссар.

Отвечаю:

— Спасибо, товарищ капитан. — Потом спохватываюсь и чеканю во весь голос, прикладывая руку к шлемофону:

— Служу Советскому Союзу!

Рядом на треноге щелкает фотоаппарат. Комиссар Лещинер широко улыбается.

— Получите на память фотографии, ребята...

Вот и состоялся первый боевой вылет. Ощущение от него — это сложная смесь чувства долга, страха и жажды схватки с врагом. Главным в полете было не потерять самообладания. Оказалось, что я был готов к этому.

Семья, школа, комсомол, аэроклуб и великолепные командиры-наставники подготовили меня к первому боевому полету.

Ненависть к врагу, пришедшему на родную землю, — имела и в подготовке к полету и в самом полете огромное значение. Это не книжная фраза. В условиях войны ненависть к врагу имеет свой, совершенно определенный, реально ощутимый смысл. Она цементирует волю, глушит страх, учит мгновенно принимать решение и четко действовать. Ненависть к врагу мобилизует все силы бойца в единый порыв — победить во что бы то ни стало!..

«ПРОСЛАВИЛСЯ» НА ВСЮ ДИВИЗИЮ

«Лиха беда начало» гласит старинная русская поговорка. После первого последующие боевые вылеты проходили значительно легче, почти без напряжения, становились привычными. Нас уже не считали новичками. Летали мы почти каждый день с рассвета дотемна.

...Перед вылетом капитан Сурай предупреждал:

— «Мессеров» много. Обычно они делятся на две группы: одна — связывает боем наших истребителей прикрытия, другая — атакует нас. Так что необходимо быть готовым в любой момент к отражению атаки.

Мы, уже немного обстрелянные новички, ловим на лету каждое слово капитана, а он продолжает:

— Главное — вовремя увидеть противника, не допустить внезапной атаки. А там уже легче: держи плотный строй и защищай огнем товарища. Здесь нужны самообладание, воля и мастерство.

Вскоре мне пришлось убедиться в правоте слов командира эскадрильи.

Хмурым январским днем 1942 года я узнал, что такое немецкие истребители.

...Колко выюжит мелкая поземка. Очередной вылет. Взлетаем и ложимся на курс. В воздухе густая дымка. Нашу группу из шести самолетов прикрывает четверка истребителей-«ишачков», — как мы между собой называли самолеты-истребители И-16, которые воевали еще в Испании. Отличные, маневренные, но уже устаревшие самолеты. Они более чем на сто километров в час уступают в скорости «мессершмиттам».

Подходим к линии фронта. Минут через пять — боевой курс. Слева впереди уже видна цель — эшелоны на железнодорожной станции Харцызск.

— Слева сверху истребители противника! — докладывает штурман Петя Земляков. — Восемь штук, — уточняет он.

«Вот тебе и настоящая война начинается», — думаю про себя.

— Открываю люки, пока есть время, — говорит Петя. — Смотри, уже заходят по четыре справа и слева!

— В клещи берут, стервятники!..

Нервы напряжены до предела. Все внимание — строю. Мы на боевом курсе. Ведущий штурман Саша Иванов уже прицеливается. Но в это время слышится дробный треск пулеметной очереди. Петя вместе с другими штурманами отбивается от атак «худых».

С самолета ведущего посыпались бомбы. Нажимаю боевую кнопку на ручке управления. Все! Дело сделано! Теперь дай, как говорится, бог ноги. А наш ведущий группы — капитан Васильев, командир первой эскадрильи — уже ведет нас со снижением и с разворотом на курс 90 градусов — домой.

...Вот уже и наша земля. Фашисты отстали. Они не рискуют летать над нашей территорией. Мы уходим домой.

...Зимой 1941 года потерь в нашем полку было мало. Обстановка на нашем участке фронта была не очень напряженная. Немецкие истребители вели себя довольно осторожно.

Самолеты, на которых мы летали, служили с самого начала войны и изрядно подносились. Часто выходили из строя моторы. Техникам приходилось много возиться, чтобы держать машины в порядке.

Как-то морозным утром, получив боевое задание, подхожу к самолету. Техник-лейтенант Королев докладывает:

— Товарищ младший лейтенант, самолет к полету не готов!

— В чем дело?

— Мотор не дает полных оборотов.

Подошел техник звена Новоселов. Вместе с Королевым и Михайловым он ищет причину неполадок в двигателе.

Тем временем наша группа взлетела. Мы остались на стоянке. Уже и старший техник эскадрильи Бабенко подключился к работе. Наконец, минут через тридцать после взлета группы, Королев докладывает:

— Мотор в порядке!

Что делать?! О том, чтобы догнать группу, не может быть и речи. Срыв моего вылета был настолько очевиден, что с командного пункта даже не передали об его отмене.

А в голове одна мысль: «Надо обязательно лететь и бомбить врага». К тому времени я уже сделал около пятнадцати боевых вылетов, мог ориентироваться по маршруту, видел цель, результаты бомбежек и кое-что смыслил в тактике бомбардировщиков. Правда, ни разу еще не бомбил цель самостоятельно. А испытать свои силы очень хотелось и мне и Пете Землякову. Тут нас осенила идея: а что если слетаем без ведущего и самостоятельно сбросим бомбы по цели? Истребителей противника сейчас нет, да и к тому же, рассуждая формально, никто не отменял нам вылета.

— Петр, цель найдем?

— Конечно!

— Отбомбиться точно сможем?

— Думаю, сможем.

— Тогда летим!

Выруливаем на старт. Стартер, не имея других указаний, взмахивает флажком.

Взлетаем. В это время комэск Сурай выскакивает из землянки и, увидев взлет самолета с красной цифрой «3» на хвосте, дает вдогонку красную ракету. Мы с Петей сделали вид, что «не заметили» запрещающего сигнала. Легли на курс к цели. Вскоре встретили своих. Они уже возвращались с боевого задания. Расстояние между нами было достаточно большим, чтобы на наш самолет не обратили внимания.

Подходим к цели — автомашинам противника вблизи деревни Выскривка. Цель обнаружили. Петя командует:

— Боевой курс!

Изю всех сил стараюсь держать заданную высоту. Но проклятое волнение не дает мне точно выдержать режим полета.

— Что ж ты! — кричит вне себя Петя. — Курса держать не можешь! — Он сопровождает свою речь крепким словом. — А скорость, а высота? Куда же полетят наши бомбы?!

Идем на второй заход, не сбросив бомбы. Понемногу успокаиваюсь и стараюсь выдержать все условия боевого курса. Ни зениток, ни «мессеров» пока нет, но ведь эта тишина может быть коварной...

Наконец, с грехом пополам, бомбы сброшены. Не слишком точно, но все же терпимо для первого раза. Чтобы «компенсировать» наши неточности, заходим на штурмовку — обстреливаем с малой высоты из пулеметов автомашины.

Вернулись домой. Докладываю командиру эскадрильи о боевом вылете. Капитан Сурай буравит меня глазами.

— Кто разрешил вылет?

— А его никто не отменял, товарищ капитан...

— Не прикидывайтесь дурачком, Сивков! Даже ежу понятно, что лететь одному по меньшей мере глупо. Достаточно одного, самого захудалого «мессера»...

Я молчу. Штурман эскадрильи грозно спрашивает Петю:

— Где бомбили?

Штурман Петя Земляков, волнуясь больше, чем над целью, показывает точку на карте крупного масштаба.

«Не дай бог, по своим, как было однажды», — невольно думают наши товарищи, присутствовавшие при этом разговоре.

Но, кажется, мы выдержали экзамен своих грозных начальников и, главное, товарищей по эскадрилье...

— Ну, ладно, — цедит сквозь зубы комэск. — Всем быть готовым к следующему боевому вылету. А с вами, — он кивает нам с Петей, — мы еще разберемся. — И уходит в землянку.

Я отделался «легким испугом», а капитану Сураю чуть было выговор не вlepили.

Так я «прославился» на всю дивизию. Но холодное отношение товарищей и особенно мною уважаемого командира эскадрильи было для меня серьезным уроком. В бою нельзя допускать подобных вольностей. Да и кому нужен такой безрассудный риск? Только врагу!

Однажды вечером прибегает посыльный.

— Младшего лейтенанта Сивкова к комиссару эскадрильи!
— Будет, значит, нахлобучка! — замечает Павел Старцев.
Надеваю шинель, шапку и ухожу. Порывистый ветер хлещет в лицо, насквозь пронзает колючим холодом, а мне жарко. Вхожу в командирскую хату.

— Товарищ капитан, по вашему... — докладываю по уставному правилу.

— Отставить! — прерывает меня комиссар Лещинер. — Садись, Гриша.

Сажусь на табурет. Щеки пылают.

— Да ты разденься. А то упреешь...

Снимаю шинель и шапку, вешаю на гвоздь.

Комиссар набивает табаком трубку.

Стою. Осматриваю комнату. Аккуратно застланная кровать. Стол, на котором лежит стопка газет. Маленькая кожаная рамочка с фотографиями.

— Письма давно получал?

— Позавчера от отца.

— Что пишут? Как живут? Помощь какая нужна?

— Все нормально, спасибо.

— А я о своих месяц ничего не знаю.

Он пристально смотрит на рамочку с фотокарточками.

— Жинка моя и трое ребят. Трудно ей с нами достается...

Комиссар дымит трубкой, разговаривает доверительно. По-немногу успокаиваюсь, и мысль о нахлобучке оставляет меня. Осмеливаюсь и спрашиваю комиссара:

— Какие последние сводки?

Он обстоятельно рассказывает о сводках Совинформбюро, называет по памяти оккупированные врагом города, объективно и оптимистически комментирует фронтовые события.

...Внимательно слушаю комиссара. Он смотрит на наручные часы.

— Ого, засиделись мы с тобой, Гриша.

Торопливо одеваюсь.

— На-ка свежие газеты, передай ребятам. И вот тебе еще партийный устав. Ты ведь готовишься в партию?

— Готовлюсь.

— Так вот, в уставе, между прочим, и о партийной дисциплине сказано... И вот это еще возьми, — протягивает он мне брошюру. — Прочти, здесь есть замечательные ленинские слова: «Может ли сотня победить тысячу? Да, может, если сотня дисциплинирована, организована»...

ПЕРВЫЙ ТУР

Только приземлились и зарулили к отведенным местам на стоянке самолетов, тотчас услышали команду:

— Летный состав на КП полка!

Командир полка докладывает командиру дивизии полковнику Гетьману:

— 210-й штурмовой авиаполк прибыл в полном составе. Летчики собраны для получения боевой задачи.

Волевой, энергичный человек в кожанке, приземистый и плотный, обращается к нам, отчеканивая каждое слово:

— На нашем участке фронта противник сосредоточивает огромные силы, готовится к наступлению. Все дороги, ведущие к фронту, забиты его автомашинами, артиллерией, танками и пехотой. — Полковник обводит острым взглядом строй летчиков и с металлическими, звенящими нотками в голосе продолжает: — Ваша задача: бомбить и штурмовать войска и технику противника на дороге Лозовенька — Протопоповка. Для передачи боевого опыта сегодня будут ведущими групп представители седьмого гвардейского полка.

Командир дивизии передает слово ведущим групп.

— Идем колонной звеньев, на бреющем полете, — уточняет ведущий нашей группы. — Заходим на цель с запада с выходом на свою территорию без разворота. Это на случай повреждений. Огонь зениток будет сильный. Над территорией противника закрыть маслорадиатор, — напоминает он.

Мы понимаем: бронезаслонка предохраняет маслорадиатор самолета от вражеских пуль.

— Запуск и выруливание немедленно! По самолетам!

Быстро идем к своим штурмовикам.

...Первая группа взлетает звеньями и, не делая круга над аэродромом, уходит на запад.

Проходят томительные минуты. Наконец, Иван Раубе круговыми движениями руки сигналист:

— Запуск!

Взлетаем. Впереди звено гвардейцев. За ними два звена нашей эскадрильи. Легли на курс.

Первый боевой вылет без штурмана. Надо внимательно вести ориентировку. Правда, линия фронта хорошо заметна — идет по реке Донец, но все же...

Вот и зеленый массив леса. Скоро Донец. Команда ведущего:

— Подходим к линии фронта. Приготовиться к атаке!

Откидываю колпачки боевых кнопок. Даю полный газ. Вслед за ведущим прижимаемся к земле. Разворот влево. Еще разворот, и перед нами дорога, сплошь забитая вражескими войсками и техникой.

— Начали!

Самолеты один за другим подсакивают кверху метров на пятьдесят — семьдесят и со снижением переходят в атаку.

Прицеливаюсь и жму на обе гашетки. Снаряды ложатся рядом с машинами. Повторить! Так, уже лучше. Нажимаю кнопку, но РС (ракетный снаряд) не летит. В чем дело?

— Тьфу, черт. Вместо снаряда бомбы сбросил...

Все равно считается! Взорвутся через двадцать три секунды. Прицеливаюсь и снова жму на вторую кнопку. Шваркнули РСы. Здорово! Фашистский фургон разлетается вдребезги.

Маневры — один за другим, только успевай поворачивать тяжеловесную машину. Жарко, но не до этого сейчас. Слева и справа что-то сверкнуло... Не понял. Проскочил. Может быть, это те самые «эрликаны» — малокалиберные зенитки, о которых рассказывали гвардейцы? Огонь их страшен для самолетов, идущих на малой высоте.

— Ага, вот и «мессеры» пожаловали. Атакуют первое звено.

Иван Раубе тут же по ним дает очередь из пушек. «Мессерам» не понравилось. Они отвалили — и вверх. Заходят сзади, бьют по третьему звену. Что там сзади? Не вижу. Доворот влево. «Кто-то горит. Это Мыльников».

— Женька, прыгай!

Впрочем, все равно бесполезно: высота мала... Впереди Донец, а за ним и лес — наша территория. Евгений Мыльников не успел дотянуть...

Мы уже над лесом. «Мессеры» ушли. Гляжу на манометр, показывающий давление масла. Стрелка на нуле. Очевидно, пробита маслосистема. Надо немедленно садиться, пока не заклинило мотор.

«От немцев ушел, думаю, а тут из-за какого-то пустяка гробанешься».

...Впереди справа рядом с пашней зеленеет луг. «Доворот. Шасси! Убрать газ! Так. Спокойно. Вот и земля!»

...Вылез из кабины, осмотрел самолет. Маслопровод пробит. Видимо, в спешке я забыл закрыть бронезаслонку радиатора, когда пролетал над вражеской территорией, и в него попала пуля.

Замотал изоляцией маслопровод. Провозился, правда, долго. Можно бы и лететь. Бензин еще остался, а вот масло все вытекло.

Стою, соображаю, как быть. Откуда-то появились двое парней.

— Где тут поблизости наши есть?

— А вон там, — указывают они на выглядывающую из-за леса деревню.

Оставляю их сторожить самолет. Иду в деревню. Там, оказывается, батальон аэродромного обслуживания.

— Сала нема, масла сливочного нема, а смазочное получите!.. — сказал инженер-капитан, белый как лунь, пожилой человек. — Целую канистру.

— Куда мне столько?

— Берите, берите. Запас карман не трет...

Взяв я канистру и направился к самолету.

— Погоди, провожу.

Пошел за мной инженер-капитан. Залили масло в бачок. Можно взлетать. Но уже опускались сумерки. Пришлось переночевать в «хозяйстве» седого капитана. А утром чуть свет — к самолету.

Наши истребители почти над нами ведут с «мессерами» бой.

Стоим с инженер-капитаном, наблюдаем. Наш «ишачок» загорелся. Из него выпрыгнул летчик. Немцы его не заметили. А в это время продолжался бой. Раздавались очереди самолетных пушек.

Купол парашюта снесло в нашу сторону ветром. Летчик приземлился, быстро собрал парашют и к нам подбежал. Парень лет девятнадцати, во всем новом обмундировании, видно, только из летной школы.

— Старший сержант! — представился он и назвал свою фамилию, я точно не разобрал, какую.

Инженер-капитан пригласил его к себе в часть. На что парень сказал:

— Мне бы поскорее в полк.

— Как вам угодно. Автомашина будет лишь к вечеру.

Летчик умоляюще глядел на меня.

— Полежай в фюзеляж! До своего аэродрома подвезу. А там сам доберешься.

Он быстро скрылся в люке. А я, попрощавшись с гостеприимным инженер-капитаном, сел в кабину.

Запуск. Взлет. Летим домой. Прошли половину пути. Вдруг мотор стал давать перебои. Впереди по курсу вижу площадку посреди поля. Повезло! Убираю газ и сажусь прямо перед собой, без доворотов.

Вылез из кабины, помог выбраться своему «пассажиру». Тот с нескрываемым волнением спрашивает:

— Нас подбили?

— Нет, мотор что-то забарахлил.

Пока мы со старшим сержантом соображаем, что делать, самолет обступают подбежавшие колхозники.

...По дороге пылит грузовик, сворачивает на поле и подъезжает к нам. В кузове автоматчики. Из кабины выпрыгивает кто-то вроде знакомый.

— Иде ж фрицы? Вже ж пиймалы?

Узнаю своего бывшего командира эскадрильи Ищенко. Он уже майор. Поднимаюсь, докладываю, как положено. Он тоже узнает меня, хватает в охапку.

— Такой крепкий, чертяка, став, — улыбается он. — Поихалы до мене в полк. Подкрепимся трохи. Мы тут рядом, на По-2.

— Спасибо, товарищ майор! Не могу: почти двое суток отсутствую. В полку, наверно, волнуются.

Майор Ищенко соглашается со мной.

— Дило прежде всего.

— Да вот мотор завести нечем. Сжатого воздуха в баллоне нет...

— Стартер пришлю! Бувай здоров! Мабудь, ишо повидаемось...

Подъехал обещанный майором автостартер. Присоединяем хобот стартера к храповику винта. Пытаемся завести мотор. Не получается. Соображаем, в чем причина. Словно из-под земли появляется дед лет семидесяти, с окладистой бородой и совершенно лысой головой.

— Поймали немцев? — деловито спрашивает он.

— Не немцы это, а свои!

— Иван! — кричит дед. — Выходи, это свои!

Из кустарника показывается парнишка лет тринадцати-четырнадцати с вилами в руках.

— Зазря тревогу подняли, — говорит водитель автостартера. — Свой самолет за вражеский приняли.

Догадываюсь, что произошло. Летели мы на рассвете, мотор работал с перебоями. Звук его был похож на звук немецкого самолета. Вот нас и приняли за немцев. Все село всполошилось. На ноги подняли даже квартировавших в селе летчиков.

Случай этот с поимкой «немцев» был смешной, а в ту пору сплошь и рядом бывало, что жители деревень ловили и настоящих немецких летчиков и диверсантов.

Призыв «Смерть немецким оккупантам!» стал руководством к действию для многих миллионов советских людей, бдительность которых была чрезвычайно высокой.

В этом первом боевом вылете 26 мая 1942 года на Ил-2 меня впервые подбили, приняли даже за немца и заживо в полку похоронили. Когда прилетел на свой аэродром, доложил командиру, что и как со мной случилось. Выхожу из землянки, а Зина Новоселова с удивлением смотрит на меня.

— Гриша, живой, невредимый?!

И вдруг в слезы.

— А Жени нет... майор вчера сказал, что и ты погиб...

— Да вот жив пока...

Рассказал ребятам, как погиб Женя Мыльников. От них узнал, что в тот же день не вернулся с боевого задания и Сергей Корниенко. Его самолет был сбит вражескими «эрликонами».

А оставшиеся в живых клялись отомстить за погибших товарищей, точно сбрасывали бомбы на вражескую технику, поливали свинцом пехоту противника, наводили страх и ужас на хваленые гитлеровские дивизии, а в минуты коротких передышек горько переживали, вспоминая навечно выбывших из строя однополчан.

Полк продолжал применять гвардейскую тактику бреющего полета. Особый эффект эта тактика давала при штурмовке вражеских аэродромов.

Наряду с другими родами войск, противник сосредоточивал в Донбассе на аэродромах большое количество авиации, особенно самолетов-бомбардировщиков. Вражеских зенитных батарей на аэродромах было значительно больше, чем на шоссе и проселочных дорогах. В любой момент могли взлететь «мессершмитты». Но надо было во что бы то ни стало громить в первую очередь эти осиные гнезда.

— Мы знаем, что посылаем вас в пекло, — металлическим

голосом говорит командир дивизии Гетьман. — И вы должны это пекло погасить!

Мы вполне осознаем, почему наш комдив идет на смертельный риск: это неотложная необходимость.

Прилетевшие экипажи самолетов-разведчиков докладывают:

— На Артемовском аэродроме скопление вражеских самолетов.

В томительном ожидании боевой задачи. Наш новый командир эскадрильи Вениамин Васильев на командном пункте полка. Капитан Васильев помоложе, но тоже с богатым боевым опытом. Он кажется нам помягче капитана Сурая. Возвращается комэск с КП озабоченный.

— Задача не из простых,— говорит он. — Если не достигнем внезапности, перебьют нас, как куропаток. От аэродрома до линии фронта полсотни километров. Идем завтра рано утром, пока не проснулись фрицы.

Наутро, чуть забрезжил рассвет, выруливаем на старт. Мокрая, белесая от росы трава. Четко видны темные полосы от колес самолетов. Земля хорошо просматривается до горизонта.

Можно взлетать. В отличие от предыдущих вылетов ведущий не включает радиопередатчика. Это тоже делает он для достижения внезапности атаки.

Солнце еще не выплыло из-за горизонта, а мы уже горкой выскакиваем с юга на вражеский аэродром. Разомкнутым на большие интервалы строим, словно кавалерийская лава с клинками наголо, врываемся в логово врага. Как звенящая сталь сабель, брызжут, кромсая направо и налево, трассы пушечных очередей. С шипящим свистом вырываются из-под крыльев штурмовиков огненные смерчи ракет.

Нашим крайним звеньям в этот раз особо повезло. Они проходят вдоль рядов вражеских самолетов и успевают зажечь каждый по одному, а то и по два «юнкерса». Я оказался в центре строя. И мне невольно пришлось пролетать не вдоль, а поперек линии стоянки вражеских самолетов. Про-

скочил, не успев прицелиться. Стрельнул только в самый последний момент и, кажется, неудачно. Вижу, как посередине аэродрома выруливает «Хейнкель-111». «Ага, дубина, попался... Помню тебя еще с Чадыр-Лунга...» Сбрасываю на него бомбы, взорвутся они позже... «Попал или мимо?» — вихрем пронесится в сознании, и мгновенно приходит решение идти на второй заход.

Глубокий разворот влево. Сделать надо полный вираж на 360 градусов. Невольно хочется пришпорить, как коня, самолет. Но неумолимые законы механики заставляют стоически выдерживать двадцать три секунды виража, показавшиеся мне под дулами фашистских зенитных орудий целой вечностью.

Блеснула первая трасса «эрликонов». Треск в крыле. А я уже прицеливаюсь по самолету продольной стоянки. До него еще довольно далеко, но я уже бью... Внизу много самолетов, они все в зоне прицела. В какой-нибудь обязательно попадут мои снаряды. Но надо все же поточнее. Так, хорошо! Вижу разрывы в стыке крыла и фюзеляжа немецкого самолета. Но не горит, стерва. Жму на гашетки и не отпускаю, пока не проскакиваю цель. В последний момент успеваю заметить пламя. «Ага, все-таки загорелся! Хорошо!»

Пора домой. Отворачиваю вправо, курс 90 градусов, ниже... Смотрю на горизонт: где же наши? Одному всегда плохо. Велика опасность встречи с «мессершмиттами»...

На горизонте заметил какие-то точки. Очевидно, это наши самолеты. Форсаж — и мчусь вдогонку. Увлёкся и проскочил главный ориентир — реку Донец, принял ее за реку Луганку.

Самолетов своих не догнал и время не отметил. Понял, что заблудился. «Курс на север, — говорю себе, — выйду на Донец и по реке найду свой аэродром».

Делаю разворот влево.

Проходят три, пять, семь минут, а реки все нет. Показались меловые горы. Все ясно: Донец остался позади. Беру курс 180 градусов. Глубокий овраг тянется на юг, и вдали блеснула полоска реки.

Смотрю на карту. До аэродрома, кажется, лететь минут семь. Но, похоже, не хватит горючего. Под самолетом — овраг. На всякий случай отворачиваю левее и лечу над полем.

И вдруг разом все стихло... Кончилось горючее. Винт, слегка шипя, медленно вращается, как крылья мельницы. Мотор уже не работает. Высота 400 метров.

Легкий озноб. Машинально выпускаю шасси и сажусь на колеса в поле. И снова чудом мне повезло: произошло это в двух километрах от аэродрома соседнего полка.

«Вынужденная посадка вследствие потери ориентировки» — так официально звучит это малоприятное происшествие.

В мой полк, конечно, тут же сообщили о случившемся. А самолет отбуксировали на аэродром и заправили горючим.

Спрашиваю у командира приютившего меня полка:

— Разрешите лететь?

— Долегишь?

— Смогу...

— Смотри, если и сейчас потеряешь ориентировку, то не миновать гауптвахты...

На свой страх и риск он выпустил меня. Я благополучно прилетел на свой аэродром. Приземлился, заруливаю на стоянку. Техник самолета Королев, моторысты и оружейники бегут навстречу, улыбаются, рады, конечно: вернулся целым и невредимым. Правда, в крыле самолета зияла большая пробоина. Все-таки там, за линией фронта, стреляют...

Доложил, как было, капитану Васильеву.

— Почему оторвался от группы?

— Все стреляли по боковым стоянкам. А мне не повезло: пролетал над серединой аэродрома и не успел ничего сделать с одного захода.

— Ну и что?

— Пошел на второй заход. Думал, догоню...

— Раз разрешаю заходить на атаку один раз, значит, только один! Запомните это на будущее!

Капитан Васильев кладет мне на плечо руку и по-дружески:

— Так, Гриша, убить могут... Ты, видно, в сорочке родился, что по счастливой случайности уцелел.

Это была третья по счету моя вынужденная посадка.

Утром следующего дня мы вторично ударили по вражескому аэродрому Артемовск. Опять на рассвете и опять зашли с юга. Отбомбились и отштурмовались удачно. А в третий раз капитан Васильев говорит:

— Фрицы нас ожидают с юга, а мы зайдем с севера. Остальное: все как и в прежние два вылета.

Решение комэска правильное. Тактика боя не терпит шаблона. Только мы не учли одного: высокие заводские трубы в северной части города. Пришлось подняться выше труб. Нас, конечно, сразу обнаружили вражеские зенитчики.

Мы еще не вышли на цель, как уже появились трассы «эрликонов». Огонь был сосредоточен по самолету ведущего.

Комэск быстрым маневром уходит из-под огня зенитки. Он у самой цели. И вдруг попадает в перекрестие нескольких пушечных трасс. Его самолет загорается от прямого попадания снарядов. Пламя сбить невозможно: мала высота. Выпрыгнуть с парашютом тоже нельзя, да еще на чужой территории, — это плен. И капитан Васильев направляет объятый пламенем штурмовик в гущу самолетов противника.

Я вижу слева внизу столб огня. Горящие обломки самолетов огненными клочьями катятся вдоль стоянки. Я был так поражен геройской гибелью своего командира, что упустил момент сбрасывания бомб.

Ошеломленные товарищи тоже замешкались на мгновение. Они тоже видели, как, не колеблясь, отдал свою жизнь за Родину ее отважный сын Вениамин Федорович Васильев, повторивший подвиг капитана Гастелло.

Очнувшись от внезапного оцепенения и поняв смысл происшедшего, ребята пришли в страшную ярость. Всю мощь своих пушек они обрушили на зенитную батарею, не обращая внимания на смертоносные трассы «эрликонов».

Огонь вражеских зениток заметно ослабел. Со второго захода мы сбросили бомбы и со снижением до нескольких

метров от земли ушли домой, унося с собой очередную горькую весть о гибели своего командира эскадрильи.

Было это 11 июня 1942 года.

После перебазирования на аэродром Трехизбенка у нас уже оставалось совсем мало самолетов. Полк нес большие потери.

— Надо менять тактику!

— Попробуем летать на большой высоте, — предложил Федя Картовенко, по характеру спокойный и твердый, как скала, прирожденный летчик-бомбардировщик. — Ведущий, имея оптический прицел, сбросит бомбы. А по его команде и мы — ну, как раньше, на Су-2.

Командование полка отнеслось к этому одобрительно. На очередное боевое задание пошли мы шестеркой на высоте 1200 метров. Лидером был седьмой, шедший впереди всех самолет Су-2.

Я шел слева вторым ведомым. Вася Локаткин был за мной — замыкающим и, как всегда, отставал от строя метров на пятьдесят. Нехорошая это привычка...

«Ну, — думаю, — зря, Вася, пренебрегаешь советом Ивана Раубе. Чуть-чуть отстал от своих — и поминай как звали...»

В полку почему-то все называли Локаткина Васей, хотя его настоящее имя — Семен. Он мог великолепно летать, был отважным парнем, но эта его привычка...

Вышли на цель. Отбомбились по танкам и уходим домой.

Ведущий развивает максимальную скорость. Мотор моего самолета тянет слабо. Я отстаю, а Локаткин где-то совсем позади.

«Вася, прибавь газу!» — хочется мне крикнуть, но на моей машине нет передатчика.

Сбавляю немного скорость в ожидании Васи.

Откуда-то сверху, точно коршуны, кидаются на нас «месеры». Атакуют Васю, клюют его из пушек один за другим.

Самолет Локаткина загорелся, вошел в штопор и врезался в берег Донца, на территории, занятой противником.

«Теперь, — думаю, — очередь за мной».

На меня идут три «мессера». Они заходят слева.

Удачно маневрирую. В крыле пробоины, но самолет идет нормально. Вдруг справа удар по бронестеклу. В кабину летят осколки. А «мессер» отваливает с набором высоты. Одно мгновение без маневра и опять — удар под самым полом кабины. Мне показалось, будто оторвало ногу. Смотрю в кабину и не ощущаю ее. Шевелю ногой — цела. И тут сверху опять удар, как палкой, по голове.

Темнеет, и все плывет перед глазами. Усилием воли отгоняю противное ощущение полубмороза. Словно в тумане различаю приборы. Пробую управление, самолет послушен. «Значит, еще не все... Поближе, давай, к матушке-земле, пока не поздно...»

С крутым поворотом влево ухожу вниз на бреющий полет. «Добить не успеют... Скоро Донец... Сяду у своих...»

«Мессеры» почему-то отстают.

Вот и Донец. Мелькают крыши и сады городка Красный Лиман. Позади последние домики.

Шасси! (Почему я решил садиться на колеса, не понимаю до сих пор. Ведь это было опасно: самолет весь избит и неизвестно, какая площадка). Выпускаю шасси и сажусь. Как ни странно, все в порядке...

НОВАЯ ТАКТИКА

С вечера прошел сильный дождь. Рано утром над аэродромом нависли белые, словно ватные, хлопья тумана. Летать в такую непогоду нельзя. Майор Зуб созвал на КП командиров эскадрилий, их заместителей.

— Подведем некоторые итоги, — начал он разговор. — Итак, в первом туре нас крепко побили. Здесь, на Кавказе, мы действуем лучше. Точнее и вернее бьем фашистов и меньше несем потерь. Однако сбиты Гаврилов и Майоров, Тимофеев и Епифанов. А почему?

Майор сделал паузу и обвел сидевших вопрошающим взглядом.

— Да потому, что тактика хромает. Мы идем на цель и обратно звено за звеном. Все звенья защищены мощным огнем пушек идущих сзади товарищей. Все, кроме последнего звена. С него-то и начинают истребители противника. Надо менять тактику. Ваши соображения?

— Истребители прикрытия должны лучше охранять последнее звено, — тихо высказывает свое мнение мой комэск капитан Кондратков. — И летать нужно выше. Местность тут гористая.

— Кто еще хочет сказать?

— На дядю надейся, а сам не плошай, — изрек Иван Карabut. — Свои пушки надо использовать в полную силу для защиты от истребителей врага.

— Правильно, — поддерживает его командир полка. — Но иметь хорошие пушки еще не все. Надо уметь еще навести их на врага. Необходим маневр!

— Последнее звено не прикрыто, а первое — никого не защищает, — спокойно произнес капитан Панин, командир первой эскадрильи. Его волнение выдавала слегка покрасневшая во всю голову лысина. — Замкнуть круг, тогда все будут защищены.

— Верно, — заключает майор Зуб. — «Оборонительный круг» уже известен и применяется на других фронтах. — И словно сам с собой, вполголоса: — Почему до сих пор мы не додумались использовать его, просто непонятно. Ведь мы давно уже не бомбардировщики и не имеем на машине сзади пулемета. А придерживаемся старой тактики. Видно, по привычке...

В тот же день, как только немного очистилось от тумана небо, мы попробовали «каруселить» над своим аэродромом. И вскоре с наступлением летной погоды испытали в бою эту новую для нас «круговую оборону».

В очередной боевой вылет повел шестерку командир полка Зуб. Бомбы сброшены точно по цели. А вот и «мессеры» ринулись в атаку.

Наш ведущий с завидным спокойствием говорит по радио:

— Внимание, внимание! Слева сзади — истребители противника. В «круг»!

Он закладывает глубокий вираж. Повторяю маневр своего командира, не отстаю. В четком порядке выполняют вход «в круг» и остальные четыре самолета. «Круг» замкнут. Теперь к нам не подойдешь. Атаки «мессеров» всюду встречают немедленный отпор. Противник отлично знает силу наших двадцатитрехмиллиметровых пушек ВЯ — названных так по первым буквам фамилий их конструкторов — Волкова и Ярцева.

Прекратив атаки, «мессеры» улетают, а мы выходим из «круга» и торопимся домой.

По дороге неожиданно всплывает в памяти один из рассказов отца о случае в ночном. Люди, пасшие табун, заснули у костра. А волки тут как тут. Лошади их учуяли, сбились в круг: посередине молодняк и старые лошади, а кругом ездовые, рабочие кони. Не подступиться к ним: ударят копытами задних ног. Покрутились волки, покрутились, зубами пощелкали да и, как только стало светать, убежали в лес. Здесь уже и люди проснулись...

— Новая тактика — стоящая тактика, — подытоживает этот боевой вылет командир полка. — Проверили и берем на вооружение.

Боевой порядок «круг» применялся в полку до самого конца войны. Он позволял надежно обороняться от атак вражеских истребителей и сохранил жизнь многим моим товарищам по оружию.

ОБОРОНА ОРДЖОНИКИДЗЕ

Танкам противника не удалось прорваться на Кавказ через Малгобек. Все атаки бронированных полчищ были отбиты частями Красной Армии. Но фашистское командование, сосредоточив большое количество войск и техники, предприняло еще одну попытку проникнуть в Закавказье.

На этот раз главный удар был направлен со стороны Нальчика через Эльхотовские ворота — узкий проход по долине ре-

ки Терек между двух горных хребтов. Врагам удалось вырваться на равнину Северной Осетии. Они решили с ходу захватить город Орджоникидзе и по Военно-Грузинской дороге проникнуть в Закавказье. (Недаром город Орджоникидзе в прежнее время назывался Владикавказом: он прикрывает путь в Закавказье.) Однако планы командования противника провалились. Наши наземные части в тяжелых боях сумели остановить броневую лавину. Серьезную помощь в этом им оказала авиация. Целыми днями соединения штурмовиков и бомбардировщиков Северной группы войск Закавказского фронта «долбили» скопление вражеских танков на подступах к городу Орджоникидзе вблизи населенного пункта Гизель. Совместными усилиями всех родов войск атаки противника были отбиты. Скопление бронетанковых войск под Гизелем окружено и разгромлено.

В эти напряженные дни немецкие истребители появлялись над полем почти при каждом боевом вылете наших групп. И мы настолько уже привыкли к этому, что чувствовали себя спокойно, когда не видели «мессеров», помня, что самое страшное — это внезапный удар противника. Поэтому, обнаружив истребителей, мы чувствовали себя увереннее, зная, как от них защищаться.

В «оборонительный круг» вставали довольно часто, случалось, по несколько раз в одном боевом вылете. Маневр этот был освоен в совершенстве. Но для того, чтобы «круг» был замкнутым, требовалось не менее шести самолетов. Иногда же приходилось летать и небольшими группами — по два-четыре самолета.

...Фашистские танки пытаются форсировать реку Терек в районе Ардона.

На КП полка поступило боевое распоряжение:

— Срочно помочь наземным войскам отбить танковую атаку.

Погода плохая. Низкая облачность. Поэтому решено лететь звеньями на малой высоте и без истребителей прикрытия.

Одну из троек веду я. Мои ведомые — Борис Киселев и Саша Кубай — летчики из молодого пополнения, но машинами владеют отлично.

В районе цели погода оказалась лучше. Облака поднялись метров до 800 и редуют. Просвечивает солнце. А это плохо, могут быть истребители противника...

Едва успеваем сбросить бомбы по танкам, как из-за облака выскочили два Ме-110 — двухкилевые двухмоторные истребители. Про них на фронте ходили легенды. Говорили, что Ме-110 обладает огромной скоростью и высокой маневренностью. Сзади к такому самолету не подойдешь: сидит стрелок с крупнокалиберным пулеметом. С такими самолетами встречаемся впервые.

Они уже атакуют второго ведомого Киселева. Кричу ему по радио:

— Борис, маневрируй! Сзади 110-й!

А сам ввожу самолет в глубокий вираж. Ведомые летят за мной, не отстают. Немцы, надеясь на маневренность своих машин, вслед за нами тоже вошли в вираж и пытаются поймать в прицел самолет Бориса.

Однако «илы» оказываются маневреннее «мессеров». И уже на втором вираже — мы в хвосте у немцев. Да поторопились: открыли огонь с большой дистанции. Сбить фашистов не удалось. Но они все же учуяли, чем, как говорится, пахнут наши пушки, дали полный газ и удрали, пользуясь преимуществом в скорости.

Это был уже выигрыш в бою. Хваленые двухмоторные скоростные истребители Ме-110 спасались бегством от «илов»!

Пришли домой. Доложили обо всем на КП.

— Так, значит, и ушли фрицы, не попрощавшись? — улыбаясь, спрашивает гвардии майор Зуб.

— Удирали без оглядки! — вторим мы в тон командиру полка. — На скорости больше пятисот километров в час. А может, и оглядывались, как бы их не догнали на скорости четыреста километров.

— Радиус виража пропорционален квадрату скорости, —

посерьезнев, продолжает командир полка, — а на глубоком вираже у нас радиус меньше. Значит, мы можем бить Ме-110. Хлопцы, надо обязательно об этом рассказать всем летчикам. Развенчать дутую славу двухкилевых разбойников.

— Может, в стенгазете поместить заметку? — спрашивает у командира полка капитан Лещинер. Он еще по старой памяти отвечает по партийной линии за выход стенгазеты. — Как раз там место осталось.

— Это, пожалуй резон, — соглашается гвардии майор Зуб. — Давайте. Так, пожалуй, дойдет быстрее и лучше.

Стенная газета в полку выпускалась регулярно. Красочно, ярко оформлялась. Содержала довольно острые заметки, не только писала о положительном, но и критиковала недостатки, называла фамилии допустивших ту или иную оплошность, тот или иной промах. Обычно около свежего номера всегда толпились люди. Вывешивалась газета на стенде, рядом со столовой.

Некоторые заметки потом горячо обсуждались ребятами на отдыхе, в общежитии. Написал и я свою первую статью в полковую стенную газету. Долго еще потом надо мной ребята при случае подшучивали:

— Нашел время Сивков заняться теорией...

— В академию его...

— Чего уж там академия... прямо в генштаб...

КОНЕЦ ВТОРОГО ТУРА

Еще несколько дней напряженных боев в районе города Орджоникидзе. Теперь уже ясно, что враг не пройдет. Это, по-видимому, понимает и командование немецко-фашистских войск. Танковые соединения настолько искромсаны совместными усилиями «земли и неба», что врагу не до жиру, быть бы живу.

На смену нам прилетел 214-й штурмовой авиационный полк. Наш полк должен направиться на пополнение и кратковременный отдых.

Капитаны Кондратов и Токарь, старший лейтенант Карabut и я остаемся на несколько дней на старом месте, чтобы передать боевой опыт вновь прибывшим товарищам, как это делали полгода назад гвардейцы 7-го полка, обучая летчиков наших эскадрилий. По всему похоже, что мы завершаем второй тур на Ил-2.

Майор Провоторов заканчивает очередную запись в дневнике боевых действий полка. Смотрю на его твердый почерк. Читаю крупные, аккуратно выведенные строчки.

«10 октября 1942 года. Произведено 24 боевых вылета.

12 октября. 33 боевых вылета. Подбиты четыре самолета. Приземлились дома.

14 октября. 24 боевых вылета. Отбита танковая атака противника...

19 октября. 12 боевых вылетов на станцию Моздок. Сбит Тимофеев, самолет его взорвался в воздухе. Подбит самолет Киселева, он ранен.

25 октября. Воздушный бой над своим аэродромом. Сбит один Ме-110 и один ЛАГГ-3. 5 боевых вылетов. Сбит Земляков зенитной артиллерией. Сивков сел на вынужденную посадку.

26 октября. 12 боевых вылетов по танкам в районе Котляровской.

27 октября. 12 боевых вылетов по танкам. Кочкарев сел на вынужденную посадку.

29 октября. 22 боевых вылета.

31 октября. 12 боевых вылетов. Не вернулись с задания Карташов и Епифанов.

1 ноября. 22 боевых вылета по танкам. Сбит самолет Карабута, он спасся с парашютом. Вернулись Карташов и Епифанов.

2 ноября. 12 боевых вылетов. Прибыл Карabut.

4 ноября. 10 боевых вылетов парами на Гизель.

5 ноября. 27 боевых вылетов на Гизель. Подбит Хлопин. Ранен Ишмухамедов. Сбиты летчики из 7-го гвардейского полка Кузнецов и Жуков.

6 ноября. 16 боевых вылетов на Дзуарикау и Ардон. Жуков и Хлопин вернулись в полк.

7 ноября. 14 боевых вылетов. Бой с истребителями противника. Не вернулись Епифанов, Демидов, Кочкарев, Гладков. Самолет Кубая получил 142 пробоины.

13 ноября. 4 боевых вылета парами на бреющем полете. Самолет Токаря получил 97 пробоин. Не вернулся Кубай».

— Ну, как? — спрашивает начальник штаба, дождавшись, пока я читаю последнюю строку. — Есть чего добавить?

— Нечего. Все правильно, хотя и скупо.

— Эмоции не для военного документа, — замечает как всегда резко и прямолинейно Провоторов.

Да, действительно, эмоций у нас теперь все меньше и меньше. По крайней мере так кажется внешне. Но мы теперь умеем бить врага.

Берегись, заклятый враг — немецкий фашизм. Ты никуда не спрячешься. Тебя будет жечь неистребимый огонь возмездия наших сердец, везде и всюду, пока не испепелит дотла!

ПОДВИГ НИКОЛАЯ КАЛИНИНА

Наши войска гонят фашистов все дальше и дальше на запад, к Керченскому проливу.

Освобождена станция Славянская, родина Николая Есауленко. С разрешения нового командира полка подполковника Галущенко Прохоров и Есауленко на По-2 летали к матери Николая. Пробыли там два дня.

А 17 сентября мы перебазировались ближе к линии фронта, в станицу Славянскую. Не успели еще зарулить на стоянки, как поступило срочное задание: бить по немецким эшелонам на станции Джигинская.

Мне приказано вести четверку. В составе группы — экипажи Александра Маркова, Николая Калинина, Николая Антонова.

Как всегда перед вылетом, майор Провоторов, поставив задачу, предупредил:

— Поосторожней будь, Гриша... Зениток там чертова уйма.

Линия фронта находилась в постоянном движении, и где расположены зенитные точки противника, мы, конечно, в этот раз не знали. Поэтому было решено нанести короткий удар с ходу, с прямой. Затем разворот на 180 градусов, обстрел пушечно-пулеметным огнем и уход от цели со снижением до бреющего полета.

Спокойно миновали линию фронта. Ни истребителей, ни зениток. Подошли к станции. Вижу два эшелона. Небольшой доворот, и мы входим в пикирование. Две-три очереди из пушек, залп ракетных снарядов — и бомбы пошли в цель. Порядок!

Теперь быстрый разворот на 180 градусов для повторной атаки.

И вдруг со всех сторон засверкали красные шарики «эриконов»! «Ах, бандюги, плотный огонь по ведущему! Старый прием!...»

Треск справа спереди! В кабине стало жарко, как возле чугунной печки. «Кажется, все, — мелькнуло в сознании, — горим...»

Но нет, еще не все. Мотор пока работает отлично. Запахло кипящей водой. «Ага, значит, пробита система охлаждения, но сам мотор не пострадал. Долго, однако, не протянет, перегреется и заклинит... До своих далеко, километров сорок... Не дотянуть... надо на север, ближе к реке Кубань. Там камыши и кустарник. Можно спрятаться, пока придут наши...»

Разворот влево. Курс 360 градусов. Оглядываюсь назад. За мной идут только два самолета: Марков и Калинин. «Где же Антонов?» В свистопляске огня и маневров я не заметил, как он куда-то исчез.

Три-четыре минуты полета, и вот она, полноводная красавица Кубань. Идем на восток, вдоль северного берега. Скорость уже заметно падает. Обороты двигателя уменьшаются. Вот-вот мотор остановится. И тогда немедленная посадка

где придется... на более или менее пригодную площадку. Пожалуй, эта... Пора, пока не поздно... «Убрать газ. Выпустить посадочные щитки. Шасси не выпускать. Садимся на фюзеляж. Зачем жалеть машину — ведь это территория противника».

...Самолет уже несется над землей. Вот-вот коснется ее, уже, кажется, чуть-чуть зацепился. Руку вперед, на приборную доску, перед головой, чтобы смягчить удар и не набить шишек...

Р-раз!.. Из глаз — искры. Сухой металлический треск. Облако пыли. И вдруг все стихло...

Поднимаю голову. Ветерком быстро относит пыль. Земля необычно близко. Самолет лежит на фюзеляже.

Медлить нельзя. Фашисты будут охотиться за нами. Надо во что бы то ни стало вовремя уйти, спрятаться получше.

Фонарь открыт. Шлемофон с головы долой. Вместо него — пилотка из кармана. Лихорадочные, машинальные действия. И вполне осознанное: подготовить пистолет к бою.

Спрыгиваю с крыла на землю. Воздушный стрелок Степан Пластунов уже выскочил из кабины, с пистолетом наготове.

Над нами проносятся самолеты Маркова и Калинина. Накренив машины, они смотрят, что с нами.

Оглядываюсь вокруг. Площадка приличная. Сесть можно. И неожиданно для себя делаю широкий взмах руками — сверху вниз к земле: «Садись! Выручай! Сесть можно!»

Саша Марков понял: покачивает самолет с крыла на крыло. И заходит на посадку, но... садиться нельзя. Шасси повреждено зенитным огнем. Перебит подкос левой стойки шасси. Саша снова проходит над головой и покачивает крыльями. Расшифровываю этот ответ: «Смотри, рад бы выручить из беды, да не могу!..»

Медлить нельзя.

— Степан Иванович! — кричу Пластунову. — Бежим в камыши, пока не спохватились фрицы!

— Смотрите, смотрите! — кричит Пластунов. — Калинин заходит на посадку.

Коля Калинин хороший летчик, умный, спокойный парень. Но сесть на маленькую площадку, да еще на территории противника, — совсем не так просто. Тут надо обладать железной выдержкой и сознательно принять решение добровольно полезть дьяволу в пасть, которая в любой момент может захлопнуться: достаточно одной пули из автомата в баллон колеса — и уже не взлетишь!..

Риск огромный. Но решение ребята принимают мгновенно. Летчик Николай Калинин и воздушный стрелок Леонид Татаренко, рискуя собственной жизнью, садятся на вражескую территорию ради спасения товарищей.

Калинин планирует. Шасси выпустил, выравнивает, вот-вот коснется колесами земли, но... дает газ и уходит на второй круг. Не рассчитал. Площадка все же маловата...

До камышей метров пятьсот. Мы бежим туда. Не успели пробежать и полпути, видим, как Калинин, сделав небольшой круг, снова пытается сесть. Теперь уже нам не до камышей. Надо бежать туда, где его самолет остановится после пробега. И мы поворачиваемся в сторону садящегося самолета.

Калинину опять не удастся сесть. Мы снова бежим к камышам. Раз пять заходил Николай на посадку. И мы метались туда и обратно. Степан Иваныч — спортсмен. Он — впереди, я — позади. Ему ничего. А из меня уже и дух вон.

— Хватит бегать туда-сюда, — говорю Степану Иванычу, — прячемся в камышах. Слышишь, стреляют? Наверно, фрицы очухались...

Высоченный — метра четыре — густой камыш. Задыхаясь, как загнанные лошади, бежим в глубь зеленой чащи. Пытаемся «замести» свой след в камыше. Руками выравниваем за собой высокие упругие стебли.

Остановились. Прислушиваемся. Что же дальше? Над головой по-прежнему рокот моторов и почему-то короткие очереди из пушек, сухой треск крупнокалиберного пулемета. Что они кружат? Почему не идут домой? Почему стреляют?

Снова подбираемся к краю зарослей. Осторожно выглядываем. Но что это?! Самолет Калинина уже катится по земле!

Бежим!!!

Калинин ждет, винт вращается на малых оборотах.

Бежать осталось метров четыреста. И вдруг справа от самолета взрыв. Значит, нас уже заметили фашисты!

По самолету Калинина бьет тяжелый миномет врага. Разрывы все ближе и ближе. Вот-вот накроет, тогда амба... Бегу, а сам машу рукой к себе, — мол, Коля, отрули от разрывов, к нам поближе. А он почему-то медлит и продолжает стоять на месте. По-видимому, понял меня по-своему: дал команду воздушному стрелку Леониду Татаренко поджечь наш самолет. Леонид мчится к самолету, лежащему на фюзеляже, прострелил бензопровод, поджег бензин и — обратно.

Калинин увидел разрывы мин и стал подруливать к нам поближе. Запыхавшись, вскакиваем с Пластуновым на крыло. Николай освободил уже место в кабине летчика, спрашивает меня:

— Сами будете взлетать?

— Сам.

Калинин, Пластунов и подоспевший Татаренко быстро втискиваются в кабину стрелка. Я сажусь за управление.

Спешно выруливаю на взлет. С одной стороны — стена камня, с другой — воронки от разрывов мин.

Начинаю взлет. Самолет что-то тяжело разбегаются. Того и гляди, врежемся в кустарник.. Включаю форсаж. Едва-едва оторвался от земли.

Смотрю на счетчик оборотов: он показывает 1800 вместо 2300 взлетных оборотов. Оказывается, второпях я не перевел регулятор оборотов винта во взлетное положение. И из-за моей оплошности все мы могли погибнуть. «Пускай уже взлетал бы Коля Калинин, — поймал я себя на мысли, — он это сделал бы лучше...»

Все, к счастью, обошлось благополучно. Мы прилетели на свой аэродром в станицу Славянскую.

...Экипаж Коли Антонова не вернулся с боевого задания. А Саша Марков удачно приземлился на одно колесо. Только в конце пробега его самолет, как подстреленная птица, опу-

стился на подбитую «ногу», чиркнул концом крыла по земле и, описав небольшую дугу, замер.

— Кто же стрелял из пушек? — спросил Пластунов Сашу, когда тот, не спеша, подошел к землянке КП.

— Я... увидел, как на дороге остановилась машина с немецкими автоматчиками. Они пытались окружить вас. Я и решил придержать их немного...

4 февраля 1944 года за этот подвиг и за отличное выполнение боевых заданий Николаю Калинину было присвоено звание Героя Советского Союза. Но Коли тогда уже не было с нами...

«СЕРДЦУ НЕ ПРИКАЖЕШЬ...»

Войска Советской Армии на всех фронтах осуществляли зимнее наступление. Фашисты с боями отходили на запад, туда, откуда они пришли.

...Вспоминается праздничный вечер 6 ноября 1943 года. Накануне полк провел массовые боевые вылеты. Помогали морским десантникам боеприпасами, продовольствием, медикаментами, поливали свинцом с воздуха немецкие окопы. А в этот праздничный день не было боевых вылетов.

Сидим с Женей Прохоровым в президиуме торжественного собрания личного состава полка. Майор Провоторов зачитывает праздничный приказ.

Коля Есауленко в зале важно восседает между двумя девушками.

— Смотри-ка, он уже проник в этот монастырь, — толкает меня Женя и показывает на Колю глазами.

— Откуда девчата? — шепотом спрашиваю у него.

— Откуда ж им быть, как не из полка майора Бершанской.

Неподалеку размещался женский авиационный полк ночных бомбардировщиков.

— Жень, где-то эту чернявую, круглолицую, слева от Коли сидит, я мог видеть?

— Поди у нее спроси, — смеется Женя.

Девушки, очевидно, заметили наше перешептывание и чересчур пристальное внимание. Порозовели от смущения.

Потом мы узнали, что это были Ава Артемова и Катя Рябова. Ава до войны окончила Херсонскую авиашколу и работала летчиком-инструктором в Краснодаре. Опытный летчик, она успешно выполняла боевые задания в 4-й эскадрилье женского авиаполка. Катя была штурманом 4-й эскадрильи.

...После торжественной части мы с Женей пригласили девушек танцевать. А Николай уже успел предупредить нас:

— Между прочим, симпатичная блондинка — это Ава. Она уже занята...

Чернявая, круглолицая оказалась Катей Рябовой. Танцевала она со мной. А месяц спустя мы с ней случайно повстречались в Кисловодске, куда меня командование направило на отдых.

...Так вот нежданно-нежданно свела меня судьба с Екатериной Рябовой.

...Вскоре мы вместе уезжали из Кисловодска, каждый в свой полк.

Шла война. Как и прежде, вылетали мы на боевые задания. И продолжали дружить. Таков уж закон жизни: сердцу не прикажешь...

ЗАМПОЛИТ ПРОВОДИТ ЗАНЯТИЕ

Душой и костяком полка, как и в других полках дивизии, были коммунисты. Они работали на всех ответственных участках в эскадрильях большого полкового хозяйства. Участвовали в самых сложных и ответственных боевых операциях. Обычно они были там, где наиболее трудно и опасно. Первыми осваивали новые самолеты, первыми летали на них по новым трассам воздушных дорог войны, первыми принимали на себя атаки вражеских истребителей и огонь зенитной артиллерии. Своим личным примером, отвагой и мужеством, лютой ненавистью к фашизму, беззаветной преданностью Ро-

дине, своей партийной принципиальностью они вели за собой личный состав полка в жестоких схватках с немецко-фашистскими оккупантами. Вместе с ними бок о бок шли их верные и надежные помощники — комсомольцы полка.

Для всех нас навсегда останутся примером партийного, самозабвенного и честного отношения к общему делу, к своему воинскому долгу командиры-коммунисты. Лично я с большой любовью и глубоким уважением храню память о своих командирах, боевых товарищах коммунистах подполковнике Николае Антоновиче Зубе, майоре Артемии Леонтьевиче Кондраткове, майоре Иване Ивановиче Панине, старшем лейтенанте Иване Раубе и многих, многих других.

...Партийная организация полка систематически пополняла свои ряды за счет лучшей части комсомольцев и беспартийных личного состава полка.

...После гибели воздушного стрелка Леонида Татаренко в его вещах была найдена записка: «Если я погибну, прошу считать меня коммунистом. Товарищи, громите врага, гоните немцев с нашей земли. Дадим нашему народу такую счастливую жизнь, какой она была до войны. Вперед, на запад!»

Партийной работой в полку руководили заместитель командира полка по политической части майор Афанасий Григорьевич Куш и парторг полка капитан Ясырев.

Помню, как в одну из передышек между боями майор Куш мне сказал:

— В двадцать один ноль-ноль будет инструктивное политзанятие.

Поужинали на скорую руку. Вышли из столовой, стоим разговариваем, курим. Женя Прохоров рассказывает очередную байку. Вокруг него стайка молодых летчиков.

— Все в сборе? — спрашивает подошедший майор Куш.

— Все, — отвечает парторг полка Ясырев.

— Тогда пойдете в аудиторию.

Пропускаем вперед майора и следуем за ним в столовую...

— На сегодняшнем занятии мы начнем изучение доклада Председателя Государственного Комитета Обороны на торже-

ственном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1943 года о 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Майор отрывается от тетради, окидывает взглядом аудиторию. Слушают его с вниманием. Он отходит от трибуны, держа в руке, словно указку, карандаш...

— Первый раздел доклада называется: «Год коренного перелома в ходе войны». Что это означает? — Майор сделал паузу. — Это означает, товарищи, что надежды немецко-фашистского командования на «молниеносную войну» провалились и враг терпит поражение на всем советско-германском фронте.

Майор опять приблизился к трибуне, окинул взглядом сидевших, очевидно, проверяя, как доходят его слова. Все по-прежнему были во внимании.

— Почему именно истекший год — от 25-й до 26-й годовщины Октября — является переломным? Давайте рассмотрим в деталях. Во-первых, прежде всего потому, что именно в этом году Красная Армия осуществила впервые за время войны большое летнее наступление. Фашисты вынуждены были поспешно оставлять временно захваченную ими территорию, бросив большое количество техники, вооружения, раненых солдат и офицеров. Успехи летнего наступления явились продолжением и завершением успехов нашего зимнего наступления этого года.

...Майор сделал паузу.

— Истекший год является переломным и потому, во-вторых, что Советская Армия нанесла поражение врагу под Сталинградом, а затем закрепила успех в битве под Курском; в короткий срок перебила опытные старые кадры немецко-фашистской армии. Только за этот год немцы потеряли более 4 миллионов солдат и офицеров, 14 тысяч самолетов, более 25 тысяч танков и не менее 40 тысяч орудий. Кадры Советской Армии за истекший год выросли, окрепли и закалились в огне успешных наступательных боев. Мы это, товарищи,

чувствуем по себе в своем полку. Сколько у нас выросло способных и опытных командиров эскадрилий и их заместителей.

Майор указал на Михаила Ткаченко, Женю Прохорова и Николая Есауленко.

— В-третьих, этот год является переломным еще и потому, что успешное наступление Советской Армии коренным образом ухудшило хозяйственное и военно-политическое положение фашистской Германии, которая переживает глубокий кризис и стоит перед своей катастрофой.

Майор закрыл тетрадь, в которую он так и не заглянул ни разу, а вел беседу по памяти, без конспекта.

...Расходились мы под впечатлением беседы майора Куша. Нам предстояло провести такие же политбеседы среди коммунистов и комсомольцев своих эскадрилий.

Подобные беседы закаляли нас идейно, повышали наше политическое, классовое чутье, помогали осмысливать события на фронтах войны, давали новый заряд нашей обыденной жизни, вселяли еще большую уверенность в нашей окончательной победе над врагом, звали к новым боевым сражениям с немецким фашизмом.

НА СЕВАСТОПОЛЬ!

В апреле началось изгнание немецко-фашистских захватчиков из Крыма.

Керчь была разрушена почти до основания. Линия фронта делила город пополам. Город постоянно подвергался бомбежкам, обстреливался из орудий и минометов. На улицах шли танковые бои. С самолета город казался грудой развалин. Коробки домов, заваленные обломками, стояли без окон и крыш.

Обескровленный город фашисты долго не оставляли, упорно и озверело оборонялись. Они стали отходить лишь тогда, когда через Перекоп в Крым вошли войска 4-го Украинского фронта.

Противник отступал в панике. Полк удачно использовал создавшуюся обстановку. Весь день, с рассвета до темноты, продолжались полеты. Здесь у противника не было ни истребителей, ни зенитных орудий. Штурмовики, конечно, за все отыгрались. Бомбили отступавшие колонны автомашин, уничтожали живую силу врага. Преследовали фашистов вплоть до Феодосии.

11 апреля полк совершил 60 боевых вылетов в район станции Семь Колодезей. Там было много автомашин, повозок артиллерии и пехоты противника. Все это двигалось в беспорядке на запад...

После гибели майора Панина меня назначают штурманом полка. Свою первую эскадрилью я передал Михаилу Ткаченко, опытному и отважному летчику.

Вскоре в полк пришла и радостная весть: Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 20 апреля 1944 года Николаю Антоновичу Зубу (посмертно), Михаилу Ткаченко, Анатолию Синькову присвоено звание Героя Советского Союза.

1 мая 1944 года наша 230-я штурмовая авиационная дивизия награждена орденом Красного Знамени.

Полк перебазировался под Симферополь. Начались боевые полеты в район Севастополя.

Немецко-фашистское командование стремилось удержать как можно дольше оборонительный рубеж в районе Севастополя, чтобы эвакуировать морем свои войска в Румынию. Подступы к городу были сильно укреплены инженерными сооружениями из металла, земли и бетона, что сильно затрудняло действия наступающих.

Полк получил задание оказать поддержку с воздуха наземным частям Советской Армии, которые вели напряженные бои.

Сначала летали мы на северную сторону города. По дороге к цели и по высоткам у самой бухты было много вражеских зенитных батарей. Нередко здесь появлялись истребители противника.

В боях под Севастополем отлично показал себя лейтенант Измаил Алеев. А воздушный стрелок Сергей Тимошенко один со своим пулеметом УБТ отбил атаки шести «фокке-вульфов», имевших по четыре пушки каждый. И особенно, помню, отличился Михаил Ткаченко. Был он хорошим летчиком, водил группы. Перед штурмом Севастополя к нему попала газета, в которой он случайно обнаружил фотографию своего брата — узника фашистского концлагеря в полосатой тюремной одежде и под номером. Это был младший брат Михаила, которого он очень любил.

И после этого случая Михаил Ткаченко летал каждый день по несколько раз на задания, пренебрегая всякой осторожностью, лез в любой огонь, ни с чем не считаясь. Михаил и так был прямой противоположностью Ивану Карабуту, который привык делать все по расчету, точно, без потерь и излишнего шума. А тут Михаил словно осатанел, норовил в самую гущу огня, бил из пушек, поливал позиции противника из пулеметов, косил, точно косой, зазевавшихся вражеских солдат.

Полк под Севастополем нес большие потери в летном составе и материальной части.

7 мая совершено 33 боевых вылета. В этот день не вернулись на свой аэродром 6 экипажей, в том числе не прилетел Михаил. Он на следующий день пришел пешком в полк. Самолет его подожгли вражеские зенитчики, а он выпрыгнул с парашютом и спасся.

8 мая в бою мы потеряли еще два экипажа.

После нескольких боевых вылетов на Мекензиевы горы начался штурм Сапун-горы нашими наземными войсками. Здесь слились в мощный кулак отдельная Приморская армия, гнавшая немцев с востока, и 4-й Украинский фронт, преследовавший противника с севера. Сюда была стянута авиация двух фронтов. Воздушные армии были объединены.

— Все расписано как по нотам! — восхищался майор Кондратов. — Кому, когда, сколько быть над целью.

Действительно, все было рассчитано по минутам. Интервалы между группами сохранялись незначительные. Мы от-

штурмовались, уходим и видим, как нам на смену идут новые группы «илов» на штурм Сапун-горы.

Штурмовиков постоянно и неотступно прикрывали группы истребителей. Нас часто прикрывал со своими ребятами наш бывший однополчанин и друг, большой души человек, замечательный летчик-истребитель Паша Хлопин. Как сейчас помню, летим мы, он подойдет близко, пристроится к группе, сделает бочку, покрутится немного возле нас и стремительно уходит к своим, где ему положено быть в боевом порядке.

Управление нашими войсками под Севастополем, насколько я могу судить с учетом мнения и своих однополчан, было чрезвычайно четким и эффективным.

9 мая сводил я свою восьмерку в последний раз на Севастополь. Нам был приказ подавлять огневые точки противника в районе Шестая верста — высота 179,0 и на окраине города.

В этот же день наземные войска двух фронтов взяли Севастополь.

Последние остатки фашистов еще сопротивлялись на мысе Херсонес, но они вскоре были сброшены в море. Полк бил по отходящим кораблям противника.

За ратный подвиг, проявленный при взятии города Севастополь, 210-му штурмовому авиационному полку было присвоено наименование Севастопольский.

В это время командир дивизии полковник Гетьман вызывает начальника парашютно-десантной службы капитана Гуржия и меня. Предлагает пойти на учебу в академию.

Тима просит:

— Не посылайте меня. Откомандируйте лучше в разведывательный полк. В этом деле у меня есть некоторый опыт.

— Да, молодым нужен ваш опыт, — говорит командир дивизии. — Опытные летчики нам нужны, чтобы обучать боевому летному искусству молодых. Это верно... А что скажете вы? — обращается он ко мне.

— В академию буду проситься после войны. А пока прошу оставить в полку.

Командир дивизии дружелюбно улыбнулся и сказал:

— Кадры всегда нужно готовить. Хотя и война подходит к концу. А поступаете вы, хлопцы мои, правильно. Другого ответа, по совести говоря, я и не ожидал от вас... Летайте!..

ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОДИНЫ

...После упорных жестоких боев под Будапештом войска 3-го Украинского фронта опять пошли в наступление.

Полк перебазировался на аэродром близ населенного пункта Кишкунлацхаза. Здесь у меня был, пожалуй, самый неудачный боевой вылет за все годы войны.

Наземные части по-прежнему стремительно наступали. Мне было поручено вести группу в 18 самолетов в район западнее Будапешта и приказано:

— Бить по танкам противника!

Прилетели в заданный район. Вижу танки. Один от другого метрах в 50—100. Неожиданно вспомнилось, под Гизелем танки стояли впритык, а здесь рассредоточены, замаскированы. И еще мешает густая дымка. Цель обнаружил с опозданием. С ходу поразить было уже нельзя. Надо делать новый заход.

Вокруг тишина.

«Не торопись сбрасывать бомбы, — говорю сам себе. — Зениток не видно, истребителей тоже...»

Завожу четверки на второй заход. Не успел развернуться на 180 градусов, как воздушный стрелок докладывает:

— Справа большая группа самолетов!

Вижу, ходят кругом, стреляют из пушек по земле.

Пока их рассматриваю, воздушный стрелок кричит:

— Чужие истребители, штук пятьдесят!

Отчетливо вижу самолеты противника. Штук тридцать «фокке-вульфов» и штук двадцать Me-109.

Покачиваю крыльями и сбрасываю бомбы по немецким танкам. За мной повторяют маневр ведомые.

Фашисты нас обнаружили. Их пятьдесят, а нас восемна-

дцать штурмовиков и шесть истребителей прикрытия. Деваться некуда. Нас атакуют. Истребители отвлекли на себя половину самолетов противника. Остальные самолеты врага пошли на нас.

Густая дымка не позволила замкнуть оборонительный «круг». Идем колонной пятерок и четверок. Ведем оборонительный бой. Последующая группа прикрывает предыдущую. Однако последнюю четверку обороняют только стрелки.

Сбиваем четыре «мессера». Но и наших восемь штурмовиков не возвращаются с задания.

Через два дня пять из восьми экипажей пришли благополучно в полк. Два экипажа—Балакина и Колобкова — погибли. Летчик третьего экипажа Филиппович вернулся один без воздушного стрелка Грехнева, погиб он.

Плохо, очень плохо, когда ведущий группы приходит на свой аэродром, понеся такие большие потери.

Тяжело переживаю гибель своих товарищей и общую неудачу полета. По деталям разбираю вылет. Если бы увидел раньше цель, то сбросил бы бомбы с первого захода. Потери могли бы быть, но не такие большие. Если бы сразу освободиться от груза, как только увидел самолеты противника, и уходить побыстрее, потери были бы меньшими, но тогда оставалось бы невыполненным боевое задание. А приказы нас научили выполнять неукоснительно. Война есть война. Приказ есть приказ...

Вместе с майором Кондратовым анализируем этот чрезвычайно тяжелый случай.

— Ты, наверно, опять полез на рожон?

Майор недовольно буравит меня глазами.

— На рожон не лез, но так получилось...

— Говори все по порядку, как было!

Докладываю командиру полка в мельчайших подробностях. Он нетерпеливо выслушал, а потом сказал:

— Как увидел немцев, сбросил бы бомбы и уходил бы домой! Урон тогда был бы меньший. Потерять два экипажа и восемь машин...

Майор Кондратков нервно ходит по комнате. А я виновато молчу. Он раздраженно говорит:

— Еще не хватало, чтобы и сам погиб. Что бы мне сказал тогда командир дивизии?

Я по-прежнему виновато молчу. Он, раскаляясь, продолжает:

— Молчишь?! А он сказал бы, что, мол, второго Героя в полку потерял... Наказать бы вас всех, к чертовой бабушке!

«Тяжелее наказания, чем гибель товарищей, не придумаешь».

...Войска 3-го Украинского фронта продолжают продвигаться вперед. Фашисты с боями отступают. По дорогам растянулись колонны автомашин с пехотой противника. Такого огромного скопления людей и машин мне еще не приходилось видеть ни разу за всю войну.

Западнее города Веспрем небольшая речушка. У узкого места, на переправе, образовалась пробка.

Разведка доносит:

— В районе Веспрем около тысячи машин противника и много пехоты.

Получаем приказ:

— Бить по скоплению войск и техники противника!

На задание вылетело около двадцати самолетов, нагруженных противотанковыми бомбочками. На одном штурмовике их почти двести пятьдесят штук, каждая по полтора килограмма весом. Одной такой бомбочки направленного взрыва было вполне достаточно, чтобы прожечь верхнюю броню среднего танка.

Населенный пункт, как муравейник, кишит фашистскими автомашинами. Встаем в «круг», высыаем, словно горох, бомбочки на автомашины и пехоту врага.

Зениток нет. Появились два «фокке-вульфа», но подойти ближе не рискнули. Обрабатываем противника с толком, с расстановкой. Улетаем после того, как из-за дыма уже ничего нельзя больше разобрать.

Крепко побии фашистов.

Сохранился снимок о результатах удара первых двух экипажей. При дешифровке пленки было отчетливо видно пятьдесят уничтоженных и горевших машин. А всего в том боевом вылете было уничтожено не менее двухсот автомашин противника.

...Поздно вечером, читая газету, узнаю с радостью: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 февраля 1945 года Кате присвоено звание Героя Советского Союза. Пишу ей тотчас свои поздравления. А на другой день Боря Корецкий вручает мне сразу две корреспонденции: от Кати и ее фронтовых подруг.

«Здравствуйте, «наш» Гриша! Сегодня у нас в части большая радость и большой праздник. В семью наших славных героев влились шесть замечательных девушек нашей страны.

В число этих шести входит и Катюша. Мы думаем, что Вы сейчас вместе с нами радуетесь за Катюшу...

От всей души желаем Вам стать дважды Героем, а Кате матерью-героиней, тогда ни одна чаша весов не перетянет...

Крепко жмем Вам руку.

Коллектив 1-й авиаэскадрильи.

26. 2. 45 года».

...Наземные войска по-прежнему вели напряженные бои. Линия фронта рядом. Каждый раз кто-нибудь из командования полка выезжал на передовую, чтобы вместе с представителем пехотного командования корректировать и направлять удары штурмовиков. Подошел и мой черед.

...А поздним вечером сижу вместе с группой пехотинцев в лесу у костра. После печеной картошки и кружки чая перечитываю Катины письма, они со мной в планшете.

«Гришенька, здравствуй! Давно я тебе, кажется, уже не писала. Соскучилась очень. Вот напишу тебе, поговорю чуть-чуть, и как-то легче становится. Изменений у меня почти никаких нет, перебазируемся очень часто, и не потому, что быстро продвигаются наши части, а все хорошей площадки никак не найдем, да и фронт наш очень растянулся, то летим на

север, работаем по северному флангу, то на юго-запад и бьем по южному флангу. Вот с этими перелетами я никак не могла написать тебе письмо. Надеюсь, простишь мне это, да? Рокоссовский снова решил организовать котел очень мощный. Снова наша «женская» работа у котла...

Стоим мы сейчас в немецком городе Мариненвердере, но завтра же утром улетаем на другой фланг. Жителей здесь никого. Совершенно пустой город...

Пока. Пойду в столовую. Целую тебя, мой родной, много, много раз. Твоя Катя. 2.3.45 г.»

Поговорил с Катей, стало легче на душе. Потом немного подремал у притухшего костра. А на рассвете опять идем искать новый наблюдательный пункт. Через час-полтора уже корректируем и направляем удары штурмовиков. Занимаемся этим несколько дней, пока наступает наша пехота.

Вернувшись в полк, неожиданно узнаю, что не пришел с боевого задания командир полка. Вел он группу самолетов. Было тихо. Вражеские зенитки себя не обнаруживали. Видимо, подпускали поближе. Зенитный снаряд попал в самолет майора Кондраткова. Не стало еще одного моего наставника, боевого товарища, друга.

...Командиром полка назначили подполковника Заблудовского, опытного, заслуженного летчика и довольно приятного человека.

Война подходила к своему концу. Но враг еще не сдавался, как загнанный, смертельно раненный зверь, обессиленно злобствовал и, гонимый Советской Армией, откатывался назад.

...Вена взята сравнительно меньшей, чем Будапешт, кровью.

По всему чувствуется, скоро конец войне. И тем не менее, когда в ночь с 8 на 9 мая стало известно, что война кончилась, это было для всех большой неожиданностью.

Вечером после очередного боевого задания поужинали и пошли на отдых в деревню Гетцендорф, вблизи которой был наш аэродром. Вдруг среди ночи слышим стрельбу. По тревоге оделись, выскочили на улицу.

- Кто стреляет?
- Почему стрельба?
- Наконец разобрались.
- Победа!!!
- Враг капитулировал!

Выхватываем пистолеты, палим в воздух. Деревушку оглашают залпы импровизированного салюта.

Немного вздремнули и рано утром пошли на аэродром.

— Что делать дальше?

Никто в полку не знает.

...Так трудно и долго шли мы к этому заветному дню. И вот он наконец наступил. На душе хорошо от буйной радости победы, и как-то непривычно тихо вокруг. Не надо никуда лететь, не надо никого поливать свинцом и сбрасывать смертоносные грузы. Словно ты остался без дела, к которому уже привык, выполняя свой священный гражданский долг.

Наступил исторический день окончательного разгрома фашистской Германии, день великой Победы.

Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой!

Смотрю на ребят и никого не узнаю. Добродушные, улыбающиеся лица. Ни ненависти в душе, ни злобы во взгляде. До чего же покладист и незлопамятен характер у русского, советского солдата, самого мирного и самого сильного на матушке-Земле!

9 мая 1945 года, как уславливались с Николаем Семериковым и Катей, подал рапорт командованию с просьбой при ближайшей возможности послать меня на учебу в академию имени Н. Е. Жуковского.

С разрешения командира полка поехали с Женей Прохоровым в соседний полк к своему бывшему комиссару Лещинеру в гости. Он уже майор и начальник штаба полка. Там помянули боевых товарищей, павших в войне, и последний раз сфотографировались на память.

Здесь, под красавицей Веней, завершился славный боевой путь 210-го штурмового авиационного Севастопольского

Краснознаменного ордена Кутузова полка. Путь, начавшийся три с лишним года назад на Украине.

А несколько дней спустя командир полка подполковник Заблудовский приказал:

— Поедете в Москву для участия в Параде Победы.

В ШЕСТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА ПОСЛЕ ВОЙНЫ...

Отгремели победные залпы орудий.

Однополчане мои разъехались, кто куда, в разные города и села страны, возвратились к родным очагам. Вместе со всем народом принялись залечивать раны, нанесенные войной, восстанавливать разрушенные фабрики, заводы и города, воскрешать плодородные земли. Многие ребята и девчата стали устраивать свои судьбы.

В июне поженились и мы с Катей. Она к тому времени уже демобилизовалась и готовилась продолжать учебу в МГУ. Свадьбы у нас как таковой не было. После загса устроили небольшой ужин. Гостей собралось немного: Катины родственники, пришел кое-кто из друзей. И наши пути опять разошлись, но не надолго. Катя уехала с женской делегацией во Францию. А я улетел в Австрию, в свой полк.

Так состоялось наше «свадебное путешествие».

Когда находился в Москве, то ходил, конечно, в академию имени Н. Е. Жуковского. Там мне сказали, что в полк давно уже послана разнарядка. Но мне о ней ничего не было известно. Поскольку академия считалась инженерной, очевидно, о разнарядке сообщили только инженерно-техническому составу.

— Как же быть? — удрученно и озабоченно говорю полковнику из приемной комиссии. — Не хотелось бы мне год терять.

— Если в полку отпустят, приедете на подготовительные курсы вне разнарядки. Дадим вам такое письмо. Уж так и быть...

Письмо у меня в кармане. Теперь осталось «самое малое»: чтобы отпустили из части на учебу.

Прилетев в полк, обращаюсь по инстанции к командиру корпуса генералу Толстикову. Он наложил резолюцию на рапорте: «Откомандировать после того, как полк перебазируется».

Понимаю командира корпуса. Я штурман полка и должен обеспечить этот перелет по своей штурманской линии. Получил в штабе карты, разработал маршрут, проверил штурманскую подготовку летного состава. Жду приказа. Готовлюсь к экзаменам. Привез из Москвы учебники за среднюю школу. После работы сижу, штудирую. Многого вспоминать надо: выветрилось за долгие годы войны. Но это не беда, лишь бы поехать на учебу.

Середина июля. Полк готов к перелету. Приказа нет. Поехал в корпус, опять, но уже устно, обращаюсь к генералу.

— Сказал, что отпущу, значит, отпущу.

— Время уходит! Год может пропасть, товарищ генерал!

— Наберись терпения. Поедешь в академию.

Прошло еще три недели. А приказа все нет и нет. Снова обращаюсь к генералу Толстикову.

— Напористый вы народ — штурмовики! — улыбаясь, встретил он меня в своем кабинете. — Ладно, езжай, учись. Желаю успеха.

— Спасибо, товарищ генерал!

С третьего захода наконец отпустил меня генерал Толстиков на учебу в академию имени Жуковского.

В Москве поселились у Катиных родителей. В небольшой комнатухе жило нас шесть человек. Но, как говорится, в тесноте, да не в обиде.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1945 года меня наградили второй медалью «Золотая Звезда».

Первый раз я в Кремле. Необычайное волнение охватило нас, когда мы вошли в здание Большого Кремлевского дворца. Московский Кремль — сердце нашей Родины! Отсюда осу-

ществляется руководство страной, здесь объединялись и направлялись усилия народа на сокрушительный удар по ненавистному врагу — немецкому фашизму, отсюда творческие дерзания миллионов сливаются в гигантский мощный поток, идут в стремительный бросок вперед, к счастью всего человечества!

Награды группе фронтовиков и тружеников тыла вручил заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. Я. Наталевич.

После вручения наград мы посетили Мавзолей Владимира Ильича Ленина. С глубоким волнением смотрели на знакомые, родные черты всем нам бесконечно близкого, дорогого человека, великого вождя народов. Каждый из нас мысленно произносил клятву: отдать все свои силы Коммунистической партии, ее неустанной борьбе за осуществление бессмертных ленинских идей.

С сентября начались напряженные занятия на подготовительном курсе.

Экзамены сдал я успешно и был зачислен на первый курс Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского. Наконец-то осуществилась мечта моей юности! Был я на седьмом небе от счастья.

А мечта эта возникла у меня под влиянием моего друга Николая Семерикова. Его девизом было: «Жить и творить на счастье человека». Об этом поведал он мне в одном из своих фронтовых писем. И чтобы оправдать, закрепить этот девиз, Николай очень хотел попасть в такое первоклассное военное учебное заведение, как академия имени Н. Е. Жуковского. Ведь из этого храма авиационной науки вышла целая когорта авиационных конструкторов мировой известности. Академия — поистине кузница инженерных кадров ВВС, достойных великой Страны Советов. Академия — мечта Николая Семерикова, которому не довелось дожить до Победы... Но что не осуществили ведущие, должны довести до конца их ведомые.

**ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВ-
НА МАКАРОВА.** В го-
ды Великой Отечествен-
ной войны закончила
Центральную женскую
снайперскую школу. Про-
шла боевой путь от Ве-
ликих Лук до Берлина,
лично уничтожив более
80 фашистов. Кавалер
двух орденов Славы. По-
сле войны трудилась на
производстве, была на
профсоюзной и спортив-
ной работе. В настоящее
время на заслуженном
отдыхе. Живет в Перми.

Дата	Номмер на карте	Номмер на местности	
16.XI	mpu	1.c.d. 59 Kd d	10946 c. 59
17.XI	gber	1.c.d. 59 Kd d	10944 m. 10
19.XI	ogum	1.c.d. 59 Kd d	
21.XI	gfa	1.c.d. 59 Kd d	
23.XI	gfa	1.c.d. 59 Kd d	
25.XI	mpu	1.c.d. 59 Kd d	
26.XI	ogum	1.c.d. 59 Kd d	
29.XI	mpu	1.c.d. 59 Kd d	
30.XI	mpu	1.c.d. 784 c.m	
13.III	nomo	1.c.d. 784 c.m	

Секрет
Камер
Директор
Секретарь

СВЯТАЯ СЛАВА
1941

ПОДСНЕЖНИК
НА БРУСТВЕРЕ *

НЕОБЫЧНЫЕ СОЛДАТЫ

Позади остались развалины Великих Лук, шоссе бежит в сторону Невеля. За дальней грядой холмов на горизонте погромыхивает, усиливаясь по мере нашего приближения к фронту, артиллерийская канонада. Два грузовика с запыленными гвардейскими значками на радиаторах мчат к передовой роте не совсем обычных солдат.

Посмотреть со стороны — воины как воины: пилотки со звездочкой, пятнистые маскхалаты, винтовки крепко зажаты меж колен. Но порывы встречного ветра вырывают из-под пилоток то светлую, то темную прядь мягких девичьих волос. Нет-нет да и затянет высокий голос песню, и дружно подхватывают ее другие. И винтовки необычные — с оптическим прицелом, укрытым кожаным чехольчиком, и обращение с ними особенно бережное.

Необычные солдаты — это мы, пятьдесят воспитанниц Центральной женской снайперской школы под Москвой. Первый выпуск школы! Каждая из нас горда, что попала во фронтową роту. Мы только что пристреляли свои винтовки

* Отрывок из книги В. К. Лапина «Подснежник на бруствере. Записки снайпера Любы Макаровой» (Москва, Молодая гвардия, 1966). Повествование ведется от лица главного героя Л. М. Макаровой.

в запасном армейском полку, а некоторые успели и отличиться во время инспекторских стрельб, оставив позади прославленных снайперов армии. Теперь мы направляемся в свою часть — в 21-ю гвардейскую стрелковую дивизию 3-й ударной армии.

...На развилке головная пятитонка, замедлив ход, сворачивает на проселок. Притормаживает и наш водитель: те, кто в первой машине, едут в 69-й стрелковый полк, а мы — в соседний, 59-й. Это наше первое расставание после снайперской школы, впереди неизвестность. Подруги машут нам, кто-то встает в кузове во весь рост:

— До скорой встречи, девочки! Желаем удачи!

...Из кабины выбирается молоденький лейтенант, он должен сопровождать нас до места.

— Шабаш! Приехали, девушки! Отсюда до передка рукой подать...

Водитель открывает задний борт грузовика. Осторожно передав пристрелянные винтовки тем, кто сошел раньше, прыгаем наземь. Затекие ноги не слушаются. Моя напарница Зоя Бычкова не то для разминки, не то просто так, чтобы посмешить, идет по кругу, переваливаясь, как утка, с ноги на ногу. Раздается смех. Хмурится старшая снайперской группы Саша Шляхова.

— Девочки, что за веселье? Мы не в школе.

26 стрелков, разбитых на снайперские пары, дважды чертова дюжина! Команды строиться нет, но мы, разобравшись по парам, выстраиваемся в два ряда.

...Лейтенант, успевший выломать и очистить от коры ветку орешника, оглядывает строй, хлопает самодельным стеклом по голенищу сапога:

— Ну, пошли, девчата!

...Где-то позади бухает полковая пушка, над головой с шелестом проходит снаряд, чуть позже далеко впереди слышится лязгающий звук разрыва. Совсем близко, как кажется, стучит станковый пулемет. Штаб полка — еще не совсем передовая, но звуки войны заставляют сжаться сердце.

На поляне перед штабным блиндажом, возле которого стоит часовой с автоматом, остановка. Лейтенант и Саша Шляхова идут представляться командиру полка. Рассаживаемся в кружок, с наслаждением вытягиваем ноги. Щегольские финки — прощальный подарок наших шефов из ЦК ВЛКСМ — сдвинуты на ремне, чтобы не уколоться о ножны. Снайперские винтовки у каждой на коленях оптикой вверх: не сбить бы прицел!

Не без удивления разглядывают девушек бойцы, появляющиеся из лесу, — уж больно грозен, наверное, наш вид: в маскхалатах, вооруженные до зубов! А мы с завистливым уважением смотрим на фронтовиков, на их выдавшие виды, черные от пота или, наоборот, белые от частых стирок гимнастерки, на плащ-палатки, на гвардейские значки, краснеющие эмалью, словно боевые ордена.

...Возвращается Саша Шляхова, сияет: довольна результатами переговоров.

— Подъем, девушки! Командир полка приглашает нас к себе на ужин. А там — в батальоны, нас уже ждут.

Высокий подполковник в кителе, увешанном боевыми орденами, поднимается из-за стола. Из штаба армии сообщили о наших успехах на стрельбище, говорит командир, он рад, весьма рад, что такие меткие стрелки будут служить у него в полку. Снайперы сейчас, в обороне, особенно нужны.

Связной командира разливает густой, наваристый суп, на смешливая девушка с погонами рядового ставит перед нами полные миски. Поначалу чувствуем себя несколько скованно, разговор не завязывается. Отвечая на вопросы подполковника, вскакиваем и вытягиваемся, задевая край стола.

— Да не вставайте, девчата, и без того тесно! — улыбается он. — К чаю сладкое-то найдется у тебя? — спрашивает командир полка у связного.

Похоже, он больше видит в нас девушек, а не солдат, не снайперов. Придется делом доказать свою боевую выучку! К этому мы все готовы...

Смеркается, когда выходим из блиндажа. Стрельба затих-

ла, вдали, через правильные промежутки, бухает одинокое орудие. В ожидании связных из батальонов усаживаемся на землю и затягиваем песню, которую разучили в запасном полку. Особенно лихо отчеканиваем строчки, относящиеся к нашей теперь армии:

Третья ударная, боевая славная.
Силой богатырскою немца разобьет!..

К блиндажу подходят офицеры-артиллеристы. Капитан — самый молодой из них, но, видно, старший по должности — спрашивает у часового:

— Откуда столько соловьев налетело?

— Пополнение, товарищ гвардии капитан. Снайперы.

Девушки поспешно вскочили и приветствуют офицеров, как положено по уставу. Только вовсе не похож на начальство щеголеватый гвардии капитан в фуражке с лакированным козырьком, заломленной набекрень.

— Да тут, я вижу, и чижики есть! — Капитан, улыбаясь, поглядывает на самых маленьких из нас.

Бойкая Зоя выталкивает вперед Аню Носову, лучшую нашу песенницу: в роте ее и впрямь зовут Чижиком.

— Вот кто у нас главная запевала, товарищ капитан.

— Молодец, главная запевала! — Голубые глаза артиллериста останавливаются то на одном, то на другом лице. — И куда же путь держите?

На вопрос, вытянувшись в сторону, отвечает Шляхова:

— Половина — в первый батальон, товарищ гвардии капитан, остальные — во второй.

— И ни одной в артдивизион?! — Офицер щурит глаз и подмигивает одному из своих спутников. — Что скажете?

— Грабеж, Борис! — басит старший лейтенант. — Как всегда, богов войны затирают.

— Ну, мы еще побачимо, хто кого! — Капитан неожиданно переходит на украинскую речь. — Бувайте здоровеньки, дивчата! — И, вскинув ладонь к козырьку, он первым скрывается в блиндаже.

Клавдия Прядко, услышав родной язык, переглядывается со Шляховой. Интересно, откуда родом артиллерист? Часовой, к которому подруги обращаются с вопросом, не знает этого.

— Вот если б вы, дочки, спросили, как палят пушки капитана Шора, я бы вам сказал. Берут немца в шоры, одним словом!

Это была не единственная солдатская поговорка о прославленном пушкаре, командире ардивизиона гвардии капитане Борисе Шоре.

Совсем стемнело, когда пришли связные. Я оказалась в группе, назначенной в 1-й батальон.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Окопы 1-й роты змеятся по скату небольшой высоты. Боевое охранение — глубокая земляная щель, вырытая по форме римской цифры V, — вынесено вперед. В дальнем углу наша снайперская ячейка, она тщательно замаскирована дерном: ничто не должно выделять нас среди окружающей местности.

До рассвета мы с Зоей Бычковой добрались по ходам сообщения до своей ячейки. Отрыли лопаткой земляную ступеньку: устанешь стоять — можно опуститься на колени. В соседней ячейке Вася Шкраблюк, в случае необходимости он придет на помощь. Мы на самом «передке», ближе нас перед врагом никого нет...

В оптический прицел осматриваю нейтральную полосу — от себя к противнику. В голубоватой дымке отчетливо видны самые дальние цели, кажется, до них можно дотянуться рукой, так они близко. Вижу не только каждый пенек на высоте, но и зеленые молоденькие побеги, торчащие из-под пня. На ровной полоске бруствера две черточки — это прорези бойниц.

На пристальный осмотр уходит не менее двух часов, глаза от напряжения начинают слезиться, непонятные серые точки, словно назойливые мушки, плывут перед глазами.

Моей напарнице наскучила неподвижность, она рассматривает в оптику уцелевшие строения деревни Седурино. За деревней — шоссе, по нему ползут, смазанные расстоянием, силуэты тупоносых немецких грузовиков.

— Ну что ж, Зоя, пора составлять стрелковую карточку! — говорю я.

— Чего еще? Мы не в снайперской школе.

— Зоя, это наша первая обязанность.

— Ну и составляй себе на здоровье! А я пришла охотиться за фрицами.

Выбираю ориентиры: кудрявый куст, растущий на «нейтралке», большой гранитный валун, высунувший свою лысую голову перед самыми окопами противника, дом без крыши, стог сена. Определив расстояние до ориентиров, вношу данные в стрелковую карточку снайпера. Зоя заглядывает через мое плечо.

— Ох-хо-хо! А камень-то зачем?

— Еще как нужен. Справа от него строчил пулемет. Валун закрывает пулеметчика, для нас хороший ориентир.

Зоя по-прежнему недовольна: врага надо бить, а не бумажную волокиту разводите!

Слышится негромкое покашливание. Позади нас в окоп боевого охранения солдаты, сменившие ночной дозор. Зоя сердито поворачивается к ним:

— Что это вас кашель вдруг взял?

— Интересно на вас посмотреть, девчата, — говорит самый бойкий. — Давно не видел нежного полу.

— Нежного? — вскипает моя напарница. — А вот я покажу тебе нежности такие...

— Не груби, Зоя! — шепчу я подруге, оторвавшись от винтовки. — Скажите, ребята, как у вас тут фашистам живется?

Солдаты мрачнеют. Дело не только в том, что противник построил в Седурино мощный оборонительный пояс, занял все командные высоты вокруг деревни, буквально не дает нашим поднять головы. Дело в том, что во время зимнего удачно начатого наступления гвардейцы успели уже побывать в Се-

дурино. Они перерезали тогда железнодорожное полотно, выбили врага с высоты перед деревней. Батальон понес потери, но они были невелики в сравнении с вражескими. Если б левый сосед гвардейцев так же выполнил свою задачу, развил их успех — не пришлось бы отходить, становиться в длительную оборону.

Зою не интересуют давние события, ей не терпится узнать, где чаще всего высовываются фашисты. Бойкий солдат, пристроившись с нею рядом, показывает направление. Воспользовавшись моментом, он разглядывает в оптику оборону врага. Оторвавшись от прицела, завистливо цокает языком.

— Н-да, мне бы такую винтовочку! Все как на ладошке.

— Ты из своей научись попадать, — слышится голос Васи Шкрабюка, покинувшего свое укрытие.

Он предлагает нам перекусить. Мы с Зоей и не заметили, как пролетело время до обеда. Перебираемся в ротные, более просторные окопы.

Сидим на корточках в тесном солдатском кругу. Бойцы быстро очищают свои котелки, закуривают махру, пуская дым в рукава шинелей. Идет неторопливая беседа о жизни в тылу, о родных краях, о близких людях.

— Что за общее собрание? Забыли свои обязанности, гвардейцы? По местам!

Из-за солдатских спин мы не видим ротного командира, слышим только его громкий недовольный голос.

— Да вот, товарищ капитан, девчата у нас, — оправдываются бойцы. — Надо ж познакомиться...

— Не место и не время!

Перед нами молодой офицер, высокий, плечистый, со смелым взглядом зеленоватых глаз и горбинкой на крупном носу.

— Командир первой роты Сурков, — представляется он.

Мы называем себя. Капитана интересует, удобно ли оборудована снайперская ячейка, как идет «охота». Ячейка отличная, докладываем мы, а похвастать пока нечем. Мы недовольны первой половиной дня, прошедшей в бесплодном наблюдении.

— А вы хотели, чтобы он сам и голову подставил? Бей — не хочу! Так на войне не бывает, жить-то каждому охота. А себя не позволяйте демаскировать. Заметит враг скопление в окопе — может и минометный налет дать.

Уходя, ротный повторяет строже:

— Категорически запрещаю скопление в окопе! Ясно?

— Ясно, товарищ гвардии капитан! — отвечаю я.

...В этот вечер все казались невеселыми. Напрасно успокаивала девушек рассудительная Клавдия Прядко. Не помогали и действующие обычно безотказно призывы Шляховой:

— А ну, чего невеселы, нос повесили? Выше носы, девочки!

Без аппетита поужинали, решили лечь пораньше. Но не тут-то было. В землянку заглянули комбат с замполитом, они, очевидно, сочли нужным навестить нас после этого первого, трудного для нас дня.

— Ну, докладывайте, снайперы, кто отличился?

Девушки молчали. Капитан Рыбин понял свою промашку: никто из нас не открыл боевого счета, и это ему прекрасно известно. Комбат повернулся к своему заместителю и быстро сказал:

— Выручай, комиссар, прожги словом! Что-то я не с того начал.

— Прости, Петр Алексеевич, действительно не с того, — подтвердил Булавин. — Это ж у них первая разведка, пробная вылазка. Вот обживутся на передовой — тогда и спрашивай, кто отличился. До меня слух дошел, не знаю, верный ли, будто петь они мастерицы. Может, споете, девчата? А мы подтянем.

Не сговариваясь, все повернули головы к Ане Носовой, нашей запевале. Откашлявшись, чуть фальшивя от стеснения, она завела:

Славен город Великие Луки,
Славен город своей сединой.
Перенес он тяжелые муки,
Ранен город, но снова живой...

Оба офицера участвовали в освобождении Великих Лук, для них это была не просто песня, но и частица их собственной биографии.

...Быть может, они спели бы и еще, а может, бравый комбат и сплясал бы, на что был большой мастак, если б дверь землянки не распахнулась. На фоне звездного неба стоял наш недавний знакомец-артиллерист.

Никто не заметил, какой знак он сделал комбату, только Рыбин вдруг заторопился, стал прощаться. Поднялся и Булавин.

— Как видите, девушки, наш рабочий день еще не кончился, — сказал замполит в дверях. — А вам спать, спать... Завтра с солнышком подниматься. Желаю удачи!

СЧЕТ ОТКРЫТ

Снова мы с Зоей встречаем утро в окопе, только сегодня он неузнаваем. Траншеи подметены, стреляные гильзы собраны в ящик. Командир роты Сурков не уставал внушать солдатам:

— Належитесь еще в грязи, когда в наступление пойдем. В обороне окоп — ваш дом.

Долгие, томительные часы вели мы наблюдение, но снова безрезультатно. К концу дня в окопах появился капитан Сурков, еще более подтянутый, чем вчера, в начищенных до блеска хромовых сапогах, с орденами на гимнастерке. Поздоровавшись, он поздравил нас: рано утром Клава Иванова открыла боевой счет. Артиллеристы капитана Шора, наблюдавшие за противником в стереотрубу, установленную на высокой сосне, подтвердили попадание.

Нам бы радоваться за подругу, а на сердце кошки скребут. Зоя чуть не плачет от огорчения.

— Ну, что, Люба? Слыхала?.. А ты мне: «Карточки, мол, рисуй!..»

Солнце близилось к закату, когда в поле зрения показался фашист. Моя напарница — была Зоина очередь стрелять, я

вела наблюдение — так разволновалась, что не успела выстрелить. Враг исчез неожиданно, как и появился.

— А что же ты не стреляла? — накинулась на меня Зоя.

— Я была наблюдателем. Твоя очередь стрелять.

— Очередь, очередь... Опять ты со своей школьной премудростью. Дура, дура я неудачливая!

От досады Зоя заплакала. По дороге в батальон она ворчала, обвиняя во всем меня. Подходя к снайперской землянке, Зоя вытерла слезы: ни к чему остальным знать наши огорчения.

Никто ничего не заметил, даже когда мы, отказавшись от ужина, сели в разных углах с кружками чая. Только Клавдия Прядко почувствовала неладное.

— Что это вы, девочки, точно опрокинутые? Опять поссопились?

Мы молчали. Прядко казалась нам чуть ли не старухой: ей уже под тридцать — на добрый десяток лет старше любой в роте. И нечего совать свой нос в чужие дела!

Из-за того ли, что Клавдия много пережила с начала войны, или просто умела найти подход к каждому человеку, только не прошло и четверти часа, как мы вполголоса, чтобы не слышали другие, рассказали ей все.

— Глупенькие! Стоит ли из-за какого-то паршивого фашиста друг на друга дуться? На врага злость копите. А ваш арийский куроцап все равно не уйдет от пули, все ему припомнится, за все, все он расплатится.

И настало то раннее утро летнее, когда я подловила на мушку первого своего гитлеровца. Косые лучи солнца освещали вражескую оборону, наша позиция была в тени. Над бруствером показалась голова в каске, я прицелилась, как положено по инструкции, под обрез цели, плавно нажала курок. На душе стало как-то не по себе: все же человек.

Только человек ли? Разве можно назвать людьми тех, кто грабил, жег и вешал, кто принес столько горя, слез и мук моей Родине, моим родным и близким? Под Ржевом убит мой любимый дядя Вася, добрый человек и хороший семья-

нин, никогда в жизни никому не причинивший зла, — быть может, моя пуля нашла убийцу? А может, я наказала одного из факельщиков, превративших древние Великие Луки в развалины, а земли Псковщины — в «мертвую зону», в пустыню? Нет, не люди это, а двуногие скоты. Собаке — собачья смерть! Этот зеленожабый больше уже никогда не выстрелит по нашим. А значит, моя справедливая пуля спасла чью-то родную жизнь, и, может быть, не одну.

К моей ячейке окопом, пригибая голову, бегут солдаты, поздравляют с удачей: наблюдатели подтвердили попадание. И артиллеристы капитана Шора, не отрывавшиеся от стереотрубы, видели результат выстрела, позвонили в штаб батальона. Командир роты Сурков специально пришел отметить мое боевое крещение. Он пожал мне руку, приговаривая:

— Молодец, снайперка, хвалю! Спасибо за службу! Как звать-то?

— Люба, товарищ гвардии капитан.

— А полностью?.. Теперь, когда вы настоящий воин, вас положено звать полным именем... Продолжайте в том же духе, Любовь Михайловна!

Зоя и радовалась за меня, и переживала, вспоминая свою недавнюю оплошность. Ведь она могла открыть счет первой. Ее уши горели, как рубины, так она разволновалась. Прильнув к винтовке, моя напарница замерла в нетерпеливом ожидании.

А я стала наблюдать за вражеской бойницей. Навела острие пенька прицела на цель и жду. Должен же враг, оборудовавший бойницу, когда-нибудь показаться? Чувствую, в затылок стало сильнее дуть. Значит, ветер усиливается. Вот и трава заметнее клонится долу.

Сделав минутный перерыв, еще раз проверила расстояние до цели. Точно: четыреста метров! Для проверки заглянула в таблицу в снайперской книжке, установила поправку в прицеле на ветер. Снова глаз у окуляра, палец на курке...

В бойнице тень. Вот он, вражеский наблюдатель! Гитлеровец, видно, уверен в своей неуязвимости. Не мешкать, ведь

цель появляется на секунду, на доли секунды! Затаив дыхание, плавно нажимаю спусковой крючок. Еще не затих гром выстрела, а голова в бойнице медленно — слишком медленно для живого — оседает... Есть, второй!

— На двух гадов меньше! — сообщаю подругам, вернувшись вечером в землянку. Стараюсь говорить как можно спокойнее, а хочется кричать во весь голос...

РОДИНА ЗОВЕТ СВОИХ ДОЧЕРЕЙ!

Детство я провела на селе. Отец умер рано, мы с мамой жили в большой дружной семье дяди Васи. Это был любимый брат отца Василий Андриянович Макаров.

Высокого роста, широкий в плечах, дядя отличался поистине медвежьей силой и удивительной добротой, нередкой в больших, сильных людях. Он был одним из первых организаторов колхозов на Урале, из бригадиров выдвинулся в председатели, затем возглавил Лядовский сельсовет. Жил скромно, сколько помню его — всегда носил выгоревший на солнце, линялый от дождей хлопчатобумажный костюм. Честный во всем, настоящий коммунист! И хороший отец, внимательный не только к своим детям, но и к племяннице.

Мне не было семнадцати, когда грянула война. О дальнейшей учебе — мечтала в геологический — пришлось забыть. Надо было работать. Устроилась на случайную для себя должность — секретарем Пермского народного суда.

С начала войны мама пошла на Мотовилиху. Родной мой Урал был в те дни грозной кузницей оружия. Мама тоже стала работать на оборону. Порою она, как и многие в то время, не уходила с завода по две и даже по три смены подряд.

В августе сорок первого призвали в армию дядю Васю. Прощаясь, он впервые заговорил со мной, как со взрослой:

— Если меня убьют, Любушка, — на войне всякое бывает, — не забывай наших, будь доброй сестрой моим детям!

На фронте дядя попал в артиллерию, писал бодрые письма: держитесь, тыловики, а боги войны не подведут!

Я и сама мечтала идти на фронт. Но кем? Медсестрой? Никогда не перевязывала раненых. Связисткой? Ничего не смыслю в связи. Поваром?.. О других воинских специальностях, которыми может овладеть девушка, я не имела понятия. Хотелось самой бить врага или находиться среди тех, кто сражается с фашистами.

Весной сорок второго года на Пермском стадионе по вечерам, после работы, собирались девушки. Занимались строем, изучали винтовку, стреляли в цель. Стала ходить на занятия и я. Мама печалилась: была бы парнем — понятное дело, но зачем винтовка девушке? Не ровен час, и на войну пошлют.

— Да кто меня, такую маленькую, возьмет на фронт? — успокаивала я маму. — Разве что в тыловую часть, скажем, писарем.

Среди девушек, с которыми я вместе занималась на стадионе, прошел слух: лучших стрелков будут отбирать в снайперскую школу. Слово «снайпер» тогда мне было неизвестно, из кинофильмов и книжек о финской кампании я знала только о «кукушках». Такой оборот дела меня обрадовал, но маме не сказала ни слова: зачем огорчать до времени? Может, ничего еще и не выйдет.

...Когда мы впервые вышли на боевое стрельбище, со мною случился непонятный казус: никак не закрывался левый глаз. Стараюсь, аж слезы текут, а он не хочет закрываться, и все! Смотрю сразу двумя глазами, пули летят куда угодно, только не в мишень. Командир заметил мои мучения.

— А ты, часом, не левша на глаза, Макарова? Хоть и редко, но бывает такое. Попробуй-ка делать не так, как все: целясь левым глазом, а правый закрой.

Попробовала. Правый глаз закрывается, левым вижу хорошо. Но надо менять изготовку, упор, словом, все начинать сначала... Долго я переучивалась, от винтовки, хотя и учебной, уставали руки, болело плечо. Девчата, видя, как я целиюсь левым глазом, смеялись: «Смотри, Люба, в чужую мишень не попади!..» Но скоро я не хуже, чем они, могла изрешетить «яблочко».

Перешли к стрельбе из боевых винтовок. Приклад трехлинейки при выстреле отдавал в плечо, но стоило слиться с винтовкой в одно целое — и отдача пропадала. После солдатской трехлинейки малокалиберную не хотелось брать в руки. Детская игрушка! Еще нравился мне пороховой дымок, нравился такой тревожный его запах...

Горе не обошло наш дом: осенью пришла похоронная. В боях за освобождение Ржева 30 августа 1942 года командир орудия В. А. Макаров получил тяжелое ранение в грудь и в голову. Не приходя в сознание, умер в армейском госпитале.

Вот когда я сказала себе: только на фронт! Мама не перечила, она одобрила мое решение.

— Бей их, доченька, проклятых! Без пощады бей!

Настала зима, учение закончилось. Многие мои подруги ушли в трудармию, иные попали в воинские части.

В середине декабря пришел вызов из ЦК ВЛКСМ. Лучших наших стрелков — Тамару Новоселову, Асю Попову, Клаву Мальцеву, Валю Дуракову и меня — военкомат направлял на учебу в Центральную женскую снайперскую школу...

В НАСТУПЛЕНИИ

Северный ветер разогнал низко нависшие тучи, то и дело проливавшиеся дождем. По ночам землю сковывала ледяная корка. Осенняя непогода надоела, мы обрадовались морозам, ударившим до времени. Значит, смогут действовать авиация и танки, значит, скоро наступать.

По утрам умываемся ледяной водой. Зоя Бычкова, разбив тонкую прозрачную корочку, кидается льдышками, норовит незаметно опустить кусочек холода за ворот подруге. Смехом, визгом, веселой суматохой начинается день.

Зимнего обмундирования еще не привезли, но это никого не пугает. Шинель Саши Шляховой всегда распахнута, пилетка едва держится на густых волосах, лицо такое румяное, что, кажется, подойди ближе — пахнет жаром, как от печки.

— Саша, опять вся раздетая? — сердится Прядко.

— А если у меня кровь горячая? — смеется Саша.

— Ты же командир, по тебе другие равняются.

Продолжая ворчать, она застегивает пуговицы Сашиной шинельки, укутывает шею подруги белым шерстяным шарфом. У Прядко и Шляховой шарфы одинаковые. Один теплый пла-ток, разорванный по длине, пошел на них. Связанный материнскими руками, он был единственной Сашиной памяткой о доме. Остальные вещи она, как и все мы, раздала жителям разоренных, разграбленных врагом мест, мимо которых проезжал по дороге на фронт наш воинский эшелон.

Я оставила себе на память белый рушник, вышитый мамой. И если на привале, во время похода или в землянке выдавалась минута отдыха, доставала из вещмешка расшитое узором полотенце. Прижмусь лицом к прохладной льняной ткани, словно утираюсь, целую тайком. Потом сложу, чтобы не мялось, и в мешок, на самое дно. Смешно теперь сознаваться, но рушник казался мне тогда материнским спасительным талисманом.

В начале ноября выдали ватники, теплые брюки, валенки, шапки-ушанки. Сразу все заметно пополнили, самые маленькие выглядели кубышками, столько на нас было понадето. Зато лежишь на снегу в засаде и не чувствуешь холода.

Никто не знал, сколько еще сидеть в обороне. Подходил октябрьский праздник, страна готовилась встретить его новыми победами. Чем будет рапортовать народу наш Прибалтийский фронт, славная 3-я ударная армия, родная гвардейская дивизия?

Поздней зимней ночью в дверь девичьей землянки кто-то постучал. Вошли озабоченный замполит Булавин, заменявший в тот момент раненого комбата, и комсорг батальона Геннадий Егоров, молодой лейтенант, недавно прибывший в нашу часть.

— Девушки, готовьтесь к ночному маршу! Через два часа батальон поднимается по боевой тревоге.

Вопросов к Булавиному нет, все понимают — наступление.

...В полной темноте шагаем по проселку. Дорога разбита, комья земли превратились в ледяные торосы, по ним больно ступать. Заснеженная тропка, на которую сворачивает колонна, втягиваясь в лес, кажется мягким ковром. Где-то далеко бухнула, точно спросонья, пушка, залопотал и смолк пулемет.

...Начинает светлеть, когда батальон выходит на исходный рубеж атаки. Перекур. Бойцы усаживаются отдыхать, подминая под себя пушистую крону молоденьких елочек, кто-то опускается на корточки у толстой сосны, опершись спиной о ствол. Командиры рот и взводов собираются на КП.

С опушки видно голое поле, в полукилометре его перерезает неровная лента окопов — первая линия немецкой обороны. Сейчас она безмолвствует, точно покинутая, лишь вдали взвивается в небо запоздалая желтая ракета да на фланге стучит крупнокалиберный пулемет. За спиной у немцев — железнодорожное полотно, еще дальше — взгорок, на котором синеют силуэты редких изб и сараев. Это деревня Ведусово, превращенная противником в опорный узел.

За деревней невидимое отсюда шоссе уходит на север, в сторону Ленинграда. Выбить врага из Ведусово — значит овладеть важной транспортной магистралью. Вот почему перед деревней две оборонительные линии, а каменные фундаменты домов и сараев превращены в дзоты...

Командиры, собравшиеся у КП батальона, озабочены. Как всегда, первый батальон в голове наступления, бьет в лоб врагу. Позиции снайперов недалеко от КП, отсюда будет удобно выискивать и поражать цели. Да и командованию лучше, когда стрелки под рукой, — можно сразу поставить новую задачу в быстро меняющейся боевой обстановке.

Из глубины за нашей спиной ударили пушки, снаряды с шелестом проходят над головой. Огненные столбы разрывов встают вдоль линии немецких траншей, в воздух вздымаются комья земли, балки блиндажей. Тяжелые минометы замолотили по тылам вражеской обороны. На окраине Ведусово загорелся сарай, в его пламени видны мечущиеся фигурки гитлеровцев.

Еще не стихла мощная артподготовка, как бойцы роты капитана Суркова поднялись в атаку. От окопов нашего боевого охранения до первой линии немецких траншей добрались одним духом. Левее двинулись вторая рота, третья. «Где комиссар? Комиссар где?» — пробежало по рядам. И немедленный отзыв по цепочке, от бойца к бойцу, из отделения в отделение: «Здесь комиссар, с нами!» Сузуловатую фигуру Булавина можно узнать издали. Обгоняя его, с нарастающим «ура» бегут солдаты.

В атаке каждый хотел оказаться рядом с Булавиным не только затем, чтобы в случае опасности прикрыть командира. Солдаты по-детски верили, что возле капитана они и сами останутся целы. Еще ни разу он не был серьезно ранен, только однажды шальной осколок царапнул его плечо. Булавин отшучивался: боится-де фашист тронуть комиссара, только щекочет...

Головная рота Суркова выбивает немцев из первой линии траншей. Ротный, как всегда, в цепи бойцов, одним из первых он перемахнул через бруствер, стреляя из пистолета по удирающим гитлеровцам. Гвардейцы бегут по окопу, забрасывают изгибы траншей гранатами, добивают пулеметчиков в их норах. Преодолели первые, самые трудные 200—300 метров до немецких траншей; теперь рота в относительной безопасности, в том «мертвом пространстве», где не может поразить пулеметная очередь.

Устроившись в мелком, наскоро отрытом окопчике перед КП, мы с Клавой — моей новой напарницей — ведем прицельный огонь. С позиции хорошо виден вражеский ход сообщения, ведущий в сторону деревни. Вот по нему заколыхались спины двух фашистов. Выстрел, другой... Гитлеровцы, будто споткнувшись, валятся наземь.

Под железнодорожной насыпью ожил немецкий пулемет, словно змейка со смертоносным огненным жалом. Выстрел! Еще выстрел!

— Есть! — не удержавшись, ору я, перебив пулей хребет огненной змеи; эта больше не ужалит.

Крики «ура» уходят вперед и затихают. А может, усилившийся гул боя заглушил их? Земля дрожит от разрывов снарядов — наших и чужих, дно окопчика колышется, как болотная трясина. Тяжелая мина разрывается в лесу, обломки сучьев, мерзлые комья летят на землю. Острый камушек чиркнул меня по руке. Но руки уже не мерзнут, зубы не сводит от холода и страха. Щека напарницы пылает как в огне. И Клава жарко...

Раздирающий уши рев моторов заставил вжать голову в плечи. Эскадрилья штурмовиков, вынырнувших из-за леса, пикировала на Ведусово. Столбы черного дыма и огня встали над немецкими позициями. Нет, не зря гитлеровцы называли наши «илы» «черной смертью»! А справа, ложиной, двинулись «тридцатьчетверки». Стреляя на ходу, танки повернули к мосту над железнодорожным полотном, чтобы зайти противнику в тыл...

— Горит, горит!.. — Клава Маринкина показывала вправо.

Головная «тридцатьчетверка», выбросив в небо жаркий сноп огня, горела, словно гигантская железная свеча. Башни нет, ее снесло взрывом. До сего времени танк казался мне несокрушимым, хотя в снайперской школе нас учили, как лучше выводить его из строя, стреляя по смотровым щелям, бензобакам и тракам гусениц. И вот на глазахдвигающаяся стальная крепость превратилась в пылающий факел, в гору металлического лома.

Пригорок за деревней хорошо виден, линия горизонта вдруг оживает, до странности меняется: на фоне неба четко вырисовывается черный квадрат вражеского танка, за ним другой, третий. Идут «тигры» — тупоносые, с мощной лобовой броней и крупноствольными пушками. Болванки, которыми они бьют, пробивают средний танк насквозь.

Подбита вторая машина. Изменив направление, «тридцатьчетверки» стараются зайти «тиграм» вбок, там броня слабее.

Железной стеной ползут на нас вражеские танки. За ними шеренги немецких автоматчиков, в оптику можно разглядеть офицеров — их сразу узнаешь по выправке, по взмахам руки,

когда они поторапливают отстающих. Пулю за пулей слала я в них, радуясь и торжествуя, когда очередной фашист валился на мерзлую землю. Гитлеровцы, теряя офицеров, стали отставать.

Удача! Передний «тигр» окутался вдруг черным дымом, раздался взрыв, перекрывший на миг остальные звуки боя. Значит, и «тигры» уязвимы! Немецкие пехотинцы повернули назад. А в деревню уже ворвались бойцы капитана Суркова, передохнувшие под железнодорожной насыпью. И снова разгорелся рукопашный бой, рвались гранаты, гремело «ура».

«Тридцатьчетверка» с автоматчиками на броне нырнула под мост, за ней устремились другие. Острие боя перемещалось в Ведусово. Связисты тянули провод к временному НП Булавина на краю деревни, где непонятно как уцелели три яблоньки с голыми, иссеченными осколками стволами.

По полю бежала к насыпи Саша Шляхова. Полы полушубка распахнуты, винтовка в руке. За нею, метрах в десяти, Клавдия Прядко, что-то кричит на бегу. Куда они? Приказано же не покидать позиций. Да и страшно оставлять спасительный окоп.

Я видела, как в начале боя Полина Крестьянникова, оставив в окопе свою напарницу Аню Носову, решила выдвинуться вперед. Обстрел усилился, снаряды рвались вокруг, а у Полины не было даже лопатки, чтобы окопаться, — оставила на старом месте. Голыми руками рыла Полина стылую землю. Спрятала за бугорком голову, поставила нужный прицел и открыла огонь. Вражеская пуля чиркнула по каске. Заметив, откуда бил пулеметчик, Полина выстрелила; огневая точка врага была подавлена. В бою решает минута, если она твоя!

Шляхова и Прядко оказались в самой гуще схватки. Бойцы, бегущие под прикрытием «тридцатьчетверки», приотстали, остановились. Вперед бросились девушки, увлекая за собой солдат. Танк нырнул под мост, снайперы стали оказывать первую помощь раненым, лежащим у насыпи.

Саша перевязывала очередного бойца, когда осколок разорвавшегося неподалеку снаряда ранил ее в ногу. Клавдия

наложила бинты на рану, повела подругу к лесу, где находилась санрота. Проходя мимо нашего КП, Саша перестала хромать, выпрямилась.

— Держитесь, девочки! — крикнула она. — Я скоро вернусь...

СНОВА ВПЕРЕД

...На краю деревни, где росли три яблоньки, в братской могиле хоронили мы павших гвардейцев. Был среди них и комсорг батальона лейтенант Гена Егоров из Средней Азии. Всего-то 20 весен успел он встретить на земле! Горячее слово комсомольского вожака не разошлось с делом, самое дорогое, что у него было — свою молодую жизнь, — отдал он Родине за то, чтобы никогда не погасли знамена Октября...

Весь день батальон двигался проселком. На ночевку остановились в густом лесу. Солдаты делились с девушками сухарями: отказаться нельзя, обидятся. Отламываем по кусочку от каменной черной плитки, сосем, как конфету.

Ребята, хотя и усталые все, нарубили с запасом соснового лапника, мы вповалку полегли под деревьями. Жесткая солдатская постель, перед глазами картины недавнего боя, но постепенно всех смаривал сон. Лишь неподалеку от меня ворочается Прядко, никак не может уснуть, видно, тоскует по раненой подруге.

Утром на марше горькая весть: в соседнем полку во время привала убита снайпер Люда Юркова. Не одно девичье сердце сжалось. Чья очередь следующая? О своей смерти я как-то не думала, даже в самые страшные минуты боя под Ведусово успокаивала свою напарницу:

— Мы с тобой маленькие, Клавуся, в нас нипочем не попасть фашисту!

Но ведь и Люда была такая же, как мы, а смертоносный осколок нашел ее.

Снова пешмарш и привал. Разговоры, воспоминания, то и дело называют знакомые имена. Молодец Шор, поддержал

огоньком пехоту! И снайперы — воины хоть куда, ни одна не дрогнула в бою. Больше всех славят нашу старшую, Сашу Шляхову. Вот кто настоящая героиня!

В центре солдатского кружка Булавин, по рукам ходит неистощимый комиссарский кисет. Сама собой возникает песня:

Эх, махорочка, махорочка
Породнились мы с тобой...

Снайпер Петренко, перемигнувшись с украинцами, затягивает свою «Сонце нызенько». И кажется, нет войны, нет проклятого врага, даже зимы нет. И рисуется картина: солнышко опускается за степные курганы, мычит сытая скотина, спеша ко дворам, парубок ждет у плетня кареоковую дивчину...

— Никак рыбинские соловьи залились! — определяют бойцы соседнего батальона. Вот ведь нет с нами комбата Рыбина, а помнят его все, узнают батальонных запевал.

Степан Петренко не только песенник, свое дело он знает отлично, к нему можно обратиться с любым вопросом. Настали холода — как добиться того, чтобы не отпотевала оптика? И чем лучше в мороз смазывать затвор? На все у него ответ и примеры из личной снайперской практики. По совету Петренко в сильные холода мы лили из масленок на руки припасенную водку, растирали их так, что ладони начинали гореть. До этого девушки отдавали солдатам положенные фронтовые сто граммов.

Клавдия Прядко подарила Степану финку: не раз он с завистью поглядывал на красивые ножны. К слову сказать, финка эта спасла Петренко жизнь, когда два гитлеровца неожиданно обошли снайпера с тыла...

ПОТЕРЯ ЗА ПОТЕРЕЙ

Впереди и позади — враг, лишь узкий, простреливаемый насквозь коридор соединяет нас с соседней частью. Зима никак не установится, распутица, с подвозом тяжело. Триж-

ды презренные власовцы, которых немало на этом участке фронта, кричат из своих окопов: «Вы в кольце и мы в кольце — посмотрим, что будет в конце?» Полк держит круговую оборону, но нам ведь еще и наступать.

По ночам воздушные работяги У-2 сбрасывают в мешках сахара. В поле сиротливо мокнул забытые стога с почерневшими, начавшими плесневеть стручками гороха, повар варит из него надоевшую всем мутную похлебку.

У артиллеристов жесткий лимит снарядов. Лишь командир минометной роты, капитан-уралец, не скупится на огонек. Он заставляет минометчиков собирать немецкие мины и стреляет ими, меняя прицел у минометов.

Снайперская землянка рядом с КП батальона. Неподалеку в сосняке большая, рубленая из бревен баня. Булавин считал первой своей заботой после боя помыть солдат. Недаром в нашем батальоне не знали, что такое насекомые.

Наш замполит и так в карман за словом не лез, казалось, на все случаи жизни припасена у него меткая и, как правило, веселая поговорка. Что касается бани, то их был целый ворох, некоторые я запомнила. Хоть лыком шит, да мылом мыт. Баня парит, баня правит. Когда б не баня, все б мы пропали. Словом, баня — мать вторая!

— Вся эта премудрость еще в суворовские времена была известна, — объяснял майор Булавин; он получил повышение после боев за Ведусово. — Отмоешь пыль походную, копоть пороховую, напаришься всласть — и снова как стеклышко блестяшь, точно на свет народился. Великая это вещь — в бой идти отдохнувшим.

Очень жалел он, что не наломаешь зимой да осенью березовых веников. Веник в бане — всем господин.

— Зоя, ты все можешь — организуй мочалку!

Майор шутил, но именно Зоя Бычкова придумала, чем мыться. Вместо мочалки она приспособила... сапожную щетку. Драла она сильно, но хорошо отмывала грязь и пот.

— Уступите нам, Зоенька, свою скребницу! — попросил Булавин.

Командиры мылись после девушек, за ними — бойцы. Зоя на щетка переходила из рук в руки, пока не перебывал в бане весь батальон. Солдаты посмеивались:

— Хороша снайперская мочалка, одно жалко — щетины маловато!

Последним-то голая деревяшка досталась.

Дней через десять подморозило. Завезли продукты и боеприпасы, люди повеселели. А вот пополнения все не было, хотя за месяц непрерывных боев батальон поредел. Снайперам приходилось сменять бойцов, дежуривших ночью в окопах боевого охранения. Солдаты уходили на дневной отдых, девушки до темноты оставались в траншеях одни.

Как-то на рассвете Зоя Бычкова со своей напарницей Ниной Обуховской сменяли бойцов второй роты — продрогших, со слипающимися от усталости веками. Один из солдат сказал, что по нему несколько раз стреляли с левого фланга, не давая вести наблюдение. Зоя решила засесть в его ячейке, чтобы подстеречь гитлеровца. Обуховская осталась в снайперском окопчике.

Не успела Нина приступить к осмотру вражеской обороны, как услышала выстрел. Через минуту до нее донеслись быстрые шаги по окопу. Спешил тот самый солдат, который вызвался показать Зое, откуда стрелял немец.

— Снайпершу вашу ранило! — крикнул он на бегу.

Нина кинулась к подруге. Зоя мотала окровавленной ладонью, дула на нее, как это делают дети, обжегшись.

— Зосенька, что с рукой?

— Палец задело. Помоги перевязать, Нина!

Разорвав индивидуальный пакет, Обуховская перебинтовала руку. Зоя рассказала, как все произошло. Только прильнула к прицелу, как вражеская пуля, угодив в ложу винтовки, срикошетила. Судя по всему, пуля потеряла убойную силу, а то ведь можно было и пальца лишиться.

Обуховская повела подругу в санроту. Девушки успели уйти, как немцы начали кидать мины: враг заметил движение.

Мы с Клавой Маринкиной находились в расположении первой роты. Что за неожиданный обстрел? Неужто враг обнаружил наших снайперов? Покинуть окопы нельзя, нужно вести наблюдение. Может, немец готовит вылазку...

Часа через два, совершая свой обычный обход позиций, в окопе появился капитан Сурков. Ротный доложил о ранении Бычковой. А вечером в землянке Зоя, размахивая рукой с забинтованным пальцем, восхищенно расписывала лейтенанта медицинской службы Свинцова, который делал ей в тот день перевязку.

— Как перевязывает, как перевязывает! Дотрагивается до тебя, аж дух захватывает... Нет уж, ни в какой госпиталь не поеду, к одному Герману буду каждый день ходить на перевязки.

— Значит, теперь совсем и не больно? — спросила Нина.

— Еще как больно! — спохватилась Зоя и погладила бинт. — Кость задета... Пока медсестра обрабатывала рану, я криком кричала. Только и успокоилась, когда Герман перевязывал. Какой медик!

...Ранение у нее все-таки оказалось серьезное. До наступления настоящих холодов Зоя выходила со своей напарницей на «охоту» в качестве наблюдателя, но, когда ударили морозы, больной палец, застывая, ныл на открытом воздухе, как заноза. Зоя стала нашей бессменной дневальной. Одной рукой она наводила в землянке порядок: мела пол, застилала плащ-палатками нары, получала на всех обед, жарко протапливала печь — железную бочку — к нашему приходу.

Возвращаясь с перевязки из медсанбата, стоявшего в лесу, через который мы недавно совершали ночной переход в тыл врага, общительная Зоя успевала заглянуть и в солдатские землянки, и в командирский блиндаж, и в штаб батальона. К вечеру она вываливала на подруг, вернувшихся с передовой, ворох фронтовых новостей. Она-то и принесла первая весть о гибели Клавдии Прядко.

В тот день Шляхова с Прядко «списали в расход» нескольких фашистов. Разъяренный противник дал минометный

налет по их окопу. Тяжелая мина разорвалась перед самой снайперской ячейкой: Клавдию убило наповал, Сашу ранило...

На околице деревни Мотовилиха, название которой так напомнило родную мне Пермь, хоронили мы свою старшую подругу. Клавдия Прядко лежала в гробу посиневшая, половины лица не было видно из-за бинтов, искусно наложенных Свинцовым: осколок мины снес ей полчерепа. Хорошо, что раненая Саша не видит ее такую!.. Винтовочный залп в сторону врага, по крышке гроба застучали комья мерзлой земли.

После похорон я ходила в медсанбат попрощаться со Шляховой: утром ее должны были увезти в госпиталь. Что я могла ей сказать, чем утешить? И нужны ли вообще слова в такие минуты? Саша лежала на койке, глаза закрыты, губы прикушены. На меня посмотрела долгим, долгим взглядом.

— Передай, Люба, девочкам, чтобы не плакали... Чтобы мстили за... за нашу... Клавушку! — Не сразу она смогла выговорить дорогое имя.

На столе, покрытом белой клеенкой, вытянулся раненый, его только что доставили с поля боя. Невысокий, со смуглым приятным лицом лейтенант медицинской службы быстро и ловко обрабатывал рану. Заметив, что на него смотрят, лейтенант повернулся к нам, вытер лоб тыльной стороной ладони.

— Смотрите, девчата, как правильно накладывать повязку. В бою пригодится.

Значит, это и есть военфельдшер Герман Свинцов! Знающий, умелый медик, симпатичный парень! Понятнее стало, почему не одна девушка вздыхает по нему. А он со всеми одинаково приветлив и ровен, прежде всего думает о своем деле. И все же, не скрою, было приятно его внимание. Когда, поцеловав Сашеньку, я выходила из палатки санбата, Герман помахал мне рукой.

Всего неделя прошла со дня гибели Прядко — и новая потеря: убита Соня Кутломаметова. Та самая Соня, которая столь умело замаскировалась на учениях, что командир не мог

обнаружить ее до тех пор, пока не наступил на «кочку», где она затаилась. Та Соня, которая совсем недавно, стоя у открытой могилы, клялась отомстить за Прядко.

До чего же не похожи друг на друга были эти напарницы — тоненькая, как былиночка, белолицая и кареглазая Соня и курчавая, сильная, суровая на вид Шура Виноградова. Шура воспитывалась в детском доме, не знала материнской ласки. Не потому ли она и к подругам обращалась по фамилии, могла в запале срезать острым, как бритва, словом. Лишь молчаливую, тихую Соню она звала по имени, уважала за меткость, дорожила ее дружбой. А Соня привыкла чувствовать себя за широкой спиной напарницы, как за каменной стеной.

Всю ночь шел крупный снег, поля и дороги застлал белый покров. На рассвете враг, упреждая нас, решил по первопутку контратаковать роту, недавно занявшую выгодную позицию. Контратака была отбита, снайперы Виноградова и Кутломаметова особо отличились, поддерживая бойцов метким огнем.

Успех вдохновил гвардейцев, они сами перешли в атаку. Продвижению мешал вражеский дзот на склоне высоты, настильный огонь пулемета прижал бойцов к земле. Снайперская пара Виноградовой и Кутломаметовой получила задание: заглушить пулемет!

Сбросив полушубки, чтобы было легче передвигаться, в белых маскхалатах, надетых поверх ватников, девушки поползли вперед. Дула винтовок заткнуты тряпицами, чтобы не набился снег, а что лицо в снегу — не беда: растает. В одной руке винтовка, в другой — граната. Снег был рыхлый, следом протянулся белый неровный коридор.

До дзота оставалось всего полсотни метров. Осторожно проделав в снегу бойницу, Соня увидела черную щель дзота и лицо вражеского пулеметчика. Тщательно прицелившись, выстрелила. Вслед за нею послала пулю Виноградова. Пулемет смолк, сзади послышалось приближающееся «ура».

Гвардейцы ворвались в окопы, завязалась короткая, оже-

сточенная схватка. Рота выполнила боевое задание, высота была наша. Бойцы не знали, как благодарить девушек, промокших от снега, но довольных, победно веселых.

Весь день гитлеровцы непрерывно обстреливали высоту, лишь к вечеру огонь стих. Поредевшая, усталая рота передавала рубеж свежей части. Маскируя смену частей, наши минометчики обстреляли врага. Фашисты ответили.

Снайперская пара могла идти отдыхать, но продрогшие девушки продолжали вести наблюдение: не перешел бы немец в контратаку. Неподалеку разорвалась мина. Шура, прижавшись к стенке окопа, не могла понять, почему ее напарница клонится лицом в снег. Упав на колени, она трясла безвольное тело подруги, звала ее по имени — Соня не откликнулась: ранение было смертельное.

Шура подняла убитую на руки, понесла по окопу. Ход расширился, она прибавила шаг, хотя некуда было спешить...

И снова ружейно-автоматный салют у могилы, отрытой рядом с запорошенным снегом бугорком, где уснула последним сном Клавдия Прядко. Долго мы стояли у дорогих могил, не вытирая слез, безавших по щекам. Спите, дорогие подруги! Мы не забудем вас, не простим врагу вашу раннюю смерть!..

МЫ СТАЛИ КОММУНИСТАМИ

Не однажды на привале, во время передышек между боями, замполит Булавин и наш комсорг Саша Шляхова, недавно ставшая членом партии, заводили со мною разговор о вступлении в партию. Разговоры эти и радовали и смущали. Ну что, что особенного я сделала, чтобы быть коммунисткой? Такою, как Булавин, как мой дядя, отдавший жизнь за Родину, за партию, как лучшие люди, которых я встречала на своем жизненном пути.

Конечно, я сражаюсь на переднем крае; ближе снайпера никого перед противником нет. И боевой счет у меня приличный, за полсотню перевалил. Но разве это все? Никаких

выдающихся подвигов не совершала, даже крови не пролила за Отчизну, как другие, как та же Шляхова. В душе я все еще чувствовала себя девчонкой, недавней школьницей.

О вступлении в партию говорили не только со мною. Как-то на отдыхе — мы находились в запасном полку — ко мне подседа напарница.

— Ну как, Люба, надумала подавать?

— А ты? — ответила я вопросом.

— Я, кажется, решила. Что мы, хуже других?

— Так ведь никто из наших девчат еще не в партии.

— А если они так же, как ты, рассуждают? «Подаст Люба заявление — и мы подадим». В одно время в снайперскую школу пришли, рядом воюем, значит, и в партию вместе.

Я молчу, а про себя удивляюсь: глянь-ка, уже и моя тихоня Клава заговорила о партии! Что же я, самая несознательная?!

Услышав наш разговор, подседа Аля Фомичева.

— Ну что: слушали-постановили?

— А что ты, Аля, решила?

— Как все, так и я! Чем мы хуже снайперов второго взвода? А они, я точно знаю, уже подали заявления.

Коммунист — слово-то какое обязывающее! Наверное, что-то очень важное еще недопоняла до конца, если возникают сомнения. А может, дело в том, что и Аля и Клава постарше меня. Что ж, время есть, подумать можно...

— Э, нет, Люба, так не пойдет! — решительно возразила Клава. — Это что же получится? К примеру, я кандидат партии, а ты, моя напарница, беспартийная?

— По-твоему, я из-за этого хуже стрелять буду?

И тут моя подружка сказала те единственно нужные слова, которые окончательно убедили меня:

— Не хуже, Люба. Но если ты будешь коммунисткой, ты еще лучше, еще злее воевать станешь. Сама знаешь, гитлеровцам особенно ненавистны коммунисты, они всех партийных хотели бы перебить. А мы не дадимся, мы сами раньше в них пошлем пулю — вот как я понимаю свой партийный долг.

Тут же мы втроем написали заявления — одинаковые, короткие. Какая у нас биография? Средняя школа, снайперские курсы да неполный год военного университета. Правда, год, стоящий многих лет мирной жизни.

Нина Обуховская и Полина Крестьянникова, узнав о нашем решении, присоединили и свои заявления. Еще раз коллективно, вслух перечитали устав, устроили друг другу небольшой экзамен по истории партии. Вроде бы на любой вопрос можем ответить.

5 марта 1944 года запомнилось мне на всю жизнь. На лесной поляне, где в проталинах желтела прошлогодняя травка, состоялось открытое партийное собрание батальона. Кто стоял, кто сидел на пеньке или на куче хвороста. Секретарь вел протокол, положив лист бумаги на раскрытый планшет.

Кроме нас, девушек-снайперов, подали заявления несколько бойцов и командиров. Те, кто постарше, подробно рассказывали свою довоенную биографию, отвечали на вопросы. Нам вопросов задали мало. Спрашивали о месте коммуниста в бою, о том, как мы понимаем свой воинский долг, что должны делать для победы. Но разве первые наши поручители, коммунисты Булавин и Рыбин, не знали каждую из девушек, не видели в бою?

Меня спросили: где я буду хранить свой партийный билет? — У сердца! — сказала я.

Как ни краток был мой ответ, он понравился собранию. Коммунисты дружно подняли руки, голосуя за прием в кандидаты партии. Между прочим, и я и другие девушки именно так хранили свои партийные билеты: пришили внутренний карман к гимнастерке, как раз напротив сердца, а для верности прихватили кармашек суровой ниткой.

Через день нас вызвали в армейский политотдел, сфотографировали для партийных документов. Кандидатские карточки вручал начальник политотдела 3-й ударной армии полковник Лисицын. Пожимая нам руки, он от всей души поздравил каждого из нас со вступлением в великую партию коммунистов.

— Желая тебе, пермячка, вернуться домой с победой! — сказал он мне.

— Спасибо, товарищ полковник! Постараюсь оправдать доверие народа и партии.

Лишь у Лиды Ветровой, самой юной из нас, были некоторые осложнения с приемом. Поступая в снайперскую школу, она, оказывается, «исправила» свой возраст в документах. Лиде было всего-навсего шестнадцать, и она боялась, что ее не примут. На партийном собрании пришлось открыться, что несовершеннолетняя: нельзя ж обманывать в такую минуту.

Коммунисты батальона единодушно поддержали ее кандидатуру, зато армейская парткомиссия и начальник политотдела Федор Яковлевич Лисицын заколебались:

— Не рано ли?

— Что значит рано? — взорвалась Лида. — Воевать с фашистами не рано, возраст не помешал! В чем я отстаю от своих подруг? — И закончила тихо: — Ведь я могу погибнуть в бою, так и не став коммунисткой...

Эти доводы, а больше того боевая характеристика Ветровой, имевшей на счету свыше полусотни уничтоженных фашистов, убедили товарищей.

Красные книжечки членов партии нам вручили месяца через три, под Пустошкой. Для фронтовиков, находящихся непосредственно на переднем крае, кандидатский стаж был сокращен. На войне другой счет времени.

Саша Шляхова, наш бессменный комсорг, стала парторгом роты. Новый комсорг появился позже, когда прибыли новички — очередной выпуск снайперской школы.

«ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛ, МИЛЕНЬКИЙ!..»

Используя весеннее затишье на фронте, командование решило провести всеармейский слет снайперов. Километрах в пяти-шести от передовой, в лесном овраге, состязались в меткости лучшие стрелки армии. Одним из сложнейших упражнений была стрельба на скорость по движущимся мишеням.

Отстрелялась очередная пара, пора и мне с Клавой Маринкиной на огневой рубеж. Обе немножко волнуемся, ведь за стрельбой наблюдают генералы. Среди них выделяется дородной своей фигурой и загорелым квадратным лицом герой Сталинграда генерал-полковник Еременко. Он теперь командует нашим, 2-м Прибалтийским фронтом.

Стараясь не смотреть в сторону начальства, я легла на землю, уперла поудобнее локти. Сразу волнение прошло. Только стали целиться — слышу за своей спиной недовольный бас:

— Лейтенант, почему допускаете к стрельбе не умеющих владеть боевым оружием?

Продолжаю целиться, приложив левый глаз к оптике, не могу и помыслить, что замечание относится ко мне.

Лейтенант — он был не из нашего батальона, меня знал мало — вытянулся перед командующим, не может понять причины генеральского недовольства.

— Вы что, лейтенант, не видите, как она держит винтовку? — уже на двоих осерчал командующий. — Она не знает даже, каким глазом целиться.

Только тут я поняла, что речь обо мне. Говорю лейтенанту, который подбежал, чтобы отстранить меня от стрельбы:

— Я левша. Товарищ лейтенант, объясните...

— Товарищ командующий, она левша, стреляет с левого глаза, — громко отрапортовал лейтенант, вытянувшись перед Еременко. — Это опытный снайпер.

Командующий проворчал что-то вроде: «Левша — кривая душа», но подошел ближе, видно, заинтересовался. Дождавшись, когда я отстрелялась, он зашагал к мишеням, чего не делал до этого. Генералы следовали за ним. Увидев пробойны от пуль, Еременко даже пальцами прищелкнул от удовольствия, подозвал меня. Пожав руку, сказал:

— Молодец, левша! Так стрелять!

По окончании слета девушки-снайперы, имеющие большой боевой счет, получили правительственные награды. Мне командующий вручил перед строем орден Славы II степени.

— Хотя ты и девушка, желаю стать полным кавалером! — весело пожелал он.

Награды радовали нас, но не меньше хотелось получить отпуск. Какой солдат не мечтает о побывке? И вот зачитывают фамилии тех, кто пойдет в отпуск. Первой называют снайпера Онянову, нашего Пончика, как окрестили девчата Лиду за ее полноту. У моей землячки — Лидия Онянова до войны работала электромонтером на Соликамском бумажном комбинате — самый большой в роте боевой счет: 76 убитых гитлеровцев. За ней следом иду я — 72 фашиста. Отпуска получили еще несколько девушек и трое снайперов-мужчин.

Подруги поздравляли нас, не скрывая своей зависти, просили передать привет Родине. Снайпер Маша Морозова, от огорчения забыв об уставе, подошла к командующему фронтом и, теребя обшлага генеральской шинели, повторяла, как ребенок:

— Товарищ генерал, за неделю обернусь. Товарищ генерал, миленький!..

Командующий, не найдя что ответить, аж задохнулся от изумления. Рослая, щекастая деваха, гвардии сержант, ведет себя, как дитя малое! Однако отпуск дал. На целых десять суток, включая дорогу.

Как радовалась, как прыгала и веселилась Маша! Не знала еще, что ждет ее по возвращении. Опережая события, расскажу, как все произошло.

С побывки Морозова вернулась счастливая: всех повидала, везде побывала, даже в театре. В день ее приезда предстоял пеший марш. Маша устала с дороги, а может, просто поленилась идти — упросилась в попутную машину. По дороге к передовой грузовик подорвался на забытой мине. Машу Морозову и попутчика, сидевшего с ней в кузове, убило на месте. Рядом мы их и похоронили. Я сплела венки, устроила цветы в изголовье могилы...

Надолго запомнился мне первый приезд домой с фронта. Раннее утро. Не иду — бегу пустынной в этот час улицей. Вот и наш дом. Стучу в знакомую рассохшуюся дверь, а

сердце, кажется, стучит еще громче: тук, тук, тук! Дома ли мама?

Меня ждала радость: мама только вернулась с ночной смены. Слезы лились по ее лицу, не переставая, но это были слезы счастья. А когда мама вытерла их, я увидела, как сдала, будто усохла вся, моя дорогая старушка. Вроде и ростом поменьше стала. А может, это я поднялась на армейских харчах?

Первую ночь, как в раннем детстве, спали вместе в маминной постели. Вернее, не спали, шептались до рассвета. Спрашиваю ее:

— На работу надо идти или пропустишь день?

— Ой, надо, доченька, нельзя пропускать! Ваш заказ, фронту.

— Тогда поспим, мам. У меня глаза слипаются.

Отвернулась она к стенке, а я по дыханию слышу: не спит мама, только виду не показывает, чтобы меня не разбудить. И я не сплю...

В конце двухнедельного отпуска, пролетевшего, как один день, хватилась: ходила, ходила в булочную на углу, а денег ни разу не заплатила. В армии паек бесплатный, отвыкла от денег, от карточек. Бегу в магазин, спрашиваю продавщицу:

— Сколько с меня причитается? За все время.

— Не велики деньги! — говорит она. — Я сразу догадалась, что вы в армии забыли, какие такие рубли-копейки бывают. Скажи, дочка, скоро ли война кончится?

— Теперь уже скоро, — отвечаю уверенно. — Коль вперед пошли, больше нигде не остановимся. Русский человек медленно запрягает, да быстро ездит! — Я вспомнила слова нашего комиссара Булавина, которые он любил повторять во многих ситуациях.

И снова расставание на перроне, видевшем за эти годы столько разлук. Маму отпустили с работы, чтобы могла проводить меня. Вот и поезд подошел, пора.

— Не плачь, мама, не надо! Скоро насовсем вернусь, заживем с тобой на славу!

Мама не слышит ничего, слезы душат ее, не может слова вымолвить. Я сдерживаюсь из последних сил — все же гвардии старший сержант, кавалер орденов. Только когда увидела в вагонном окне удаляющуюся одинокую фигурку в темно-синем платье, в клетчатом черном с белым платке, меня так и качнуло к стенке. Крупные слезы падают на грудь, а я твержу, словно она может слышать:

— Мама! Милая мамочка! Мама!

«ОТГРЕМЕВ, ЗАКОНЧИЛИСЬ БОИ...»

В дни штурма немецкой столицы девушкам-снайперам пришлось сменить специальность. Маршал Жуков, решив ослепить врага перед ночной атакой, приказал стянуть на узкий участок фронта все имеющиеся в наличии прожекторные установки. Наши девушки очень быстро освоили свою новую профессию.

Тысячи прожекторов в назначенный час ударили по вражеской обороне. Именно ударили, так нестерпимым был в ночи блеск искусственных солнц. Пока фашисты протирали заслезившиеся глаза, пока они старались разглядеть что-либо в сгустившемся после светового удара мраке, наши тяжелые танки уже прорвали оборонительный обвод, атакующие забрасывали дзоты гранатами, поливали все перед собой автоматным и пулеметным огнем.

Штурмовая танковая бригада с автоматчиками на броне ворвалась в берлинское предместье. Из оконных проемов, из-за развалин выплескивались огненные хвосты — это эсэсовцы, последний оплот обезумевшего фюрера, фаустпатронами пытались остановить советские танки.

С отделением автоматчиков я перебежала от дома к дому. Очистив от фашистов чердак, мы с крыши били в тех, кто продолжал бессмысленное сопротивление...

Я горжусь своими боевыми орденами, они нелегко достались. Но одной из самых почетных наград считаю грамоту участника взятия Берлина.

В ночь на 3 мая стрельба стихла. Над рейхстагом развевался красный флаг победы. Воины расписывались на выщербленных осколками и пулями массивных колоннах. Где-то в уголочке, на уцелевшем чистом месте, расписалась от имени уральцев и я.

Все с нетерпением ждали официального объявления конца войны, а его все нет. Советские танкисты еще вели бои за Прагу, там был обложен крупный гитлеровский гарнизон. В Прибалтике части фронта держали в котле окруженные, прижатые к морю немецкие дивизии. Но смолкли выстрелы и там.

Вечером 8 мая экстренное сообщение по радио из Москвы: завтрашний день — 9 мая — объявляется Днем Победы. Что тут поднялось! В воздух стреляли из всех видов оружия: винтовок, автоматов, пистолетов. Трассирующие очереди зенитных пулеметов рисовали узоры в берлинском небе...

В конце июля большая группа девушек и солдаты старших возрастов, демобилизуемые в первую очередь, уезжали на родину. С легким сердцем покидала я неметчину. Все, все, что видела красивого в Германии, не променяла бы на скромный край, «где в гору поднимается дорога, изрытая дождями, где три сосны стоят...».

Весь долгий обратный путь не отрывалась от окна вагона. Какие у нас просторы, какое богатство и красота вокруг! После чужбины особенно сильно любишь свою Родину, землю отцов и дедов наших...

Вот и Урал-батюшка с его лесистыми предгорьями, с дымящими днем и ночью трубами заводов! Вот и моя красавица Кама!

Здравствуй, Пермь-матушка, принимай свою дочь!

Старенький трамвай с трудом вместил всех, кто ехал в мой район, прославленную Мотовилиху. Ничего, в тесноте, да не в обиде! Пассажиры — как до войны, даже разговоры прежние: не нравится, что толкают, — ехали б в такси!

Чем ближе к дому, тем тревожнее на душе: здорова ли мама? Встретит ли? Я и не ведала, что письма фронтовых

друзей, сообщавших о моем отъезде, обогнали воинский эшелон. Мама ждала меня уже который день...

Как мы встретились — не берусь описывать, каждый, кто вернулся с войны, без меня знает это. Мама плачет от радости, я смеюсь, успокаиваю ее и сама плачу. Зашли соседи — опять слезы: не всем война вернула родных и близких...

Получила военный билет, паспорт. Я гражданский человек, армия где-то далеко-далеко. И все же, выйдя из дома, ловлю себя на том, что неприметно для прохожих ощупываю свой костюм: все ли в порядке? После воинской формы шелковое платье кажется непривычно легким, почти воздушным. Встретив офицера, с трудом удерживаюсь, чтобы не перейти на строевой шаг, на полпути останавливаю руку, вскинувшуюся по привычке к виску для приветствия. Знаю, что и мои боевые подруги испытывали нечто подобное после демобилизации.

О том, как начала работать и трудилась много лет после войны, какие общественные и партийные поручения выполняла, как вырастила сына, можно много рассказывать. Но это уже другая жизнь. Здесь я расстаюсь со своей боевой молодостью, с дорогими моими девочками.

СТЕПАН ГАВРИЛОВИЧ ИВАНОВ. Родился в селе Тауш Чернушинского района Пермской области. В годы Великой Отечественной войны — летчик-истребитель, командир эскадрильи, заместитель командира полка, штурман 148-го гвардейского истребительного авиаполка особого назначения. Принимал участие в боях с фашистами в небе Мурманска, Сталинграда, Курска, Киева, Минска. Воевал в Польше и Германии. Герой Советского Союза. Умер в 1983 году.

В ОГНЕННОМ НЕБЕ РОДИНЫ

ДОРОГА В ПЯТЫЙ ОКЕАН

В моей судьбе отразилась биография целого поколения. И я пишу о себе, чтобы показать, насколько мы, дети Октября, счастливы от сознания своей личной причастности к созиданию и защите той радостной жизни, какой живут сегодня советские люди.

...Придавленные временем и беспросветной нуждой три десятка бревенчатых, почерневших и покосившихся домишек с тусклыми, подслеповатыми окнами, разбросанных на крутом холмистом берегу реки Танып. Здесь, в селе Тауш Чернушинского района Пермской области, я родился и вырос.

Деда и прадеды мои крепко держались за землю. Вдоволь иметь хлеба — об этом мечтали они всю жизнь. И все же голод был их вечным спутником. Но и в первые после-революционные годы жизнь не баловала моих земляков: случались неурожай, засуха, гибель скота. Тяжело доставался хлеб в одиночку. Десять потов сойдет, пока подготовишь свой клочок земли к севу. Нашей семье было чуть легче — имели лошадь. А каково приходилось безлошадным! Впрягались в соху сами и тянули, тянули изо всех сил, или шли на поклон к местному кулаку. Он охотно давал лошадь, плуг, борону или другой сельхозинвентарь. Но за все это брал третью часть урожая. Хорошо, если хлеб уродился, а если нет?

Вихри новой жизни, поднятые Октябрьской революцией, взбудоражили и затерявшееся в глубине России село Тауш. Особенно запомнился мне майский день 1929 года. Несколько наиболее обездоленных крестьянских семей решили объединиться, чтобы сообща обрабатывать наделы. Собрание проходило долго и бурно. Свое артельное хозяйство крестьяне называли гордым именем «Красноармеец». В память о расстрелянных за околицей села бойцах Красной Армии в 1918 году. Первым организатором колхозной жизни стал демобилизованный красноармеец Илья Лаврентьевич Черных. В числе первых записались в колхоз мой отец, Гавриил Макарович, и старшие братья — Александр и Василий.

Мы, школьники, как могли, помогали молодому колхозу: сгребали сено, выбирали картофель на полях, собирали колосья. ...С восходом солнца гоним лошадей из ночного, на конный двор. Красив наш край в час восхода солнца! Тихо, безветренно. Уральские горы кажутся хрустально-прозрачными. Их вершины первыми встречают солнце.

Однажды в такое вот утро я стоял у погасшего костра и любовался величественной панорамой. Внезапно где-то в вершинах сосен раздался гул. Задрав голову, увидел, как в небесной синеве плыл двухкрылый самолет.

Я уже слышал, что есть такие машины, которые летают, но воочию убедился в этом впервые. Самолет скрылся за ближайшей возвышенностью. Мне показалось, что он сел, но, взбежав на пригорок, увидел, что винтокрылый аппарат продолжает свой путь.

Я долго стоял и смотрел, как он все уменьшался и стал почти точкой. В тот раз родилась мечта — ближе рассмотреть самолет.

После окончания семилетки я поделился с родителями своим желанием учиться дальше и стать летчиком. Мнения резко разделились. Мать настаивала на продолжении моей учебы в школе, а отец и слышать об этом не хотел:

— Все стоит земель, — твердил он. — Ближе ее нет ничего. Семилетки тебе хватит. Вот Александр, два класса име-

ет, а в колхозе почет ему. Трудится хорошо. Василий выдвинут на конюшню — тоже почет. При колхозной тягловой силе состоит. Вот и ты иди к нему.

Правильно говорил отец и о земле, и о людях, возделывающих ее. Но он уже понимал и другое: с приходом машин в колхоз потребуются и токарь, и слесарь, и электрик, и многие другие специальности. Поэтому в голосе его все чаще чувствовалась неуверенность в правильности своих суждений. Он все чаще уступал матери в спорах, и, наконец, согласился отпустить меня в Камбарку — в ФЗУ.

Последним августовским днем 1930 года я уходил из родного села. Провожая меня, мать с грустью сказала:

— Старею уж, увидимся ли, не знаю. Учись, сынок, хорошо, слушай старших.

Я обещал учиться хорошо, и обязательно приехать на каникулы домой.

Но свидеться нам больше не довелось. Зимой она внезапно заболела и вскорости умерла.

343 раза вылетал я на боевые задания по защите матери-Родины, и каждый раз при мне была пожелтевшая от времени фотография родной матери. Мать-Родина и родная мать — понятия неразделимые.

...После того как мне удалось освоить азбуку токарного дела, время полетело быстро. Казалось, еще совсем недавно приступил к занятиям, а вот уже на носу и выпускные экзамены. Я сдал их на «отлично». Вместе с документами об окончании училища мне вручили похвальную грамоту.

Призыв IX съезда ВЛКСМ «Комсомолец — на самолет!», прозвучавший в 1931 году, окончательно завладел моими чувствами. Конечно, я восхищался авиацией, но как попасть в небо, если нет грамоты?

— В Свердловске есть автодорожный техникум, там же есть и аэроклуб. Смекаешь? — спросил меня однажды Александр Шишкин, мой земляк, страстно мечтавший сесть за руль автомобиля.

— Не совсем, — ответил я.

— Можно совмещать учебу в техникуме и аэроклубе. Теперь понял?

Не заезжая домой, мы поехали в Свердловск.

Успешно сдав экзамены в автодорожный техникум, на отделение эксплуатации и ремонта автомашин, я пошел записываться в аэроклуб.

— О небе мечтаешь? — спросил крепыш в зеленой гимнастерке. — Это хорошо! Только маловат еще для авиации. Да и в техникуме надо показать себя: с плохими оценками мы не принимаем. Приходи через годик, посмотрим!

На следующий год я принес в аэроклуб заявление с путевкой комитета ВЛКСМ и всеми нужными документами.

— А как же техникум? — спросил начальник аэроклуба.

— Буду осваивать автодорожное дело и летное. Пригодится, — ответил я.

— Решение хорошее, — похвалил начальник аэроклуба. — Сейчас, когда в воздухе запахло порохом, наша молодежь, как никогда, должна быть готова к защите Родины.

Документы мои приняли, и меня зачислили на авиамodelное отделение, через месяц перевели на планерное, но мне хотелось летать немедленно, тотчас же. И я пошел к начальнику аэроклуба.

— Чтобы стать летчиком, надо хорошо освоить теорию авиации и авиатехники, — выслушав мою просьбу, сказал он. — На планерном отделении вы все усвоите. А группа пилотов от вас не уйдет.

На следующий год я был зачислен в группу пилотов. С тех пор аэродром стал моим вторым домом.

Узнав о моих увлечениях авиацией, отец перестал высылать мне деньги. Пришлось вечерами подрабатывать на разгрузке железнодорожных вагонов. Особенно трудно было в дни летних каникул, когда стипендию не платили. Приходилось вставать до восхода солнца, бежать на аэродром, затем — на разгрузку вагонов. После работы снова спешил на аэродром и до темноты изучал материальную часть самолета, теорию пилотирования, готовил самолеты к полету.

Сдав успешно экзамены по теории авиации и авиатехнике, я ждал, что вот-вот инструктор разрешит мне подняться в воздух.

И вот первый вылет. Самолет в воздухе. Слышу голос инструктора:

— Делаем срыв в штопор.

Убираю газ, затих мотор, самолет как бы повис в воздухе. И вдруг заваливается на правое крыло, закружилась земля. Сердце замирает от сознания: «А вдруг инструктор не выведет машину из штопора».

А в переговорной трубе снова слышится голос инструктора:

— Испугался?

— Никак нет. — А сам думаю: «Хоть бы не торопился со следующей фигурой».

В кабине опять послышался бас инструктора:

— Выполняем петлю.

И мы уже летим вниз головой. Ноги и руки дрожат, стараюсь вида не подавать, смотрю вперед на горизонт.

Полет окончен. Вылезаю из кабины. В ушах гудит, стучит, земля под ногами плывет, а в сознании проскальзывает мысль: «Не освоить тебе, Степан, летного дела».

Инструктор Дмитриев на похвалы был скуп. И все же он мне нравился своей принципиальностью, требовательностью, внимательностью и чуткостью. Но и спрашивал строго за малейшее отступление от летных правил. В тот день он сказал мне:

— Техникой пилотирования владеешь хорошо, а вот своими нервами — плохо. В небе тем и другим надо владеть в совершенстве...

И вот настал день, когда Дмитриев подал команду:

— Учлет Иванов, в самолет!

Поднимаюсь в первую кабину, замечаю — во второй кабине закреплен мешок с песком, значит — лечу один! Привязываюсь ремнями. На крыло поднимается инструктор:

— Действуй, как я учил.

Преодолеваю волнение, осматриваюсь. Прошу разрешение на взлет. И вот я в воздухе. Самолет послушен малейшему движению руки. Совершаю круг над аэродромом. Стараюсь выполнять все по-порядку, как учили. Захожу на посадку. Хотелось сесть точно у «Т» на три точки, но поспешил: рано убрал газ, потерял скорость, и самолет резко плюхнулся вниз, не дотянул до посадочного знака.

Дмитриев первым подбежал к машине, но не поздравил меня, а сказал просто: «Хорошо. Только подчисти посадку».

Мысль стать военным летчиком возникла у меня тогда, когда я заканчивал учебу в аэроклубе. Однажды к нам принимать экзамены по пилотированию прибыл военный летчик. Его образцовый внешний вид, безукоризненная строевая выправка, обширные познания в области авиационной техники произвели на меня неизгладимое впечатление. Он казался мне идеалом не только летчика, а и человека вообще. А после его рассказа о себе и курсантах училища мне стало ясно, что цель моей жизни четко определилась.

В один из последних августовских дней 1936 года я переступил порог Оренбургской школы летчиков и летчиков-истребителей имени К. Е. Ворошилова (ныне Оренбургское высшее военное авиационное училище имени И. С. Полбина). Созданное в 1921 году, училище это стало настоящей кузницей воздушных защитников советского неба. Из стен его вышли многие прославленные летчики: В. П. Чкалов, И. С. Полбин, С. И. Грицевец, Л. И. Беда, С. Д. Луганский, И. Ф. Павлов, Е. П. Федоров, А. С. Смирнов, В. Н. Осипов и многие другие. Юрий Гагарин — тоже воспитанник этого училища.

Я, как и многие другие учлеты, прибывшие из Свердловска, был зачислен в училище без экзаменов.

Довелось с первого дня командовать отделением курсантов. О примерности в учебе напоминать никому не приходилось. Каждый страстно хотел летать. Отличная учеба и образцовая дисциплина были нашей первой заповедью.

В середине 20-х годов в школе инструктором работал

М. М. Громов. Еще в годы гражданской войны он на стареньком, пробитом пулями и осколками самолете бомбил войска Колчака. Самым выдающимся его учеником стал Валерий Чкалов, который проходил в училище курс боевого применения авиации.

Валерий Павлович перенял громовский почерк полета, его школу мастерства, а мы стремились научиться выполнять, как он, перевернутый полет, восходящий штопор, четвертную бочку. В годы Великой Отечественной войны мне не раз приходилось в сложных условиях использовать эти боевые приемы, вести воздушный бой на вертикалях, стрелять при любом положении самолета. Так что уроки те не пропали даром.

Моя учеба в училище совпала с тем временем, когда на мир надвигалась коричневая чума, когда в Испании полыхал фашистский мятеж, создавалась пресловутая «ось» Берлин — Рим — Токио, вблизи северо-западной границы СССР возводилась «линия Маннергейма». Мы понимали, что рано или поздно фашистская орда, подталкиваемая империалистическими государствами, может ринуться на нашу страну, и потому учились военному делу с огромной настойчивостью. Запомнились слова В. П. Чкалова, прочитанные мной в газете училища «Контакт»:

«...Научиться быстро летать — это еще не достижение, — писал он, — нужно так научиться летать, чтобы в любой момент быть готовым для защиты Родины с воздуха».

Наше дружное отделение без замечаний прошло курс молодого бойца и завоевало первое место в отряде и эскадрилье. Наконец, наступил памятный день. С утра оделись в парадную форму. Выстроились с карабинами на городской площади. Город готовился к встрече 19-й годовщины Великого Октября — расцвел флагами, транспарантами, портретами. Прямо перед нашим строем располагался большой портрет Владимира Ильича Ленина. На трибуне — представители интеллигенции, рабочих и колхозников. Как передать чувство гордости, которое владело мною в этот день! И не только мною. По лицам товарищей видел, что они переживают то же самое.

Мы присягаем на верность своему народу, Коммунистической партии.

...Учимся напряженно. В просторных классах стоят длинные столы, на стенах много плакатов, схем. На столах — приборы, детали, действующие макеты. Каждый прожитый в этих стенах день приносит новую информацию, навыки, опыт. А инструктор нашей группы лейтенант Варлашин все время повторяет: «Чтобы хорошо летать, надо много знать...»

Мы и старались. Но не всегда все получалось гладко.

Помню первый самостоятельный вылет на истребителе. Ввиду того, что я был в числе отличников боевой и политической подготовки, мне разрешили самостоятельный вылет. Сам полет прошел без сучка, без задоринки, это я чувствовал, но конец, говорят, всему делу венец, а впереди еще была посадка. Я же не рассчитал скорость, рано выровнял самолет и проскочил посадочный знак. Самолет выкатился за полосу и остановился. Настроение было скверное: клял свое лихачество, самоуверенность, грызло чувство вины перед инструктором и товарищами по отделению.

Лейтенант Варлашин принял мою беду близко к сердцу и старался меня подбодрить:

— Зачем нос вешать?! С кем не бывает? Сегодня не получилось, завтра получится... А духом падать — совсем нехорошо!

Кажется, ничего особого не сказал, но мне до сих пор помнятся те слова.

Однажды в гости к нам, курсантам, приехал Герой Советского Союза Анатолий Константинович Серов, участник боев в Испании. Героическая и интересная судьба у этого человека. Коммунист Серов являлся одним из инициаторов действий истребителей ночью. В таких боях он уничтожил 8 вражеских самолетов. На встрече Анатолий Константинович сказал: «Летчик-истребитель должен быть дерзким, хладнокровным, отважным, всегда точно рассчитывать свои действия, безукоризненно знать боевую технику — свою и противника. Быть мужественным и смелым...»

Я жадно слушал рассказы прославленных летчиков, похорошему завидовал им. Точно такую же зависть читаю я теперь в глазах мальчишек, когда рассказываю им о своих боевых товарищах.

...Позади остался год учебы в училище, впереди — еще один. А теперь был отпуск, и я решил съездить на родину, в Тауш. Когда с отпускным билетом вышел из штаба, казалось, оттолкнись я посильнее от земли — и без самолета взлечу в небо. Даже многочисленные и длительные остановки поезда на станциях и полустанках не могли уменьшить радость встречи с родными местами. Со станции Чернушка пошел пешком. Отмахал десяток километров, но усталости не почувствовал. Дома ждала незабываемая встреча. Пришли братья с женами, соседи, брат Александр развернул мехи «хромки», полилась музыка.

В тот же вечер ребята пригласили меня в клуб. Я согласился с большой охотой, так как надеялся встретить там свою соседку. Застенчивая и скромная, она давно приглянулась мне, еще со школьной скамьи. В тот вечер не сводил с нее глаз, да и она посматривала в мою сторону. После вечеринки пошел провожать ее.

Видно, не так уж и коротка была дорога до ее дома. Пока дошли, вторые петухи начали петь. А однажды домой пришел не один. Заробели мы, никак не решимся порог переступить. На крыльце появился отец. Отступать, как говорится, nowhere.

— Знакомься, моя невеста.

— Чего же знакомиться-то, личность знакомая — Анна, Кирилы Максютинна дочка. Проходите в дом, не стесняйтесь, коли серьезно решили.

Так Анна Кирилловна Максютинна стала моей подругой жизни. Она разделала со мной все горести и радости на большом жизненном пути.

За свой ратный труд я удостоен звания Героя Советского Союза. В сиянии Золотой Звезды есть отблеск и ее заслуг, верного товарища, боевой подруги...

Мой приезд в боевую часть и встреча с командиром прошли буднично, но запомнились на всю жизнь.

Когда я прибыл в местечко Кречевицы, что под Новгородом, было ясное ноябрьское утро 1938 года. На небе — ни облачка, и вся округа — густой лес, верхушки кустарника, выглядывающие из-под голубого снега, белые крыши домов — все застыло в морозном оцепенении. Местность чем-то походила на нашу, пермскую. Это бодрило и радовало меня.

За годы войны мне довелось побывать на Кольском полуострове, в степях Украины, летать над лесами Белоруссии, полями Польши... Всюду я находил сходство с пермской землей. И понял, что моя малая родина — родная сестра другим землям.

...Неожиданно над головой послышался гул. Из-за темной полосы леса вынырнул самолет И-15 и пошел на посадку. Из разговора с летчиками я уже знал, что предстоит летать на старом типе самолетов, а не на И-16, который мы изучали в училище. Разочарованные, я, Басов и Зеленцов стояли в узком, полутемном коридоре штаба эскадрильи и ждали командира.

Комэск капитан Елагин, коренастый, плотный, с густой темно-русой шевелюрой, весело поздоровался с нами и предложил пройти в его кабинет.

С лица командира не сходило выражение приветливости, но темные пронизательные глаза смотрели зорко и выжидательно: посмотрим, каких соколов нам прислали.

Тщательно выбритый, в хорошо подогнанной гимнастерке, он выглядел так, словно готовился на парад. И вдруг спросил:

— Известна ли вам формула воздушного боя?

Мы, вновь прибывшие, переглянулись, пожимая плечами, не зная что ответить.

— Верность Отечеству, традициям советской авиации, глубокое знание самолета и его вооружения, умение мастерски

применять его в бою, смелая атака в бою — вот формула боя и залог победы истребителя в воздушном бою...

Насколько эта формула была верна, я убедился позднее — в боях с врагами.

А пока потянулись будни.

Мерить ратный труд приходилось не временем, а уровнем боевого мастерства. Об усталости как-то не думалось: все казалось, что сделано очень мало, что день слишком короток.

Идешь, бывало, вечером домой и думаешь: «Что бы еще сделать, на какие приемы боя обратить больше внимания?»

И так — день за днем.

Однажды к нам зашел командир 2-й эскадрильи капитан Ткаченко.

— Завтра учения. Кто у вас опытный боец? Внесите в плановую таблицу — проведем с ним показательный учебный бой.

Начальник штаба старший лейтенант Заниздра глянул в график:

— Полетит младший лейтенант Иванов.

— Иванов, так Иванов! Пусть готовится...

Погода в тот день стояла морозная и солнечная. Слабый ветерок играл желто-голубым полотнищем авиационного флага на мачте стартового командного пункта. Я ожидал напарника и волновался. В обычные дни, мы, молодые летчики, нередко толпились вокруг капитана Ткаченко: тянуло послушать его рассказы о боях в Испании. Потом я не раз видел, как он летает. Ловко и красиво у него все получалось — с чистотой и отшлифованностью, которая свойственна настоящему мастеру: короткий разбег, энергичный взлет, четкость выполнения пилотажных фигур, уверенная посадка. Было видно: понимает небо и беззаветно любит его, чувствуя себя в нем так же твердо, как и на земле.

Я знал, что еще никто из летчиков не уходил от него «необстрелянным» в учебном воздушном бою. Как правило, победа оставалась за ним.

В назначенное время Ткаченко подошел ко мне, спросил:
— Зона?

— Вторая.

— Расходимся под сорок пять. Бой — по моей команде. Конец — тоже. Вопросы?

— Вас понял. Вопросов нет.

Я хорошо знал эту зону: под крылом — замерзшее Чудское озеро, со всех сторон окаймленное лесом. Здесь был домик егеря, у которого я отдыхал, когда ходил на рыбалку.

Самолет капитана дважды качнулся с крыла на крыло. Это означало: мы должны разойтись, чтобы затем сойтись в схватке.

«Ну, Степан, держись!» — сказал я себе, вводя машину в разворот.

...Начали сходиться. На мгновение заметил промелькнувший мимо самолет «противника» и сразу ввел свою машину в левый боевой разворот. В верхней точке разворота оглянулся: «противник» не отставал и, видимо, выжидал удобного момента, чтобы выйти на прямую и открыть «огонь». Успеваю бросить машину в крутой вираж и с силой тяну ручку на себя, чтобы уменьшить радиус разворота.

Прежде я не раз так делал, подражая Валерию Чкалову. Не выдержав перегрузки, «противник» — по идее — должен был отстать. Но капитан Ткаченко оказался не из тех, кто боится большой перегрузки. Откровенно говоря, я на это все же рассчитывал. Как-никак, а он на десять лет старше меня.

Но капитан, казалось, смеется надо мной. Он сидит у меня на «хвосте», как привязанный, не отстает и не меняет маневра.

Снова бросаю машину вверх. Когда мой самолет перевернулся через крыло, «противника» позади не оказалось. Он ходил внизу, перекладывая самолет из виража в вираж. «Что случилось? Атаковать меня он не мог», — подумал я, идя на посадку.

К зарулившим самолетам подошел наш комэск. Ткаченко устало выбрался из кабины и сказал ему:

— Иванов ваш — молодец: хватка у него истребительская! Так и не дал мне «стрельнуть» по нему.

— Поздравляю! — Ткаченко крепко пожал мне руку.

И откуда нам было знать, что шесть месяцев спустя мы встретимся в Кремле, и я буду поздравлять его с высоким званием Героя Советского Союза, а он меня — с орденом Красной Звезды.

Учебные бои — это лишь подготовка к самому трудному испытанию. Такой час настал — на нашу северо-западную границу напали белофинны.

Пришлось серьезно оттачивать стремительность атаки, учиться штурмовать и бомбить позиции противника под огнем его пулеметов и зенитных орудий. В этих боях я приобрел опыт, который пригодился мне в Отечественную войну.

...Накануне нападения белофиннов наша эскадрилья перебазировалась под Петрозаводск в местечко Бесовец, но вскоре из-за частого артиллерийского обстрела пришлось перелетать на запасной аэродром, который разместился на озере Соу-Ярви. Как ни странно, но в самом Петрозаводске жилось тревожнее, чем здесь, на аэродроме, хотя и находился он ближе к линии фронта.

В один из последних декабрьских дней поступили сведения о большом сосредоточении финских войск вблизи города Вертсиля.

Звену, в котором я находился в качестве ведущего, приказано было произвести разведку. Командир эскадрильи подробно ознакомил летчиков с особенностями театра боевых действий. Командир тщательно инструктировал нас. Он понимал важность первого боевого вылета.

В первом бою нужно победить не только врага, но и себя, свою неуверенность, скованность, страх.

Сигнал. Летчики быстро выстраиваются у стартового домика. Даю последние указания о порядке взлета и сбора по кругу, о действиях в воздухе при встрече с противником, о заходе в зону бомбометания и выходе из нее.

...Смотрю на часы: прошло уже тридцать пять минут полета, а противника не видно. Невольно закрадывается мысль об ошибочности сведений наземной разведки.

Вдруг мой самолет подбросило. Видимо, подо мной в воздухе разорвался снаряд. Выравниваю машину. Сделал «горку» и нырнул в облака. Оглянулся — Сергей Зеленцов и Владимир Басов повторили мой маневр и теперь, покачивая крыльями, давали понять: все в порядке.

Снова снижаемся. Теперь перед нами извилистые ходы сообщения, окопы, паутина проволочных заграждений, лесные завалы, полевая артиллерия на огневых позициях. Все это значками наношу на карту. Ребята делают то же самое. Сбрасываю, одну за другой, две пятидесятикилограммовые бомбы на скопление техники. Затем заходим повторно. Почти на бреющем полете поливаем врага огнем из пулеметов и уходим.

Оглянулся: не подбит ли кто из наших? Нет!

Так закончился первый боевой вылет для меня и моих товарищей.

В середине февраля 1940 года командованию стало известно, что на наше направление переброшено несколько свежих вражеских частей, которые передвигаются на лыжах. Разведка установила местонахождение неприятельского штаба, и нам поставили задачу уничтожить его.

— Туда и обратно — на максимальной скорости! Иначе...

Я понимал, чего не досказал командир. До наступления темноты времени оставалось очень мало, а ни самолет, ни аэродром для полетов в ночное время не приспособлены, да и навыка таких полетов мы не имели.

Мотор не запущен. На плоскость самолета поднимается комиссар эскадрильи Григорьев. Он что-то говорит, но его голос тонет в самолетном гуле. Тогда он наклоняется ко мне и кричит в самое ухо:

— Помни, сегодня тебя принимаем в партию...

Знал я, что задача поставлена не из легких. Штаб противника, который предстояло уничтожить, был хорошо замаскирован и прикрывался зенитными средствами.

Лететь пришлось долго. Внимательно просматривая каждую опушку леса, холм.

Неожиданно стала просматриваться тропинка в глубоком снегу, которая обрывалась в густом сосняке. Вывожу самолет в набор высоты, разворачиваюсь и бросаю его в крутое пике. И тут яростно ударили зенитки. Стало ясно: штаб здесь!

Тщательно прицеливаюсь, пара «пятидесяток» отрывается. Самолет вздрогнул и, освободившись от бомб, круто пошел вверх. Один за другим прогремели взрывы. Уйти от ударной волны не успеваю: она подхватила самолет на свой гребень и подбросила на добрых сто метров. Позднее в фюзеляже и плоскостях самолета механики насчитали до пятидесяти пробоин, а из парашюта извлекли пулю. Но все обошлось благополучно.

Вечером, в палатке, доверху занесенной снегом, при свете керосиновой лампы на партийном собрании эскадрильи двенадцать человек слушали мое заявление: «Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП(б). Звание коммуниста оправдаю в бою...».

С того дня прошло более сорока лет. За это время мне довелось участвовать в работе многих собраний, партийных конференций. Я заседал в залитых неоновым светом залах. И все же до мельчайших подробностей помню именно то собрание, в сороковом году на финском фронте. В тесной и холодной палатке, на сырых ветках, прикрывавших полузамёрзшую землю, сидели утомленные тяжелыми боями люди.

— Теперь мы стали сильнее еще на одного коммуниста, — сказал комиссар эскадрильи, крепко пожимая мне руку.

В конце мая 1940 года я прибыл в истребительный авиационный полк, который базировался на острове в Белом море. Назначили меня на должность командира звена. А эскадрилей, куда входило мое звено, командовал старший лейтенант Арам Чогошвили. Оказалось, полк летает на И-153, а я знал только самолеты И-15 и И-16. Всю ночь изучал инструкции по технике пилотирования на И-153. Утром вышел на стоянку, вижу, комэск уже осматривает машины. Завидев меня, подзывает.

— Вот ваша машина, товарищ лейтенант.

Мы вместе стали осматривать самолет. Я изучал кабину, включал мотор. «Живая» машина не то, что инструкция к ней. Чогошвили подсказывает, советы дает. Вместе с ним запускаем и включаем мотор, изучаю прицел, оружие, реактивную установку. Затем командир как следует «погонял» меня по инструкции.

Я был приятно удивлен: до чего просто, без всяких официальностей держался Чогошвили со мной, новым человеком, и со всеми — с техниками, механиками, летчиками... В общем, с помощью Арама Чогошвили и других товарищей я постиг все новшества И-153 и уже на другой день смог сдать зачет по авиационной технике. Инженер полка даже удивился, что я так быстро подготовился к зачетам.

Тренаж в кабине самолета и моя подготовка к первому самостоятельному вылету на И-153 тоже шли под руководством Арама Чогошвили. Он давал мне «провозные», как инструктор. Скажет: «А ну дорогой, в каком порядке будешь запускать мотор?..» Потом спросит о порядке руления, о технике взлета, о скоростях, углах, кренах... Потом задает мне «особые случаи» в полете, проверяет быстроту реакции...

Выполнил я контрольный полет и получил право летать на И-153.

Быстро продвигаясь по летной программе, наше звено вскоре стало выполнять полеты на отработку боевых действий, включающих поиск и атаку воздушных целей. Большое внимание уделялось вопросам тактики. Причем все занятия по тактике воздушного боя строились так, чтобы летчик вырабатывал умение мыслить в бою, находить наиболее грамотное тактическое решение.

Все это делалось для того, чтобы каждый летчик мог в случае необходимости выбрать наиболее выгодный вариант ведения воздушного боя, был полностью, как говорится, отомобилизован и готов к уничтожению противника с первой атаки на заданном рубеже.

Мы прекрасно были осведомлены о том, как расплзается фашизм по Европе и поэтому не строили иллюзий в отноше-

нии нашей безопасности. Мы отдавали себе отчет в том, что гитлеровская Германия, заключившая с СССР пакт о ненападении, не отказалась от своей главной цели — ликвидации социалистического государства.

— Мы военные летчики, — любил повторять Чогошвили, — мы готовимся для боя. А для этого надо учиться действовать не шаблонно, а творчески, инициативно, всякий раз применять новый тактический прием.

Сам командир подавал хороший пример того, как нужно вести воздушный бой одиночно, в составе пары, звена. Каждый вылет с ним был для нас хорошей школой возмужания. Однажды и я удостоился его благодарности. А было это так.

Приняв доклад техника о готовности самолета, занимаю место в кабине. Есть некоторое время на вхождение в рабочую обстановку: еще раз мысленно повторяю порядок своих действий в воздухе, продумываю всю динамику боя.

Получив разрешение на взлет, поднимаю машину в морозную высь. Пилотируемый командиром самолет, обозначающий «противника», маневрирует курсом и высотой. Еще несколько секунд, и он откроет «огонь» по моей машине. Резко перевожу машину в пике с разворотом вправо.

Убедившись, что «бой» на горизонталях не приносит ему успеха, Чогошвили перешел на вертикальный маневр. Его машина почти свечой взмыла вверх.

Следуя примеру командира, разгоняю машину и веду ее на косую полупетлю Нестерова. Перевернувшись в верхней точке через крыло, использую оставшийся запас скорости, иду еще на один боевой разворот и оказываюсь выше машины командира.

Комэск сразу понял, что с такой позиции «уничтожить» его мне не составляет никакого труда. И он дал сигнал следовать на аэродром.

Смотрю вниз. Белое море гонит пенистые волны, среди них серо-зеленый пятачок острова, с раскинувшимся аэродромом с его служебными и жилыми строениями.

Иду на посадку. На высоте двести метров начинаю гасить

скорость. Легкий толчок, каким всегда встречает земля, небольшая пробежка по взлетно-посадочной полосе, и полет окончен.

Подхожу к машине командира. Он распекает техника.

— На таком тихоходе только молоко возить! Двигатель недодает обороты на десять-пятнадцать процентов, а вы выпускаете машину в воздух. Безответственность!..

Позже техник рассказывал, что двигатель работал «как зверь», что все системы проверил — «все в норме».

Вечером на разборе полетов старший лейтенант Чогошвили сказал:

— Дрались вы, товарищ Иванов, хорошо. Замечаний нет. Только, кто вас учил делать двойной боевой разворот?

— Вы, товарищ командир.

— ??

— Ну, вы же перед каждым полетом говорите, что воздушный бой — это творчество...

Весна 1941 года наступила рано. Как-то сразу заголубело небо, что редкость в этих краях. Засияло солнце, подсохла земля. А раз аэродром подсох, значит, начинай полеты.

В авиации нельзя научиться чему-то одному и жить этим всю жизнь. Чтобы не отстать, не потерять летную форму, приходится учиться каждый день.

В мире все сильнее пахло порохом, поэтому наша учеба усложнялась. Однажды в эскадрилью поступил приказ переучиться для полетов в ночных условиях. Первым, после Чогошвили, ночной полет был доверен мне.

— Не забывай об ориентировке, внимательно следи за показаниями приборов, — напутствовал меня командир.

Я согласно кивал головой, старался казаться спокойным. Но это только внешне. Ведь первый полет есть первый, как бы хорошо теоретически ты ни был подготовлен к нему.

...Звезды были всюду: вверху, внизу, перед самолетом и сзади него. Каждая из них казалась живым существом и как будто смеялась над моей растерянностью. Действительно, уже более минуты я не мог понять, в каком же положении

находится самолет. Мне казалось, что я лечу в центре огромного шара, густо усеянного звездами, вверх колесами и что кровь уже горячей волной приливает к голове, что привязные ремни больно врезаются в плечи.

Тряхнул головой, глянул на авиагоризонт. Что за чудо! Прибор показывал, что машина находится в режиме горизонтального полета.

И тут я словно проснулся, все стало на свои места. Оказалось, что я не заметил, как миновал береговую линию острова и теперь шел над морем. Было оно на редкость тихим, и водная гладь повторяла в себе звезды, отчего и рождалось представление о полете в шаре: граница неба и земли не просматривалась.

Ночные полеты стали ответственными экзаменами для всех летчиков эскадрильи. Задача эта решалась впервые, поэтому многое приходилось изучать сызнова.

...Воскресное утро выдалось тихим и прохладным. Выплывшее солнце скупо пробивалось сквозь белесую дымку. Над лугом завис жаворонок, и на землю доносилась его залихватая трель. Часа два-три сидел я с удочкой на берегу небольшого залива. Клев был плохой, и я решил вернуться домой. Когда подходил к городу, почувствовал что-то неладное: куда-то спешат офицеры, женщины перебегают от домика к домику, у штаба собралась большая толпа летчиков и техников. Все окрест дышало какой-то непонятной для меня тревогой, чем-то зловещим... Началась Великая Отечественная война.

БОЙ НА ВЕРТИКАЛЯХ

Находился я в тот день в составе дежурной пары. Поступил приказ перехватить и уничтожить разведчика «Хейнкель-111». Погода была облачная, и враг не сразу заметил меня. Заметил только после того, как буквально перед самым носом его машины разорвался пущенный мной реактивный снаряд.

Фашист открыл огонь. Я резко сманеврировал, набрал высоту и снова перешел в атаку. Пора! Рука нажимает кнопку пуска, и из-под крыла вырывается огненный смерч. Мимо! Новый поворот, пуск. И снова — мимо.

Противник яростно отстреливается и пытается нырнуть в облака. Я оказался в критическом положении: под крылом последний снаряд, на исходе горючее.

Во мне вспыхнула ярая ненависть к врагу. Увеличиваю обороты двигателя до предела. Снова прильнул к прицелу. «Хейнкель» стал медленно увеличиваться в размерах. Отсчитываю расстояние: «900... 70... 50...» Пора!

Огненный шар впивается в тело стервятника. Самолет, объятый пламенем, резко падает, разматывая за собой траурный шлейф...

Напористой была моя атака, но она оказалась бы эффективней, если бы сочеталась с высоким огневым мастерством.

Этот бой обстоятельно обсудили в эскадрилье. У нас установился такой порядок: после боевого вылета собираться и детально разбирать удачи и неудачи проведенной схватки. Такие разборы многому учили летчиков.

— Воюйте и настойчиво учитесь бить врага, таков приказ Верховного Главнокомандующего, — любил повторять наш командир полка.

В последних числах ноября 1941 года я получил приказ убыть в город Мурманск.

...Однообразна и скупа природа Заполярья. Невысокие сопки, покрытые низкорослым северным лесом, топкие болота, частые озера. Кругом унылая непроходимая тундра, мох да камень. Даже землянки для летчиков и техников полка, который располагался в местечке Шонгуй под Мурманском, сооружены в камнях. Над головой бесконечное небо, вокруг — немеренные дали.

Эскадрилья, которой мне довелось командовать, входила в состав 769-го истребительного авиационного полка 112-й истребительной авиадивизии. Мы выполняли задачу по прикрытию Мурманска и порта от авиации противника. Этот незамерзаю-

ший северный порт с самого начала войны играл важную роль в снабжении войск. Сюда шли конвои не только советских судов, но и из Америки и Великобритании.

Полярный день долог. Но, кажется, весь он, до единой секунды, наполнен ревом моторов, криком чаек, голосами людей, хлопками сигнальных ракет.

Истребители парами и по одному уходят в небо. Через тридцать-сорок минут, они так же парами и по одному, возвращаются. Воздушные схватки почти не прекращаются.

...Командира полка майора Петра Николаевича Елисеева я встретил около штаба. Внешне он мало выделяется среди окружающих. Среднего роста, сероглазый, с обветренным мужественным лицом, с волнистыми волосами.

— Товарищ майор, старший лейтенант Иванов прибыл в ваше распоряжение, — лихо доложил я.

— Что ж, нашего полку прибыло. Работенки у нас хватает, немец не скупится, подбрасывает, — улыбаясь, ответил он.

— Готов хоть сейчас в бой! — выпалил я.

— Придется подождать, — спокойно ответил командир. — Сначала на земле хорошенько познакомьтесь с летчиками и техниками эскадрильи, изучите по карте местность, над которой придется летать.

В полку по инициативе Елисеева установилось твердое правило: со стажем ты или молодой летчик — все равно обязан учиться военному делу ежедневно. Вот и повелось, не было здесь такого: то воевать, то отдыхать. Каждую свободную минуту использовали для учебы. А отдыхали между вылетами.

...Едва в небе растворилась зеленая ракета, аэродром ожил, словно растревоженный улей.

В пасмурное небо поднялась и наша эскадрилья.

Впереди показалась армада немецких самолетов. Сержант Василий Тишков выбрал лобастого Me-109, нажал на кнопку пуска снарядов, и мгновенно пара огненных смерчей впились в фашистского стервятника. Тот, разваливаясь в воздухе, камнем упал на землю.

Тишков резко набрал высоту, чтобы не столкнуться с обломками фашистского самолета, и тут в перекрестие его прицела попадает еще одна машина врага.

«Врешь, гад, не уйдешь!» — прохрипел Василий, со всей злостью нажимая на гашетку пулеметов. Свинцовые трассы пронзили кабину врага. Самолет моментально сорвался в штопор и упал на землю.

Отважный летчик снова бросил свой самолет вверх. В это время по корпусу машины, по ее мотору прокатилась дробь вражеской пулеметной очереди. Самолет стал терять управление. Два стервятника ринулись на него. Но заградительный свинцовый огонь моих пулеметов поджег машину одного фашиста сразу же, а второй, сделав левый крутой разворот, вышел из боя.

Уже на аэродроме обнаружили: у моей машины срезана лопасть винта, перебит тросик управления огнем пулеметов, фюзеляж почти пополам перерезан пулями, еле-еле держится.

— Удивляюсь, как вы смогли дотянуть до аэродрома, — вздыхал техник самолета, не зная, с чего начинать ремонт.

— Смог. Иначе не имел права...

Так дрались все летчики моей эскадрильи, о чем свидетельствует и следующий бой, который произошел на участке железной дороги Мурманск — Петрозаводск.

— Ваша задача всем наличием истребителей эскадрильи перехватить врага и предотвратить массированный удар по железной дороге, — заключил свой приказ командир полка.

Вскоре пять истребителей, все что у меня было, взмыли в воздух. Идем плотным строем. Едва набрали высоту, как заметили большую группу «юнкеров». Их было около тридцати. Выше бомбардировщиков шли истребители. Я попытался определить их количество, но после двадцатого сбился со счета.

Фашистская армада черной тучей надвигалась на нас. Бомбардировщики упорно держали курс к Мурманску, а истребители стали обходить нас с двух сторон, намереваясь взять в клещи и с коротких дистанций расстрелять.

Главная задача — не дать бомбардировщикам сбросить бомбы.

— За мной! — командуя я и направляю машину на ведущего бомбардировщика, пропуская истребителей.

Стервятник резко отворачивает в сторону. Но пулеметная очередь успевает прошить его кабину. Выход из боя ведущего внес панику в ряды фашистов. Бомбардировщики стали беспорядочно рассыпаться в воздухе, а некоторые спешно сбрасывали бомбы и поворачивали назад.

Фашистские истребители бросились своим на выручку. В наушниках слышу голос комиссара эскадрильи Алексея Анохина:

— За Родину! За Волгу-матушку!

И вот он уже ведет бой с двумя стервятниками. Трассы пулеметных очередей секут воздух над его кабиной. Вот он, маневрируя, уходит из-под удара, круто разворачивается и сам атакует. Один из стервятников клюет носом, заваливается на бок и стремительно уходит за горизонт.

Второй фашист плеснул свинцом и попытался улизнуть на полной скорости, но его настиг огонь моего пулемета.

Яростный порыв мужества и отваги краснозвездных истребителей ошеломил врага. Бомбардировка важного объекта была сорвана: немцы повернули назад.

При тусклом свете мерцающих ракет почти с пустыми баками возвратилась наша эскадрилья на аэродром, но не было среди нас Алексея Анохина.

Много лет я прослужил в Советской Армии, немало встречал хороших политработников. Но больше всех запомнился и полюбился мне этот бывший рабочий из города Горького. Анохин обладал удивительным умением быстро сблизиться с людьми, распознавать их сильные и слабые стороны, исподволь, не выказывая своих должностных прав, влиять на них. Его речь всегда была глубоко аргументированной.

Однажды после напряженного боя летчики и техники собрались в штабной землянке. И, как всегда, вспыхнул политбой.

— Американцы и англичане тянут резину с открытием второго фронта, а вроде бы друзья, — вздохнул кто-то в заднем ряду.

— Верно. Почему бы им не двинуть свои войска? — вступил в разговор авиатехник Владимир Абрамов.

В землянке стало тихо. Все ждали ответа комиссара.

— Мы стоим сейчас на земле, которая обильно полита кровью советских людей. Вспомните март 1919 года. В этом порту высаживались английские и французские войска, а затем к ним присоединилась американская морская пехота. Помните это?

Как всегда, Анохин говорил негромко, но твердо и уверенно:

— Вы знаете, что незванные пришельцы ликвидировали тут Советскую власть, вернули прежних хозяев и приступили к грабежу богатств этого края, к уничтожению людей. И теперь они не заинтересованы в полном разгроме фашизма. Империалистам Америки и Великобритании важно устранить Германию и Японию, как опасных конкурентов в борьбе за мировой рынок. Поэтому они не будут спешить помогать нам в этой борьбе...

— Выходит, на бога надейся, а сам не плошай! — вставил кто-то.

— Только на себя, только на силу каждого из нас опирается партия в этой борьбе! — подхватил Анохин. — Надо беспощадно уничтожать врага. Бить его так, как наши лучшие летчики Заполярья Алексей Хлобыстов, Борис Сафонов, Захар Сорокин...

Мне нравился разговор политработника с людьми. Он задевал их за живое, окрылял. Не случайно мы тянулись к нему, прислушивались к его совету. Никто не хотел верить, что с комиссаром случилось несчастье. И точно: на второй день его нашли в сопках живым и невредимым. А самолет пострадал так, что восстановлению не подлежал.

В первую фронтовую новогоднюю ночь летчики эскадрильи собрались в моей землянке. По случаю Нового года ярко го-

рели две лампы-гильзы. Алексей Анохин с волнением читал сводку Совинформбюро об успешном разгроме врага под Москвой.

Трудно выразить словами радость, которую вызвало у нас это сообщение. Скажу только, что драться мы стали еще смелее и увереннее. В боях росло наше воинское мастерство, рос и счет сбитых вражеских самолетов.

Пушистыми снегами, трескучими морозами, злыми буранами отбушевала первая военная зима. Зазеленели поля, схлынули талые воды. А сражения в небе Родины продолжались.

Потерпев поражение под Москвой, фашисты усилили боевые действия на Севере. Немецкая авиация нацеливалась на уничтожение американских и английских судов, направляющихся с грузами для Советского Союза. Не оставляли они попыток ударами с воздуха сорвать или хотя бы дезорганизовать работу железнодорожного транспорта и морских портов Кольского полуострова.

...После успешного отражения одного из палетов эскадрилья взяла курс на свой аэродром. Зная коварство врага, я приказал двум летчикам внимательно наблюдать за облаками. На большой высоте прошли линию фронта. До аэродрома оставалось лететь минут десять. И тут сквозь седую дымку я заметил пару истребителей. Вдали просматривалась еще одна пара. «Наши», — почему-то решил я.

Сблизившись, понял, что ошибся: все четыре самолета оказались вражескими. Фашисты заметили меня раньше, чем я понял свою оплошность. Они быстро разошлись в стороны и попытались взять в клещи.

Кольцо сжималось. Сверху наседала вторая пара. Казалось, создано безвыходное положение. Четыре против одного.

Выход нашелся. Я решил навязать противнику свою тактику. В то время, как они готовились к бою на горизонталях, я в деталях обдумывал бой на вертикалях. Сначала резко бросил машину вниз. Ближняя пара бросилась за мной. Разогнав скорость, вывел машину вверх и, перевернувшись

в верхней точке через крыло, оказался выше и несколько сзади преследователей.

Один из стервятников попал в мой прицел. Нажимаю гашетку. Короткая пулеметная очередь прошла фюзеляж вражеской машины.

Второй «мессер» попытался пристроиться мне в хвост, но я снова взмыл вверх и из выгодного положения расстрелял преследователя.

Вторая пара, побоявшись испытывать свою судьбу, удидала.

Обычно воздушный бой проходит на глазах у многих людей, но не часто бывает так, чтобы за ним наблюдали с земли твои товарищи. Громким «ура» встретили меня однополчане, когда я зарулил на стоянку.

Командир полка тепло поздравил с успехом и зачитал телеграмму командующего фронтом о том, что меня наградили орденом Красного Знамени.

...В народе говорят: ручьи сольются — река, люди соединятся — сила.

В 1973 году в городе Химки, на здании поликлиники, что на Ленинградском шоссе, была установлена мемориальная доска со следующей надписью: «Здесь в 1942 году был сформирован 910-й истребительный авиаполк особого назначения, на славном боевом пути от Сталинграда до Берлина получивший наименование 148-го гвардейского Краснознаменного ИАП особого назначения».

Под знаменем этого прославленного полка мне посчастливилось сражаться с первых дней его создания и до разгрома врага в его логове. Его питомцы сражались в небе Сталинграда, Курска, Минска, воевали над территорией Польши, Германии. Всего в воздушных боях полк уничтожил 138 фашистских самолетов в воздухе и 16 — на земле.

В сентябре 1942 года на аэродром под Москвой слетались лучшие советские асы для формирования нового истребительного полка ПВО особого назначения. Командный состав полка и летчиков отбирал сам командующий авиаци-

ей ПВО страны Герой Советского Сoюза генерал-майор А. Осипенко. Он беседовал с каждым. Пропуском в этот полк являлся боевой счет: не менее пяти лично сбитых вражеских самолетов.

Беседуя со мной, генерал подробно интересовался моей боевой биографией:

— Давно на фронте?

— С первого дня. В воздушных боях сбил девять вражеских самолетов.

— Молодец! — сказал генерал и, обернувшись к командиру полка, добавил: — Запишите его командиром второй эскадрильи.

В октябре мы перебазировались в другой район. Задача предельно ясная: прикрывать участок железной дороги от станции Эльтон до станции Джанибек, по которому непрерывно направлялось подкрепление на Сталинградский фронт.

Довольно часто летчикам приходилось барражировать в небе Сталинграда, сопровождать группы бомбардировщиков или штурмовиков, вылетать наперехват фашистским стервятникам.

Несмотря на суровую зиму, мы, фактически, не покидали свои самолеты. Даже короткие минуты отдыха проводили под плоскостями машин. Спали в палатках, на самолетных чехлах, одежды не снимали. Приходилось подчас по пять-шесть раз в день подниматься в воздух.

Все сильнее сжималось стальное кольцо советских войск под Сталинградом, но у врага имелось еще несколько аэродромов, с которых днем и ночью взлетали фашистские самолеты, подбрасывая подкрепление, оружие.

Для борьбы с транспортной авиацией противника привлекались и войска ПВО, в частности наш истребительный полк.

Однажды после выполнения такого задания я возвращался домой. В районе станции Иловлинская увидел четырехмоторный «Фокке-Вульф-200», который летел несколько ниже меня. Горючего в баках оставалось мало, но упустить такой момент я считал преступлением.

Боевой разворот, набор высоты и — открываю огонь длинными очередями, вначале по стрелкам, а затем по моторам. Один из летных двигателей задымился, но самолет продолжал полет, даже не пытаясь изменить курса.

Новый разворот для повторной атаки. Прицеливаюсь, даю длинную очередь по турелям — и стрелки замолчали. Но стервятник продолжает полет.

На помощь подоспели капитан Н. Козлов и старший лейтенант Б. Ивлев. Козлов поднялся выше и прикрывал нас от возможной атаки вражеских истребителей, а мы с Ивлевым снова атаковали фашиста. Эта атака оказалась для него роковой...

Вражеский самолет упал в районе деревни Бенцы, похоронив под своими обломками несколько десятков офицеров, которые пытались воздушным путем вырваться из окружения.

В небе Сталинграда летчики эскадрильи сбили более десятка вражеских самолетов. После ликвидации сталинградской группировки наш полк получил задачу — оборонять коммуникации в районе Курска.

Здесь фашистская авиация пополнилась новыми самолетами «Хейнкель-129» и «Фокке-Вульф-190», имевшими повышенную скорость, маневренность, плотность огня.

Особенно упорные и тяжелые бои пришлось нам вести с конца марта и по август 1943 года. Как правило, дрались со значительно превосходящим нас в количественном отношении противником.

Однажды майским утром капитан С. Коблов, старший лейтенант В. Калачев, лейтенанты И. Власов и А. Елдышев вблизи станции Черемисиново встретили двадцать Ю-87, летевших в сопровождении десяти «Фокке-Вульфов-190». Возглавлявший группу Сергей Коблов дал сигнал атаковать. Сам командир проскочил вверх, устремился в лобовую атаку на «фоккеля» и почти в упор расстрелял его. А рядом вел борьбу с двумя истребителями лейтенант Власов. Поймав одного в прицел, прошел его свинцовой очередью. Второй не стал ждать такой же участи — развернулся и поспешил удалиться.

Потеряв несколько бомбардировщиков и четыре истребителя, враг ретировался.

День подходил к концу, когда на КП вызвал меня командир полка подполковник А. Терешкин:

— Подберите несколько опытных летчиков — будете сопровождать группу штурмовиков.

Опыт боевых действий совместно со штурмовиками я имел. При защите Мурманска не раз доводилось вылетать для блокировки наземных сил противника. Волновал вопрос: с кем лететь?

Выбора особого у меня не было — оставались я и лейтенант Николай Пасюк, остальные — кто в небе, а кто только что произвел посадку. В паре с лейтенантом Н. Пасюком поднимаюсь в воздух.

Штурмовики уже подходили к цели, когда вдруг появились четыре ФВ-190. Наша стремительная атака заставила их уйти в сторону. Однако враги, перестроившись, решили разделиться вначале с парой истребителей.

Фашисты попытались зажать нас с двух сторон, но мы вышли из-под огня и завязали бой, дав возможность штурмовикам «проутюжить» колонну немецких танков и автомашин, скопившихся на дороге.

Меня атакует сзади фашистский истребитель. Решаюсь на свой «коронный прием» — двухэтажный боевой разворот. Увеличиваю скорость до предела, резко поднимаю истребитель вверх. Перегрузка возрастает, руки и ноги наливаются свинцовой тяжестью. Перевернувшись в верхней точке, перевожу самолет в пики. Враг значительно ниже и пытается уйти, но моя очередь настигает его...

Второй стервятник решил подняться вверх. Но заградительный огонь пулемета лейтенанта Пасюка прошел через фюзеляж немецкого самолета, который вспыхнул ярким факелом, а летчик выпрыгнул с парашютом.

Он висел в каких-то тридцати метрах от моей машины. Я видел его холеное, искаженное страхом лицо. Видимо, ждал, что вот-вот я доверну машину и начну расстреливать его в

воздухе, как это делали они. В моей груди кипела яростная ненависть к фашистам. Я дрался с врагом не на живот, а на смерть, и все-таки я в тот момент не унизился до нападения на безоружного человека, хотя бы и принесшего много зла советским людям. С неприятелем надо биться с достоинством и честью, как велит военная присяга.

Фашист провожал меня испуганным взглядом, а мое внимание уже привлекли самолеты, которые пытались подняться с вражеского аэродрома. Резко перевожу истребитель в пике. Свинцовая трасса прошивает оба самолета, один сразу же вспыхнул, другой свернул с взлетно-посадочной полосы, врезался в насыпной бруствер и взорвался.

Подлинными мастерами воздушного боя в небе Курска показали себя летчики Н. Козлов, А. Елдышев, С. Коблов, П. Шавурин. Они были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Многие летчики были удостоены правительственных наград. Я был награжден вторым орденом Красного Знамени.

«За проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава, — говорилось в приказе народного комиссара обороны № 299 от 9 октября 1943 года, — преобразовать 910-й истребительный авиационный полк в 148-й гвардейский истребительный авиационный полк особого назначения».

В СОЗВЕЗДИИ БРАТСТВА

С полевого аэродрома, на котором расположилась наша эскадрилья, постоянно доносился гул. Бои шли тяжелые: днем и ночью враг рвался к Киеву и переправам.

...Короткий разбег — и самолеты, легко отрываясь от земли, тут же растворяются в темно-фиолетовой дымке вечернего неба. Нашей эскадрилье предстояло во взаимодействии с зенитчиками не допустить бомбежки Киева и переправ через Днепр.

Поднявшись на три тысячи метров, я вдруг заметил, что на хвосте моего самолета «сидит» фашист. Чувствую: вот-вот откроет огонь. Резко убираю газ, перевожу машину в пике. Это самый верный маневр, чтобы уйти из-под удара. В то же мгновение свинцовые трассы проносятся мимо, а вслед за ними проскочил и «мессер». Устремляюсь за ним. Три прожекторных луча поймали немецкий самолет, но враг резким маневром вырывается из ловушки, и теперь моя машина на какое-то мгновение оказалась освещенной. Этого было достаточно, чтобы гитлеровец открыл прицельный огонь. Самолет тряхнуло, но мотор работает, скорость не снижается. Добавляю газ, бросаю машину вверх. Прожектор вновь осветил противника, и я не упустил момента. Вскоре на окраине города, в темноту, выплеснулось пламя.

Однако и мой самолет оказался серьезно поврежденным: горячий воздух и пар наполнили кабину, дышать трудно. Понял: пробит радиатор. Вот-вот мотор заклинит. Докладываю на командный пункт. В наушниках слышится приказ командира: «Покинуть самолет!»

Легко сказать — покинуть! Таких самолетов, как Як-3, у нас в полку по пальцам пересчитать можно, а тут потерять машину почти над своим аэродромом?! Сбросил газ, увеличил угол снижения, а когда до земли осталось тысяча метров, выключил мотор. Посадку произвел нормально.

Приведу еще пример из личной боевой практики в небе Украины. Рано утром небо раскололи две зеленые ракеты. Это означало: вторая эскадрилья — на вылет. Самолеты взмыли в небо и легли на заданный курс. Бросаю взгляд на приборы — машина в исправности, высота более трех тысяч метров.

— Внимание! — послышался в наушниках голос командира полка. — Впереди истребители противника.

Едва заметные вначале точки быстро выросли в размерах. И вот уже отчетливо видны двенадцать Ме-109. Я, не раздумывая, пошел в лобовую атаку на ведущего. Немец не сворачивал. Он, вероятно, ждал, когда я отверну, чтобы вон-

зять смертельный свинец в борт моей машины. Но враг просчитался. Наступил миг, когда бессильны пулемет и пушка. Ты идешь на таран. Задыхаясь от предстоящей схватки, рванул ворот гимнастерки. Стало легче, ясно работает сознание, противник с каждым мгновением все ближе...

Нервы у врага сдают. Он резко уводит машину влево. В это мгновение изо всех сил нажимаю на гашетку. Пулеметная очередь прошивает стервятника вдоль всего фюзеляжа. Он заваливается на крыло и падает на землю.

Когда я рассказываю об этом бое моим юным друзьям — пионерам, они спрашивают:

— Страшно, когда вот так, лоб в лоб с врагом?

Может, и страшно, если трусом смотришь в глаза врагу и ждешь, на каком витке настигнет тебя смерть.

В народе говорят: «Смерть идет к тому, кто ее ждет». Вступая в бой, я не думал о смерти, некогда было. Все внимание сосредоточивалось на том, как лучше выполнить приказ и победить врага.

Иногда можно прочесть или услышать, что нам, фронтовикам, в бою было не жалко и жизни, дескать, мы не страшились, но ведь нормальному человеку свойствен страх. Просто, вступая в бой, не думаешь о нем. Главное — найти в себе силу воли, умело выполнить приказ и победить врага.

В ожесточенных схватках с врагом за честь и свободу Родины летчики полка умели не только храбро драться, но и с честью умирать.

Герой Советского Союза лейтенант Анатолий Алексеевич Елдышев на митинге перед боем сказал:

— Нам предстоит нелегкая схватка с врагом в огненном небе Отчизны. Но не о ней я думаю. Меня зовет заря Победы, которая уже встает над нашей любимой Родиной. Если придется, я жизни не пожалею ради этой зари...

Через несколько минут он смело вступил в схватку с двенадцатью фашистами. Выбрав цель, бросил истребитель в атаку. Казалось, еще две-три секунды, и врежется в машину противника. Фашист скользнул в сторону, и Елдышев проско-

чил мимо, но тут же, почти отвесно, с полупереворота, молнией понесся вниз, на другого стервятника. Меткая очередь — «хейнкель» обволакивается дымом и пламенем.

Елдышев снова бросает самолет вверх. Вдруг сильный удар потряс истребитель, мотор заглох. Уже у самой земли пилоту удалось выровнять машину и посадить на фюзеляж в поле.

К самолету со всех сторон побежали немцы. Укрывшись за фюзеляжем, Елдышев отстреливался из пистолета, уничтожил пять фрицев, но длинная автоматная очередь прервала его жизнь.

Как и тысячи героев битвы за Днепр, за родную советскую землю, будет жить в веках отважный защитник советского неба летчик-истребитель гвардии старший лейтенант Анатолий Алексеевич Елдышев.

В начале марта 1944 года поступил приказ: нашему полку перебазироваться под город Сарны с задачей прикрывать от бомбовых ударов железнодорожный узел, а также прилегающие к нему участки дорог Сарны — Коростень, Сарны — Ровно, Сарны — Ковель.

Погода испортилась. Окрестности окутались седым туманом. Тяжелые тучи ранней весны нависли над землей. Аэродром совершенно раскис. Посадку с большим трудом произвели, а о взлете и думать не приходилось.

Буквально через час после приземления последнего самолета состоялось партийное собрание полка. Решили: коммунистам не уходить со взлетно-посадочной полосы, пока она не будет готова к боевой работе.

Решение собрания коммунисты выполнили: к утру следующего дня обеспечили выполнение партийного задания. Как ни странно, в числе первых испытали полосу вражеские самолеты. А произошло это так.

17 марта старшие лейтенанты К. Федоров и А. Белый, выполняя боевое задание, «привели» на свой аэродром фашистский самолет. Пленный летчик рассказал, что в ближайшие дни готовится массированный налет на Сарны.

Незамедлительно были приняты меры: командирами звеньев и ведущими пар назначены умелые, опытные воздушные бойцы — капитаны В. Иванов, П. Шавурин, Н. Часнык... Мне было приказано руководить полетами и боем полка с командного пункта. Я попытался возразить, самому хотелось в схватку, но получил отказ.

...20 бомбардировщиков без прикрытия, среди бела дня, в плотном строю, словно на параде, приближались к городу. В воздух вначале поднялось двенадцать наших истребителей во главе с командиром полка. Ударную группу возглавил капитан В. Иванов, группу прикрытия — капитан Н. Часнык.

Но обе группы, не обнаружив истребителей, атаковали бомбардировщиков. Первой же очередью Иванов поджег ведущего. Вслед за ведущим пошли к земле еще три бомбардировщика. Строй вражеских машин нарушился.

Через час-полтора на горизонте появилась вторая группа бомбардировщиков, на этот раз шедшая уже под прикрытием двадцати истребителей. В воздух поднялись три пары истребителей, возглавляемых капитанами В. Ивановым, Н. Часныком, Е. Трофимовым.

Неожиданно капитан В. Иванов и его ведомый выполнили маневр — стали отклоняться влево от курса бомбардировщиков, с набором высоты — в расчете, что за ними погонятся немецкие истребители.

Так и случилось. Половина истребителей врага бросились преследовать наших в надежде быстро расправиться с ними. В тот момент, когда один из стервятников готов уже был открыть огонь, Иванов резко бросил самолет вниз. Враг проскочил над ним. Иванов, оказавшись у противника в хвосте, открыл огонь. Маневр повторил ведомый.

Тем временем четверка наших истребителей вела бой с бомбардировщиками. Два из них уже дымилась на земле. Пыхало и несколько истребителей врага.

В тот день гвардейцы сбили 21 самолет противника, не потеряв ни одного своего. Всего при обороне города Сарны летчики полка уничтожили 39 вражеских самолетов.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили героические подвиги воинов полка.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 1 июля 1944 года говорится: «За образцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество наградить орденом Красного Знамени 148-й гвардейский истребительный авиационный полк особого назначения».

Почти весь личный состав полка был отмечен наградами Родины, а наиболее отличившимся летчикам В. П. Иванову, Е. Ф. Трофимову, Н. Д. Часныку Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 августа 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

...Три года гитлеровцы грабили и разрушали города и села Белоруссии. Особенно сильно пострадал Минск. Редкий дом остался нетронутым, почти все промышленные предприятия были разрушены.

Мы прибыли в Минск на четвертый день после его освобождения. В тот же день на аэродроме состоялся митинг. На нем присутствовало много местных жителей. Один из них выступил с энергичным призывом, перефразировав известные строки Владимира Маяковского:

— Разговаривай с фашистами словами пуль, остротами штыков!

Он не успел закончить свое выступление, как в небе появился фашистский разведчик. Моментально «заговорили» наши зенитки. Мы подняли головы вверх и увидели, как вражеский самолет, объятый пламенем, летит к земле. Дымный след черной дугой опоясал небо. Мы радостно громыкнули «ура», и солнечный июльский день стал для каждого из нас еще более ярким.

Сейчас, спустя столько лет, этот будничный факт фронтовой жизни вовсе не кажется мне простым совпадением. Он приобрел для меня глубоко символический смысл: весь ход борьбы с фашизмом был выполнением наказа поэта. Советские воины «разговаривали» с врагом именно так, как при-

звал Маяковский, — «словами пуль», фразами-очередями зенитных установок, мощным басом орудий!

Бывали дни, когда советские летчики три-четыре раза поднимались в воздух по боевой тревоге, преграждая путь врагу. Но чаще истребители поднимались для сопровождения наших бомбардировщиков, которые вылетали на боевые задания по уничтожению противника и назад возвращались, как правило, без боеприпасов, при минимуме горючего в баках. При таком положении бомбардировщики были небоеспособны, а поэтому охранялись нашими истребителями, которым нередко приходилось отражать жестокие налеты вражеской авиации.

С командного пункта взвилась красная ракета — сигнал «Воздух!».

На перехват вылетела эскадрилья, возглавляемая капитаном В. Ивановым. Облака прижали наши самолеты к вершинам сосен. В серой дымке показались вражеские бомбардировщики, летевшие в сторону Минска. Сопровождения не было.

По команде Иванова истребители атаковали врага. Строй неприятеля рассыпался, но наши продолжали атаки. Драться на малой высоте очень трудно. Истребителям нужна высота. Когда истребитель сверху падает соколом на вражеский самолет, он почти всегда добивается победы.

В неравной схватке лейтенант Круглов очутился лицом к лицу с тремя стервятниками. С ходу он поджег одного из них. Врагу все же удалось сбить пламя, и он скрылся за горизонтом. Через несколько секунд Круглов бросил свою машину на другой фашистский самолет. Однако не успел он выполнить боевой разворот, как две свинцовые трассы одновременно пронзили мотор и кабину советской машины.

Последние слова, что довелось услышать мне на командном пункте: «...Одного поджег. Самолет неуправляем... иду...»

Наблюдательные посты видели, как советский истребитель то шел отвесно, то переходил на круг. Видно было, что лет-

чик тяжело ранен, но пытается дотянуть до своего аэродрома.

Все же израненная машина не дотянула до аэродрома и врезалась в возвышенность на самом краю пшеничного поля...

Рано утром меня разбудил резкий стук в окно.

— Вас срочно к командиру, — сообщил посыльный из штаба.

«В чем дело?» — гадал я. Перебрал в памяти все события прошедшего дня, вспомнил планы на сегодняшний день (я уже был заместителем командира полка по летной части). И, вроде бы, ничего не могло вызывать тревоги командира.

— Поздравляю, Степан Гаврилович! — командир широко распахнул руки, направляясь навстречу мне. — Вам присвоено звание Героя Советского Союза. Завтра обязаны быть в Кремле.

Прием в Кремле. Михаил Иванович Калинин подходит к каждому, получившему звание, прикрепляет к мундиру орден Ленина и Золотую Звезду.

— Поздравляю с высокой правительственной наградой, желаю новых успехов в борьбе с врагом.

И хотя Михаил Иванович всем говорит одну и ту же фразу, мне казалось, что в эти слова он вносил какую-то особую интонацию, предназначенную только тебе.

Очень много хотелось сказать. Но я волновался и произнес лишь: «Служу Советскому Союзу!»

НЕИЗРАСХОДОВАННЫЙ БОЕКОМПЛЕКТ

Грохотали бои, откатываясь все дальше и дальше от родной земли. В ходе успешно проведенной Львовско-Сандомирской операции была полностью освобождена Польша. Среди советских частей, освобождавших польский народ от фашистской чумы, был и 148-й гвардейский Краснознаменный истребительный авиационный полк особого назначения.

Народы Европы доброжелательно встречали нас. Они ви-

дели в Советской Армии единственную силу, способную разгромить фашистские полчища и спасти жизнь на земле. Их лучшие сыны вливались в борьбу с фашизмом.

Эта борьба слилась с борьбой народов всех непокорившихся фашизму стран, вселила в людей надежду на окончательную и бесповоротную победу. Но продвижение к логову фашизма давалось нелегкой ценой.

В середине апреля 1945 года наш полк был переброшен на аэродром Запциг вблизи города Кюстрин для прикрытия советских войск и охраны переправ через Одер.

Как правило, наши войска пытались форсировать Одер с ходу. Но противник из дотов простреливал каждый метр реки и особенно сковывал районы переправы с воздуха.

Летчикам полка не раз приходилось вступать в бой с вражеской авиацией. Однажды капитан Е. Трофимов в паре с молодым пилотом вылетел в район ближайшей переправы для прикрытия наших войск с воздуха. Прибыв в указанный район, Трофимов и его напарник стали барражировать. Не прошло и минуты, как на горизонте появилось пять вражеских бомбардировщиков, рядом шныряло до десятка истребителей. Силы неравные. Дело осложнялось еще и тем, что советские самолеты очутились над позициями зенитных батарей врага.

Положение стало критическим. Высокое мастерство, инициатива и военная сметка выручили гвардейцев. Евгений Трофимов, а вслед за ним и его ведомый, бросили свои машины вверх. И оказались выше вражеских бомбардировщиков.

Зенитная артиллерия гитлеровцев умолкла, дабы не попасть в свои самолеты. Нашим истребителям с выгодной позиции удалось подбить один бомбардировщик, остальные же повернули восвояси, не выполнив задачи.

А однажды меня вызвал командир полка и сказал:

— Погода сложная, а на дороге Кюстрин — Берлин скопилось много наших войск. Есть сведения, что в этот район наведывался немецкий разведчик. Вылетай в зону и барражируй, пока хватит бензина.

В воздух я поднялся с ведомым старшим лейтенантом

Борисом Бочковым. Молодой пилот прибыл в нашу часть, когда мы стояли под Минском. С первых дней зарекомендовал себя способным и смелым летчиком. Видел дальше всех и раньше всех. И стрелял метко. На его боевом счету за короткое время было два сбитых самолета.

...Уже четверть часа находились мы в воздухе. Шли на малой высоте из-за низкой облачности, ограничивающей видимость. Впереди замаячила окраина Берлина. Всякий раз, когда я подлетал к нему, очень хотелось увидеть рейхстаг. На этот раз мне повезло: я отыскал его темно-серую макушку. Так и подмывало нажать гашетки и «прошить» пушечно-пулеметным огнем серый «колпак» фашистской обители. Но тут же подавил это желание. Надо было в точности выполнить приказ командира.

И в тот момент, когда я меньше всего мог ждать врага, небосклон перед самым носом истребителя расцвел шапками разрывов зенитных снарядов, трассами пулеметных очередей.

Применил противозенитный маневр: резко поднял истребитель вверх. Бочков последовал моему примеру. Миновал зону зенитного огня, мы снова прижались к земле. И тут я заметил, как вдоль шоссе «крадется» Me-109.

— Атакуй, я прикрою! — скомандовал Бочкову.

Борис атаковал раз, затем второй. Противник попался опытный. Он умело уходил от удара.

— Да кончай же с ним! — не скрывая досады, громко крикнул я.

Бочков выполнил боевой разворот и почти отвесно пошел на врага.

Стервятник не ожидал такой дерзости, резко бросил самолет вниз, но, не рассчитав, зацепил крылом макушку сосны. В следующую секунду раздался взрыв на обочине шоссе, и черное облако земли и дыма взметнулось вверх.

Мы возвращались на аэродром. Не думалось и не гадалось, что это был мой последний боевой вылет, из которого я возвращался с неизрасходованным боекомплектom. Но ведь так и надо. За это дрались! За это прошли пол-Европы!

В мае 1945 года группа наших летчиков и техников побывала у рейхстага и оставила свои автографы на его стенах.

* * *

Закончилась война. Многие прославленные летчики-гвардейцы, мои боевые товарищи, продолжали служить в рядах Советской Армии, передавая свой боевой опыт молодому поколению воинов противовоздушной обороны.

Что сказать о себе?

После войны командовал полком. Закончил авиационную академию имени Ю. А. Гагарина.

За умелое обучение и воспитание летного состава я в 1954 году был награжден вторым орденом Ленина.

До самых последних дней своей службы в армии я старался трудиться на своем ратном поприще так, как велит присяга, а после увольнения в 1960 году в запас главным своим долгом коммуниста считал участие в военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения.

ВЛАДИСЛАВ ИВАНОВИЧ ШИХОВ. В годы Великой Отечественной войны закончил Львовское военно-пехотное училище. Командовал взводом пулеметчиков. Боевое крещение принял на Курской дуге. Воевал на Белорусском и Украинском фронтах. День Победы встретил в Чехословакии. Награжден двумя орденами Красной Звезды и многими медалями. После увольнения в запас находился на партийной, профсоюзной и журналистской работе. В настоящее время — на заслуженном отдыхе. Живет в селе Юрла Коми-Пермяцкого автономного округа.

МЫ ПОЛ-ЕВРОПЫ ПРОШАГАЛИ

МОЕ БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Это произошло в апреле сорок третьего, севернее станции Поньри, у железной дороги на Орел. Роте, в которой я был взводным, предстояло штурмовать высоту. Свою высоту, сутки назад захваченную немцами. Командир 1021-го стрелкового полка 307-й стрелковой дивизии подполковник П. Ф. Горбунов, посоветовавшись с нашим комбатом капитаном Сукосяном, решил придать роте три танка и наш пулеметный взвод, чтобы поддержать наступление массированным огнем.

На исходные позиции танков и пулеметного взвода прибыл командир пулеметной роты старший лейтенант З. Зейналов, кругленький, с Красной Звездой на груди, и отдал распоряжение:

— Одному расчету идти в расположение штурмующей роты пешком и нести пулемет в разобранном виде. Остальным отделениям сесть на танки, туда же забросить «максимы» в собранном виде и расположиться сзади башен.

Стоят солдаты мои, слушают. Они навьючены нужной и ненужной для скоротечного боя амуницией и снаряжением. На каждом защитная каска, шинельная скатка через плечо, вещевой мешок, сумка с противогазом сбоку болтается, карабин или автомат. А на ремне... Чего только нет на ремне! Малая саперная лопатка — предмет первой необходимости,

патронташ или сумка с автоматным диском, фляжка с питьевой водой, сумка с гранатами... У тех, что пошли на сближение с противником пешим порядком, еще и «тело» пулемета, станок с колесами, тяжеленный щит и коробки с лентами.

Заурчали укрывшиеся за кустами танки. Мы поспешили к ним на посадку. Уцепились руками, кто за что смог. Танки резко тронулись, словно проверяя, как основательно мы уселись.

Я моложе своих солдат. Мне только девятнадцать. Сын колхозного пахаря. Волнуюсь. От ожидания предстоящего испытания ползет по спине холодок. Как бы солдаты не заметили, что трушу. Надо отвернуться, глаза от них спрятать. Что же это я? Так рвался в бой и вдруг...

В последние дни учебы во Львовском пехотном училище, эвакуированном в Киров, я получил от матери письмо. Она сообщила, что отец, который тоже был на фронте и служил артиллеристом-наводчиком, 22 декабря 1942 года после тяжелого ранения умер в госпитале в станице Слащевская Сталинградской области и похоронен там на сельском кладбище.

За своего отца Ивана Васильевича хотелось жестоко отомстить врагу, а у самого при виде взрывов снарядов, при ударах по танкам болванок, которые рикошетят от их брони, усиливалась в теле дрожь.

Хорошо танкистам, они — там, за броней! А мы... железные, что ли? Скорей бы спрыгнуть, приземлиться...

А вот и цепи стрелковой роты. Лежат солдаты, ждут нашей подмоги. До немцев — рукой подать. Один прыжок — и в их окопах.

Танк на секунду остановился. Мы спрыгнули с него. Стащили «станкачи». Расчет отбежал в сторону, изготовился к стрельбе и открыл огонь по противнику.

Увидев нас, поднялась стрелковая рота и с криком «ура» двинулась на противника. Поддали газу танкисты и на предельной скорости — к окопам врага.

А я к танку как привязан. Боюсь отстать, лишиться его прикрытия. Бегу и слева вижу: из одиночного окопчика из ручного пулемета ведет прицельный огонь фашист.

Хватаюсь за автомат. Останавливаюсь. Прицеливаюсь. Даю короткую очередь — и противника нет: осел, как пустой мешок, в свой окопчик...

А стрелки штурмующей роты уже бросают гранаты в окопы врага, перепрыгивают через них, бегут дальше.

Немцы отступают организованно, без паники, короткими перебежками, отстреливаясь. Часть солдат стрелковой роты очищают от фашистов траншею. Там рвутся гранаты, звенят саперные лопатки при ударах по каскам фашистов, трещат короткие автоматные очереди.

На ходу изучаю местность, ищу глазами дзоты с намерением расположить в них наши пулеметы. А по траншее уже идут замкомбата капитан Григорашвили и командир нашей пулеметной роты Зейналов. Подходят ко мне. Зейналов крепко жмет мне руку и, улыбаясь, говорит:

— Молодец, младший лейтенант. Боевое крещение выдержал, однако впредь своего взвода не бросай. Находишься сзади пулеметных расчетов, руководи ими в бою...

Чувствую: лицо мое вспыхнуло от стыда, от его справедливых упреков. «Они увидели, заметили, что я боялся», — пронеслось у меня в голове, а Зейналов, как ни в чем не бывало, продолжал улыбаться и трясти мою руку:

— Землянку подыщи для ночлега. Лишние вещи пусть сбросят с себя солдаты.

Землянку чего искать — вон она совсем близко. Подбегаю к ней... Но что это? Из землянки слышится просьба о помощи. Причем на русском языке. Ах, вот в чем дело: траншея обвалилась, дверь землей присыпало.

Наши пулеметчики около часу лопатами выгребали землю, прежде чем освободили троих пехотинцев из этого плена. Оказалось, двери засыпало, когда еще немцы высоту брали. Просидели солдаты замурованными более суток. Все мы удивлялись, как враги их не обнаружили.

По приказу комбата ночью стали укреплять оборону. На высоту выдвинули по взводу минометчиков, пэтээровцев, несколько пушек-«сорокапяток». Вымещая злобу за поражение, враг в час ночи нанес по нам мощный артудар, но в атаку не пошел.

С утра наступившего дня я занялся составлением схемы огневой связи со стрелковой ротой и приданными ей подразделениями, но закончить эту работу не успел: фашисты обрушили на нас ураганный огонь тяжелых орудий и шестиствольных минометов-«скрипачей». А когда артналет кончился, мы увидели надвигающиеся на нас танки... И опять у солдат лица посерели, на скулах вздулись желваки...

— По смотровым щелям танков прицельно, короткими очередями, огонь! — командуя я, памятуя наказ преподавателей училища, которые советовали в таких случаях ослеплять танки, забивать их смотровые щели свинцом...

Но куда там — фашисты прут! Заметили наш пулемет, ударили из пушки. «Станкач» — вдребезги! Наводчика убило наповал.

— Гранаты к бою!

— Гранаты к бо-о-ою! — дублируют солдаты мою команду по окопам.

Вижу взмахи рук, летящие в сторону врага противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью... Один танк загорелся, потом как ухнет, разбрасывая огонь в разные стороны. Другой танк добрался до нас и начал «утюжить» траншею. Враги уже галдят где-то поблизости. Стрелковый взвод выскакивает из траншеи с винтовками и автоматами наперевес, с криком «ура» бежит навстречу врагу. Я кидаю бутылку, она разбивается о сталь, маслянистая жидкость разливается по танку и воспламеняется... Тошнит от порохового дыма и угара... Голова кружится...

Атака отбита, но в нашем взводе осталось исправных только два пулемета, а солдат — десять. Четверо убиты и шестеро ранены. Перевязываем их, отправляем в тыл, в санроту.

В этом бою погиб мой земляк из деревни Малое Востре-

жание командир взвода лейтенант Леонид Платонов. «Как я сообщу об этом его родителям?» — напряженно думаю я про себя.

Вечером в расположение роты прибыл комбат капитан Сукосян с начальником штаба капитаном Мельтальяном. Была дана команда оборудовать наблюдательный пункт батальона здесь, на этой высоте, все винтовки у солдат заменить на автоматы, доставить для роты топоры и сотню лопат. Обращаясь к нам, Сукосян сказал:

— Зарывайтесь в землю как можно глубже. Так будет надежней.

И началась утомительная землеройная работа, продолжавшаяся более двух месяцев. Рыли окопы, ходы сообщений, строили землянки, блиндажи, дзоты, настилали из бревен перекрытия над траншеями.

Даже самодельную зенитную установку соорудили: уж больно нас немецкие самолеты донимали. То листовки сбросят с предложением сдаться в плен, то «рама» нависнет над нашими позициями и корректирует огонь своих дальнобойных орудий. Вот и решили мы тогда расширить в одном месте траншею, вкопать полутораметровый столб, вбить в его торец шкворень, надеть на него тележное колесо, а на него поставить «максима» вместо зенитного пулемета. Дашь длинную очередь трассирующими пулями — смотришь, вражеский самолет и улетит...

Побывал в окопах нашей роты командир 307-й стрелковой дивизии генерал М. А. Еньшин, прославившийся еще в боях под Сталинградом. Похвалил нас, однако посоветовал зарываться еще основательней.

И снова мы зарывались. Когда 5 июля началась великая битва на Курской дуге, для противника мы были почти неуязвимы.

Поздно вечером 4 июля прибегают к нам ротный и говорит, что завтра рано утром фашисты пойдут в наступление. Наши «языка» поймали, он сообщил, что у них новые танки есть, какие-то «тигры», да штурмовые орудия «фердинанды».

В ту ночь никто не спал: готовили оружие к бою, запасались боеприпасами. Справа, над селом Архангельское, занималась заря. Со стороны Понырей ударили «катюши». Небо прочертили снаряды: одна волна за другой. Заговорила дальнобойная артиллерия. Земля задрожала, словно под ударами огромного молота.

Смотрим в амбразуру дзота в сторону врага. Над его расположением дым клубится сплошной чернотой, сквозь которую едва просматриваются огни пожарищ. Стройными рядами над нами пролетают краснозвездные бомбардировщики в сопровождении истребителей.

Но вот гул сменился тишиной. В чем дело?

Вдруг выстрелы орудий раздались с немецкой стороны. Над нами закружились вражеские самолеты. Стали сотрясать нашу высоту разрывы бомб и снарядов. Земля под ногами задрожала и закачалась. Со стороны противника послышался гул танков: рокот двигателей и лязг гусениц. Наши «сорокапятки» и 76-миллиметровые орудия открывают огонь. Снаряды рикошетят от лобовой брони «тигров»...

А вот и фашисты в зеленых мундирах с засученными рукавами и автоматами «шмайссер» на животах. Справа и слева от нас команды: огонь! огонь! огонь!

Со всех сторон огонь из всех видов оружия. Заливаются длинными очередями наши «максимы». Какой-то солдат стрельбой из пулемета выбивает чечетку: тра-тра... тра-та-та... Похоже, чечетка его подбадривает, вселяет уверенность в надежность вверенного ему оружия, уверенность в своих силах... Да и не только ему, а, может быть, и другим, кто эту дробь слышит...

Между тем, положение складывается тяжелее: в стыке между стрелковыми взводами группа фашистов просочилась в нашу траншею и стала быстро продвигаться по ней, выбивать наших. Этому способствовало наличие у них гранатометов. Да и ручные гранаты у них с удлиненными деревянными ручками, что позволяло им кидать их дальше, чем могли мы кинуть свои РГД и Ф-1.

Что делать, как быть? Надо срочно принимать меры, а какие? Помогла находчивость командира пулеметного расчета сержанта Супрунова:

— Товарищ младший лейтенант, надо впереди нас сделать завал траншеи. Это вынудит их для захвата наших траншей выползть наружу, под наш пулеметный огонь!

— Верно, сержант! Так и сделаем! А ты будешь держать завал под своим пулеметным прицелом.

Когда задуманное осуществили, продвижение фрицев по нашей траншее прекратилось.

Вечерело. Через свинцовую метель, через тучи пыли и гари едва пробивались последние лучи заходящего солнца. По всему западному небосклону пылала заря. Груды обломков авиационной техники, разорванные снарядами танки, искореженные и обезображенные машины громоздились по окрестности.

Ржаное поле, лежащее впереди, горело сплошным огнем от залпов наших «катюш». Вместе с высокой дикой травой незасеянного поля огонь пожирал цепи немецкой пехоты, колонны самоходок с танками и другую технику, под которой лежала истерзанная курская земля.

Девятнадцать часов. Долгих девятнадцать часов знойного летнего дня беспрерывно атаковал противник наши позиции. Ценой огромных потерь в людях и технике врагу удалось местами вклиниться в нашу оборону. Просочились фашисты и на стыке нашей роты с правым соседом.

«В деревне Бузулук положение отчаянное. Под угрозой и станция Поныри!» — дублирует телефонист незашифрованную сводку штаба. Взрывы гранат, пулеметные и автоматные очереди заглушают его слова — жестокий и жаркий бой идет в траншее, на правом фланге роты.

— Товарищ младший лейтенант, на командном пункте товарища Горбунова состоится вручение комсомольских билетов вновь вступившим в комсомол воинам. Приказано направить на КП сержанта Кацадзе, ефрейтора Агишева, рядовых Лазария и Гирчис.

— Важа Лазария погиб. А остальные... Передайте, что ход сообщения с подразделением Горбунова захвачен врагом.

— Слушаюсь передать, что Лазария по...

Оглушительный взрыв снаряда, судорожный взмах руки телефониста и треск падающего на пол телефонного аппарата молниеносно чередуются друг за другом...

«Что делать? Как поступить?.. Решил послать! По пути и противника выбьют из траншеи. Пусть это будет еще одной проверкой морально-боевых качеств вступающих в комсомол воинов...»

Рукопашный бой продолжался. Он с каждой минутой становился все более ожесточенным. Слышались глухие удары саперных лопаток по солдатским каскам, прикладов и штыков, резкие очереди автоматов, взрывы ручных гранат. Трупы фашистов устилали дно окопов, висели на брустверах, лежали по обе стороны траншей...

Вот на идущего впереди штурмующей группы сержанта Кацадзе набрасывается долговязый рыжий фашист. В руке его широченный кинжал с надписью «Дойчланд юбер аллес» («Германия превыше всего»).

Но, нет! Не все здесь позволено фашистской Германии. Короткая автоматная очередь — и вояка упал. Следующий за ним был сражен осколком гранаты, вовремя брошенной ефрейтором Агишевым. Он вместе со солдатом Гирчисом находился в группе прикрытия.

...Резки и стремительны короткие перебежки бойцов. Быстры и скоротечны вариации боя. Только равнодушные минутные стрелки часов идут своим чередом. Но вот надвигающийся мрак короткой июльской ночи поглощает все. Только слышится удаляющийся от КП роты жестокий и беспощадный рукопашный бой...

— Держись, кацо, — перевязывая раненного в грудь Агишева и всячески подбадривая его, говорит сержант Кацадзе и добавляет: — Сейчас путь свободен! Скоро получим комсомольские билеты.

— Спасибо! Только дойду ли я до КП? — хрипло произносит истекающий кровью ефрейтор. Толстая тугая повязка на его груди быстро набухает от кровоточащей раны.

— Что ты! Держись за мою шею, вместе пойдем, — подхватывая за руку раненого товарища, отвечает Гирчис. Агишев напрягается и с помощью товарища встает.

Медленно, спаянные крепкими объятиями и совместно пролитой кровью, шли три израненных бойца по тесной зигзагообразной траншее. Шли туда, на КП, где представитель политотдела 307-й стрелковой дивизии вручает воинам-ленинцам комсомольские билеты...

На другой день выяснилось, что комсомольские билеты были вручены всем троим, но вернулись в роту только двое. Обратный путь оказался не менее трудным, ибо 6 июля враг наступал с еще большим остервенением. В ход было пущено все, чем он располагал. Свежие цепи пехоты, под прикрытием «тигров» и «пантер», беспрерывно штурмовали наш передний край. Погиб на обратном пути вторично раненый коми-пермяцкий комсомолец Агишев. Ранило в руку рядового литовца Гирчиса. Контузило взрывом снаряда грузина сержанта Качадзе. Но не покинули поля боя воины-комсомольцы. Они сражались с врагом до победного конца. Только 12 июля, когда на смену нашей прибыла гвардейская дивизия, они дали согласие на отправку в санбат.

Нас же перебросили в самый западный угол северного фаса Курской дуги, под город Дмитров. Всю ночь шли пешком по тылам переднего края нашей огнедышащей линии обороны. Шли цепочкой, след в след. В отделении Супрунова, от направляющего до замыкающего, протянута веревка. За нее держатся идущие в середине строя рядовые Карпенко и Мамедов, у которых вдруг обнаружилась куриная слепота. Измотались за неделю боев, отошдали без горячего питания, вот и привязалась к ним эта болезнь.

Только пришли на отведенное для нас место — и сразу в бой, развивать до нас начатое здесь наступление. Стрелковые роты перебежками пошли на сближение с врагом. Пуле-

метные расчеты продвигались поочередно: сперва один, метров на тридцать вперед, потом другой, по моему сигналу, на такое же расстояние.

Фашисты нас заметили. Накрыли минометным огнем. Мы ускорили свой бросок, чтобы вырваться из-под обстрела.

— За Родину! Ура-а! — многоголосо понеслось по полю.

— Второе отделение, вперед! — поднимаясь во весь рост, кричу я. Команду подкрепляю взмахом руки с автоматом. А впереди меня взрыв. И словно палкой ударило мне по руке выше кисти. Автомат выпал, широким ручьем потекла кровь. Дальше был санбат, затем — эвакогоспиталь в Костроме. А на память о Курской битве мне остались: неполноценная рука (спасибо врачам, что ее не ампутировали), медаль «За отвагу», нагрудный знак «Ветеран 13-й армии», да кошмарные сны, в которых постоянно куда-то бегу, задыхаюсь, а впереди — преграда, огромный огненный взрыв вражеской мины.

ПОД ВИТЕБСКОМ

Прощай, эвакогоспиталь, прощайте, милые костромичи. Вы многое сделали для того, чтобы вернуть меня в строй, затратив на это почти полгода.

Еду в поезде. Колеса постукивают по рельсовым стыкам, навевают воспоминания о том, как врачи уговаривали меня дать согласие на ампутацию кисти правой руки, перебитой осколком мины на Курской дуге, но я ни в какую не соглашался. Как это я, гармонщик, вдруг без руки? Да она еще пригодится нажимать на спусковой крючок автомата или гашетку станкового пулемета.

С 15 января я уже в 455-м стрелковом полку 42-й стрелковой дивизии 69-го стрелкового корпуса 33-й армии Западного фронта. Впереди — Витебск. Наша задача — освободить город от фашистской нечисти.

Землянка огромная, немецкая, с полом из тесаных плах, со стенами из толстенных бревен, с перекрытием из четырех

накатов. Посередине этой землянки стол, накрытый красным ситчиком. За столом командир полка Колоченко — пожилой майор. Впереди его, занимая всю стенку, радики и телефонные аппараты. Работают при них молодые девушки. В полусонном состоянии они устало произносят: «Алё, алё»... Я «тайга». Слышите меня?.. Третий, третий, с вами будет разговаривать «первый»...»

С левой стороны, как в пассажирском вагоне, двухъярусные нары. На верхней лежанке — я, адъютант командира полка. Я только что прибежал с высоты, с наблюдательного пункта командира 2-го батальона, который наступает впереди. Бежал в кромешном аду разрывов мин и снарядов. Прилег с намерением отдохнуть, набраться сил, успокоиться и вдруг слышу команду «бати»:

— Адъютант, ко мне!

Спрыгиваю с нар и к нему:

— Слушаю, товарищ майор!

А он и говорит:

— Товарищ младший лейтенант, по военному образованию и по боевому опыту на Курской дуге ты — пулеметчик. Вижу, награжден медалью «За отвагу». Значит, хорошо воевал. Назначаю тебя командиром пулеметного взвода. Рядовой Можаяев, твой будущий связной и ординарец, проводит тебя до расположения пулеметной роты.

И Можаяев проводил, привел в роту старшего лейтенанта Железного, в которой после трех дней наступательных боев осталось четыре пулемета вместо двенадцати. Вскоре пришло распоряжение «бати» из остатков пулеметной роты сформировать пулеметный взвод, а командиру роты Железному отбыть в Смоленск за пополнением.

...Ночью мы строили переправу через реку Лучеса. Хрупкий лед укрепляли настилем хвороста, соломы, досок, жердей и прочего подручного материала, образуя таким способом что-то под вид моста. По этому жердяно-хворостяному настилу на крохотный плацдармик на противоположном берегу редкой цепочкой пустили стрелков и автоматчиков, пулемет-

чиков и минометчиков. За ними артиллеристов легких «сорокапятков». А потом уже и более тяжелую технику.

Противоположный берег был высокий, обрывистый и противником непростреливаемый. Разве только минометами. А солдаты — народ практичный: чуть привал — и они окапываются. Не прошло и четверти часа, а под берегом уже образовались различной конфигурации ямы, щели, котлованы. Вскоре, передаваемая солдатами по цепочке вдоль реки, поступила команда:

— Офицерам, к комбату!

Комбат разложил топографическую карту, которую в утреннем полумраке едва было видно. Что-то пальцем показывая на этой карте, он сказал:

— Впереди, напротив нас за лесочком, железная дорога. Между лесочком и нами — деревня Павлюченки. Она на нейтралке. Это километрах в трех от нас. Наши исходные позиции перед деревней, в старых обвалившихся окопах. Займем эти позиции тихо, скрытно, в предрассветных сумерках. А там, по сигналу красной ракеты, цепью, в полный рост, без всяких перебежек, пойдем в атаку. И еще, — добавляет он, — поступили маскировочные халаты. Оденьте бойцов — и на исходные позиции.

Заканчивая свое выступление, комбат заявил, что если удастся ворваться в лес и перерезать железную дорогу, то фрицы в Витебске окажутся окруженными, в «мешке»!

Участники совещания разошлись по своим местам. Обмундировались. Мне, как офицеру, достался белый ситцевый маскировочный костюм, который я надел поверх фуфайки и ватных брюк. Моим солдатам выдали маскхалаты, которые они надели поверх бушлатов и шинелей.

Наконец мы на исходных позициях. Траншея мелкая, широкая и обвалившаяся. Сразу оборудовали в ней четыре открытые огневые позиции метрах в двадцати одна от другой. Впереди нас — лощина, по дну которой течет маленькая речушка. За лощиной — возвышение, на склоне которого остатки сгоревшей деревни Павлюченки.

Вскоре взвилась в небо красная ракета. Стрелки поднялись из окопов и молча пошли на сближение с противником. А мы сидим и выжидаем, когда противник стрельбой обнаружит свои огневые позиции, чтобы подавить их.

Как только стрелки перешли лощину и приблизились к сожженной деревне, тишину нарушил дружный автоматно-пулеметный огонь противника. Мы навели свои пулеметы на их огневые точки и поверх голов наших стрелков открыли ответный огонь. Это дало возможность нашей стрелковой роте приблизиться к обороне противника вплотную. Послышалось многоголосое «ура-а-а!».

Близ нас располагался наблюдательный пункт полка, из которого руководил боем начальник штаба, пожилой майор Подъячий. Из НП выскочил его помощник капитан Шевченко:

— Молодцы, пулеметчики! Помогли стрелкам ворваться в траншею врага! А сейчас — за мной, в деревню!

Потянули мы свои пулеметы по замешанной с мокрым снегом грязи. Иду и думаю: правильно решил комбат сближаться с противником без перебежек — уж больно сыро и грязно. Вымокли бы все и перепачкались, что отрицательно сказалось бы на настрое бойцов.

Но вот противник обрушил на нас артиллерийско-минометный огонь. Мы с Можаявым укрылись за уцелевшей русской печкой, но снарядом ударило по ее трубе, и кирпичная щбенка, обрушившись, придавила нам обоим ноги. С большим усилием выбрались из-под этого обвала и побежали дальше, поднимая и увлекая за собой пулеметные расчеты, укрывавшиеся за развалинами других домов.

Наконец-то догнали наших стрелков. Спрыгиваем к ним в захваченную у врага траншею. Отдаю команду:

— Пулеметные расчеты — на фланги роты! Быстро! Поддержим своим огнем следующий бросок стрелков!

— Ишь ты какой прыткий! Силенок у нас не хватает. Подмога нужна. Пусть и минометчики подтянутся, тогда, может, и рискнем, — отозвался на это один пожилой сержант стрелковой роты с очень пышными усами.

Где-то далеко справа от меня слышу зычный голос комбата: — За мной! Вперед!..

Это он соседнюю с нами стрелковую роту ведет на штурм второй линии обороны противника...

Я дал команду одному из пулеметных расчетов выдвинуться впереди стрелков и занять позицию в какой-нибудь из старых воронок, откуда и поддержать огнем наступающих.

Поползли солдаты, с насадой волоча за собой станковый пулемет. Соседнюю атакующую роту прошило трассирующими пулями крупнокалиберного пулемета, возможно, зенитной установки противника. А мои пулеметчики ползут вперед.

Опять голос комбата:

— Не паниковать! За мной!

Да куда там! Многие из атакующей роты продвигались вперед только перебежками, а не в полный рост цепью. Потом и перебежки прекратились.

В старой огромной воронке от авиабомбы укрылись наши пулеметчики. Поспешили к ним и мы с Можаяевым. Залегли, скрутились в ней в клубок, как дождевые черви. А пулемет поставили на край воронки, на открытом месте.

Некоторое время спустя я предложил одному из солдат приподняться и посмотреть, что происходит на поле боя. Он высунулся, побледнел и, кажется, лишился голоса: пытается что-то сказать, а слов не слышно. Пришлось самому оглядеться вокруг и оценить происходящее.

Волнение бойца оказалось не напрасным. Фашисты поднялись в контратаку. Идут густой цепью, без головных уборов, без шинелей, тогда как мы в зимнем обмундировании, в маскхалатах. Рукава френчей засучены выше локтей, приклады автоматов прижаты к животу. Идут в психическую атаку при поддержке танков, которые движутся по одному на стыках их взводов и рот.

А наших не видно. Наша стрелковая рота, которой пулеметный взвод придан, все еще в окопах, захваченных у противника. Соседняя, атакующая под руководством комбата, залегла. Фашисты подошли на уровень занятой нами воронки.

Мелькнула мысль: одной очередью можно прошить их цепь насквозь. Я быстро установил пулемет для стрельбы во фланг противника, зарядил полной лентой, навел и закрепил наводку. Солдат нажал на гашетку. Пулемет застучал, как тракторный двигатель, гулко и ритмично. Этот фланговый огонь для фашистов оказался неожиданным и роковым. Многие из них упали убитыми...

Вдруг раздался страшный взрыв. Нас оглушило и засыпало комьями вывороченной земли и кусками железа. Стреляющего из пулемета солдата убило. Двоих, рядом с ним лежащих, смертельно ранило, а я и Сергей Можяев отделались легкой контузией.

Еще двум другим бойцам мы с Можяевым сделали тугие повязки и посоветовали им до темноты остаться на месте, в этой воронке, а сами решили отползти в траншею, к стрелкам роты, которой наш взвод придан, чтобы из захваченных у противника окопов вести вместе с ними организованный оборонительный бой.

Спрыгнув в траншею, на минуту задумался: что делать? Один пулемет уничтожен, еще три остались. Из них два на флангах роты, а один где-то посередине, но тут подошел ко мне усатый сержант и спросил:

— Что намерен делать, взводный?

— К пулеметному расчету схожу, что находится на правом фланге.

— Нечего там делать, пулеметный расчет погиб. Трех раненых мы уже отправили в санроту.

— Тогда на левый.

— На левый можно.

— Тогда я побежал. А ты, сержант, как стемнеет, вытащи с ребятами наших двоих пулеметчиков. Раненые они лежат в воронке, что впереди вашего отделения.

— Ладно, — ответил он.

Бегу по траншее на левый фланг. За мной — Можяев. А впереди путь закрыт. Вражеский танк «утюжит» траншею. Она обваливается под его тяжестью. К танку подкрадывается

со связкой гранат стрелок и бросает ее под гусеницы. Танк же успевает выстрелить из пушки по нам...

Постепенно проясняется сознание. Лежу на дне развороченной траншеи. Ломит голову за правым ухом, шею, руку, всю спину от головы до ног. Окровавленная прядь волос закрыла правый глаз. Пытаюсь подняться, но что-то держит меня с правой стороны и тянет обратно. Превозмогая боль в шее, ухитряюсь посмотреть и вижу: рука Можаяева крепко держит меня за полу ватной фуфайки... Связной мертв, основную массу осколков он принял на себя.

Кто-то поднес мне солдатскую фляжку со спиртом, заставил глотнуть. Да это же тот сержант из стрелковой роты, что с пышными усами. Ножом он отрезал мне прядь запекшихся в крови волос, бинтом перевязал голову и шею. Поверх прильнувшей к телу гимнастерки наложил тугую повязку по всему корпусу.

Вскоре к нам подошла сержант санитарной роты нашего полка москвичка Липочка и сделала укол. Потом осторожно положила в маленькую санитарную лодочку, и стайка шустрых пушистых собак под ее крики «гей-гей-гей...» поволокла меня в сторону станции Лиезно, в дивизионный санитарный батальон.

Только четыре с половиной месяца спустя после моего ранения были освобождены города Орша и Витебск от фашистских оккупантов. Но я не думаю, что кровь, пролитая нами у стен этих городов, смерть Сергея Можаяева и многих других были напрасными.

НА ТРЕТЬЕМ КОЛЬЦЕ ВОЙНЫ

31 мая 1944 года из эвакогоспиталя № 2648 подмосковного города Егорьевск поехал я на третье кольцо войны.

Мне доведется воевать в 3-м батальоне 1313-го стрелкового полка 173-й стрелковой дивизии 31-й армии 3-го Белорусского фронта и быть в третий раз раненым.

Но до ранения еще семь месяцев войны, а сейчас вот бегу между дымящими развалинами города к обширному пустырю, образовавшемуся после жестокого боя на железнодорожной станции Орша. Бегу, огибая поверженные паровозы, горящие вагоны, разбитые автомашины, увлекая за собой своих пулеметчиков. Бегу и досаду на них за то, что продвигаются очень медленно, не так, как хотелось бы мне. Досаду, хотя и понимаю, что тащат они свои тяжеленные «максимы» на маленьких колесиках по шпалам и рельсам, по рытвинам и ухабам, через воронки авиабомб и снарядов и быстрее двигаться не могут.

Нас обгоняет взвод автоматчиков. Впереди — шустрый сержант Дима Несвитеев с автоматом на груди. За Оршей — город Борисов! А дальше — Минск, прочесывание и очистка лесов от фашистов, удирающих из окружения на запад.

...С трудными боями, преодолевая огромные расстояния по Белоруссии, юго-западным районам Литвы и Белостокскому воеводству Польши, продвигалась наша дивизия. Довелось увидеть немало кровавых следов злодеяний фашистов: расстрелянных, сожженных, повешенных, истерзанных, раздавленных гусеницами танков советских и польских женщин, стариков и детей. Увиденное наполняло наши сердца ненавистью к врагу, взывало к отмщению.

В середине октября сорок четвертого началось наступление на Восточную Пруссию. Продвигаться было трудно, лили дожди, дороги раскисли — глаза бы на белый свет не смотрели, а тут надо еще смотреть в оба! И продвигаться, спешить...

На колеса станкачей столько наматает грязи, что они превращаются в земляные «глобусы», а семидесятикилограммовые пулеметы весом удваиваются, и всем отделением его едва тянешь по раскисшему вспаханному полю...

Здесь мне довелось встретиться с замечательным человеком, мужественным и храбрым командиром стрелковой роты лейтенантом Е. М. Трошевым. Он был выше меня ростом, старше года на три, несловоохотливым, но изредка любившим похвалиться красотами своего северного края: сосновыми бо-

рами, клюквенными болотами, рыбными реками и глухаринными токами. Легкий акцент выдавал его принадлежность к коми-пермякам.

В бою Трошев был очень опытным (шел по фронтовым дорогам с начала войны) и отважным. Во всем чувствовалась с детства приобретенная таежная охотничья хватка и смекаливость.

Как-то командование поставило перед его ротой задачу: провести разведку боем по определению крепости обороны противника. Для усиления огневой мощи роте придали три легких танка, батарею 57-миллиметровых пушек и 82-миллиметровых минометов, по взводу пэтээровцев, автоматчиков и наш пулеметный взвод. Приближались к сожженной польской деревне скрытно, по низинам и лощинам, поросшим ивняком. Потом рота поднялась и с криком «ура» бросилась на первую линию обороны противника. Захватив ее, Трошев не стал прочесывать, очищать от фрицев траншею, а повел роту дальше, на штурм второй, да так решительно.

— Славка! Весь пулеметный огонь длинными очередями по второй траншее врага! Да так, чтобы головы не подняли! — кричит он мне. Такие же команды отдает приданным его роте артиллеристам и минометчикам. И все мы, воодушевленные наметившимся успехом, стараемся как можно лучше исполнить его команду — массивным огнем накрываем вторую линию обороны противника.

Обгоняя стрелков, проносятся вперед наши танки. За ними, в образовавшийся прорыв, втягивается весь стрелковый батальон, а за ним — и 1313-й стрелковый полк. Вырываемся на оперативный простор, в глубокие тылы противника!.. За первой сожженной деревушкой врываемся во вторую, в третью, более крупную, полуразрушенную, потом в село.

На площади перед костелом недавно убитые и искалеченные взрывами мин и снарядов лошади, разбитые автомашины, мотоциклы, повозки. На перекладине между двумя липами трое повешенных крестьян: пожилой, средних лет и молодой. У каждого на груди дощечка с надписью: «Партизан».

То тут, то там — черные дымы пожарищ! За селом драпают от нас фрицы в низину. Пока позволяет грунт, по склону их преследуют наши танки, накрывая пушечным огнем и прошивая пулеметными очередями.

За танками — автоматчики! Слева от них — стрелковая рота Егора Трошева. Идет цепью, в полный рост, уверенная в том, что фашисты у края болота будут окружены и уничтожены.

Так оно и произошло, только с затруднениями: у края болота, в непроходимых зарослях ивняка и ольховника, противник принял рукопашный бой. Произошла ожесточенная схватка с применением солдатских клинков и прикладов, штыков и саперных лопаток. Перемешались в бою так, что не поймешь, где свои, где чужие.

Сзади на голову Егора Трошева падала, направленная рукой врага, огромная ольховая дубина. Дима Несвистеев резанул автоматной очередью по руке фашиста, и она вместе с обломком ольхи упала в болотный кочкарник...

Так потом и продвигались в сторону Мазурских озер, Восточной Пруссии, на запад от Кенигсберга...

Приказом по 173-й стрелковой дивизии за эти бои я был награжден орденом Красной Звезды, в этой же дивизии в сентябре стал кандидатом в члены партии. 26 января 1945 года под городом Ангербург был ранен осколком касательно в теменную кость головы. На этом и закончился для меня третий заход на войну... Третий, но не последний. Будут еще и четвертый, и пятый, прежде чем дойдем мы до дня Победы...

«МЫ ПОЛ-ЕВРОПЫ ПРОШАГАЛИ...»

Далеко позади остались освобожденные от немецких захватчиков исконные земли России. Были освобождены, но еще жили тревожною жизнью войны Орша, Борисов, Минск, Гродно. А фронтовые дороги уводили нас дальше на запад.

С тяжелыми боями двигалась вперед наша 174-я стрелко-

вая Борисовская Краснознаменная дивизия, перед фронтом которой были селения Августов и Сувалки. Стрелковая рота, которую поддерживал наш пулеметный взвод, шла цепью на сближение с отступающим противником. С высоты далекой от нас кирхи враг обстрелял роту фронтальным огнем, трассирующими пулями из крупнокалиберного пулемета. Рота залегла.

Вдруг в расположенной впереди нас роще загудели тяжелые двигатели. Вскоре на дороге появились фашистские танки. А у нас, пулеметчиков и стрелков, ни противотанковых гранат, ни бутылок с горючей смесью.

Но, кажется, нас, пулеметчиков, танки минуют. Они движутся по шоссе на Сувалки, где заняли позицию пэтээровцы, которые всегда располагаются на наиболее танкоопасных направлениях. Слышу голос взводного бронебойщиков: «Без моей команды не стрелять! Подпустим их ближе, чтобы бить наверняка!»

Затаились пэтээровцы, вросли в заснеженную землю, ждут. А вот и зычная команда взводного: «По головному танку, в гусеницу, огонь!»

Раздался резкий выстрел. И как только плечи пэтээровцев выдерживают мощную отдачу противотанковых ружей?

Еще залп! Еще! Теперь уже выстрел самого взводного, пришедшийся под орудийную башню. Головной танк соскочил с гусеницы, закружился волчком, повернулся к нам бортом с намалеванной на нем свастикой. А башню заклинило.

Бронебойщики воспрянули духом. Их меткие выстрелы последовали один за другим.

Вот уже подбит второй танк, третий... Из машин выполняют враги через нижние люки. Поражать огнем уже наша забота. Даю команду пулеметному расчету. Он открывает огонь. Стучит «максим», как конная сенокосилка, заливается частыми прицельными очередями.

За танками идут вражеские пехотинцы. Об этом предупреждает командир пулеметной роты старший лейтенант Железный. Раздав пулеметные взводы на период боя в подчине-

ние командиров стрелковых рот, он был все время вместе с комбатом, а тут появился вблизи нас. Но и наши стрелки фашистов заметили и открыли по ним огонь из карабинов, автоматов, застрочили из ручных пулеметов. Вступили в бой и минометчики. Противник не выдержал, стал медленно отходить.

...Среднего роста русский парень, очень подвижный и как бы пружинистый, встретился мне поздним вечером после боя в лесу. В нем узнал я взводного бронебойщиков.

— Как зовут тебя, лейтенант? — спрашиваю его.

— Для солдат я — Алексеев. А для тебя, — он разом охватил меня своим взглядом, — для тебя — Анатолий. Можно и запросто — Толя. А как тебя звать, пулеметчик?

Так мы, два взводных, и познакомились в 508-м стрелковом полку, в составе которого затем шли с боями через Мазурские озера и далее по территории Восточной Пруссии.

Расстались мы по случаю очередных ранений. И встретились уже через тридцать четыре года в Москве летом семьдесят девятого. Засиделись почти до утра со своими воспоминаниями. Вспоминали бои за город Хальсберг, в который входили ночью и где по улицам еще громыхали немецкие бронетранспортеры, а наводчик ефрейтор Батюк через щель каменной ограды в упор расстреливал их из противотанкового ружья под одобрительные возгласы лейтенанта Алексева: «Браво, Батюк! Браво!»

Но больше всего, пожалуй, помнилось нам окружение под Петерсхагеном. Тогда наш полк вечером вошел в деревушку и расположился отдыхать. Часа в два или в три ночи фашисты атаковали нас и окружили. Дрались мы остаток ночи и весь следующий день, и только к вечеру удалось разорвать кольцо и открыть дорогу на Петерсхаген.

Взвод ПТР отходил последним, ибо приказано было ему оседлать дорогу, как танкоопасное направление, прикрывать отход полка в Петерсхаген, где снова мы сидели в окружении целых семь суток, отбиваясь от атак фашистов, а их было по пять и более в день.

Весна широкой поступью шагала по Европе. В зеленом шуме ее уже слышались громовые раскаты залпов Победы.

Из Восточной Пруссии поездами, через уже освобожденную Польшу, несколько дивизий, в том числе и наша 174-я стрелковая, были переброшены в Германию.

До 6 мая мы находились в небольшом немецком городке Альт-Яуэр. По условиям капитуляции, противник должен был сложить оружие и сдаться в плен. Однако этого на нашем участке фронта не случилось.

Началась операция по уничтожению драпающих гитлеровцев, в которой, вместе с другими, участвовала и наша 174-я Борисовская Краснознаменная стрелковая дивизия.

...Хотя и с запозданием пришлось нам отмечать День Победы на благодатной чехословацкой земле у гостеприимного народа, зато какие это были неповторимо-трогательные и запоминающиеся минуты: слова приветствий, счастливые лица, глаза, улыбки и всюду цветы, цветы и цветы...

— Наздар! Наздар!.. Наздар-а-ар! — неслось отовсюду. Тогда незнакомым было нам это приветствие, но все мы понимали, чувствовали в нем народную теплоту и любовь, радовались и ликовали...

И пусть много фронтовых дорог было пройдено каждым, пусть тела наши покрывали рубцы и шрамы, каждый смущен был и чувствовал какую-то неловкость, видя всенародное излияние чувств любви и признательности, благодарности к Советскому Союзу, его народу и героической армии за освобождение от гитлеровского ига.

ГЕОРГИЙ ЗОТЕЕВИЧ ТИУНОВ. В годы Великой Отечественной войны — боец отряда морской погранохраны, командир отделения, художественный руководитель клуба морской бригады. Принимал участие в разгроме фашистских захватчиков на Карельском фронте. Награжден многими медалями. После войны находился на педагогической и журналистской работе. Умер в 1979 году.

Г. Тиунов

ЭТО БЫЛО НА РЫБАЧЬЕМ

КОНЕЦ «РЫЖЕЙ ЛИСЫ»

В конце 1940 года вместе со своими земляками я попал на Рыбачий, где стоял 100-й пограничный отряд. Половина его были сибиряки и москвичи, а тут подросли и мы, уральцы.

Граница повстречала ветрами, пургой и удивительно приветливыми солдатами, которые уже втянулись в нелегкую службу.

Прошли какие-то три месяца, а нас, новичков, нельзя было отличить от старослужащих. Мы так же, как и они, могли отмахать по снежной целине десятка два километров, а потом броском преодолеть штурмовую полосу. Мы учились военному ремеслу прилежно и настойчиво, потому что знали: война подходит к нашим рубежам.

...Десять дней немецкие и финские генералы и офицеры ползали возле наших застав, присматривались, прикидывали, вытягивали шею. Наши парни с дозорных троп и секретов видели и отмечали в своих рапортах оживление на финской стороне.

Пора спокойной жизни кончилась. Тревоги стали частыми. К нашему берегу на ботах или просто на лодках приплывали норвежцы, искавшие спасения от гитлеровцев. В апреле груп-

па немецких шпионов-диверсантов прорвалась на участке соседнего отряда. О демобилизации никто даже не заикался, и наши старички-сибиряки немного приуныли. Но весной начались отпуска офицеров и сверхсрочников. На Большую землю уходили корабли, и о войне как-то даже не думалось. Все вроде бы идет по мирному расписанию.

И вдруг воздушная тревога. Высоко над нами летел самолет. За ним еще один. Это были немецкие разведчики.

По боевому расчету я был первым номером станкового пулемета. Начальник заставы приказал срочно вырыть окоп для круговой стрельбы. «Максим» установили на устройство, поставили специальный прицел для зенитной стрельбы, и в окне сменяли друг друга через четыре часа.

Запомнилось утро 22 июня. Нет, фашисты еще не перешли границу. Они опять появились над нами. И, к моему удивлению, лейтенант Кокорев, начальник заставы, отдал приказ открыть огонь.

...В самолет, может, я и не попал, но, оказавшись в струях трассирующих пуль всей заставы, «юнкерс» резко завалялся на крыло и повернул в сторону моря.

Тут же пришла телеграмма командующего округом о начале войны.

Пограничники опоясали заставу окопами, сложили в вещмешки запасы патронов и продовольствия. Между заставами оборону заняли армейские пулеметные роты.

В комнатах запахло горелой бумагой: жгли письма, альбомы, ненужную мелочь. Остались в карманах комсомольские билеты и черные шестигранные жетоны. В них бумажка с фамилией и адресом.

Что-то тревожно и непонятно тяжелое впервые приходило к нам, восемнадцатилетним. Притихшие, задумавшиеся над чем-то большим, чем смерть, мы встречали последний для нас тихий июньский рассвет.

Сидим в комнате лейтенанта Кокорева. Огненно-рыжий, ладно скроенный, одетый с иголки, он не то спрашивает, не то размышляет:

— Неужели настоящая война? А я хотел в академию податься. Ну, что ж, погодим. Заваруха ненадолго. Как там бойцы? — спросил он старшину.

— Как всегда, сидим у моря — ждем погоды.

— Пойдем к ним.

И вот мы все вместе, двадцать пять чем-то похожих друг на друга: старшина Коломийцев, пулеметчики Смурыгин, Лапшин, Тимохин, снайпер Брюханов...

— Садитесь, покурим, — сказал Кокорев и протянул портсигар. Коломийцев принес патефон, завел любимую всеми пластинку, начал подпевать:

... — Эх, Андруша,
Нам не жить в печали...

Мы не знали тогда, что старшина погибнет под первыми бомбами, что пулеметчика Смурыгина пуля настигнет, когда он расстреляет последнюю ленту, что Толя Лапшин станет лучшим разведчиком, а снайпер Брюханов первым из нас получит орден Красного Знамени.

Никто не мечтал шагать по мостовым поверженных немецких городов, и никто не знал, что удар по Рыбачьему значит-ся в планах гитлеровского командования. Значится под кодовым названием «Рыжая лиса». Я вижу их опять, побратимов тех дней. Может, потому и не плачу. Как трубач, спозаранок, созываю я друзей на поверку.

Я вспоминаю, как все было, раскручивая ленту времени обратно в те сороковые, роковые.

После бешеного артогня, уничтожившего здания 7-й и 8-й погранзастав, гитлеровцы двинулись по единственной дороге на Мурманск.

Пограничники, укрывшись в недостроенных домах, ждали. Они притаились и в полутьме, у бойниц. Все слышнее гор-танные команды, отрывистые выкрики, шум.

Захватчики идут в полный рост, наглые, уверенные, что «советгреншутцен», то есть пограничники, разбиты, что «зеленоголовых» смел артиллерийский залп.

И вдруг навстречу им огонь: кинжальный, перекрестный, навесной. Горы буквально ощетинились стволами пулеметов. Ливень пуль настигал немцев всюду и хлестал со страшной силой.

«Рыжую лису» выносил и осуществлял гитлеровский штабист Гесс. Спустя много лет в Западной Германии вышла его книга «Заполярный фронт в 1941 году». Гесс пытался оправдать провал немецкого наступления в первые дни войны, но признается, что в расчеты гитлеровцев не было принято мужество пограничников. При описании первого боя на границе Гесс прямо говорит о героическом сопротивлении советских застав. Будучи окруженными, они отвергли предложение о сдаче и дрались насмерть. Тогда фашисты применили огнеметы. Гесс хвастал, что егеря овладели 27 дотами.

Это неправда. Дотов всего было семь, недостроенных, необорудованных. И бойцы 8-й заставы сгорели в них, предпочитая смерть плену.

7-я застава почти сутки сдерживала нашествие на первом километре советской земли, жизнями бойцов прикрыв Мурманское направление.

Застава под командованием лейтенанта Яковенко и младшего политрука Грушина выдержала двенадцать часов непрерывных атак, бомбежек, шквального огня.

Николай Тетенов из своего пулемета расстреливал наступающих. Не смолкали очереди слева и справа. В ход шли гранаты. Но слишком неравны были силы. Цепь пограничников редела. Погиб младший политрук Грушин, пуля свалила Сашу Каменского и Васю Артемова.

— Рус, сдавайся! — кричали враги.

— Русские в плен не сдаются! — крикнул лейтенант Яковенко и швырнул последнюю гранату.

Парторг заставы Гольтунов написал на листке блокнота: «Нас здесь три коммуниста, и пока будет жить хоть один, фашисты не пройдут». Этот обгаренный кровью листок передавался из рук в руки, и каждый ставил свою подпись.

Раненые, измученные Гольтунов, Жвакин, Немиров, Тете-

нов продолжали оборонять высоту, на которой стоял погран-
знак.

Отряд, сведенный из остатков погранзастав и постов, занял оборону за боевыми порядками 135-го стрелкового полка. Нам предстояло умереть, но не пустить немцев на Рыбачий.

Совинформбюро сообщило: «2 и 3 июля продолжаются ожесточенные бои на полуострове Среднем». Но это были последние потуги сдыхающей на Муста-Тунтури «Рыжей лисы». Война только начиналась.

ЗА СТРОЧКАМИ СООБЩЕНИЯ

Две операции в немецких тылах прошли удачно. В отряде появились первые орденосцы. О пограничниках начали поговаривать на переднем крае, как о людях дерзких до отчаяния. Газета «За честь Родины» несколько раз повторяла призыв бить врага, как бьют его пограничники.

Действительно, отряд мало потерял, а шуму наделал так много, что егеря по ночам непрерывно светили ракетами и постреливали. Но наши разведчики Шаманов и Шарыгин, или «Два Ш», в начале октября проверили «коридор» в немецкой обороне, и командование приняло решение отправить через фронт еще одну группу и разгромить 167-й самокатный батальон, стоявший на охране коммуникаций фашистской группировки «Норвегия».

Майор Калеников, формируя рейдовую группу, включил в нее половину «обстрелянных» и половину новичков. Во второй половине оказался и я.

Готовились тщательно, как на инспекторскую поверку: оружие начищено до блеска, патроны протерты, в мешках ничего лишнего.

В ночь перед выходом в землянках чувствовалась взволнованность, какая бывает накануне боя. Одни неподвижно сидели, другие то и дело курили, третьи ходили, подсаживались к товарищам... Проявился характер каждого: один безмолчно говорил, другой тяжело молчал, а кто-то беззаботно хра-

пел на нарах. Я лежал и вспоминал Урал, школу, своих друзей, и никогда потом не казалась мне прежняя жизнь такой хорошей и безоблачной, как перед первым настоящим боем.

Вечером 9 октября нас подняли по тревоге. Все ясно — пойдем сегодня, не медля.

Ночь выдалась, как по заказу: темная, ветреная, пуржистая. У одной из землянок переднего края остановились. Старший политрук Филатов, провожавший нас, еще раз напоминал:

— Действовать только попарно! Попарно!

Мой напарник Коля Треногин, голубоглазый, улыбочивый парень из Нытвы. Земляк отлично играл на баяне и стихи писал. Он был спокойный, даже чуточку медлительный.

— Ты шагай за мной, — сказал он, — а то за тобой не поспеть, верста коломенская.

Короткие минуты последних напутствий, и мы, сорок человек, один за другим, скатываемся с бруствера окопа на ничейную землю, в кромешную темноту.

У самых ног плещутся волны моря. Мы идем по кромке отлива. Слева, перечеркнув полнеба, высится Муста-Тунтури. Подсвеченный ракетами и всполохами далеких разрывов, горный хребет, кажется, вот-вот обрушит на нас лавину огня.

От моря разведчики повели группу в горы. Мы скользим и падаем, перебираясь со скалы на скалу. Шаманов и Шарыгин тщательно прочесывают каждый овраг, каждую кучу камней, каждую расщелину: горы таят опасность, гибель.

...Становилось все холоднее и холоднее. Ветер набирал скорость, и его стонущий вой разносился окрест. Тяжелый, мокрый снег таял, коснувшись одежды. Мы промокли насквозь, замерзли и ооченели.

Чем дальше в немецкий тыл, тем сильнее напряжение. Нервы, казалось, звенели. Полугромкое слово, лягз оружия, нелепые контуры каменного хаоса — все волновало, заставляло вздрагивать, настораживаться.

На нашем пути то озерцо, то ручьи, то нагромождение скал. И вот мы крутимся, выискивая дорогу, идем то по мяг-

кому мшанику, то со злостью карабкаемся по скользкому граниту и скользим вниз, в топь.

Да, это были места, явно забытые богом и облюбованные только дьяволом да гитлеровцами.

Все-таки к рассвету мы были у цели. Снег покрыл горы белыми пятнами, будто набросил гигантскую маскировочную сеть. «Два Ш» идут уверенно, как к себе домой. Вдруг команда: «Ложись!»

Похожие на слизняков, мы прилипли к земле, да так, что не оторвать. Враги, оказывается, рядом, под боком. Выдал их часовой. Напряженное ночное бдение миновало, и он весело наигрывал на губной гармошке. За протоптанной им тропкой виднелись палатки. Они до окон были выложены камнями. Чуть в стороне от больших палаток стояла небольшая, белая.

— Закидайте ее гранатами, — приказал мне политрук Свинцов. — Подниматься только по сигналу Лапшина.

Словно большая черная кошка, бесшумно прополз Лапшин к концу тропы и замер. Часовой повернул голову, вслушиваясь в посвист ветра, а может, он что-то заметил. Вот он снял с плеча автомат, постоял, медленно повернулся. Тут его и настигли Толины цепкие руки.

Он поднялся было, но снова упал. Из крайней палатки вышел солдат, огляделся, справил нужду и нырнул под брезентовый полог. Туда же Лапшин бросил свою первую гранату.

— Вперед! — крикнул командир группы. В дымном в воздухе раздался грохот взрывов. Изумленные, ничего не понимающие фашисты выбирались из-под рухнувшего брезента и тут же валились, нелепо раскидывая руки и ноги, другие в отчаянии бросались на землю, воя и крича. Но огонь и тут находил их.

Разгромив первый ряд палаток, пограничники заторопились дальше, к следующему ряду. Но враги быстро заняли оборону, и наша небольшая группа оказалась вся на виду, у подножия сопки. Сверху по нам уже ударили пулеметы. Они били расчетливо и ритмично, с короткими промежутками.

Командира убило первым. Он принял пулю, едва крикнув: «За Родину!» Рядом с ним упал один, второй, третий. Плотный огонь прижал нас к земле. Мы с Колей распластались за камнем, и очереди, попадая в него, уходили вверх злым, воющим рикошетом.

Коля заметил вражеского пулеметчика и показал мне. Я выстрелил раз, другой. Пулемет, замолчавший было, снова заколотил. Тогда я прицелился, как на учебных стрельбах, по всем правилам, и нажал на спусковой крючок. Пулемет захлебнулся.

Командование группой принял политрук Свинцов. Коренастый, чуточку угловатый, какой-то даже домашний. Ему тоже было знакомо чувство страха, но, в отличие от нас, Свинцов сохранял мужество и смелость намного дольше, чем мы. Этого вполне хватало, чтобы подняться под огнем, принять дерзкое решение, вдохновить примером.

Так случилось и тут. Свинцов громко и властноскомандовал: «Отходить попарно в сторону озера».

Через полчаса группа собралась в густом кустарнике. Политрук сказал, что задачу мы выполнили. Теперь — к своим. У нас в подсумках по десятку патронов и на руках Саша Мялицын, раненный двумя пулями в бедро. Он — мой земляк и служили мы на одной заставе. Но самое главное и страшное: немцы знают, где мы и сколько нас. Цепкие и хорошо обученные, они преследовали нас по всем правилам, с медлительной дотошностью. Их фигуры вырастали на отдаленных от нас сопках, но стоило нам двинуться вперед, как новые фигуры появлялись почти рядом. Когда егеря подходили ближе, стараясь окружить нас, мы отбивались в коротких стычках и опять исчезали.

Мялицын сначала шел сам. Ему несколько раз сменили повязку, но она сползла, и в голенищах сапог хлюпала кровь. На вторые сутки Саша не поднялся с привала. Его понесли на руках. Тогда, после очередной передышки, он сделал последнюю попытку пойти самостоятельно. Обхватив за шею товарищей, попробовал ступить на больную ногу, но лицо его

стало серым, в глазах метнулась тревожная мысль: «Неужели не доживу?»

У покинутой 6-й заставы группа залегла в кустарнике. Дальше, как футбольное поле, гранитная оголь, посыпанная мелким камнем. Уж ее-то немцы просматривали насквозь. А ведь кто-то должен был нести Сашу! Самое малое — четверо. Мишень что надо. И это понимал каждый, кроме Мялицына, который уже не приходил в сознание.

Свинцов никому не приказал, а просто сказал:

— Ну, берите его, парни! В путь!

Я оказался в четверке. Шел справа. Шел и чувствовал, как иду на мушку вражьего пулемета.

Десять... Двадцать... Тридцать метров. Муста-Тунтури не замечает нас. Остальные полсотни метров мы уже идем, раскачиваясь, ничего не соображая от усталости и напряженного ожидания.

Вот скатились в расщелину, плюхнулись в болотную слизь и тогда только заметили, что Саша мертв. Хоронили его тут же, обложив тело плитками.

По хаосу камней мы прошли до скалистой гряды. Здесь Большая земля обрывалась в море гранитными стенами, отполированными ветрами.

Под стеной собрались все. Высоко над нами постреливают егеря. У подножия морская пена. Дальше перешеек и наш передний край.

Все вернулось на круги своя. Мы видим наших солдат и ругаемся, что они плохо маскируются, замечаем дальше, на высоте, дым, где наверняка нас ждет «батя» Калеников. Мы все видим, но ничего не можем. Прошагнуть километровую долину смерти невозможно днем. Это самоубийство. А нам надо жить и жить. Война только началась.

Прошло три часа. Вода начала возвращаться. Она наступала медленно, но верно, поднималась сантиметр за сантиметром. Свинцов переходил от группы в группу и ронял тяжелые слова:

— Не хныкать: стоять на месте!

По пояс в воде стояли мы, не чувствуя уже ни холода, ни голода. Странная пустота заполнила каждого и каждый стал частью, продолжением черной скалы.

Я стоял рядом с Колей Треногиным и решал ряд нерешенных вопросов, составляющий неликвидный фонд философских систем: для чего живет человек, почему только надежда и крушения составляют скудный набор жизни, даже на войне. Думалось о будущем. Там все было светло и прекрасно. Ни тревог, ни выстрелов, ни проклятой воды! И надежда опять и опять посещала меня, как и каждого, кто стоял рядом.

Я достал фотокарточку своей невесты и долго смотрел в ее глаза, которые, казалось, спрашивали: «Каково тебе, солдат?» «Плоховато, но выдюжим, — ответил я. — Мы же должны встретиться. Если обещал, значит, вернусь. Мне бы только дожить до темноты».

Фотокарточка пошла по цепочке. Я боялся, что Свинцов не похвалит меня. Был же приказ не брать с собой ни бумажки. Но Свинцов, напротив, весь преобразился, вроде оттаял. Он смотрел на мою невесту и чему-то улыбался. Наверное, вспомнил семью. Да кто знает, о чем подумал тогда наш озабоченный политрук. Только много позже он признался, что карточка была для него вроде привета с нашей земли. И чувство одиночества, осиротелости покинуло его.

До наших было рукой подать, и с наступлением темноты мы бесшумно проскользнули ничейную землю.

Калеников действительно ждал нас. Он каждому жал руку и повторял: «Молодец! Молодец!» Под впечатлением пережитого я на следующий день пришел в редакцию газеты «За честь Родины». Редактор ее, политрук Якимец, положил передо мной лист и сказал:

— Напиши об этом.

Я написал стихи и назвал их «Василий Свинцов». Якимец прочитал, похвалил, но потребовал написать в прозе. Так в газете появились стихи и материал о рейде пограничников.

Вскоре в «Красной Звезде» была информация К. Симонова о том, что бойцы части Каленикова в ночном бою уничто-

жили штаб 167-го батальона. Я читал стихи Константину Михайловичу, когда он находился в нашей редакции.

Он послушал их, помолчал, потом сказал:

— В отношении поэтического мастерства тут судить трудно, а то, что Свинцов достоин стихов, я не сомневаюсь. Именно о таких людях и надо писать.

А потом последовал второй рейд, за ним третий... Погибли наши разведчики — «Два Ш». Правда, Шарыгина я еще застал живым. Он лежал без кровинки в лице. Узнал меня. Попросил пить.

— Останешься жив, не забывай... — Он еще хотел что-то сказать, но силы оставили парня. И все-таки я понял: не забывай нас.

ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

...Командир пограничного отряда майор Калеников запомнился мне надолго.

К. Симопов
Военные дневники

Прямые столбы дыма подпирали ультрамариновое небо. Белые шапки землянок сияли первозданной чистотой. Колючий, сухой мороз разрумьянил лица бойцов. Они стояли, переступая с ноги на ногу, в зернистом снегу. В строю те, кого в немецких приказах предлагается в плен не брать, а расстреливать на месте.

Хоть и длинна шеренга, но как поредела она по сравнению с той, что была в июне! Мы уже знали радость первых побед и горечь утрат, бессонницу ветреных ночей и черное воронье над полями боев.

Майор Калеников идет медленно. Высокий и широкий в кости, он смотрит на бойцов, наклонив вперед и вбок голову, роняет на ходу тяжеловесные слова и время от времени задумчиво подытоживает течение своих мыслей басовитым «Хорошо. Хорошо».

Память, как добрый писарь-штабник, подсказывает ему фамилии бойцов и сержантов.

...Смурыгин, Тимохин, Агеев, еще Агеев, Коломийцев, Лапшин, Филимонов.

Толя Лапшин — москвич, он рос на Таганке заядлым голубятником. Любил высокое небо и воркующих турманов. А здесь пришлось брать в руки нож. Это «Толя с Таганки» снял часового, открывая путь группе Хрявина. Он же на виду у бойцов политрука Свинцова образцово-показательно прирезал караул 67-го самокатного, и Толина граната произвела тогда последний утренний подъем фашистского гарнизона. С тех пор замкнулся Лапшин. Ни улыбки, ни усмешки. Черные глаза смотрят настороженно.

Рядом с Толей — старшина Гольтунов. Маленький, щуплый, но шустрый и находчивый, Гольтунов был парторгом шестой заставы, первой принявшей на себя удар егерского батальона.

Плечо в плечо с ним Борис Филимонов, угрюмый, нескладный, с черными, толщиной в палец, бровями. В отряде его зовут медведем. Накануне войны Борис, охотясь, встретился в горах с косолапым и свалил его одним выстрелом.

На фланге белеют полушубки офицеров. Перетянутые ремнями, с планшетами и пистолетами, они выглядят парадно. Лейтенант Сорокалет, отчаянный до безрассудства, с худым острым лицом, и рядом с ним политрук Сенькин, спокойный, рассудительный. Лейтенанты Егуров и Якушев о чем-то вполголоса разговаривают. Лица обветренны и озабоченны. Майор бросил взгляд в их сторону, и они, качнувшись друг от друга, расправили плечи.

Майор вспоминал различные, порой, казалось бы, несущественные, подробности прошлых боевых операций, совместной военной жизни, и от этого люди в маскхалатах, стоящие перед ним, были для него еще ближе и дороже.

Калеников любил повторять и настойчиво утверждал: «Один чекист-пограничник стоит десятерых немцев». Его вера передавалась отряду, потому что бойцы знали майора, как самих себя.

Пастух в имении графа Гейдена, Иван Калеников в 1918 году пришел добровольцем в 5-й украинский полк. А когда отшумела военная страда, Калеников с отрядом ЧК гонялся за бандитами Заболотного, Орел-Гальчевского, Добровольского. Два раза был ранен, но бандитская пуля и нож не выбили из седла отчаянного чекиста. А потом была трудная служба на границе. Служба, не знающая отдыха, мелочей, уступок. Маленькие гарнизоны застав, где Калеников был высшей инстанцией, приучили его быть расчетливым хозяином и самостоятельным командиром. Так постепенно сложился характер прямой и твердый.

К началу войны майор Калеников со своим отрядом стоял на стыке трех держав. Позади родная земля, за окном — финны, а через холодный фиорд — Норвегия.

Командир отряда неделями пропадал на заставах и постах. Требовал жестко, порой наказывал, добиваясь отличной выучки, умения в любой момент встретить врага. И пограничники не дрогнули перед лицом фашистского нашествия. Бойцы линейных застав дрались до последнего патрона.

На Рыбачьем батальон пограничников выделялся подтянутостью, дисциплиной. Еще задолго до введения почетного звания гвардейцев немцы называли нас в листовках «кремлевской гвардией». И мы гордились этим! Отряду не просто сопутствовала удача. Дело не в звании: расчетливо воевал майор Калеников.

Едва наступили осенние ночи, как линию фронта перешла группа бойцов с капитаном Хрявиным. Они навалились на господствующую высоту, выбили с нее немцев и подняли красный флаг. 60 человек в течение суток дрались против сотен эсэсовцев и альпийских стрелков.

Такая же участь постигла вскоре штаб 67-го самокатного батальона. Немцы всполошились. Они перерезали перешеек плотной линией окопов и дзотов. Мины, проволока, непрерывные ракеты стерегли узенький участок фронта. И все-таки пограничники проскальзывали через передний край немецкой обороны.

На дороге, ведущей в Петсамо, появились люди в белых маскировочных халатах. Это был отряд капитана Лихушина. Разведчики взорвали мост, уничтожили три дома, девятнадцать землянок, сожгли десяток автомашин.

Теперь принято решение — бросить в немецкий тыл весь батальон. Задача трудная — перерезать единственную в горах дорогу, снабжавшую мурманскую группировку немцев. И не просто перерезать, а оседлать ее и таким образом нарушить коммуникации врага. Поведет батальон сам командир. И вот он обходит строй, проверяет обмундирование, лыжи и заглядывает в глаза. Они разные: суровые, наивные, с сухим блеском и мечтательные. И нет среди них равнодушных, обреченных.

Комиссар Филатов, с новенькой шпалой в петлице, аккуратно подтянутый, что-то говорит Каленикову воркующим баритоном. Тот взмахом руки обрывает его:

— А теперь отдыхать! И наедайтесь поплотнее! Пригодится!

Тихо стало в землянках. Лежали парни с открытыми глазами и думали. Думали о чем-то большем, чем собственная судьба. Коля Треногин, паренек с Камы, уронив голову на баян, чуть слышно играл про маньчжурские сопки. В дальнем углу кто-то повторял:

Жди меня, и я вернусь,
только очень жди.

Стихи эти несколько дней назад мы слышали от самого Симонова и тут же переписали их в свои тетради. Хотя у большинства не было невест, но стихи нам очень нравились: очень хотелось, чтобы нас ждали не только матери. И еще нам хотелось вернуться. Хоть одним глазком посмотреть, какая она будет, жизнь после стольких испытаний!

...В штабной землянке долго не потухала лампа. Еще и еще раз уточнялись несколько запасных вариантов выхода на цель, если по какой-либо причине нельзя будет исполнить главный маршрут.

— Итак, высаживаемся на мыс Пикшуев, — подытожил майор Калеников, — двумя группами. Следуем вот тут, — и он повел по карте остро отточенным карандашом, не оставляя следа. Опять повторили сроки, сигналы. Их повторяли командиры рот и политруки. Только за полночь майор, согнав с лица озабоченность и суровость, приказал вестовым накрыть стол. Потом разлил спирт по стаканам, себе налил большую кружку молока (майор не курил и не пил спиртного) и произнес тост:

— За удачу! За успех!

Второго тоста не было.

Позади осталась губа Эйна с обжитыми землянками, с тоской ожидания и шумливой суетой сборов. Коротко вспыхнули неожиданные огоньки, словно желая удачи десанту, идущему на небольших рыбацких ботах.

На первом — группа майора Зябликова, на втором — Старкова. Высадиться в двух точках, ухватить мыс мертвой удавкой и обеспечить высадку основных сил — такова задача.

Едва отчалив от пирса, ботики исчезли в упругом и сыром мраке. Море, черное и зловещее, ухало волнами. Накрывая судно с носа, вода легко перекидывалась на корму, скапывалась седым полотнищем в черноту.

В назначенном квадрате боты разошлись. Вздрыбленный, скалистый берег надвинулся сразу. Винт равнодушно месил воду. Неожиданно бот накренился на левый борт, содрогнулся, ударившись о что-то под водой, и остановился.

И сразу пропала напряженность. Началась высадка. Было ветрено, холодно. Где-то вдалеке растекались по темному небу всполохи ракет и постреливали пушки. Взвод за взводом, скрываются в сопках десантники. Мы торопимся. Надо как можно дальше уйти от берега.

Темная ночь отделила нас от моря, от мира. Кто-то в этот поздний час не смыкает глаз, раздумывая о сыне или о

муже; приехавший на побывку солдат обнимает девушку на крыльце; громыхают в тыловых городах одинокие трамваи, нарушая беспокойный сон уснувших кварталов. А мы идем и идем. Кто-то вернется домой, кто-то останется тут, на своей последней и неудобной пристани.

У нас впереди неизвестность. И сами мы тоже неизвестные: ни документов, ни черных капсул с фамилиями, ни единой бумажки в кармане. Одинаковые халаты, одинаковое покачивание фигур, и только номера винтовок и автоматов разные, да мысли и раздумья у каждого свои.

Скрипят лыжи. Неосторожно звякает фляжка, и тогда боец вполголоса вспоминает бога и его мать. По цепочке летят команды, и синие тени на снегу то останавливаются, то ускоряют свой бег по ледяному насту.

Словно неотвратимый штык, все дальше и дальше вонзается во вражеский тыл наш десант.

К утру разведка доложила:

— Видим противника. Немцы пересекают озеро.

Их было немногим больше двадцати. Шли они неторопливо, лыжа в лыжу. Впереди — офицер. Сзади на санках что-то зачехленное тянут по двое.

— Огонь! — подал команду Зябликов.

Яростно затакали пулеметы, рассыпались чистой дробью «шмайссеры» егерей. Дымчато-голубой снег запятнали убитые. А через несколько минут фашисты стали подниматься и протягивать вверх руки. Офицер старался уйти. Он вскакивал, бежал, петляя, и снова падал в снег.

— Живым взять его, — приказал командир.

Теперь стрелял только Николай Мелентьев. Его ручной пулемет посылал короткие очереди прямо под ноги бегущему. Наконец тот лег. Пробовал пошевелиться — опять очередь. Тупое рыльце «ручника» чутко стерегло шустрого офицера. К нему сзади подскочили два пограничника и скрутили. Он оказался командиром батареи, которую немцы должны были установить на Пикшуевом мысу.

От пленных мы узнали, что на нашем пути гарнизонов нет,

что возможность русского десанта немцы считают невероятной и побережье пока не минируется и охраняется слабо.

Подошла основная группа десанта с майором Калениковым. Он поздравил бойцов с первой удачей, и отряд устремился во вражеский тыл.

Это был трудный, выматывающий кросс. По узким каменным ущельям, по лысым скатам сопок мы уходили все дальше и дальше. Лица почернели, обветрились, вещевые мешки отощали: в них только патроны и гранаты, да по нескольку сухарей.

И вот на пятые сутки дорога. Единственная, связывающая передовые части немцев со своими глубокими тылами. Ровная, накатанная, с частым следом гусениц и шин.

Лейтенант Портман передал штабу армии первое донесение: «Цель взята. Два километра дороги заминировали». Пограничники до рассвета устроили из камней и снега ячейки для стрельбы, установили пулеметы и залегли в ожидании.

Первым был уничтожен немецкий дорожный батальон, встретили его бойцы лейтенанта Сорокалета. Быстрым жестом сильных рук он бросил своих «орлов» в атаку. Пограничники бежали, крича «ура», швыряя гранаты. Сбитые паникой, фашисты металась по дороге, валились и умирали, так и не поняв, откуда пришла смерть.

Бой разбился на отдельные части, которые, как костры, то ожесточенно разгорались, то затихали.

Толя Лапшин и Саша Лисовский, прижавшись к громадному валуну, били из автоматов прямо в гущу кричавших, обезумевших врагов.

На дороге стало жарко. Яростно хлопотали пулеметы. Злые и проворные свинцовые струи скрестились в густую сетку, и фашисты, убегая от этого смертного невода, попали на прицел основных сил десанта.

Калеников со своего наблюдательного пункта видел, что участь противника уже решена, и это радовало его. Он потирал от удовольствия руки и говорил Зябликову:

— Молодцы, ребята! Вот молодцы!

— Это пока начало, — отозвался майор.

— Лиха беда — начало! Остальное сделаем. Передай ротам, чтобы экономили патроны.

Вскоре все смолкло, и в этой неожиданной тишине стало слышно гудение моторов. Оно становилось все сильнее, показались машины и бронетранспортеры с пехотой. В кузовах машин — минометы. Ясно, что фашисты успели передать о русском десанте, и теперь их командование перебросило сюда войска с линии фронта. 110 машин насчитали пограничники. Бой закипел сразу, и скоро все вокруг потонуло в грохоте разрывов.

С резким завывающим звуком летели мины. Косматые фонтаны земли и бурого дыма вставали между нашими окопами. Грозный рокот прокатывался над высотой тяжелыми волнами. То тут, то там раздавались команды. Горели подожженные машины, где-то над облаками кружили самолеты, и ракеты летели то в нашу сторону, то от нас.

Колю Мелентьева, бежавшего впереди меня, взрывом швырнуло на камни. Я подполз и увидел, что он лежит пластом.

— Ранило?

— Почти убило, — ответил он, перевернувшись на спину. Осколок ударил по чехлу гранаты и разорвал телогрейку почти пополам. — Испортили казенную вещь, гады! Я здесь останусь, место выгодное.

Фашисты давили на психику. Они шли в полный рост, прижав к поясу автоматы. Строй атакующих разрушился у подножия — это ударил по врагу пулемет Николая. Но гитлеровцы лезли остервенело. Они подбадривали себя криками и беспорядочным огнем.

Мелентьев, укрывшись за камнями, подпускал их, а потом давал короткие и точные очереди. Перед его пулеметом лежали несколько егерей. Но живых было больше. Снаряды потрошили наши позиции.

Разрывы виднелись повсюду. Глухие, резкие, свистящие, ревущие, они сливались в какой-то немислимый рокот. Связь с ротами нарушилась. В клубах дыма, окутавших высоты,

нервно трещали автоматы. Что стало с позициями у дороги — неизвестно. На правом фланге обороны огонь стих. Майор видел, как фашистские автоматчики обходят высоту, поднимаясь выше и выше в глубину боевых порядков отряда.

Калеников коротко пробасил:

— Лейтенант Портман, передайте старшему лейтенанту Старкову — держаться до вечера!

Майор не отрывал глаз от бинокля. Он был весь там, где решалась судьба десятков людей. Его людей.

А они дрались. На высоте было не больше двух отделений. Старший лейтенант Старков лежал с бойцами в цепи и молча стрелял. Бойцы понимали, что назад дороги нет, что именно тут, на безымянной высоте, они должны выстоять.

Пулеметчик Матвеев, кряжистый отчаянный сибиряк, подпускал гитлеровцев так близко, что видел потные, покрасневшие лица, даже слышал, как у загнанной лошади, храп и нажимал на гашетку «максима». Его очереди начисто сметали наступающих.

— Патроны, патроны давай! — крикнул он своему второму номеру Игнатову.

А тот лежал в нескольких метрах, вытянув перед собой цинковый ящик.

Матвеев вскочил, и тут же пуля ударила его в грудь. Он качнулся, но устоял. Игнатов был мертв. Но сибиряк еще жил. Он полез на четвереньках по скользкому граниту, подполз к своему «максиму», вставил новую ленту и последним усилием заставил пулемет заговорить. Он уже не слышал голоса Старкова, увлекшего бойцов в атаку. Поднялись все. У одного перевязана рука, у другого в бинтах голова. Бегут решительно, смело. И захватчики, ошеломленные таким мужеством, не выдержали. Отхлынули. Из кармана Матвеева старший лейтенант достал потом сложенный вчетверо листок. Сибиряк писал перед боем: «Если погибну, прошу считать меня коммунистом».

Героически обороняли занятые высоты взводы лейтенантов Шихирина и Перова.

Перов, размахивая пистолетом, третий раз вел бойцов в контратаку. С флангов отчаянно били тяжелые пулеметы противника. И бежавшая позади Перова цепь рассыпалась, но передние вместе с лейтенантом уже врезались в гущу врага. В ход пошли приклады, кулаки, ножи... Автоматная очередь полоснула перед Перовым. Он еще успел свалить двух егерей, но тут пуля нашла лейтенанта.

Командование боем принял на себя младший сержант Кузнецов. Раненный в обе ноги и руку, он продолжал стрелять и отдавать приказы.

Убитых не хоронили. Они лежали на снегу, и колючая поземка наметала над ними холмики, уравнивая их теперь, таких разных при жизни.

Мы лежали с Николаем за валуном и дышали друг другу в лицо: так вроде теплее. Подняться бы, попрыгать, разогнать кровь. Но по сопке, это по нам, навесным огнем рубят пулеметные трассы. Когда они сходятся у нашего валуна, мы жмемся к камню и пытаемся втиснуться в него, и, кажется, гранит подается.

Ох, как злобно скрежещет металл, когда страшная сила трогала сталкивает его с вековым гранитом. Завывает, закручивает сталь — рвет ее на куски и сечет березки и людей.

Недолет, перелет. Счастье улыбается нам — враги смещают огонь вправо, и мы вздыхаем. Может, прав Коля: не сделали еще наш снаряд, не подвезли нашу мину.

Молчат соседи справа и слева. Не то убиты, не то экономят патроны. Молчит вся сопка.

Фашисты надеются взять измором. Они вовсю светят ракетами и посылают в нашу сторону длинные разноцветные ленты трассирующих пуль.

На третьи сутки Калеников собрал командиров.

— Отряд свою задачу выполнил, — сказал майор. — Боеприпасы на исходе, продовольствие кончилось. Я принял решение — уходить в тундру, чтобы перейти фронт на левом фланге. Возвращаться на Пикшуев мыс мы не можем. Задача ясна?

— Ясна, — ответили командиры.

— Через полчаса прорываемся вот в этом направлении, — и Калеников показал в сторону сопки, откуда реже раздавались очереди. — Группу прорыва возглавит Сорокалет.

Сорокалет смотрел на светящийся циферблат. До начала атаки осталось полчаса. Ровно через тридцать минут лейтенант должен будет встать и крикнуть: «За Родину!» и первым пойти в наступающей цепи.

Но Сорокалет ничего не крикнул, а только взмахнул рукой и коротко бросил: «Вперед», и пошел по снегу, не оглядываясь. Он шел все быстрее и быстрее, но тяжелое дыхание своих парней уже настигало его.

Фашисты заметили группу прорыва почти у самой кромки озера и открыли огонь, который прижал взвод ко льду, и ребята теперь продвигались ползком.

Метр за метром они сближались с врагом. Над их головами пули поднимали легкий жутковатый ветерок.

— Треногин, — приказал лейтенант, — обходи точку по берегу и гаси ее!

— Лисовский — огонь по дзоту! — точнее только.

Леденистый наст поднимался фонтанчиками, как в частый летний дождь. И, как дождь, стих разом. Это Лисовский подавил огневую точку. И в тот же миг Сорокалет оторвал взвод от колючего наста. Отчаянное «ура-а-а!» — поднялось в темноте. И теперь ничто не могло остановить бойцов.

Следом за ними в узкую щель прорванного кольца окружения выскользнул весь отряд и ушел в ночь, в тундру.

Вероника — ягода дикая,
Глазки черные между камней,
Я питался тобой, вероникою,
Семь тяжелых, семь страшных дней.

А. Колесников

Отряд с рассветом перешел еще одно, скованное льдом озеро. Пограничники карабкались чуть ли не по отвесному

берегу, хватались за острые камни и сухие колючки кустарника.

Тут бы, на высоте, и передохнуть, но Калеников торопит: разведчики сообщили, что большие группы захватчиков рыщут невдалеке.

— Веселей, ребята, веселей! — подбадривал майор и, лихо отталкиваясь палками, обгонял уставшие и поредевшие роты.

И опять растягивается длинная цепочка лыжников. Тряпье маскировочных халатов болтается на ходу, раскачиваются автоматы, нудно поскрипывают крепления. С высоты на высоту бредем, мечтая о хлебе и какой-нибудь заброшенной землянке, где можно было бы хотя немного согреться и побаловаться кипятком.

Рядом со мной идет Коля Мелентьев, неисправимый фантазер. В отступлении солдаты всегда рассказывают нечто печальное, утешая себя тем, что пережитое раньше было еще хуже. А Коля, вытянув тонкую шею, вполголоса запел:

— В колхозах хлеба полны амбары...

— Перестань, — бросил кто-то впереди.

— Не сердись. Злость портит пищеварение, — усмехнулся Николай, — впереди привал и все такое прочее.

Пружинит под ногами олений лишайник. Снег лежит на нем синеватой корочкой. Проткни ее, разломай, и холодно, матово блеснет вероника, дикая ягода.

Возле застывшего ручья — отдых. У ледяной кромки торчит тальник. Серые камни и гирлянды прилипшей и застывшей тины.

Радист распаковал рацию.

— Что передать? — спросил он начальника штаба Зябликова.

— Повтори вчерашнюю шифровку, — приказал майор.

Радист принял ухом к металлической коробке, а потом зло сплюнул, выругался.

— Питание кончилось, — едва слышно сказал он и стал лихорадочно крутить отошавшие батареи, а потом швырнул их далеко в сторону и притоптал.

— Бывает хуже, — нарушил тяжелую тишину неунывающий Коля.

Тяжким был тот день. Мы зарылись в снег. И сладкие, неуловимые небылицы приходили мне в коротком сне. Над нами падали пушистые, невесомые хлопья снега. Как лепестки невиданного цветка, они кружились и кружились, а потом превратились в сплошную летящую мглу. Упругими волнами рядом ревущий океан гнал на нас снежные валы: они подмяли березки и укрыли наш неровный след.

На коротких привалах майор Калеников доставал из нагрудного кармана небольшой блокнотик с рыжеватыми короткими корочками. Это был полевой журнал боевых действий. Командир записывал скупое, короткое.

«17 ноября. Слышим гул самолетов. Видимо, нас ищут. Из-за низкой облачности сигнал о себе дать не можем. Боезапас подходит к концу.

18 ноября. Следуем на юго-восток по старой телефонной линии, левее слышим артстрельбу. С нами двадцать раненых. Везем их на санках, сделанных из лыж. Прошли еще шесть километров. Бойцы спят на ходу. На местах поворотов лыжников ставим командиров.

19 ноября. Над нами повис немецкий самолет-разведчик. К полудню две группы фашистов пытались остановить отряд. Разведчики Ширихина вступили в бой с егерями и отогнали их в тундру.

20 ноября. Съедены ружейные ремни. Бойцы обессилены и часто падают. Разведчики Тимохин, Лапшин, Телегин прокладывают лыжню. Прошли еще пять километров.

21 ноября. 16 бойцов подали заявления в партию. Принимали всем отрядом. Посмертно принят в партию пулеметчик Матвеев. После собрания молодые коммунисты отправились в голову колонны.

22 ноября. Восемнадцатые сутки мы в походе. Наверное, нас считают пропавшими без вести. Позади почти двести километров. Бойцы держатся хорошо».

По каменным россыпям черной тундры, по унылому ред-

колесью шли мы след в след. Упась-пропась. Пойдешь-дойдешь. Судьбы на свете нет.

Немеют руки и плечи до кончиков пальцев. А мешки, уныло пустые, давят плечи. Низкие облака, зацепившись за выступы вершин, застыли, словно в удивлении, над нами. Небо слилось с землей. И в этом безмолвии тихо поскрипывают лыжи. Ни шуток, ни команд. Только вперед, только за ним, нашим командиром. Его спина раскачивается перед глазами, и мы тоже покачиваемся. Нам кажется, мы идем быстро, а сопка все так же маячит справа, столбы не торопятся навстречу.

— Наши идут! — крикнул что было сил Толя Лапшин, и, показывая палкой в сторону вынырнувшей из белесого тумана группы лыжников, бросился к ним, вкладывая в этот финишный рывок остаток сил.

Да, Толя не ошибся—это были разведчики. Они искали нас.

«Кто хоть однажды видел это...» — поется в любимой песне солдат-ветеранов. И я повторял эти слова, потому что не мог поверить в поразительный запас нескгибаемого мужества людей, прошедших сквозь огонь, стужу и голод. Потому что никогда не забывал, как шел в этом строю.

ИВАН ИВАНОВИЧ ЮХОВ. В годы Великой Отечественной войны — офицер штаба полка ночных бомбардировщиков, сформированного на Урале. Принимал участие в разгроме фашистов под Москвой. Воевал на Калининском, Воронежском, Брянском, Ленинградском и Прибалтийском фронтах. Награжден орденом Красной Звезды, многими медалями. После войны занимался журналистской работой. В настоящее время — на заслуженном отдыхе. Живет в Перми.

ДРУЗЬЯ МОИХ
ВОЕННЫХ ЛЕТ

Страницы
из фронтовой тетради

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ И НОЧИ

Недавно, разбирая свои бумаги, я нашел старую фронтовую тетрадь. Страницы ее пожелтели, чернила поблекли, карандашные записи поистерлись. Но все же разобрать можно. Перелистываю, перечитываю, вспоминаю... Вот некоторые из этих страниц.

Осенью 1941 года я, как и многие мои товарищи — пермские журналисты, надел военную форму. Сначала предполагалось, что буду служить во фронтовой печати, но в военной обстановке не выбирают. Меня определили в авиационный полк на штабную работу, однако и здесь не обошлось без заковыки.

Воображение рисовало, что я буду заниматься не только штабной работой, но и сумсю освоить летное дело, о котором уже имел некоторое представление. Теперь, думалось мне, сам бог велел познакомиться с авиацией. К тому же, по наивности своей, я был уверен, что воевать можно только на скоростной, хорошо вооруженной и защищенной броней машине. Представьте же мое разочарование, когда я узнал, что наш полк укомплектован аэроклубовскими самолетами У-2. Их лишь оснастили самодельными бомбодержателями и назвали «ночными бомбардировщиками». Если бы до войны кто-ни-

Будь сказал, что нам доведется воевать и на фанерных тихоходах, мы бы в лучшем случае рассмеялись. Но факт был фактом. Война диктует свои условия.

Сначала фашисты, узнав, что против них действуют У-2, смеялись, окрестив нас презрительно «рус-фанер». Но фанерный бомбардировщик оказался на редкость живучим. По нему немцы палят, лупят вовсю. В крыльях большие дыры, изрешечен фюзеляж, а он знай себе тарыхтит да летит, лишь бы не был поврежден мотор, жив да здоров был пилот.

«Королевской авиацией» в свою очередь любовно называли нас пехотинцы. Да и было за что. Наши ребята летали в любую погоду, с самых невероятных площадок, в самых невообразимых условиях. Были они воздушными извозчиками — надежно обеспечивали живую связь. Были снабженцами — доставляли продукты, боеприпасы, медикаменты. Были санитарами — помогали спасать тысячи и тысячи жизней. Были разведчиками — добывали ценные сведения о противнике. А самое главное — были ночными бомбардировщиками. Они могли поразить любой мостик, любой дом, любую, хотя бы и мелкую цель.

Хорошо об этом, на мой взгляд, недавно написал в своих воспоминаниях А. И. Шахурин, который в военные годы был наркомом авиационной промышленности:

«...Самолет Николая Николаевича Поликарпова воевал всю войну. Это был У-2 — учебно-тренировочный самолет, названный после смерти Н. Н. Поликарпова в 1944 году — По-2. Его любили все летчики за простоту и живучесть...

В конце 1941 года, когда перебазируемые на восток заводы еще не вошли в строй и промышленность не могла производить нужного количества авиационной продукции, было принято решение мобилизовать весь самолетный парк страны. Из штабов, тыловых частей, авиационных училищ, аэроклубов Осоавиахима, из Гражданского воздушного флота взяли и передали для боевых целей все самолеты, в том числе и устаревших марок... Так было положено начало ночной легкомоторной бомбардировочной авиации».

Наш полк был сформирован из летчиков и техников уральских аэроклубов и военных училищ. Большинство не имело никаких воинских званий. Начальником штаба, в помощники к которому я поступил, был старший лейтенант Вавилов. Мне присвоили звание младшего лейтенанта. Штурманом полка был определен опытный офицер капитан Борисенко, который сразу же взял надо мной шефство, обучая меня штурманскому делу. Штабной штат не был полностью укомплектован, и мне пришлось выполнять обязанности начальника связи и заниматься оперативными и кадровыми делами.

На должность командира полка к нам пришел кадровый летчик Степан Изосимов. Он внушал всем, что и на наших самолетах можно хорошо воевать, дело лишь за людьми, за мастерством и мужеством.

Учеба в запасном полку была недолгой. Технике пилотирования, самолетовождению в дневное время наших ребят учить не приходилось. Другое дело — полеты ночью. Их приходилось осваивать заново. Стрелки-бомбардиры все были новички, о бомбежке имели весьма смутное понятие и нуждались в основательной тренировке.

Собственно, на У-2 никаких приспособлений для бомбометания не было. Как мы шутили на первых порах, бомбить приходилось «по сапогу».

Однако фронт торопил. Немцы приближались к Москве. Погрузив свои «бомбардировщики» на железнодорожные платформы, мы в теплушках тронулись на запад. Вскоре прибыли в Подмоскovie, в маленький, деревянный городок. Здесь все дышало фронтом. По улицам ходили ополченцы с винтовками. Ночью все погружалось во мрак. Действовал комендантский час.

Трещали крутые морозы, но весь состав полка — техники, оружейники, летчики, стрелки дружно и горячо работали на сборке машин. Не раз и не два на дню объявлялась воздушная боевая тревога, и все прятались по укрытиям. Высоко в

небе появлялись фашистские самолеты, но, опасаясь наших зениток, пролетали стороной.

В один из таких дней мне довелось с летчиком Владимиром Слуком слетать для ознакомления с местностью. Поднялись на высоту восемьсот метров. Внизу пустынно. Грустно стоят покрытые снегом леса. Хорошо просматриваются полосы железных дорог. Густо заселено Подмосковье. Ориентироваться трудно. Приходится строго руководствоваться компасом и картой. Оплошки допускать нельзя. Ведь линия фронта совсем рядом. Холодно. Ветер сечет лицо. Мороз дает о себе знать. Особенно его чувствуешь во второй кабине. Однако настороженность берет верх. А что будет, если встретимся с немецкой «пташкой»? Удастся ли увильнуть от нее? Наша машина — тихоход, для защиты на ней нет даже пулемета. Но никаких происшествий, первый мой полет прошел благополучно.

Декабрь. Мы в Туле. Город перепоясан баррикадами. Окна магазинов наглухо забиты досками. Всюду следы вражеских бомбардировок. Пепелища, разрушения. На площадях и во дворах домов стоят наготове зенитные пулеметы, пушки.

На аэродроме Мясново ангары сожжены. Наши У-2, истребители и тяжелые бомбардировщики расположились в открытом поле. Машины все время прогреваются, и непрерывно стоит глухой гул моторов.

Первыми в нашем полку боевое крещение принимают Евгений Кузнецов, Федор Шитиков, Владимир Слук, Иван Макаренко.

Журнал боевых действий скупно и кратко фиксирует боевые вылеты. Вот, к примеру, в журнале записано: «1 января 1942 года летчик Кузнецов летал на связь. Был атакован «мессером», ушел от него, а самолет противника врезался в утес, загорелся, вражеский летчик погиб. Летчик Кузнецов задание выполнил». И это — все... Сухо изложены факты. На

самом же деле сколько мужества и отваги проявляют наши ребята! Вот полетел в разведку Федор Шитиков. Он осмотрел железную дорогу Тула — Козельск — Белев. В районе Белева его атаковали два «мессера». Он посадил самолет в лес, и враги потеряли его из виду. После ухода противника Шитиков с непригодной площадки взлетел и благополучно прибыл домой.

Летчик Василий Хомяков доставил боевой приказ генералу Белову, за что получил от него благодарность. В журнале не сказано, что Хомяков летал в сильный буран при отсутствии нормальной видимости. Такой полет мог успешно совершить только незаурядный пилот, большой мастер своего дела.

В Туле долго мы не задерживаемся. Наши войска гонят фашистов. 50-я армия, которой мы приданы, овладела Калугой. Мы перелетали на аэродром, находящийся около Калуги. Противник совсем близко. До нас доносится артиллерийская канонада. Разместились поблизости от аэродрома, в одноэтажном кирпичном доме. Машины расставили, как на парад, — в ряды, близко одна от другой. В этом была наша ошибка. На другой же день к вечеру аэродром подвергся ожесточенной бомбардировке. Два самолета было выведено из строя.

Из этого мы сделали должные выводы. Самолеты рассредоточили и замаскировали, а вот сами не захотели уходить из удобного и теплого помещения. Это было нашей второй грубой ошибкой. В конце января готовилась крупная десантная операция, и на нашем аэродроме было сосредоточено много транспортных тяжелых самолетов. И вот, вечером, когда смеркалось, из-за горизонта неожиданно выплыли армады фашистских бомбардировщиков...

После этого урока мы из казарм перебрались поближе к своим самолетам. Наученные горьким опытом, мы стали располагаться в глухих местах, в стороне от «большаков».

В то же время в условиях зимы и бездорожья наши машины были очень удобны и безотказны. Когда надо, доставляли частям армии боевые приказы и распоряжения, перевозили командный состав, забрасывали легкое вооружение и боеприпасы. Группа наших летчиков постоянно дежурила при командном пункте штаба 50-й армии, выполняла самые срочные и разнообразные задания.

Держать связь с десантным корпусом полковника Казанкина и конниками генерала Белова тоже выпало нашему полку. Мы доставляли им боеприпасы, продовольствие, медикаменты, газеты, литературу. В ночное же время наши У-2 летали на бомбежку важных узлов и объектов противника, железнодорожных станций, транспортных магистралей.

Западный фронт был для нас первым испытанием в деле, после которого мы поехали в тыл на переформировку.

После двухмесячного пребывания в тылу наш полк расположился под Воронежем на полевом аэродроме Пружинки. Самолеты — те же У-2, но уже модернизированные, скорость побольше и в кабине штурмана установлен пулемет.

Летный состав заметно обновился. К нам пришли молодые летчики и штурманы, еще не бывавшие на фронте, не летавшие ночью.

Август. Командование армии назначило полку трое суток на изучение района боевых действий и ознакомительные ночные полеты. Ночи стоят по-южному темные. Что-то они таят?

Но вот и первая боевая ночь. У командного пункта собрались пилоты, штурманы, механики. В летных комбинезонах, у каждого в кобуре пистолет... Курят, шутят, смеются. Теплый ветерок обвеивает возбужденные лица.

Командир полка, Изосимов, оживленно разговаривает с людьми. Наконец, бросив взгляд на часы, он обращается к командиру эскадрильи Артюхову и штурману полка Борсенко:

— Что ж, начнем с вас.

Капитан Артюхов — человек атлетического телосложения, кадровый военный, прекрасный летчик. Капитан Борисенко в первом «кругу» показал себя отличным штурманом, хорошим наставником молодежи.

Оба четким, строевым шагом направились к самолету. Через некоторое время раздалось стрекотание мотора, самолет разогнался по полю и легко взлетел. Он хорошо заметен в черном небе: светятся бортовые огни. Летчик зачем-то включил их. А может, произвольная ошибка?

Но что это? К характерному стрекотанию нашего самолета примешивается чужой неприятный звук. С каждым мгновением все слышней и слышней. Противник!

А наш У-2 как ни в чем не бывало сделал первый разворот и пошел на второй. Огоньки предательски светятся. Большая темная громада немецкого стервятника мелькнула над аэродромом. Он следовал за нашим самолетом.

— «Юнкерс», «юнкерс»! — дико запричитал кто-то.

На аэродроме ярко горит электрическое «Т». Того и жди, что на головы посыплются бомбы. Однако фашист увлекся охотой за движущейся мишенью.

— Выключить «Т», — спохватившись, громко командует Изосимов.

Все погружается во мрак. Но вот от «юнкерса» сверкнули одна, другая огненные трассы в направлении нашего У-2. Он вспыхнул и, бороздя черное небо, пошел к земле. Пронеслись какие-то мгновения оцепенения, горящая машина вонзилась в землю на краю аэродрома. Взрыв, пламя... Мы кинулись туда. Но чем теперь могли мы помочь? Тлеющие обломки... Груды искореженного металла, два обгорелых тела... Рядом с почерневшей рукой Артюхова белели часы со светящимся циферблатом. Секундная стрелка продолжала свой бег, а человеческое сердце остановилось.

Командир полка нагнулся и поднял часы. Они были горячи.

— Гады! — скрежетнул он зубами.

— Как быть с полетами? Отменить? — обратился к нему начальник штаба.

— Полеты продолжать. Летать без навигационных огней, «Т» включать лишь для посадки, — каким-то сухим, металлическим голосом произнес Изосимов.

...Начались фронтовые ночи. Как только темнело, с летного поля убирались копны сена, поставленные для маскировки. Из своих убежищ с тарактением выруливали самолеты и поднимались в небо.

На Западном фронте наши ребята, для того чтобы больше брать бомбовой нагрузки, летали без парашютов, но трагический случай с Артюховым и Борисенко, кроме всего прочего, подсказал, что парашютами пренебрегать нельзя.

По долгу службы мне приходилось почти постоянно быть на КП. Невольно видел, кто уходил на задания смело, твердой походкой, с задором в глазах, а кто робко, нерешительно. Иной по малой опытности, а иной по малодушию, откровенных трусов я не знаю, у нас их не было.

Всегда уверенно отправлялись на задание наши опытные летчики Борис Цибулевский, Николай Сибиряк, Владимир Слук, штурманы Юрий Сазонов, Иван Приезжев, Кузьма Царенко. Уверенно заявила о себе молодежь. Пилоты Николай Попов, Андрей Занин, Василий Протасов летали храбро, работали без усталости, вдохновенно и горячо.

Были и такие, которых на первых порах брала оторопь, мутил страх. Молодой летчик Алексей Романов как только узнавал, что ему предстоит лететь на задание, бледнел, волновался, а в полете старался забраться как можно выше. После разговора с командиром полка и комиссаром он постепенно преодолел свою робость и стал летать нормально, даже хорошо.

Жарко было нам под Воронежем в густые августовские ночи.

Важной для нас целью был железнодорожный узел и аэродром Старого Оскола. Бомбить его приходилось неоднократно. 26 августа на бомбежку улетело десять экипажей, все они прорвались сквозь зенитный заслон и успешно отбомбились, но обратно возвратилось девять. Не пришли с задания задорные, боевые сержанты Василий Сосулин и Петр Вдовин.

С каждым днем нам даются все более и более сложные цели. Мы начинаем бомбить аэродром и всеенные объекты Орла. Здесь захватчики сосредоточили свыше двухсот зенитных батарей и до двадцати прожекторов. По их убеждению, они создали зону сплошной непроходимости. Однако наши самолеты с большой высоты, бесшумно, на планировании, проникают в логово врага и обрушивают на него свои бомбы.

Днем после работы полк отсыпался. Спали в дощатом сарае, на матрацах, набитых соломой. Спали мертвецким сном, отрешившись от всех волнений войны.

Рядом с моим матрацем были постели летчиков Ивана Дудрова и Николая Попова. Вполне понятно, что у нас нередко возникали задушевные разговоры.

Лейтенант Иван Дудров первым в полку сделал сто боевых вылетов, хорошо освоил противозенитный маневр и охотно рассказывал о своем боевом опыте.

— Не люблю торчать на аэродроме. По мне, скорей в воздух. Огни тут у вас, шум, гомон, того и гляди, фриц нагрянет, — говаривал он.

Николай Попов, хоть и был моложе Дудрова, но быстро в деле освоился. Техника пилотирования у него была отличная.

Была у Николая небольшая причуда. Он возил в своем вещевом мешке толстую книгу Виктора Гюго «Отверженные». Прочла эту книгу вся 3-я эскадрилья. Давал он этот увесистый том и мне и убедительно просил, как и всех остальных, обращаться с книгой поосторожней. «Это отцовский подарок», — говорил он, как бы извиняясь. Сказывали, что в полетах Николай будто бы подбадривал себя возгласами: «Не унывай, Гаврош, не вешай носа, братишка!» Это говорилось

про Николая с доброй улыбкой, без подковырки. В эскадрилье никого не удивляло, когда Николай после возвращения с задания, сидя с друзьями за обеденным столом, поднимал фронтовую чарку «за милого друга Гавроша!». Тост охотно подхватывали: парижский мальчишка, забияка и неугомон, нравился многим.

Мы — кочующий народ. Часто меняем точки базирования: Студенец, Русский Брод, Троицкое, Дутое, Ветчинкино, Измалково, Хомутово, Проходное и снова Студенец. Вокруг — орловские и курские просторы, знаменитые тургеневские места... Но не поют нам прославленные курские соловьи. У нас жаркие ночные полеты. Наши парни бомбят населенные пункты вдоль линии Брянского фронта, железнодорожные станции. От наших бомб гибнут фашисты, горят танки, автомашины, выходит из строя вражеская боевая техника.

По агентурным данным стало известно, что в Понырях наш полк разбомбил здание, в котором погибло 150 гитлеровцев. На станции Глазуновка наши фугасные бомбы разрушили двухэтажный дом, в котором жили немецкие офицеры. Их хоронили три дня. На станции Думчино было взорвано три состава с боеприпасами. Применяя ампулы с горючей смесью, наш полк буквально сжигал населенные пункты, в которых располагались фашисты.

Большим испытанием для наших летчиков явилась задача бомбить передний край противника днем. Облачность в тот день была низкая, и предполагалось, что самолеты, вынырнув из облаков, обрушат на противника свой бомбовый удар и снова уйдут в облака. Но погода изменилась. Самолеты появились над передовой, а там было чистое небо и отличная видимость. Что делать? Командир эскадрильи Константин Котов принял решение идти вперед. Было бы трусостью не выполнить задание. Экипажи пошли на явную гибель ради долга.

Появление самолетов У-2 было для противника неожиданным. Пользуясь внезапностью, звено Котова очень удачно отбомбилось, вызвав в расположении врага панику и растерянность. Этим моментом воспользовались и следующие экипажи. Зенитки немцев открыли вдогонку беспорядочный огонь, но он не причинил нашим большого вреда.

Как известно, любой боевой вылет таит в себе неизвестное. Как-то на передовой неудача постигла младшего лейтенанта Николая Попова, «нашего Гавроша». После бомбежки его штурман Топоров расстреливал фашистов из пулемета с высоты четырехсот метров. Это вызвало звериную злобу гитлеровцев. Они открыли сильный артиллерийский и пулеметный огонь. Был разбит мотор самолета, создалась угроза погибнуть или того хуже — быть захваченными в плен. Планируя, экипаж посадил самолет на нейтральной полосе. По ним палили из минометов. Летчики укрылись в снаряженных воронках. Самолет свой подожгли. Ползком, преодолевая проволочные заграждения, минуя минные поля, они добрались до своих. На другую же ночь «наш Гаврош» снова полетел на задание.

В октябре 1942 года летчики Винниченко и Сибиряк по своей инициативе пошли на задание парой. К самолету Сибиряка пристроился самолет Винниченко. Сибиряк осветил цель. Винниченко бомбил ее. Затем они поменялись ролями. Когда Винниченко попал под зенитный обстрел, штурман Сибиряка подавил огневые точки противника. Вскоре летать парами у нас стало обычным.

Наши летчики находили безопасные «ворота» на передовой. Штаб извещал об этом весь летный состав. Обычно всю ночь обрабатывали какую-либо одну цель. Противник учел это и стал подвозить в пункт, подвергшийся бомбежке, дополнительные средства обороны — зенитки, прожектора, высылал ночных истребителей... Но и мы начинали действовать по-иному. Делали заходы с разных сторон, обходили огневые точки, меняли объекты бомбежки, стали применять метод свободной охоты. Летали в самых трудных погодных условиях.

Инженер полка Валуйкин наладил ремонт самолетов в полевых условиях. Наши техники и механики возвращали их в строй за два-три часа. Мастерами своего дела по справедливости считались Иван Кузнецов, Калистрат Михайлов, Павел Великоднов, Сагит Вахитов...

Нелегкой для нас была зима 1942/43 года. Летать приходилось в сложных условиях.

Как-то выпустили на свободную охоту экипажи летчиков Кружнова, Лебедева, Цибулевского. Была плохая погода. Самолеты можно было вести только по приборам. Экипажам пришлось очень тяжело. Около Курска они попали под влияние магнитной аномалии. Компас — основной прибор на самолете — отказал. Летчики Цибулевский и Лебедев около двух часов кружились над территорией противника, пока не нашли дороги домой, а вот самолет комэска Кружнова не вернулся с задания. Как стало известно позднее, он врезался в землю и погиб.

Наступала весна. Наши самолеты летали на разведку и бомбежку аэродромов противника, на которых сосредоточивались крупные силы вражеской авиации, систематически бомбили Орел, Солнцево, Слободу, Мезенку. За успешную бомбардировку аэродромов противника командующий 15-й воздушной армией генерал Науменко объявил полку благодарность.

Пришел июль 1943 года. Развернулась историческая, беспримерная по своему размаху Орловско-Курская битва. На земле противоборствовали танки, в небе сражались самолеты. Нашлось дело и нашим У-2.

Экипажи полка совершали в ночь по 60—80 вылетов. Бомбили отступающие войска, взрывали переправы и мосты, уничтожали склады боеприпасов.

Всем памятно наступление советских войск. Шагнули через Зушу. 20 июля был освобожден город Мценск. 5 августа

поднято Красное знамя над Орлом. 15 августа освобожден Карачев. 17 сентября наши войска взяли город Брянск.

С большой радостью встречали нас жители освобожденных городов и сел. Обнимали, целовали. «Родные, наконец-то вернулись!» — говорили они со слезами на глазах.

Курская дуга обошлась недешево и нашему полку. Погиб летчик Тимофей Журавлев. Он был убит в районе цели, а самолет привел на нашу территорию раненный в ногу штурман Василий Малеванный. Под Орлом мы потеряли прекрасного летчика, командира эскадрильи, старшего лейтенанта Константина Котова. При бомбежке передовой он был ранен в живот, но проявил железную волю и привел самолет домой. Посадил его. Нашел силы доложить командиру полка о выполнении задания... В воздушных боях погибли летчики Василий Сосулин, Петр Медведев, штурманы Гарипов, Иван Князев, Александр Васильченко...

В начале 1944 года нам пришлось идти на выручку нашей пехоте, которая в районе Невеля попала в «мешок». Горловина его — проход, составлявший всего восемь километров, — простреливалась. Создалась опасность окружения наших войск. В «мешок» перелетели ночные воздушные полки нашей дивизии.

Линия фронта была совсем рядом. Набирать высоту приходилось над самым аэродромом, самолеты с приглушенными двигателями направлялись на цель и поражали ее. Мы бомбили вражескую пехоту, железнодорожные эшелоны, автотранспорт, вели ночную разведку.

Однажды пехота противника прорвалась почти к самому аэродрому, но была отбита нашими солдатами. В ликвидации невелинского «котла» ночная авиация оказала значительную помощь советским войскам.

Следующим нашим объектом была Идрица — сильный оборонительный рубеж фашистов. Перед нами была поставлена

задача — нанести бомбовые удары по гитлеровцам, засевшим в Идрице, Новосокольниках, Пустошке. Летали мы и на разведку, и к партизанам.

Фашистские летчики неоднократно бомбили наш аэродром. 23 февраля на наши головы «юнкерс» обрушил серию бомб. В это время мы грузили на самолеты листовки. Летчик Виниченко и я моментально упали на землю. Комсорг Лукьянов чуть замешкался и был ранен. Легко ранило двух оружейников. Повредило десять самолетов, но мы быстро их отремонтировали.

Теперь наши летчики уходили на разведку и в дневное время.

Интересный случай произошел с Андреем Виниченко. Хмурым январским утром ему был дан приказ уточнить линию фронта, определить, как передвигаются наши войска, перешедшие в наступление.

— Что ж, мой штурмовик всегда готов к бою, — усмехнулся Андрей.

Его самолет поднялся в воздух и пошел у самой кромки облаков. Высота всего триста метров. Выше — сплошная, густая облачность.

Но что это? Там, где еще ночью была передовая, царила неподвижность. Вся округа была изрыта окопами, траншеями. Стояли мертвые танки, застыли изуродованные бронетранспортеры, молчали орудия. Но вот Виниченко заметил — по большаку в беспорядке, панически отступали фашисты. Теперь предстояло заглянуть в город Новосокольники. Что же делают там враги, как себя чувствуют?

Самолет шел, задевая обрывки облаков. Показались дома. Сизый дым стлался над городом. Виниченко в свой полевой бинокль увидел на улицах советских солдат, идущих походным маршем...

— Василь, город наш! — удивленно и радостно крикнул он штурману и повел самолет на снижение. Сомнений больше не было: наши... Для верности прошелся над колонной пехотинцев и помахал им рукой. Ему ответили.

— Новосокольники наши! — вернувшись на аэродром, улыбаясь во все круглое лицо, доложил Виниченко, и хотя к той минуте это была уже не новость, Андрея поздравляли и обнимали.

Через несколько дней нашей 284-й авиадивизии было присвоено звание Новосокольнической.

Вскоре нас перебросили на Ленинградский фронт.

Нашему наземному эшелону пришлось в районе города Острова преодолевать большое голое поле, а немцы простреливали его с Пушкинских гор. Заместитель командира полка по политчасти майор Муша отправлял автомашины через этот гибельный участок — по одной с небольшими интервалами. Снаряды рвались около машин, поднимая столбы земли и ледяных комьев, осколки со свистом проносились мимо. Надо признаться, было не особенно приятно сознавать себя движущейся мишенью. Однако все кончилось хорошо.

На Ленинградском фронте много нам поработать не удалось: в полную силу развернулись белые ночи, началась весенняя распутица, развезло дороги и взлетные площадки.

Я должен сделать маленькое отступление. Было бы неверно утверждать, что во время войны мы жили только боями, только военными делами. Жизнь есть жизнь, человек и на войне — человек. Чуть передышка — и оказывается, что у каждого из нас есть и свои личные дела, свои заботы. Мы отмечали советские праздники, по возможности — дни рождения товарищей, вручения боевых наград. Регулярно, как положено, проводились партийные и комсомольские собрания, выпускались стенгазеты. К нам приезжали время от времени артисты с концертами. Мы и сами устраивали вечера самодеятельности, с песнями, танцами. У нас выявилось немало талантливых певцов, декламаторов, актеров...

Вот, к примеру, лейтенант Владимир Девинец. Как-то он более двух часов на память читал за всех персонажей — да-

же женщин — гоголевского «Ревизора». Все мы просто умирали, покатываясь со смеху.

А после Девинец взялся по-настоящему поставить «Ревизора», слетал в Ленинград, раздобыл там всю необходимую бутафорию, костюмы, музыкальные инструменты. Под его режиссурой «Ревизор» был подготовлен. Володя играл Хлестакова, летчик Николай Толпыго — городничего, штурман Рафик Сушкин — Добчинского, штурман Лева Циркин — Бобчинского, машинистка Люба Цибулевская — Анну Андреевну, оружейница Лиза Киселева — Марию Антоновну. «Оркестром» дирижировал летчик Сурен Меликов.

Спектакль удался на славу, заслужил самую высокую оценку. После этого наши артисты выступали с «Ревизором» и в других воинских частях фронта...

Той же весной развернулась борьба за освобождение Прибалтики. В середине августа мы перелетели на маленький, очень ограниченный аэродром Камтаускаса. Слышно было, как где-то близко гремит артиллерия. Дома были побиты снарядами. Отсюда наши ребята летали бомбить станции Таурих, Огре.

Потом, чтобы успеть за отступающим врагом, перелетели в поселок Дерти, где разместились в прекрасной помещицкой усадьбе. Это был красивый двухэтажный дом, но аэродром оказался совсем плох. Однако летчики наши были уже асами. Им не впервой была узенькая взлетная полоска.

Стояла хорошая погода, и полк работал с максимальным напряжением. Летчики делали по восемь — десять вылетов за ночь.

Новый аэродром Узини. Рядом маленькая речушка с живописными берегами. Рыбы в ней уйма. Но нам не до рыбалки.

Наступили осенние дни. И вот 13 октября была освобождена красавица Рига. Большой светлый праздник. Для нас он

был праздником вдвойне. Нашему полку присвоили почетное звание Рижского.

Теперь предстояло добывать фашистов, зажатых между Тукумсом и Либавой. Вражеские зенитчики яростно обстреливали наши самолеты. Не вернулись домой летчики Николай Попов, Николай Сибиряк, Семен Великжанинов...

Трудно, непривычно было нашим ребятам появляться над морем. Летишь — вверх звезды. Глянешь вниз — и там звезды. Чудилось, что летят вверх колесами. Неприятно и страшновато. Но что поделаешь, надо летать. Надо воевать.

...И вот приходит цветущая зеленая весна 1945 года. Сводки Совинформбюро с каждым днем все радостней и радостней. 9 мая. Два часа ночи. Московское радио передает важное правительственное сообщение. Война окончена. Мы выбегаем под звездное небо. И ночь превращается в день. Стреляем вверх из всех видов оружия: пистолетов, карабинов, автоматов. Небо пересекают пулеметно-ружейные трассы. Ослепительно вспыхивают разноцветные ракеты...

Еще и еще перелистываю фронтовую тетрадь. И вновь передо мной проходят страницы героических дней и ночей. Вновь я вижу своих друзей-однополчан, вновь припоминаю боевые эпизоды нашей обычной фронтовой жизни. Я не могу не рассказать о них.

ЗАВЕТНАЯ КНИГА

Потрепанный томик Горького я пронес через всю войну. Беру книгу и вспоминаю хмурую холодную осень сорок первого. Наш авиаполк в товарных вагонах едет на фронт. На открытых платформах разобранные старенькие аэроклубовские самолеты У-2.

А собралась у нас что ни на есть самая пестрая братия: есть среди нас и опытные летчики, а есть и совсем начинаю-

щие. Но все пока что без воинских чинов, большинство — без званий. И война, и звания — все это впереди.

Дорога длинная. Коротаем время у железной печурки. Ее огонек освещает безусые лица. А разговоров, как обычно, хватает. Вероятно, за этой разговорчивостью кроется внутреннее беспокойство и ожидание чего-то страшного, неведомого и оттого — притягательного.

Но есть среди нас человек молчаливый. Со стороны — будто ко всему безучастен. Круглоплечий, с неестественным белым лицом и едва приметными бровями. Но взор у него волевой. Звать его Григорий Петялин. Он среди нас «старик», ему за тридцать. У него на голубых петлицах алеют три кубика — старший лейтенант.

Окольными путями, через штабного писаря, узнали мы, что Петялин кадровый летчик, уже воевал. Его сбивали. Выскочил с парашютом из горящего самолета. Лицо опалило огнем и потому оно такое необычайное, белое, почти неподвижное. Когда его сшибли вторично, то вытащили из-под обломков самолета. Помяло грудь, переломало ребра. Но снова выжил, и вот прямо из госпиталя — к нам.

Войну он знал. Понятно, мы пристали к нему с расспросами: почему мы отступаем?

Петялин морщился:

— Я не генштаб. Скажу только, что думаю. За одного битого двух небитых дают.

На одной из долгих стоянок разбитной летчик, общий наш любимец Ленья Иванов разжился котелком спирта, грохнул среди братвы:

— За жизнь, за наши успехи, за наши победы!

Нас ли звать дважды? Сгрудились вокруг печки — пошла жестяная кружка из рук в руки. Выпил и Петялин. Настроение у всех поднялось. Раскраснелись лица. Зазвучали песни о Каховке, о летчиках, стремящихся все выше и выше, о трех танкистах в атаке огневой.

Тут и Григория Ивановича, что называется, прорвало. Лишь умолкла гармонь, он потянулся к нам, достал томик

Горького и неожиданно для всех стал читать «Песню о Соколе». Петялин словно преобразился: глаза засверкали, глуховатый голос, казалось, окреп и зазвенел. «Я словно пожил. Я храбро бился... О, счастье битвы!.. Безумству храбрых поем мы песню!».

Горьковские строки каждому из нас были, конечно же, знакомы со школьной скамьи. Но как же к месту пришлось они сейчас, в этой тарахтящей теплушке, в этот осенний пасмурный день, в преддверии фронта и смертельных схваток с врагом!

Десять суток тряслись мы в теплушках от Урала до прифронтовой полосы. Видели угрюмую, растревоженную страну, шумные станции, на которых люди пели, кричали, плакали. Нам везло. Небо все время было в серых тучах, и немецкие самолеты не появлялись.

С Петялиным я постепенно подружился. Он оказался интересным собеседником, книголюбом. На нас посматривал как старший, с покровительственной улыбкой.

— Для человека война — вроде как лотерея, — говорил он, — только, жаль, выигрышей в ней маловато, не каждому из нас достанется уцелеть и домой вернуться. Но не беда, кровью умоемся, а фашистов разобьем. И вот представьте: дослужусь до полковника, выйду в отставку, сколочу большую библиотеку и засяду, братцы, за классиков!..

Тот день выдался погожий. Солнце золотило бревенчатые стены избушки. Петялин брился. Был он в хорошем настроении. Уж месяц как все мы были на фронте. В небе полно вражеских истребителей, а наша эскадрилья летала без потерь. Научились ребята ходить низко, у самой земли, играть в прятки с противником...

Распахнулась дверь, вкатились морозные клубы. В низенькую дверь избы протиснулся комэск Курочкин. Бросил шлем на стол, буркнул «здравствуй» и тяжело опустился на лавку.

— Здравствуй, — ответил Петялин, — что с тобой? Какая муха укусила?

— Нечему веселиться. Приказано нам с тобой лететь в окруженную дивизию, доставить боеприпасы.

— Что ж, честь большая.

— Понимаешь, друг разлюбезный, лететь-то днем. А день сегодня, сам же видишь, какой ясный. Небо чистое, как стеклышко.

— Понимаю, друг разлюбезный, — в тон ему повторил Петялин и, быстро заканчивая бритье, уже просто сказал: — Что ж, мы люди военные. Приказ надлежит исполнять. Давай думать, как и что.

Петялин разостлал на столе карту-километровку и стал намечать маршрут.

— Вот пойдем на этот лесок. Здесь ложбинкой, попробуем проскочить незаметно, — рассуждал он.

Куручкин молчал. Но видно было, что его озадачило полученное задание.

— Не унывай! — усмехнулся штурман.

— Кошки скребут на душе.

— Чепуха. На то они и кошки. Не так страшен черт, как его малюют, — повторил Петялин свою излюбленную поговорку.

И снова склонился над картой, готовя расчеты и выкладки, изучая местность. Куручкин сидел рядом, курил и курил. Наконец штурман оторвался от бумаги, выпрямился, сладко потянулся:

— Расчеты готовы. Все ясно.

Правда, ясно было на карте, а какие штучки ждут их в самом деле — это еще неизвестно.

На зимней деревенской улице ничто не напоминало о войне. Небо было синевато-розовое. Чистый снег сверкал и слепил глаза. Дремали застывшие деревья в плотной белой куржавине.

— Красотища какая! — говорил Петялин. Одетый в коричневый меховой комбинезон, походил он на матерого медведя

и легко нес свое крупное тело. Не менее рослый Курочкин едва поспевал за ним.

Григорий каждый раз перед полетом чувствовал радостное возбуждение. Так и тогда, перед тем как выйти из дому, достал из чемодана новенькую синюю гимнастерку, подшил свежий подворотничок, привинтил орден Красного Знамени.

Петялин привык честно и без лишних слов исполнять свой долг. Из каких только отчаянных переделок не выбирался он живой. И сейчас был уверен, что все пройдет хорошо.

А утро разгоралось все ярче: только бы любоваться им, радоваться золотому солнцу, синему небу. Но Курочкин был мрачен: будем у противника на виду.

Но вот маленький их самолет, покрашенный в белый цвет, вырулил со стоянки и, разбежавшись, взлетел. Летчикам видно, как под крылом проплывают леса, поля, речушки, закопанные в белую броню. Безлюдно. Тихо внизу. Но вот доносится глухой гул канонады. На небе появляются малиновые всполохи. Передовая. Уже видны опаленные дымкой змейки траншей, орудийные позиции.

— Правей, правей бери, комэск! — кричит в переговорный аппарат Петялин, чувствуя, как у него срывается голос. Артиллеристы им не страшны. Летят они над самыми их головами. А вот пехотинцы могут из автомата пальнуть.

Какие-то секунды, и жуткий передний край позади. По ним никто не сделал ни одного прицельного выстрела. Вероятно, захватчики никак не предполагали такой дерзости от У-2, чтобы мог он появиться в светлое время.

— Пронесло! — облегченно говорит Петялин. — Дудки. Обратно тут нас не ждите! Пойдем в другом месте.

Самолет летит в глубь вражеского расположения. Уже сорок минут натруженно и тревожно тахтит мотор. Вот показалась чернеющая лесами высота. Там — наши. Но они в плотном окружении. Под крылом виднеются блиндажи и окопы, в которых копошатся зеленые фигурки фашистов. «Увидят — не поздоровится, — соображает Курочкин. — Как обхитрить их?» Он заметил широкий овраг, идущий к лесу, и на-

правил в него свой самолет. По нему лететь безопасней. Правда, не легко управлять груженой машиной в тесном пространстве. Но летчик надеется на себя.

Минута, другая — и они выскочили в расположение своих войск. Высота имела странный вид. Деревья перекорежены, громоздятся кучами, а те, что стоят, накренились в разные стороны. Видно, крепковато поработала вражеская артиллерия...

Самолет делает круг, другой... Курочкин высматривает место посадки. Ничего подходящего нет. На небольшую прогалину высыпали солдаты, одетые кто в серые шинели и ватники, кто в полушубки. Они радостно машут руками, бросают вверх шапки.

— Наши! — говорит штурман и, отвечая на приветствия, крутит рукой. Потом, поняв, что сесть невозможно, принимает рискованное решение.

— Комэск, — говорит он, — пилотируй как можно осторожней. Я займусь разгрузкой.

Петялин выбирается на крыло и, вцепившись одной рукой за край кабины, нагибается и финским ножом разрезает веревки, закрепляющие ящики с патронами. Упирается в них ногой и с большим трудом спихивает вниз.

Самолет неожиданно качнуло. Петялин свободной рукой ухватился за стойку и еле сумел удержаться на плоскости. А внизу — острые пики деревьев.

Предстояло повторить этот опасный заход. Он перебирается через кабину на другое крыло и, осторожно балансируя, освобождает и это крыло от груза.

— Уф! — отдувается Петялин, уже сидя в кабине и вытирая холодный пот со лба.

Облегченный самолет хорошо слушается рулей, идет низко, оставляя за собой снежные вихри. Земля под ними несется стремглав. Подлетают к передовой. Оба в страшном напряжении. Но их опять выручает внезапность.

На своем аэродроме, пока загружали машину для нового рейса, летчики вышли поразмять ноги, погреться. Зашли в до-

мик командного пункта. Закурили. Потоптались у потрескивающей печки.

— Ну, как обстановка, есть ли «огонек»? — спросили друзья.

— «Огонька» хватает. Да только мой комэск летает как бог, — отшутился Петялин.

Курочкин принял похвалу, как должное. Он явно воспрянул духом. Факт фактом — слетали удачно. Выходит, и правда, «не так страшен черт, как его малюют».

...В каждый новый вылет они переваливали линию фронта в разных местах. Шли на цель с разных направлений. Прятались в лощинках, овражках, притирались к самой земле. И все шло нормально.

Но вот при очередном возвращении у передовой по ним открыли ураганный огонь. Розовые и оранжевые звездочки разрывов вспыхивали вокруг самолета. Небольшим осколком у Федора скользящим щелчком разбило очки. У него потемнело в глазах, и холодок пробежал по спине.

— Что случилось? — почувствовав, как дрогнул самолет, тревожно спросил Петялин.

— Чуть не продырявили, гады, — выругался Курочкин.

— Чуть не считается. Обошлось, и ладно. Держись. До дому рукой подать, — услышал он спокойный, как всегда, голос штурмана.

Курочкин в одно мгновение представил себе улыбку Петялина. Ему что! Сделал свое дело, а сейчас развалился, наверно, в кресле. А зачем меня подбадривать? Федор нарочно не взглянул в зеркальце, чтобы не видеть улыбки своего парника.

Опасную зону они проскочили и теперь летели над своей землей. И только тут до Курочкина дошел слабеющий голос Григория:

— Ранен я...

Летчик обернулся и увидел побледневшее лицо Петялина. Значит, штурман крепился, молчал и не хотел его тревожить, пока они не вышли из полосы обстрела.

— Друг милый, держись! Аэродром близко. Держись! — теперь уже Курочкин подбадривал Петялина. А тот, зажав рану руками, чуть не до крови кусал губы, стараясь превозмочь все нараставшую боль в животе.

Курочкин на предельной скорости гнал машину. Не делая круга, прямо с ходу посадил ее и, выскочив на плоскость крыла, закричал:

— Врача! Санитаров!..

Пожилой врач осмотрел его и печально покачал головой. Разрывная пуля попала Григорию в живот. Сестра сделала ему укол, он открыл глаза, застонал и, увидев Курочкина, подозвал его к себе. Потом еле слышно сказал:

— Все, Федя. Умираю. Напиши жене.

Он жадно вздохнул и замолк.

Солнце уходило на покой. Золотистые лучи осветили комнату и стол, на котором лежал Петялин. Лицо штурмана было спокойно, губы застыли в легкой улыбке.

...На другой день на окраине маленькой деревушки Подкопаево мы похоронили Григория. Над его могилой давали клятву мести.

Я тоже не мог промолчать и дрожащим от волнения голосом прочел любимые Григорием горьковские слова о храбром Соколе.

А вечером перед ночными полетами начальник штаба вручил мне тот самый томик Горького на память о боевом товарище.

ПАКЕТ

Пилот Евгений Кузнецов — рослый, круглолицый, в шлеме, меховом комбинезоне и мохнатых унтах, улыбаясь, шел на летное поле, расположенное за деревней. Мороз приятно холодила щеки, румянил. Хрустел под ногами снег.

Евгений любовался розовым утром, щурясь от яркого солнца. Вдыхал полной грудью свежий, бодрящий воздух. Радовался полученному боевому заданию.

Кажись, что в нем, Женьке Кузнецове, особенного? Недавно еще мальчишка со школьной скамьи, затем курсант аэроклуба. А вот, поди ж ты, командир полка поручил ему, а не кому-нибудь другому это серьезное дело.

Конечно, думалось ему, командир давно заметил его уверенный летный почерк, умение летать бредущим, чуть не касаясь земли. При такой манере маленький У-2 почти невидим с воздуха. А это очень и очень важно. В небе постоянно кружат немецкие истребители.

Кряжистый, всегда спокойный, майор Изосимов, вручая Евгению пакет, сказал:

— Трудновато к пехотинцам пробраться, а надо, лейтенант. Их жизнь сегодня в твоих руках. Так что лети аккуратно, не фансонь.

В сарае, где был запрятан самолет, длинный нескладный техник Юра в черной замасленной куртке и толстом шерстяном свитере бодро доложил, что машина в полном порядке.

Ухватившись руками за конец крыла, слегка покачивая самолет на ходу, Юра и двое молоденьких оружейников ловко вызволили самолет из убежища. Евгений легко вскочил в кабину. Расстилавшееся перед ним белое пространство искрилось от солнца, играло розовыми, голубыми искрами. Даже жаль было, что он сейчас лыжами своей машины основательно взрыхлит эти ровные, прибранные снега и нарушит необыкновенную красоту.

Юра, наваливаясь всем своим телом, привычно крутанул винт — раз, другой, третий.

— От винта! — крикнул Евгений и включил зажигание. Мотор застрекотал. Самолет, сделав небольшую пробежку, плавно поднялся в воздух. С крыши сарая испуганно взметнулись сороки.

Белая, хорошо камуфлированная машина шла низко. На ярком, чистом снегу скользнула ее голубая тень. Небо отливало прозрачной синевой. Горизонт по всей его протяженности оставался ясным. Но именно в этом таилась главная опасность. Можно было запросто нарваться на неприятеля. Поне-

воле приходилось прижимать машину к самой земле, то и дело оглядываться, остерегаться.

Колючий, холодный ветер продувает открытую кабину. Но не страшен мороз уральскому парню. В меховом шлеме ему даже жарко, и он не застегивает ремешки.

Истекает расчетное время. На горизонте обозначилась темная полоска леса. Где-то там наши войска. Чтобы точней сориентироваться, Евгений набрал высоту.

И сразу же в небе, словно Евгения ждали, появилась и быстро начала увеличиваться черная точка. Так и есть! Встречным курсом летел самолет с обтекаемым щучьим носом и тупо обрезанными крыльями.

«Мессер»! — определил Кузнецов. — Этого только не хватало! Неужто влип? Что делать? Увернуться? Догонит. Уж лучше идти напролом. Только бы не попадаться в прицел, не подставиться».

Легко сказать — не подставиться! Кругом голое место. Укрыться негде. Кузнецов летел напрямик на фашиста, слегка виляя самолетом и делая небольшие крены. Немецкий летчик, должно быть, удивился, что фанерный самолет не бросился наутек, не свернул с пути, а сам стремится навстречу своей гибели. На всякий случай гитлеровец выпустил несколько отсекающих очередей. Они, как огненные шмели, пронеслись близко.

Какая-то минута, и осиное тело «мессера» поравнялось с машиной Кузнецова. Он увидел самоуверенное лицо врага, который рукой в желтой перчатке показывал вниз: мол, вгони тебя в землю. Мелькнул черный крест на фюзеляже.

Евгений возмутился, сердито взмахнул увесистым кулаком.

Фашист лишь злобно усмехнулся. Он настолько был уверен в собственном превосходстве, что решил не сразу крушить свою жертву, а сперва позабавиться, поиграть с ней в «кошки-мышки».

У самолетов была большая разность скоростей. «Мессер» в один миг проскочил мимо У-2, а затем, сбавив скорость, развернулся и начал заходить с хвоста.

«Сейчас врежет из пулемета!» — напрягся Евгений. Непроизвольное чувство страха сжало сердце. Но тут в памяти всплыл спокойный голос командира полка. Евгений переборол минутную растерянность. «Чуть не раскис!». Злость на себя подавила страх. Голова стала ясной, и разум подсказал выход. Спасение было под ним. «Ну что ж, гад проклятый, погоняйся за мной!».

Внизу под крыльями меж извилистых крутых берегов свинцовой броней отливала река. На нее резким пике и кинул свою машину Евгений. Она легкой ласточкой понеслась, завияла вдоль узкого русла реки, почти касаясь поверхности льда, повинуюсь ее причудливым извилям. Река петляла необыкновенно. Самолет ловко, умело маневрировал.

«Мессер» люто атаковал. Он сваливался вниз, изрыгая огненные пулеметные очереди. Фашист злился и оттого безбожно мазал, проскакивал вперед и снова возвращался, чтобы повторить атаку. Видать, он понял, что допустил ошибку, не сбив русского в чистом небе. Игра не получалась, а отступить от верной добычи разбойник не мог. Он упрямо делал круги над рекой, но раз за разом уходил ни с чем, не в силах добиться цели.

И тут случилось невероятное, то, что иногда бывает на фронте. Совершив очередной поворот в русле реки, Кузнецов поразился. Перед ним, как по взмаху волшебника, вырос высокий утес. Только помедли секунду, и самолет врежется во вздыбленный берег и превратится в груды обломков. Кузнецов среагировал машинально и молниеносно. Автоматическим движением Евгений нажал на педали, и его самолет послушно отвалил в сторону.

Разгоряченный фашистский ас поздно заметил необыкновенную крутизну берега. У него была огромная скорость, и что-либо сделать для своего спасения он был бессилён. Как страшный снаряд, «мессер» врезался в громаду утеса. Оглушительный взрыв потряс ущелье, взметнув в небо столб огненного дыма вперемешку с камнями, землей и кусками разорванного металла.

Кузнецов понял, что произошло. Его самолет спокойно взмыл над рекой. Оглянувшись, Евгений увидел багровый костер, в котором корежилась фашистская машина.

— Доигрался! — облегченно выдохнул Евгений и вдруг задорно, по-мальчишески закричал во все горло: — Ура-аа! Мы еще поживем!

Подмывало вернуться к месту гибели врага и взглянуть на то, что осталось от него. Но время не ждет. Надо было быстрее добираться до своих. У-2 лег на прежний курс. Мотор работал ровно, бодро. Винт весело разрезал воздух, блестящая впереди. Небо синело. Светило янтарное солнце.

Под крыльями самолета скользила безбрежная белая равнина, вспыхивающая тысячами золотистых и голубых искр. Но вот за темным гребнем лесов Евгений увидел клубящиеся тучи дыма и всполохи частых разрывов. Там, зажатые врагом, вели кровопролитный бой его товарищи. К ним у него был важный, очень важный пакет.

ДАРЕНОЕ НЕ ДАРЯТ

Штурман Вадим Комадовский уезжал на курсы летчиков-истребителей. В штабе его окружили друзья. Кто-то из них не то в шутку, не то всерьез, сказал:

— Не поспеешь, оставь на память часы.

— Э, черт полосатый, чего захотел! — пробасил Вадим. — Дареное не дарят.

Действительно, часы для Вадима были заветной вещью.

А дело было так. Зимой авиаполк наш располагался в осажденном городе. Улицы его были перекрыты баррикадами, противотанковыми рвами, загорожены колючей проволокой и стальными ежами.

На просторном аэродроме всюду страшные последствия фашистских бомбардировок. От ангаров остались одни развалины. Из снега торчали обломки крыльев и фюзеляжей.

Самолеты большие и малые стояли открыто на летном поле. Техники часто прогревали машины. Густой рев наполнял

стылый воздух. Молодые летчики с завистью смотрели на тех, кто получал задания. Каждому не терпелось поскорей побыть в деле.

Приходящих домой окружали, дотошно расспрашивали: как слетал, что видел? Ребятам крепко доставалось от «мессеров», которые рьяно охотились за ними, нещадно поливали пулеметными очередями. Жертв, однако, пока не было. У-2 укрывались в просеках, притирались к земле, и, хоть изрядно продырявленные, все же возвращались на свой аэродром.

Летчик старший сержант Владимир Слук так же, как и все, рвался в полет, хотел проверить себя в бою. Но был он скромный, тихий, потому терпеливо ждал своего часа. Другое дело его штурман Вадим Комадовский. Этот, не стеснясь, то и дело наседавал на командира эскадрильи:

— Хватит нам сидеть на теплой печке, задарма есть летный паек! Отправляйте на задание. Хочу фашистов вблизи увидеть.

— Что, руки чешутся? Успеешь, — успокаивал комэск.

И вот их черед пришел. Они получили приказ отправиться днем на разведку.

Самолет легко взлетел, коснулся серых облаков, низко нависших над землей. Погода была явно нелетная. Это радовало. «Мессеры» сейчас сидят в своих гнездах.

А им приходится идти низом, бреющим, принаравливаясь к местности, опасаясь столбов, вышек, деревьев. Это не просто. Но Слук десять лет был инструктором в аэроклубе, хорошо изучил повадки машины и управлял ею без труда.

Под крылом — бесконечные белые поля и рощи. Сонно. Безмолвно. У самолета открытые кабины с прозрачным козырьком. Однако козырек не спасает от хлесткого, колючего ветра, от вихрей, которые поднимает винт. Поневоле приходится ежиться, крутиться...

В зеркало Слук заметил, что Комадовский поджал плечи, уткнулся носом в козырек кабины и, похоже, о чем-то мечтает. Конечно, о скоростной авиации. Он же всем говорит о том, что будет летчиком-истребителем.

— Вадим, что с тобой? Дремлешь? — окликнул его в переговорный аппарат Слук. — Держи ушки на макушке!

— Э, старик. Будь спокоен. Стараюсь, аж шею свернул. Носок погрел немножко, — бодро басит в ответ ему Комадовский.

— Смотри в оба! Берегись, как бы с носом и голову не потерять! — улыбнулся Слук. Он уже успел подружиться со своим напарником и знает, что тот не из трусливых. Недавно они попали под жуткую бомбежку. «Юнкеры» волнами, одна армада за другой, бомбили аэродром. Взрывались и горели самолеты. Гибли люди. Кто-то из парка ракетами указывал направление ударов. Слук с Вадимом бросились туда на рэзски диверсантов. Обнаружить никого не удалось. Комадовский, разъяренный, выскочил на аллею, ругался на чем свет стоит и грозил кулаками в небо. Пулеметные струйки взрыли снег возле его ног. Он не обратил на стрельбу никакого внимания.

— Кому нужно такое геройство! — крикнул тогда Слук.

— А что мне, холостому, неженатому. Я детдомовский, плакать некому!

А сейчас внизу в кудрявой изморози родная, но таинственная и враждебная теперь земля. Вот завиделась серая лента шоссе с телеграфными столбами, с оборванными проводами. Грудятся, лежат, задрав колеса, покореженные автомашины. Чернеют головешками сожженные хаты, сиротливо поднимаются в небо горбатые печи с высокими трубами.

Дальше по шоссе с двух сторон полыхает багровое дымное пламя. Еще одну деревню пожирает огонь. Рушатся крыши, разваливаются стены. Пылают сараи и риги. Нигде не видно людей. Черная собака задрала голову в небо и, вероятно, жутко воеет.

— Варвары. Поджигатели. Уходят и оставляют после себя пустыню, — ругается Комадовский.

Сквозь монотонное тарахтение мотора доносится глухой рокот. Летчики просматривают шоссе. Там, внизу, одна за другой ползут крытые брезентом автомашины, тягачи с пуш-

ками на прицепе. Фигурки в грязно-зеленых шинелях вытаскивают застрявшую полевую кухню.

— Фашисты! — закричал Комадовский.

— Много их? — спокойно спрашивает Сухов.

— Не сосчитать, — торопливо протирая запотевшие очки, откликается Комадовский. — Машин полсотни, десяток пушек. Угостить бы мерзавцев бомбочками. Жалко, не прихватили.

Длинная колонна автомашин ползет на запад. Похоже, фашисты слишком заняты бегством, и маленький самолет не пугает их.

На горизонте возникли контуры домов, водокачки, блеснули рельсы.

— Полотнянка, — доложил штурман.

Это конечный пункт разведки. Лететь дальше было рискованно. Но какие они разведчики, если не попытаются узнать, что творится там дальше...

— Вперед! Жми! — не раздумывая, взмахнул рукой Комадовский.

— Подожди, торопыга, — охлаждает его пыл летчик. — Зайдем в облака. Подберемся незаметно.

Самолет погружается в темную пелену облаков и вскоре появляется над станцией. Досадно, она в густой дымке.

— Старик, давай вниз! — в азарте горланит Комадовский.

— Не пори горячку. Наша задача рассмотреть все, запомнить и вернуться, — хладнокровно говорит летчик. Однако другого выхода нет, приходится снижаться. Решительно отвел штурвал вниз. Самолет вынырнул из облаков. Внизу, как на ладони, открылась станция. Площадь и прилегающие улицы к ней забиты вереницами автомашин. Горят костры. Немецкие солдаты греются, приплясывая и прихлопывая руками. На путях под парами стоят три эшелона. На платформах незачехленные танки и бронемшины, орудия. На запасных путях вагоны, цистерны. Полагаясь на непогоду, противник не ждал удара с воздуха. Фашисты шарахались, разбегались...

Однако испуг этот длился недолго. Распознав безоружный У-2, солдаты схватились за винтовки и автоматы. Застрочил

пулемет. Розовые вспышки трепетали внизу. Казалось, что по сильному ветру вьется множество красных флажков, что кто-то задался целью вышить серое небо алыми нитями. Их могли в любой миг подбить. Слуку стало жарко, захотелось побыстрее вернуться в облака. Рука машинально потянула, было, штурвал. Но уходить еще рано. Летчик переборол свою минутную слабость, прибавил обороты до максимальных, выжимая из своего тихохода предельную скорость.

Свинцовый дождь забарабанил по плоскостям. Какая-то пуля влетела в кабину Комадовского, чиркнула по самолетным часам, брызнули стеклянные осколки, покорежился циферблат.

— Гады, что делаете! — завопил Комадовский. И под горячую руку выхватив из кобуры пистолет, разрядил вниз, на скопление врага, всю обойму.

В кабине летчика зашаталась, заходила приборная доска, с громким треском соскочила со своего места и, качаясь, повисла на проводах.

«А ведь был на волосок от смерти», — словно не о себе, а о ком-то другом подумал Слук. Какой-то твердый комок застрял в горле и мешал говорить. Еще крепче сжал в руках штурвал и продолжал вести самолет и совершать маневры, не позволяющие врагу вести по ним прицельную стрельбу.

— Старик, здесь нам больше нечего делать. Давай вверх! — раздался голос штурмана.

Маленький самолет круто взмыл в серые облака.

Боевое крещение состоялось. У Слук пот струился по лицу, и соленые капли его попадали в рот. Пьянящее чувство радости владело им. Живы, невредимы, задание выполнено!

Комадовский, улыбаясь, кричал — не столько, пожалуй, Слуку, сколько себе:

— Драпают, как миленькие!

К счастью, в штурманской кабине приборы остались исправными. Слук легко, как на пуховую постельку, посадил на своем аэродроме самолет. Медленно выбрались они из кабины и увидели, что плоскости буквально изрешечены пулями.

Но считать пробоины было некогда. Прямо к ним на летное поле подкатила белая «эмка». Приказ: доложить о разведке в армейском штабе.

Поэтому ехали, изрядно оробев. Собрались с мыслями, еще раз прикидывая: сколько на станции вражеских солдат, какая там боевая техника, где расположена...

Летчиков и правда провели прямо в кабинет генерала. Они несмело вошли в большую комнату. На полу лежала широкая красная дорожка. Прямо у стены за массивным письменным столом сидел седоватый человек в кителе с двумя ромбами в петлицах. Он поднял на них задумчивые, добрые глаза и пригласил к столу.

— Чем порадуете, соколы? — хриловатым голосом спросил генерал.

Слук, покраснев, слегка заикаясь, словно школьник, стал докладывать. Приготовленные фразы как-то вылетели из головы. Генерал понял его волнение и повел летчиков к карте, висевшей на стене. Слук теперь обрел спокойствие и подробно рассказал об увиденном. Комадовский помалкивал.

— Значит, отходят, пятаются. Хорошее известие, — раздумчиво говорил генерал.

— Бегут, товарищ генерал, — подтвердил Слук.

— Так, так... А почему вы такой сумрачный? — внезапно обратился генерал к Комадовскому.

— Несчастье у меня. Самолетные часы побило. Хорошие были часы. Без них какой я штурман.

— Не повезло, — улыбнулся генерал. Минутку постоял, будто что-то припоминая. А затем достал из ящика стола сверкающие никелем карманные часы. — Берите.

— Спасибо. Дороже золотых хранить буду, — радостно гаркнул Комадовский.

— Спасибо вам за важные сведения, — пожимая летчикам руки, напоследок сказал генерал.

По возвращении в полк Слук больше помалкивал, но Комадовский охотно, всякому желающему рассказывал и пересказывал о встрече с генералом, а про часы говорил:

— Послушай, как тикают. Нет, ты послушай. Исключительно четкий ход.

Позже Комадовскому немало приходилось летать на боевые задания. Но его никак не покидала дума о скоростной авиации. Он частенько заходил в штаб полка и надоедал просьбами отправить его на курсы летчиков-истребителей. И добился своего, направили его на курсы.

...Прошел год. Как-то на нашем аэродроме сел летчик-истребитель. От него мы узнали о судьбе Комадовского. У него на счету было уже три сбитых вражеских самолета. Но однажды ему не повезло. В тяжелом воздушном бою Комадовский израсходовал все боеприпасы и вынужден был пойти на таран бомбардировщика, не допустив его к цели. Оба самолета, пылая, рухнули вниз.

Образ горячего, неистового парня навсегда остался в моей памяти. До сих пор в ушах звучит его густой бас, последние слова, которые я услышал от него: «Дареное не дарят».

У КОСТРА

Ветер забавлялся костром. То раздувал пламя, причудливо лохматил его, то стихал, не мешая огню облизывать потрескивающий хворост.

Летчик Василий Протасов грелся у костра.

Его самолет был подбит при перелете линии фронта, пришлось сделать вынужденную посадку.

Пехотинцы в серых шинелях с интересом поглядывали на хмурого летчика. Им охота знать, много ли он перемолотил фашистов. Чьи самолеты надежней — наши или американские? Вопросам конца не видно.

Протасов смутился. Видно, приняли его за большого аса, а он летает всего-навсего на маленькой «уточке». Только как людям объяснишь!

— Помилуйте, братцы! Какие там стервятники! Это вы, доблестная пехота, царица полей, постоянно ходите в атаку. А мы что! Мы воздушные извозчики, ночные птахи.

— Да-а, рассказывай! — недоверчиво возражали солдаты. — Мы же у тебя не военные тайны выпытываем. Брось, здесь все свои...

Один пожилой солдат с пышными черными усами, хлопнув Василия по плечу, сказал:

— Зря, парень, мутишь нам мозги, скромничаешь! На машинку свою не обижайся. Машинка — хоть куда, крепко нас, пехотинцев, порой выручает. А уж фашисту дает — будь здоров! А воевать-то на «уточке» небось нелегко. Как-никак без брони, да и скоростенка не та. Достается вам, поди, на орехи! С тобой-то всякое, наверно, бывало? Расскажи-ка, не отнекивайся!

Протасов еще больше смутился. Задели за больное место. Он, как и многие его товарищи, давно задумал податься на «ястребки». Да все не выходит. А вот, оказывается, его самолет на хорошем счету.

Солдаты у костра сгрудились еще плотнее. Василий не курит, но они протягивают ему махорочки, бумажки, и он, стесняясь отказом обидеть людей, с превеликим трудом склеив толстую сигарку, прикуривать же пока не стал.

— Ничего особенного со мной не случилось. Летал, бомбил, почту возил, раненых, боеприпасы. Вот и все. Больше ничего такого не припомню...

И Протасов принялся палкой ковырять угли.

Он и в самом деле не знал, какой историей «откупиться» от солдат. Чем удивишь тех, которые сами ходят с открытой грудью в атаку на врага?

Ему вдруг почему-то припомнилось, как после одной удачной бомбежки верный штурман розовошекий Миша Грязнов бросился его обнимать после посадки на своем аэродроме.

— Дружище, Василек, сегодня ты превзошел себя! Друзья мон, вы только подумайте, по нам зенитки палят, добрый десяток прожекторов скрестили на нас лучи, а он не свернул в сторону, летит себе и летит, как заговоренный. Я, грешным делом, малость струхнул, все жду, когда он махнет в кусты, в спокойную зону. А он и ухом не ведет. Ну, Василек,

ну, кремень... По такому случаю сегодня награждаю тебя своей порцией масла и блинчиков с повидлом.

— Масличко и блинчики — так это ж моя слабость! — усмехнулся Протасов.

— Кушай, детка, на здоровье! — грохнули смехом ребята. — Набирайся сил!

Но как об этом расскажешь?

— Не больно разговорчив ты, парень, — то ли одобрительно, то ли с укором сказал солдат с лихими буденновскими усами. — Ну, а молчком сидеть у костра негоже. Коли помалкивасшь, дозвольте, братцы, мне кой-чего рассказать. Вот сижу я среди вас живой-здоровый, а годок назад чуть в ящик не сыграл. Да спасибо одному такому же вот летчику. От верной гибели спас, а то бы поминай Константина Лыкова!

Он отобрал у Василия сухую палку, поковырял в костре и продолжал:

— Вот так же было — весна мокрая, ранняя. Серо, ветрено. Лужи под ногами хлюпают. Грязища. Ни дорог, ни путей. Фронт притих. И надо случиться оказии, шальной пулей зацепило меня в грудь. Света белого не взидел. Кричу, охаю, ругаюсь. Медсестра, конечно, сделала все, что могла, перевязала и велит срочно отправляться в медсанбат. А какой, к черту, медсанбат, когда все кругом развезло. Словом, понял я, что дело мое табак... Но товарищи мои говорят: «Не дадим, дядя Костя, тебе помереть. Потерпи немного, к докторам доставим!» И понесли меня на самодельных носилках куда-то по трясинам и ухабам, обливаясь во сто потов. Дотащили до аэродрома, где стоял полк вот таких же ночников-молодцов. Принесли и очень довольны, меня ободряют: «Держись, дядя Костя, теперь мигом тебя до медицины доставят, а там заштопают, подлечат». Да не тут-то было. Сочувствуют летчики, но только плечами пожимают. Самолеты на приколе. С неба черт-те что валит — не то снег с дождем, не то дождь со снегом. И никакой видимости.

Но мои товарищи настаивают: «Неужели, братки, боевому солдату, у которого вся грудь в медалях, дадим ни за что

вот так и погибнуть? Себя не жалели, столько верст по грязи отчавкали!» А мне уж так плохо, совсем худо. Даже крепенько выругаться сил не было.

Тут один из летчиков, хлопчик вроде тебя, не вытерпел, бросился к своему командиру: «Я полечу. Спасать солдата надо». А командир трубку курит, запрещать не запрещает, но и разрешения не дает. Говорит, лететь, мол, опасно.

Но летчик твердо стоит на своем, уверяет, что при такой погоде ему летать не впервой. Не знаю, как они там договорились, но только скоренько понесли меня к самолету, посадили в кабину.

Трясет нас, подбрасывает, как в лихорадке. Мотор дико ревет. Не может взлететь, хоть тресни. Вижу, солдаты самолет качают за крылья, помогают ему от земли оторваться. В животе у меня все поджало. Неужто взлетели? Так оно и есть — летим. А куда — неизвестно. Ничего не видно. Вокруг будто молоко, белый туман.

Летим долго. Совсем одурел. Не видать мне больше ни дружков боевых, ни семьи милой. Все, точка, кончаюсь... Вдруг слышу толчок, другой, третий. Выходит, я еще живой. Понял, что самолет приземлился. Чую, меня дергают и осторожно трут мои уши. И голос как сквозь вату донесся: «Очнись, солдат. Прибыли». Открыл глаза и узнал своего летчика. Словом, доставил меня этот парнишка до медицины. Сдал меня еле живого. Ну, а врачи дело свое знают — воскресили из мертвых.

Теперь вот снова воюю. И собираюсь до Берлина дошагать. Не будь я Константин Лыков, если не сделаю этого, — заключил свою историю обладатель пышных усов. И вдруг повернулся к Протасову. — Плох я был тогда, худо видел, мало чего соображал... не до того... Но скажи, друг, это не ты был, случаем?

Все солдаты, как один, повернулись к Протасову в ожидании ответа. Протасов смутился. Что мог он ответить, что мог он утверждать? Ему припомнились десятки, сотни вылетов — вылетов при самой разной заковыристой погоде, в том

числе и в весеннюю распутицу. И раненых он множество перевез. И были среди них вот такие же усачи... Протасов какую-то минутку готов был даже признать этого солдата... Но к чему выставлять себя благодетелем? Однако и обидеть не хотелось. И Протасов ответил с осторожностью — вроде бы и раздумчивой, но будто бы и многозначительной:

— Вполне возможно, солдат, вполне возможно...

НЕВЕЗУЧИЙ

Аркаше Богатыреву с самого рождения не везло. Родился он досрочно: мать пошла с ведрами за водой, подкатилась и упала, и вот появился на белый свет семимесячный ребенок. Его допаривали на печке в лукошке с пухом. Правда, рос он потом нормально, но переболел всеми детскими болезнями. В школе особыми успехами не блистал, его, как говорится, перетаскивали из класса в класс за уши.

Был он тихоня, а потому частенько получал от своих сверстников подзатыльники и постоянно что-нибудь терял — то складной ножик, то учебник, то перчатки.

И вдруг совсем неожиданно и негаданно для себя и для других влюбился в авиацию. Да так, что ни о чем другом и думать не мог.

Это было время великих перелетов. Гремели имена Валерия Чкалова и Михаила Громова, Марины Расковой и Полины Осипенко. По улицам, явно фасоня, ходили молодые красавцы в блистательной летной форме с голубыми петлицами, с серебряными птичками. С тихой завистью провожал он взглядом крылатые корабли, проплывающие в небе.

Само собой понятно, что подал заявление в летную школу. И, как ни странно, прошел. Зато учился с необычайным рвением и восторгом, и закончил ее успешно. Когда началась война, он наравне с другими рвался на фронт.

Но его вместо боевого полка заслали в батальон аэродромного обслуживания. Это было очередное невезение. Он чуть не плакал, когда поручалось ему летать по хозяйствен-

ным делам. Это казалось ему ниже его достоинства. Летал он неохотно, а однажды покуражился и разбил самолет. В БАО с ним расстались без особого сожаления.

С подмоченной репутацией поступил в полк ночных бомбардировщиков. Там не торопились выпускать его в небо.

Набрался храбрости, пошел к замполиту полка, просил, умолял доверить ему боевую машину, клялся и божился, что не подведет, уверял, что нет ему житья без летной работы.

Аркаша Богатырев в свои девятнадцать лет далеко не соответствовал своей громкой фамилии, был низкорослый и шуплый. Однако при всем этом в голубых глазах его сверкал волевой огонек. Видимо, уловив сверкание этого огонька, комиссар поверил ему и замолвил за него словечко. Богатыреву дали машину, и он стал летать.

Но неудачи, как и прежде, преследовали его. Почему зря доставалось ему от вражеских зенитчиков. Доставалось больше, чем другим летчикам. Еле-еле доползал он до своего аэродрома, после чего его самолет долго чинили.

Однако, погоревав после очередной неудачи, Аркадий вскорости обретал новый заряд бодрости и духа и снова шел в полет.

Вот и сегодня Аркадий и штурман Лозовой летят к партизанам, везут боеприпасы. Синяя, лунная ночь. Внизу, в красивой дымке, тихая и, кажется, такая мирная земля. Пока все идет нормально. Благополучно проскочили передовую. Внизу поблескивают рельсы, лежит извилистая речушка. Расчетное время подходит к концу.

Мотор вдруг закашлялся, зафырчал, застучал. Винт, заметно сбавляя обороты, вращался судорожными рывками. Этого только не хватало! Аркадий сквозь зубы ругнулся и отчаянно начал двигать насосом. Не помогало. Внизу устрашающе чернел лес.

— Не было печали! — с досадой прокричал Лозовой. — Что ж, будем садиться! Выскивай площадку!

Оба напряженно всматривались вниз, отыскивая хоть какой-нибудь «пяточок» свободного от леса пространства.

— Аркаша, полянка! — наконец радостно воскликнул Лозовой и показал рукой.

— Полянка, — повеселел Аркадий. Хотел было попросить штурмана подсветить ракетой, да передумал: еще засекут.

Выжимая из мотора последние вдохи, Аркадий перетянул машину через лес и посадил, что называется, на ощупь. Самолет задержался, ныряя и вздымаясь словно на больших волнах. Площадка была в буграх и рытвинах. Вскоре скачки прекратились, самолет остановился, винт не вращался. Стало тихо.

— Здравсьте, приехали, — иронически пробормотал себе под нос Аркадий.

Они медлили выбраться из своих кабин. Обоим подумалось одно и то же: вдруг близко враги, в самолете же пулемет под руками.

И все-таки на этот раз невезучему Аркадию повезло: не разбился при слепой посадке.

Огляделись. Со всех сторон навалился темный лес. За каждым стволом таилось неизвестное. Долго сидели так. Наконец Лозовой сказал успокоительно:

— Тишь, да гладь, да божья благодать. Фашистов ночью в лес пряником не заманишь. Давай осмотрим машину?

Они вылезли из кабин и обошли самолет. Наружно все, казалось, было в полном порядке. Аркадий открыл капот и при свете карманного фонарика оглядел не остывший еще мотор.

— Ничего не разобрать, — признался он, — придется ждать утра.

— Будем ждать утра, — согласился штурман. — А там и подадимся к партизанам. Они где-то поблизости.

С большим трудом затащили тяжелый самолет в кусты, замаскировали ветками, набросали веток на землю и улеглись под плоскостями. Осторожно закурили.

Вынужденная посадка сильно расстроила Аркадия.

— Неудачник, как есть неудачник! И так вот всю жизнь! — пожаловался он.

— Оставь, Аркаша! На войне удача ходит рядом с бедой. И мне приходилось попадать в переплет! Думал, конец мне, амба, а эвон жив и здоров. Выкрутимся, не падай духом!

— Тебе что, Иван Иванович, у тебя одних боевых за двести. Авторитет несокрушимый. А я что? Птенчик ободранный. Опять по мне наряды скупают. Летать не дадут. Как пить дать, точно и абсолютно. Это в будущем. А сейчас? Мрак, туман. Не ровен час, нарвемся на немцев. Что тогда?

— Ну, хватит. Выберемся непременно.

Не спалось. Курили и курили. Раскрывали карту, укрывшись, освещая ее фонариком. Определяли место посадки. Прикидывали, где могут быть партизаны, где противник... Ночь казалась бесконечной. Сквозь комбинезоны пробиралась прохлада.

Наконец, на востоке зарозовело. Заискрилась роса на траве, на листьях. Запела малиновка. Застрекотал дрозд, слышался стук дятла. Ночью кустик, каждое дерево казались крадущимся врагом, а сейчас, при ясном утреннем свете, все предстало нарядным, спокойным, мирным...

Однако надо было разобраться с машиной. Обстоятельно поковырявшись в моторе, Аркадий определил, что задрался поршень. Но и это только полбеды: даже управься они с мотором, им все равно не взлететь с этой небольшой, кочковатой и ухабистой поляны. Надо было добираться до партизан. Так и порешили. Заприметив свою полянку, они по узенькой тропке, засыпанной старой, прошлогодней листвой, углубились в лес. На всякий случай достали пистолеты. Двигались осторожно, крадучись, от дерева к дереву, стараясь, чтобы под ногами не трещал сухой хворост. После долгой и трудной ходьбы наткнулись на заброшенную, щербатую дорогу.

— Малоезженная. Конная. Фашисты по ней не ездят, — уверенно сказал Лозовой. — Верняком к партизанам приведет.

Решили пойти по дороге. То и дело осматриваясь и пригибаясь, пошагали по обочине. Вскоре лесок поредел и показалась деревушка. Чья она? Кто там? Залегли в кустах и повели наблюдение.

Вскоре до них донеслись какие-то разговоры. Говорили по-русски. По направлению к деревне шло пять человек с винтовками, одетые по-граждански. Но кто они? Партизаны? А может, полицаи? Решили выждать, когда пойдет кто-нибудь одиночный.

Через некоторое время появился парень в деревенской холщовой куртке и лихо заломленной фуражке. Летчики с изготовленными пистолетами поднялись из-за кустов. Парень вздрогнул, дернулся было плечом скинуть винтовку, но, увидев форму советских летчиков, широко улыбнулся:

— Свои?

— Свои, свои, — заверили Аркадий и Лозовой.

Но все же недоверчивость была и у летчиков, и у парня.

— А вы оружие свое уберите, — сказал парень.

Летчики убрали пистолеты.

— Так-то лучше.

Поговорили, покурили.

Наконец, парень повел их по лесной неприметной тропе. И вот они появились в хате командира отряда. Командир, обликом похожий на Тараса Бульбу, проверив у летчиков документы, вдруг спросил:

— Брюхи, небось, подвело?

— Есть маленько, — признались они.

— Марья! — гаркнул командир. Из двери выглянула пожилая круглолицая женщина. — Покорми-ка соколов чем бог послал.

Тотчас же перед летчиками на столе появился котелок с дымящейся картошкой, большие кружки с чаем и тарелка с ломтями хлеба.

А командир, словно оправдываясь, говорил:

— Извиняйте. Живем не ахти. Вот даже не могу выставить вам наркомовские сто грамм. Каратели все время наступают на пятки. То и дело меняем базы.

— Ну, а теперь о деле, — сказал он, когда они прикончили картошку и занялись смородиновым чаем. — Заходи, Гавриила Иваныч! — гаркнул он.

В горницу неслышно проскользнул сутулый сухонький старичок с круглой бородкой, одетый в солдатскую военную форму без погон. На ремешке через плечо висел у него в деревянной коробке маузер.

— Знакомьтесь. Гавриила Иваныч, механик МТС, бывший, конечно. Спец по всевозможным машинам. Это добре, что вы нам боеприпасы привезли. Но и машину вашу в трущобе бросать не резон. Вытащим. Вылечим. Вот вам Гавриила Иваныч. Даю его и еще десяток хлопцев, и еще шесть подвод. Грузите свой самолет и везите сюда. Действуйте веселей, не мешкайте, пока не расчихали фашисты.

...Солнце шло к полдню, когда необычная экспедиция по проселочной дороге добралась до заветной полянки. Предстояло заняться разборкой самолета, иначе его было не увезти.

Аркадий вообще-то представлял себе, как это делается, но на деле ему не доводилось заниматься разборкой самолета. Это делали техники. А тут нужда заставила. Их, «мастеров», было пятеро: Аркадий, Лозовой, Гавриила Иванович и два партизана, которые когда-то слесарили и могли отличить гаечный ключ от топора.

Отыскался в партизанских недрах кое-какой инструмент. Нашелся старенький английский ключ, небольшие плоскогубцы, несколько отверток.

Добравшись до лесной полянки, приступил к работе.

— Осторожней, товарищи, осторожней! Никаких чрезмерных усилий! Ни один винтик, ни один шплинт не должны ломаться, — предупреждали летчики.

Кажется, не так-то трудно отнять крылья. Но возни хватило. Недаром кто-то вполне серьезно сказал, что У-2 — это балалайка, обвешанная струнами. Сколько этих несущих и поддерживающих лент! Надо правильно расцепить их, размонтировать, суметь разъединить электропроводку и множество всяческих тросов и тросиков.

Постепенно самолет освобожден от крыльев. На земле лежит, как огромный кокон, один фюзеляж, но вот и он погружен на подводу. Погружены и крылья.

Брюхастые лошаденки неторопливо трогаются в путь. Аркадий облегченно вздыхает и закуривает. Но, оказывается, торжествовать еще рано. Лесные дорожки узки и извилисты. Хвостовое оперение застряло между деревьев. Аркадий нервно кусал папиросу и ругался:

— Как это я сразу не смекнул! Надо же! Разбирай хвост, ребята!

Только поздним вечером подводы с самолетным грузом прибыли в партизанский лагерь.

— Завтра с утра пораньше займемся сборкой, — сказал вконец измотанный Аркадий.

Чуть рассвело, он занялся мотором. Поблизости в лесу лежал разбитый У-2, у него оказались исправные поршни, один из которых Аркадий приспособил к своему мотору. Партизаны под руководством Лозового начали сборку самолета. Канители оказалось предостаточно. Порой приходилось применять и прикидывать детали по десятку раз, пока они надежно становились на свое законное место.

К вечеру самолет был готов к полету.

...И снова синяя, лунная ночь. У ребят доброе настроение. Задание выполнено. Удачно кончился их лесной плен. Перевалить через передовую — и они дома.

На подходе к передовой из леска на звук мотора забили зенитки. Черные облачка разрывов ложились все ближе.

— Приметили нас! — воскликнул Аркадий. — Давай, Иван Иванович, подбросим им огоньку.

— Попробуем, — согласился штурман. — Пулемет у меня в полной боевой готовности.

Аркадий развернул самолет на цель и повел на снижение, чтобы ударить наверх. Тоненькие золотистые струйки из их пулемета потянулись к зенитчикам. Орудия стрельнули разок, другой и испуганно замолкли. Чуть правее от них, как зайчики, прыгали десятки солнечных бликов. Это стреляли по самолету из винтовок.

— Шуганем? — предложил Аркадий, продолжая снижаться. Штурман последним запасом свинца обрушился на про-

тивника. Высотометр показывал всего триста метров. Самолет, наверное, был хорошо виден противнику.

— Высоту, Аркадий! — рявкнул штурман. — Высоту давай!

Здрав нос, машина натруженно поползла вверх. Мотор гудел тревожно. Самолет закачало и начало кренить. Штурман услышал:

— Иван, веди машину. Ранило меня...

Управлять самолетом Лозовому никогда не приходилось, но на раздумье времени не было. Примерно он знал, как это делается. Взялся за штурвал и поставил ноги на педали. Машина сразу почувствовала рули и стала набирать высоту. Виляла, качалась, но все же летела, летела!

Прошло тридцать долгих трудных минут. Завиделись приводные огни родного аэродрома.

— Аркаша, посадишь? — спросил он с надеждой.

Аркадий кивнул головой.

Эти тридцать минут и для Аркадия были целой вечностью. В глазах у него все кружилось, вертелось, расплывалось. Лунная ночь померкла, он не видел перед собой даже приборной доски. Охватывала жуткая сонливость. Но в голове, словно налитой свинцом, тяжелым молотом непрерывно бухала мысль: не спать, не спать...

— Аркаша, посадишь? — снова донеслось до него.

Он расслышал эти слова, понял, что наступил решающий момент, весь собрался, ожил и громко, как ему казалось, крикнул: «Подсвети ракетой!» Но эти слова он смог только еле слышно прохрипеть. Однако штурман понял его.

Обеими руками Аркадий схватился за ручку управления. Она показалась страшно тяжелой. Вспыхнула яркая ракета. Посадочное поле было свободно. Аркадий налег всем телом на штурвал. Автоматически приземлил самолет. Он понял это так же интуитивно, когда колеса коснулись земли и их слегка трянуло. И в тот же миг силы оставили его.

...В полевой госпиталь навестить Аркадия приехал Лозовой. Он сидел у его койки, улыбался, легко пожимал руку своего товарища и неумело взбадривал:

— Ничего, Аркаша, не горюй, были б кости, мясо нарастет.

— Везет мне как утопленнику, — упрямо возражал Аркадий. — Такая планида...

Лозовой не стал прекословить. Выволок из «сидора» пару банок мясной тушенки, сгущенного молока, грудку яблок и четвертинку водки. Все это аккуратно расположил на тумбочке около койки. Встал и сказал, как приказание:

— Поправляйся, Аркаша!

ЛЕТАТЬ, ВСЕГДА ЛЕТАТЬ

Мы знали причину его скверного настроения. Андрей Виниченко уже полмесяца томился без дела: не было свободной «лошадки». Жди, когда пригонят из тыла новые самолеты.

— А что, Андрей Макарович, — однажды почтительно обратился к нему молодой летчик Павел Банных, — есть у нас одна машинка. Да только никто на ней летать не решается. Зверь страшный. Барахлит почем зря. Стоит, пылится. Может, проветришь?

Виниченко отозвался не сразу:

— Предложение дельное.

— Только вряд ли командир полка разрешит. Не захочет, чтоб на его совести были загубленные души.

— Бояться за меня нечего.

Виниченко застал командира полка в штабе и, поприветствовав, обратился к нему со следующими словами:

— ...Район действий изучил. Болтаюсь, как цветок в проруби. Совесть мучает зазря летный паек есть. Слышал, в резерве стоит самолет...

— Стар он, потрепан... Надоела тебе голова?

— Ничего со мной не случится.

В свое время майор Изосимов, конечно же, достаточно полистал летную книжку Виниченко. По ней было видно, что летчик он незаурядный. Да и за две недели, что Виниченко находился в полку, представление о нем сложилось хорошее.

— Что ж, — медленно сказал майор Изосимов. — Знакомься с машиной...

...Пришла ночь. Поступило задание бомбить железнодорожную станцию. Напарником к Виниченко определили опытного штурмана Александра Усова. Самолету указан старт. Виниченко порулил на взлет, дал полный газ. Стали со скрипом, что называется, набирать высоту.

Пролетели десять, пятнадцать километров и поняли: силенки у мотора было явно не лишка. Рычаги секторов газа от тряски не держались в нужном положении. Ручка ходила ходуном. Левая рука пилота то и дело скользила на рукоятках, как на клавишах. Выходит, правду сказал техник, что это не машина, а «старый рояль».

— Командир, что рукояткой болтаешь? Все коленки мне поотбивал, — прокричал в переговорный аппарат штурман.

— Это «рояль» танцует, — отозвался Виниченко.

— Скоро передовая, — через некоторое время предупредил штурман. — А где высота?

Стали в «круг» и, сделав вираж, набрали высоту.

Наконец, достигли цели. Но тут вспыхнули прожектора. Режущие лучи скользнули по машине. Засверкали трассы пуль крупнокалиберных пулеметов, «эрликонов».

Штурман крикнул:

— Боевой курс!

Виниченко встал на боевой курс. Усов сбросил бомбы. Самолет слегка вздрогнул. В районе цели вспыхнуло два огненных взрыва. Это загорелись склады. Взрывной волной швырнуло самолет. Мотор словно бы застонал, завыл, но самолет не развалился.

Возвращались домой «на всех парах». Попутный боковой ветер добавлял скорости. Посадка, как и взлет, тоже оказалась нелегкой. Еле приземлились в самом конце аэродрома. Сказались люфты рулей управления. Вылезая из самолета, Виниченко облизал губы и вытер пот со лба. На КП доложил командиру полка, что боевое задание выполнено.

— Ну, как истребитель? — шутливо спросил Изосимов.

— Еще тот! — в тон ему ответил Виниченко.

Целый месяц летал Андрей Виниченко на этом «старом рояле», приноравливаясь к его выходкам и причудам, пока не были получены новые самолеты.

...Однажды мы с Андреем Виниченко летели в штаб дивизии. День был ясный, синий. Ярко светило солнце. Виниченко мастерски вел машину бреющим так, что под нами гнулся от ветра кустарник и шевелилась трава.

Я озирался по сторонам и просматривал небо. Пока все шло благополучно. Но вот перед нами лесной массив, пришлось подняться на большую высоту.

Тут-то Виниченко и вскрикнул:

— «Мессера»!

В стороне реяли две черные машины. Они явно засекли нас и повернули в нашу сторону. Чувство было такое, будто за тобой гонятся матерые бандиты с ножами, а ты безоружный. Куда податься? Где спасение?

Лес кончался. Перед нами было село с серыми хатками. На окраине его на зеленой полянке белела церквушка.

— Не паникуй, Иван. Живы будем, не умрем! — кричит мне Андрей и с ходу сажает самолет на полянку.

Оставляем мотор на малом газу, а сами что есть сил бежим и укрываемся за каменным парашетом. «Мессеры» заходят в атаку. Гавкают пулеметы. Летят комья земли, крошится на каменной стене штукатурка. Но мажут и проносятся мимо.

Выглядываем из-за укрытия и видим, что «мессеры» поворачивают на второй заход. Виниченко, не говоря ни слова, бросается к самолету и рулит по земле на другую сторону ограды.

«Мессеры», сердито воя, пролетают над прежним местом. Но там самолета нет, и происходит чудо. Вражеские машины поднимаются и уходят. Просто не верится. Но, вероятно, у них на это была своя причина.

— Пронесло, Андрюха, — говорю я. — Чего ты так рисковал этой передвижкой?.. Могли запросто подстрелить.

— Самолет жалко. Сожгут, ходи тогда опять безлошадным, — отвечал Винниченко.

Андрей Винниченко любое поручение выполнял с большим рвением. Если требовалось кого послать на особо рискованное задание, выбор майора Изосимова обычно падал на Андрея.

Винниченко шел на аэродром, седлал свою «лошадку» и отправлялся в путь. А вернувшись, докладывал, что дело «зроблено». В общежитии брал свою неизменную подругу-гитару и тихонько баском напевал: «Взяв бы я бандуру, та й сыграв, что знав...»

Как-то раз командир полка поставил ему такую задачу:

— Выйдешь на Солнцево. Вызовешь огонь на себя, а в это время наши самолеты прорвутся к вражескому аэродрому.

Так уходил на задание флагманский экипаж пилота Андрея Винниченко и штурмана Василия Малеванного.

Над вражеским аэродромом царила тишина. Наш экипаж пробрался к нему с тылу.

— Сейчас дадим вам побудку, — произнес Винниченко и включил бортовые огни, а заодно и фару, чтобы с земли видней было. Затем выпустил на летное поле ракетные снаряды. Штурман обрушил фугаски по самолетам, укрытым в стоянках.

Там, внизу, зашевелились. Вспыхнули прожектора. Затахтели зенитки... Неприятно быть птицей, за которой охотятся, а Андрей, словно играя, бросал машину в самые невероятные виражи, дразнил неприятеля.

В это время самолеты полка спокойно подобрались к аэродрому и начали свою работу. Андрею можно было уходить, и он направил самолет в безопасное место, но в самый последний момент снаряд «эрликона» угодил в последнюю, еще не сброшенную светящуюся бомбу. Она тотчас вспыхнула заревом. Малеванный попробовал было гасить пламя, сняв с себя куртку, но куда там!

— Андрей, прыгаем! — крикнул штурман, выбираясь на плоскость пылающего самолета. Прыгать с парашютом Андрею приходилось не раз. Не успел он выбрать место для при-

земления, как уже больно стукнулся ногами о землю. В мгlistом рассвете расстилалось большое поле желтеющей ржи.

Андрей знал, что приземлились они на вражеской территории. Кинжалом он вырыл яму, в которую запрятал парашют, засыпал его землей. Василия Малеванного поблизости не было. Надо отыскать штурмана. Пригнувшись, раздвигая мокрую рожь, Виниченко стал пробираться в сторону, где, по его предположению, мог находиться Малеванный.

Светало. Он стал пробираться к лесу. Едва скрылся за стволами деревьев, как увидел на опушке в каких-нибудь ста метрах от себя автоматчиков в серо-зеленых мундирах. Они стреляли, прочесывая рожь. Он сумел вовремя уйти.

А что, если там Малеванный? Злоба закипела в нем. Он рывком вынул пистолет из кобуры и лишь большим усилием воли удержал себя от желания выстрелить в автоматчиков. Что он может сделать со своим пистолетиком.

В густом ельнике и осиннике был полумрак. Виниченко нагреб себе большую кучу прошлогодних листьев и укрылся в ней.

Усталость сморила, и он уснул. Когда проснулся, сел и недоуменно огляделся, с трудом припоминая случившееся.

До темноты трогаться было опасно. Захотелось есть. Выпил немного из фляжки и съел половинку сухаря. Малеванного не было. Андрей осторожно пошел лесом на звуки передовой. Ему было известно, что наши еще вчера прорвали оборону врага, и теперь устойчивой линии фронта не было. Значит, можно найти участок, где удастся проскочить к своим.

Сгущался сумрак. Как ни осторожно он шел, но едва не напоролся на гитлеровцев. Звуки лающей речи раздались где-то рядом так неожиданно, что он вздрогнул. Сквозь стволы деревьев на полянке, освещенной костром, виднелись человеческие фигуры. В кустах неподвижно застыли два танка.

Стараясь не наступать на сухой валежник, Андрей боком-бокком двинулся в обход. Всю ночь бродил он по лесу. Наутро, выбившись из сил, снова спрятался в гуще леса. С наступлением темноты опять стал пробираться на восток.

На третий день фляга совсем опустела, сухари были съедены. Голод сверлил желудок. Андрей упорно пробирался к передовой. Вот он дополз до пустых траншей и окопов. В них находились груды трупов. Зло кусались мухи. Шла артиллерийская перестрелка. Небо гудело от самолетов. Где-то близко бахали бомбы.

Вероятно, наши войска были совсем недалеко. Лишь ночью он дополз до проволочных заграждений, кинжалом перерезал вражеские тенета, удачно миновал минное поле и натолкнулся на свой дозор. Утром в полуразрушенную деревеньку, где размещался наш полк, еле передвигая ноги, пришел запыленный, измазанный грязью, осунувшийся и бородатый. Прямо на улице его обнимали и тискали.

-- Жив, Андрюха!

— Жив, хлопцы. Явился с того света, — хрипло отвечал встречным.

А на другой день появился Василий Малеванный. Первым к нему навстречу бросился Виниченко.

Трудные фронтовые дни и ночи. Их у Виниченко было немало. Гибли друзья, а он оставался живой, неуязвимый. Какими-то таинственными, неизвестными нам путями идут человеческие судьбы. Ну пусть ему выпала удача раз, другой, третий, но не десяток, не сотня. Тут уж, очевидно, сказывалось умение и летное мастерство.

...Кончилась война. Знаю я, Андрей Макарович после войны еще послужил в Прибалтике, на Дальнем Востоке, Сахалине... Летал на реактивных самолетах и вышел в запас в звании капитана.

Умер он не в воздушном бою. Сердце...

С ЗАДАНИЯ НЕ ВЕРНУЛСЯ

Анатолий Казаков не любил рассказывать о себе. Собственно, рассказывать-то нечего. Биография лишь начиналась. Только закончил институт, собирался в родном селе преподавать русский язык. Но началась война, и пошел в военкомат,

добился направления в авиашколу, после которой прибыл к нам в полк.

Я хорошо запомнил коренастую фигуру Казакова, его смуглое скуластое лицо с чуть прищуренными серыми глазами, острый подбородок, коротко подстриженные русые волосы.

На Казакове ладно сидела чистая гимнастерка с белым подворотничком. Ходил он не спеша, чуть наклонив голову. Говорил спокойно, не горячась. Был вежлив. Водку не пил. Женщинами не увлекался. Танцевал без особой охоты, топорно и объяснял: «Без этого можно прожить». Почти не шутил. Видимо, сдержанность эта пошла от того, что избрали его неосвобожденным комсоргом полка, а когда вступил в партию — парторгом эскадрильи.

Летом, где бы мы ни находились, Анатолий отыскивал площадку для волейбола, натягивал сетку и приглашал всех желающих. Играл он увлеченно и хорошо.

Зная наше пристрастие к танцам, уговаривал штабного писаря — хорошего музыканта — поиграть на баяне. Прямо на лужайке под тополями начинался «бал».

— Кавалеры приглашают дам, а за неимением таковых танцуют друг с дружкой, — провозглашал Казаков. Сам же, станцевав для почина вальс с официанткой из столовой, садился в сторонке.

В свободное время он бродил по березовым рощам. Слушал шорохи леса, пение птиц, дышал медовыми запахами трав. Мечтал о той поре, когда вернется домой, в свою школу, и станет учить детей.

Бывало, зазывал Анатолий нас в лесную чащобу. На зеленой полянке, собравшись в кружок, толковали мы о дружбе, чести, любви. Пели песни. Анатолий не был заправским певцом, но всегда пел вместе со всеми.

Развлечением нашим была стрельба из пистолета. Пострелять он любил. Помнится, однажды повесил на щиток серебряные часы — отцовский подарок — и предложил всем с пяти шагов «обстрелять» так, чтобы пули почти коснулись их. Ни-

кто не решился на это, зная, какую ценность представляют часы для него.

А он, положив пистолет на согнутую руку, прицелился и четырежды выстрелил. Пули крестом впились в дерево около часов. В меткости стрельбы с ним никто не мог соперничать.

В ненастную погоду в общежитии можно было слышать звучный голос Казакова. Он любил вслух читать стихи. Знал их множество, на память, читал хорошо, но всегда волновался и декламировал, слегка побледнев.

Он часто читал Светлова:

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать!

— Толя, еще, еще! — просили его. И он не отказывался. Опять звучали стихи, на сей раз Багрицкого:

Я мстил за Пушкина под Перекопом,
Я Пушкина через Урал пронес,
Я вместе с ним шатался по окопам,
Покрытый вшами, голоден и бос.

В своей походной штурманской сумке Казаков постоянно возил несколько книжечек любимых поэтов, а в чемодане хранились институтские конспекты по литературе.

Боевой полет — всегда испытание мужества. Уходя на задание, Анатолий твердо верил в свою удачу. Он был настоящим штурманом. За короткое время у него уже было больше сотни вылетов. И в каждом он проявил себя с самой лучшей стороны. На его гимнастерке алел орден Красной Звезды. Но однажды самолет Казакова не вернулся с задания. Это было, когда наши войска гнали фашистов и мы вступили на землю Латвии.

По шоссе шумным потоком на запад текли автомашины, двигалась артиллерия. Мы ехали на открытом «виллисе»

осматривать новый аэродром. Зной и пыль мучили нас. Пришлось свернуть с дороги и остановиться на отдых под тенью ветвистых дубов и кленов.

Еще недавно тут шли бои. Теперь здесь глубокий тыл. Весело и беззаботно щебечут птицы. Пахнет цветами и зеленью.

На небольшой полянке я заметил невысокий холмик, обложенный аккуратно дерном. Это была могила. Я подошел к ней и задумался.

— Русский летчик похоронен, — сняв шляпу, тихо сказал внезапно появившийся старик-латыш.

Места эти я знал хорошо по карте. Наш полк летал сюда на бомбежку. В памяти еще не изгладилась потеря младшего лейтенанта Анатолия Казакова. Возможно, это была его могила?

Я подозвал товарищей.

— Этими вот. руками, — показывая узловатые пальцы и шершавые ладони, сказал нам старик, — закопал я его в землю.

По морщинистому лицу Яниса (так звали деда) пробежала слеза. Старик, мешая русские и латышские слова, поведал нам о последних днях неизвестного летчика.

Месяц назад на рассвете старик услышал громкий собачий лай. Вышел из дому и прислушался. Из кустов, что были возле дороги, доносились стоны. На земле в судорогах корчился человек в обгорелом комбинезоне. По его одежде старик догадался, что это русский летчик, и подумал: «Тут оставаться ему опасно. Враги увидят». Янис стал поднимать его. Тот схватился за пистолет.

— Не бойся. Не выдам. Пойдем в хату. У меня не найдут, — уговаривал он. С большим трудом летчик понял латыша и, морщась от боли, поднялся с земли, опираясь на его плечо, поковылял к дому.

Русского летчика уложили на кровать в маленькой комнатушке. Старик и старуха принялись за его лечение. Обожженные части тела смазывали сметаной, прикладывали лечеб-

ные травы. Но все это мало помогало. Летчик слабел, бредил и часто терял сознание.

Старик, опасаясь за жизнь летчика, доверился русской девушке, работавшей санитаркой в немецком госпитале. Она пришла вечером и принесла мазь от ожогов, сделала перевязку.

А на рассвете в ворота хутора властно застучали. Янис сразу понял, кто может так дерзко и нахально себя вести. Он кинулся в комнату к летчику и стал поднимать его с постели.

— Скорей уходим. Фашисты, — сказал он дрогнувшим голосом. Русский торопливо натянул брюки, взял из-под подушки пистолет и сунул его в карман. В одной нижней рубашке, босиком, пошатываясь, опираясь на старика, он пошел через задние двери в огород. Оттуда можно было пробраться в лес.

А в ворота свирепо стучали и ломались. Запор не выдержал и сломался. Враги бросились в дом. Они осмотрели комнаты, кухню, чулан. Увидели смятую постель. Офицер в черной форме, эсэсовец, закричал на старуху:

— Где рус?

Она развела руками и громко заплакала. Фашисты заметили заднюю дверь и кинулись туда.

Светало. Старик с летчиком еще не успели выбраться из огорода. Их заметили и закричали:

— Рус, хальт! Хенде хох. Сдавайс!

— Беги, отец, а то худо тебе будет. Я прикрою. Беги, — сказал летчик.

Вместо того чтобы поднять руки вверх, он выстрелил по солдату, который бежал впереди. Обливаясь кровью, солдат упал на землю, схватившись за грудь. Остальные солдаты и офицер залегли среди грядок капусты.

— Вафен хинлеген! — крикнул офицер.

Летчик отозвался выстрелом из пистолета.

— Десятеро против одного. Живым меня не возьмете, — проговорил летчик сквозь зубы.

Офицер подал команду: «Файер!»

Солдаты из автоматов открыли беглый огонь по кустарнику, в котором был летчик. Прошло еще несколько минут. Ответных выстрелов не последовало. Тогда солдаты поднялись и несмело пошли вперед.

Летчик лежал грудью на земле, в руке он сжимал пистолет. Эсэсовец подошел к нему, тронул его ногой и убедился, что он был мертв. Латыша нигде не было, он успел проскользнуть сквозь изгородь и уйти в лес. Преследовать его не стали.

За смерть своего солдата офицер приказал поджечь избу.

На другой день старик вернулся на свое пепелище. Летчика он похоронил, вырыв могилу в лесу.

Старуха видела, как офицер перебирал в руках штурманскую сумку, изучал ее содержимое, рассматривал серебряные часы русского.

А всего через три дня после трагических событий на эту многострадальную землю пришло освобождение, пришли советские войска.

...Мы с волнением прослушали старика. Вероятно, это был наш Казак. Сняли фуражки и минутой молчания почтили память погибшего друга.

ЭТОТ ЧУДАК БУРЦЕВ

С этим Бурцевым всегда все шло наперекосьяк. Судите сами.

Маленький наш авиационный полк запрятался в сосновой роще. Лето было зеленое-презеленое, солнце яркое-преяркое, васильки-ромашки прекрасней некуда. Но шла война.

В ту пору и появился в нашем полку Николай Бурцев. Он, как и все, хотел скорей пойти на боевое задание, но пока был не облетан, не опробован, его посылали в наряды — то караулить самолеты, то дежурить на аэродроме, то еще что-либо делать.

Ясно, что у парня было неважное настроение. А в это раннее утро он вообще шел, повесив голову, и его сопровож-

дали трое пехотинцев с автоматами. При общем нашем молчании они прошли к деревянному домику, в котором был штаб полка.

Вот так перед начальником штаба Вавиловым на этот раз предстал Бурцев с большим синяком под правым глазом.

— Товарищ капитан, — проговорил он, — вы же вчера отравили меня жечь костры на ложном аэродроме, а эти, — кивнул он на свою охрану, — скрутили меня, диверсант, говорят, чуть не убили.

— Нешто это летчик — в ботинках с обмотками, в такой распатланной одежонке, — неуверенно сказал широколицый солдат. — Сказки рассказывает!

— Кхе, кхе, — закашлялся капитан. Ему было неудобно, что некоторые летчики были скверно обмундированы, а он перед БАО не настоял на получении положенной формы. — Наш это человек. Зря вы его задержали.

— Уж больно подозрительно выглядит, — упрямо высказал свое круглолицый солдат. — Но коли так, уж вы извиняйте нас.

— Можете быть свободны, — сказал капитан.

Солдаты ушли. А Бурцев чуть не со слезами на глазах обратился к начальнику штаба:

— Когда же нас оденут по форме?

— Ладно, сержант, учтем. Иди отдыхай, — сказал Вавилов.

Прошло несколько дней. Бурцеву выдали новенькое обмундирование, комэск проверил на технику пилотирования, убедился, что ему можно доверить боевую машину.

Горячее время для Бурцева наступило. Он стал летать на боевые задания. Частенько возвращался домой на искалеченной, израненной машине, говорившей о том, что она побывала в жарком деле.

— Да что ты, нарочно, что ли, под зенитки лезешь? Столько работы нам даешь, — говорил инженер эскадрильи.

— Видимо, любят меня зенитчики, хорошо угощают, — отшучивался Бурцев.

Бывали ночи, когда ему приходилось совершать до десяти-двенадцати вылетов. Так что наутро вылезал из самолета — ноги подгибались, еле-еле добирался до столовой, подкреплялся, потом валялся на свою койку и засыпал мертвецким сном.

Да и вообще он любил поспать. Когда не было вылетов, забирался под одеяло и давал здорового храпака. От всяческих «академий», от строевой подготовки старался увильнуть, и где-нибудь в укромном местечке добрать часок-другой.

Любимым его развлечением, как и многих других, были танцы. На земляной площадке, поднимая пыль, кружились пары. Лихие танцоры усердно вертели местных девчат. Бурцев не был писанным красавцем: курносый, толстогубый, с круглым широким лицом. Но это не мешало ему считать себя галантным кавалером и засматриваться на пригожих девушек. На вечеринки являлся он во всем великолепии: сапоги надраены до блеска, в петлицах сверкают серебряные птички, сам чисто выбрит. Больше всех нравилась ему сержант метеослужбы Мария — кругленькая, румяная, жизнерадостная. Ему удалось потанцевать с ней пару раз. И погиб парень! Стали ему сниться красивые сны. Прекрасная Мария нисходила к нему... Одним словом, голова бедняги закружилась в любовном вальсе.

Как-то днем летал он по связи и на армейском аэродроме нарвал букет полевых цветов. Подлетая к своей деревне, он трижды крутанул самолет вокруг домика метеостанции, чуть не стащил с него крышу. Девчата, конечно, перепугались, убежали из домика, сердито машут руками, возмущаются, а он взял да и сел на дорогу, подрулил к домику, выскочил из самолета и приподнес даме своего сердца пышный букет. Она покраснела, принялась отказываться, но он сунул ей в руку цветы и, страшно довольный собой, вновь взлетел.

Однако этот рыцарский поступок не обошелся ему даром. Командир эскадрильи и начальник штаба дали ему нагоняй. А эскадрильские ребята еще подлили масла в огонь:

— Напрасно ты на коленки вставал перед королевой Марго. Она давным-давно зафрахтована. За Виниченку просватана.

После этого Бурцев пришел в себя и отрезвел от своей неудачной любви.

Отбыв наказание, Бурцев начал снова летать. О нем стали поговаривать как о незаурядном летчике. А с легкой руки толстяка-доктора окрестили чудаком.

Дело было так. Звездной ночью самолеты летали на бомбежку крупного аэродрома. Бурцев вышел на цель последним. Растревоженные зенитчики злобно огрызались. Заслышав шум, фашисты включили до десятка прожекторов. Стало светло, как днем. Небо опуталось красными тенетами снарядных вспышек.

Яркий свет резанул глаза Николаю. Осколки снарядов с треском рвали перкаль. Холодок пробежал по телу, стало как-то не по себе. Чувство самосохранения толкало уйти в безопасное место, но Бурцев преодолел его.

Он оглянулся на штурмана и увидел его растерянное лицо, округлившиеся глаза. Чтобы отогнать робость и страх, он пошутил:

— Ну, сват, не вешай носа, живы будем, не помрем! Готовь наши гостинцы, пусть враги празднуют труса!

Спасаясь от зениток, Бурцев с небольшими кренами повел самолет к земле, прямо на цель. Стрелка высотомера плясала: восемьсот, шестьсот, четыреста метров. И вот облегчение: лучи прожекторов и зенитные всполохи уже играли где-то вверху.

Под самолетом в багровых пожарах — место предыдущих бомбежек — зубчатая опушка леса. В капонирах темнеют силуэты вражеских машин.

— А, попались, вас то мне и надо, — громко кричал штурман, нажимая на ручку бомбосбрасывателя, — вот вам шах, вот вам и мат!

Бурцев резко рванул самолет в сторону. Высота небольшая, и, чуть помедли, взрывной волной шибанет.

Секунда, другая, и темное небо лижут новые языки огня. В одном из капониров в судорогах корчится огромный ящер — «юнкерс».

У-2 идет на снижение. Высота всего пятьдесят метров. Теперь никакие прожектора не страшны. Однако машина что-то плохо слушается рулей. Летит, покачиваясь. Уже следует набирать высоту, а она не слушается, приходится «играть» оборотами мотора. «Э, черт, видимо, повреждены элероны. А это что? — Бурцев вытирает кровь со лба. — И меня цапнуло. А где боль? Боли нет. Видимо, пустяки».

Николаем все еще владел азарт боя, и в то же время он уже почувствовал радость избавления от опасности. Они прошли сквозь зенитный огонь — и целы, здоровы. Все остальное чепуха!

Кругом была тишина. На темно-синем небе мерцали голубые звезды. Бурцев заприметил одну яркую, лучистую. «Если не погаснет, не спрячется в тучах, значит, благополучно доберемся домой», — загадал он. И все время следил за ней. Звезда спокойно сияла. А самолет совершал крены и загогулины и, как урсливый конь, не хотел слушать.

Так прошло сорок томительных минут. Наконец, замелькали огоньки линии фронта. Бурцев облегченно вздохнул — до своего аэродрома рукой подать.

При посадке самолет буквально бухнулся на землю и, как жук, пополз по полю. Бурцев первым выбрался из кабины. Следом за ним вывалился штурман.

Летчик с жалостью смотрел на машину. Крылья были разлохмачены осколками снарядов.

— Что наделали, — сокрушенно говорил он.

К ним подбежали люди. Запыхавшись, подошел командир полка Изосимов.

Вытянувшись и взяв под козырек, Бурцев доложил:

— Товарищ майор, задание выполнено. Сожгли «юнкерс».

Кто-то осветил фонариком Бурцева. Лицо его было спокойное, но бледное. Из-под шлема по щеке обильно текла кровь.

— Ранен? — спросил Изосимов и распорядился: — Врача немедленно!

— Пустяк, — отмахнуля Бурцев, — царапина...

— Ну, Коля, а мне об этом ни словечка, — упрекнул штурман.

— Стоило ли понапрасну беспокоить, — усмехнулся Бурцев.

Сейчас самое время сказать о полковом враче Максиме Максимовиче. Это был заботливый, добродушный человек лет под пятьдесят, с явно заметным брюшком и розовыми пухлыми щечками. Все звали его «отчаянный строевик» и «профессор». Он ходил, переваливаясь, как утка, и ничего военного в нем не было, хотя на петлицах носил шпалу. В карманах шинели у него всегда содержалось множество всяческих порошков и таблеток.

Так вот, вокруг Бурцева суетились Максим Максимович и медсестра Лида. Осколком снаряда у Николая был распорот меховой шлем и задета голова. Ему сделали перевязку. Врач пощупал пульс и сказал:

— Слушай, батенька, кончай тары-бары, отправляйся в госпиталь, с головой, знаешь, не шутят.

— Что вы, Максим Максимович, из-за легкой царапины! Дайте, товарищ майор, другую машину, хоть сейчас полечу.

— Какие тебе полеты, рехнулся, что ли!

В общежитии Бурцев завалился на свою койку и моментально уснул, слегка похрапывая и чему-то безмятежно улыбаясь.

А милейший доктор покачивал головой и удивленно твердил:

— Право, чудак этот Бурцев, право, чудак!

Кличка «чудак» прочно закрепилась за Бурцевым после налета на крупный железнодорожный узел. В то время экипажи полка широко применяли полеты в паре. После взлета один самолет пристраивался к другому, и оба вместе шли на задание. В районе цели нижний самолет набрасывался на вражеские прожектора и зенитки, заставляя их гаснуть и молчать, а другой в это время спокойно бомбил.

Бурцев привык летать в паре с Костей Крицким. Костя — тоже молодой пилот, но уже достаточно понюхавший пороха, неплохо знал свое дело.

В тот раз самолет Крицкого шел чуть ниже Бурцева и левой. На высоте тысяча метров они миновали линию фронта. Впереди виднелось багровое зарево. Это головные экипажи уже потрудились над целью. Еще несколько минут — и вот они над станцией. Горят склады. По путям снуют паровозики, переставляя вагоны и платформы.

Штурман Спиридон Приезжев выбирает достойный для бомбежки объект. Он то и дело командует пилоту:

— Доверни вправо, еще вправо!

— Мы же не на полигоне! — ругается Бурцев, но беспрекословно выполняет команды штурмана.

Прожектора и зенитки берут их в оборот. На выручку приходит самолет Крицкого. Его штурман сбрасывает бомбы на зенитчиков и полосует прожектористов пулеметным огнем. Иллюминация тухнет. Становится темно, и в то же время легко на душе. Воспользовавшись передышкой, Спиридон обрушивает бомбы на большой каменный дом, который рушится, как карточный домик. Штурман видит как Бурцев показывает ему большой палец, мол, бомбил ты на «отлично». Приезжев, довольный, улыбается.

Самолеты возвращаются домой. Но что это? Самолет Крицкого катастрофически теряет высоту. Что-то случилось с напарником. Может, все же дотянет до дому? Но нет, высота падает. Световыми сигналами Бурцев дает знать своему другу, что понял его бедственное положение. А самолет Крицкого с ходу, включив фару и освещая землю, резко пошел на посадку. Внизу белеет небольшое поле.

— Спиря, выручать надо ребят, — сказал Бурцев.

— Надо, — откликается штурман.

Бурцев включил фару и осторожно повел самолет к земле. Их тряхнуло на каких-то кочках. Машина остановилась около подраненного самолета, у которого уже копошились летчики.

— Костя, что с вами? — вылезая из кабины, спросил Бурцев.

— Не повезло, мотор подбили. Повреждены оба магнето, — ответил Крицкий.

От большака, который оказался близко, доносился шум автомашин. Это двигались вражеские автоколонны. Фрицы еще не расчухали, что рядом с ними в бедственном положении находятся советские летчики.

— Садитесь оба ко мне. Нечего тут прохладяться да ждать, когда вас обнаружат. Один лезь к Спиру в кабину, другой закрепляйся на крыле.

— А с самолетом как быть? — спросил Крицкий.

— Оставим волкам на съеденье!

На своем аэродроме экипажи Бурцева и Крицкого сочли погибшими. Вышло все расчетное время. Все самолеты уже были в гнездах. И вдруг свет фары, привычное приземление, самолет зарулил на стоянку... Люди кинулись к летчикам с объятиями и поцелуями.

— Оставьте телячьи нежности, — отмахивался Бурцев, тяжело сопя.

Они медленно, усталой походкой пошли в штаб, на доклад.

— Где вы болтались? — с напускной строгостью шумел на них смуглый и хмурый на вид командир полка Изосимов. — Да разве дело — садиться у врага! А приказ командира дивизии не возить пассажиров вам хорошо известен. Читали, расписывались, а что делаете?

— Так-то с пассажирами, — нашелся Бурцев, — а это свои ребята. Подбили их. Не бросать же на произвол судьбы.

— Не морочь нам голову. Нарушил приказ. Ясно?

— Ясно, товарищ майор.

— Раз ясно, ступайте отдыхать. А с тобой, Бурцев, мы еще подумаем, как поступить, чудак ты эдакий. Только с тобой и разбирайся.

Вечером полковой писарь сообщил Бурцеву по большому секрету, что командир полка приказал составить на него наградной лист на орден Красной Звезды.

Летали на бомбежку вражеского аэродрома. Застрял он у всех наших летчиков, что называется, в печенках. Его крепко охраняли. Чуть что, вражеские зенитчики не жалели огня.

А в тот раз, как на грех, ночка выдалась непутевая. Облака шли высоко. Луны не было, но откуда-то излучался тусклый, предательский свет.

С задания только что появился Цибулевский. Его самолет бухнулся у самого «Т» и, бороздя землю, поднял столбы пыли. Развернулся вокруг своей оси, прилег на разлохмаченное крыло. Хмурый летчик вылез из кабины и процедил сквозь зубы: «Ох, жарко! Понаставили там новых зениток».

Свою очередь на взлет ждал экипаж «лебеди-гуси», как в шутку прозвали их ребята — эскадрильские остряки. А все из-за того, что фамилия летчика была Лебедев, а штурмана Гусев. Сначала парни было отбояривались от этих кличек, но ведь пристанет — силой не отдерешь.

Миша Лебедев отбивался от шутников:

— Лебедь птица наиважнейшая, королевская. А гуси, к вашему сведению, Рим спасли. Памятник им воздвигли. Куда вам, утятам, за нами!

И вот «лебеди-гуси» стояли у самолета, попыхивали папиросами, перекидывались ничего не значащими словами. На лицах не было ни тревоги, ни беспокойства.

Говорят, военная служба любит веселый нрав. Юмором наши парни не были обижены. Характерами они сошлись. На войне, как известно, случались и передышки. Такое время летчики не упускали. Торопились посмеяться, поплясать, попеть. Летом где-нибудь на лужайке, зимой в какой-нибудь сараюшке закатывали «балы». Баянист развертывал гармонь, и ребята показывали свои таланты.

И среди всех талантов выделялись наши друзья. Пошел второй год, как их определили в один экипаж. За это время побывали они во всяческих переделках. Но ребята летают, как и пляшут, — превосходно...

Дружки забираются в кабины. Вспыхивает зеленая ракета. Тяжело груженный самолет, сделав разбег, нехотя отрывается от земли и уходит в серую, неприятную ночь, набирая высоту.

Миша Лебедев, как обычно, мурлычет себе под нос какую-то веселую песенку. Он то и дело нагибается к приборной доске, освещенной скупыми огнями, и следит за режимом полета. В отсвете огней можно различить его красивое лицо, покрытое нежной розоватой кожей. На щеках небольшие шелковистые бачки. Кожа на лице необычная. Не так давно Михаил был подбит. Самолет загорелся. Ему обожгло лицо, но все же успел он вовремя спастись, выпрыгнув на парашюте. Осталась вот пометка.

Штурман Павел Гусев прилежно исполняет свои обязанности, наблюдая за районом действий, за показаниями приборов. Маршрут ему, правда, знаком. Приходилось сюда летать. Но все же — летишь над вражеским расположением и мало ли что может приключиться! Вдруг вынырнет ночной истребитель или неожиданно зенитки нащупают. Так будь всегда начеку.

На высоте тысяча метров самолет проходит линию фронта. Внизу редкие артиллерийские вспышки и светящиеся нити трассирующих пуль. Но что это? Павел заметил, что под ними какой-то самолет летит удивительно низко и время от времени дает белые ракеты. Странно, что гитлеровцы по нему не стреляют и не зажигают прожекторов.

— Ишь ты, — смекнул Павел, — не иначе это немецкая пташка. Белой ракетой сигнализирует: «Я свой». У нас же сегодня условный сигнал — красная. — Кажется, он разгадал важную тайну.

Время идет. Они приближаются к цели. Над аэродромом в ярких лучах прожекторов мечется миниатюрный, как бы игрушечный, самолетик. Так и хочется, чтобы он вырвался из этого жуткого огненного плена, а не повалился бессильно, не вспыхнул бы багровым пламенем. Вот он отвалил в сторону, исчез. «Ушел друг. Вот хорошо-то!» — обрадовался Гусев.

Прожектора внезапно погасли. Небо посерело. Где-то в просветах между пепельными тучами виднелись холодные, безучастные ко всему звезды.

— Наш черед. Пошли в чертово пекло! — пробасил Лебедев и, выключив мотор, начал планировать на цель. Но рассчитал не совсем точно. Пришлось включить зажигание. Мотор застрекотал.

В момент вспыхнули прожектора и стали судорожно шарить по небу. Шесть лучей жадно впились в них. Просвечивали, слепили. Огненные нити снарядов потянулись к самолету. В какую-то несчитанную долю секунды Лебедев соображал, куда бросить самолет, как уйти в безопасное место. Грузенная бомбами машина повиновалась с трудом.

Как всегда, в таких случаях соображалось быстро. Павел вспомнил передовую и сигнал вражеского самолета.

— Миша! — крикнул он. — Разыграем их!

Схватил ракетницу, зарядил ее белой ракетой и выстрелил. Сигнал «Я свой самолет» сработал. Помогла немецкая пунктуальность. Успокоенно погасли прожектора. Замолчали зенитки. Вероятно, фашисты посчитали, что это их машина. У них были схожие самолеты, были также и захваченные наши У-2.

И сразу стало темно и очень тихо. Самолет дерзко кружил над аэродромом. Гусев заметил капониры с запрятанными в них фашистскими самолетами. Миг—и бомбы полетели в цель. Внизу раздались взрывы и запрыгали зловещие языки огня.

Пользуясь замешательством, наши летчики отвалили в сторону и скрылись в большом и спокойном небе.

ТАЛИСМАН

Сурен Левонович Саркисов в полку фигура необычайная. Все мы безусые, подтянутые ларни. И вдруг появляется у нас лысеющий мужчина с заметным брюшком. Когда-то давным-давно он окончил летную школу, вот теперь вновь воспылал желанием служить в авиации.

Командир эскадрильи Цибулевский поморщился, но делать нечего. Пришлось комэску заняться Саркисовым. То ли правду он совсем разучился летать, то ли заробел в воздухе, только попотел с ним крепко Цибулевский, пока довел «до кондиции».

— Ну, довольно тебе, Сурен, впустую изводить бензин. Завтра полетишь на боевое задание, — сказал он однажды.

Саркисов, вздрогнув, побледнел:

— Не созрел я, командир. Собыют. Повременить бы. Душа не на месте.

— Никаких отсрочек. Ты вполне готов к боевой работе. Дам тебе самого опытного штурмана, с ним не пропадешь.

Ох, не сладко пришлось Саркисову в первый вылет! Вражеские прожектора ловили самолет, слепили глаза. Совсем рядом разрывались снаряды, и осколки, как жабы, противно «квакали» справа и слева. У Сурена зашло сердце. Он заматался в кабине.

— Сурен, не суетись. Не паникуй. Возьми себя в руки. Делай крены, куда укажу, — услышал он совершенно спокойный голос штурмана.

«Да что я, худая баба, тряпка, что ли!» — с досадой подумал Саркисов.

Неожиданно самолет вздрогнул, стало легко пилотировать. Сурен догадался, что штурман Лозовой сбросил бомбы. Он почувствовал прикосновение к своему плечу, обернулся и увидел довольное лицо штурмана и его руку, показывающую вниз. На железнодорожных путях полыхал в огне товарный состав. Маленькие вагончики, как подожженные спичечные коробки, подпрыгивали и валялись под откос. Саркисов невольно улыбнулся. Это была их работа.

На своем аэродроме Сурен с трудом выбрался из кабины. Ноги подгибались. Рубашка на спине взмокла и прилипла к телу. Хотелось броситься на землю и долго лежать на траве, отдыхая. Однако пересилил себя и медленно пошагал на командный пункт. Взяв под козырек, строго официально доложил командиру полка о выполнении задания.

— Поздравляю с удачным зачином, — тепло сказал майор Изосимов, крепко пожимая ему руку, и участливо спросил: — Как самочувствие?

И оттого, что суровый на вид командир полка отнесся к нему ласково, по-дружески, Саркисов забыл про свою усталость и переживания и бодро ответил:

— Настроение, товарищ майор, боевое. Только весь мокрый. Сто потов сошло.

...После этого полета Саркисов почувствовал себя летчиком. Он сумел выбраться из огненного ада. Значит, может водить боевую машину, может громить фашистов.

Сурену дали постоянного штурмана — рыжего, веснушчатого паренька Сергея Михеева, летавшего с первых дней войны.

— Милый Серго-джан, за тобой я буду как за каменной стеной. Надеюсь на тебя, — говорил при знакомстве Саркисов, широко сверкая белыми зубами.

Михеев отмалчивался.

Саркисова словно подменили. Он сам стал напрашиваться на задания, а когда ему отказывали, огорчался и признавался комэску:

— Понимаешь, командир, орден хочу заслужить. Пусть дома узнают, что я тоже воюю. стыдно будет после войны без наград возвращаться.

В свободное время Саркисова можно было видеть в общезитни с домрой в руках, напевавшего тихие кавказские песни. Особенно часто пел Саркисов грустную песню про Сулико.

— Сурен Левоныч, — окликал его штурман Михеев, — боишься ты смерти? Что тоску наводишь!

— Нет, дорогой Серго-джан, не боюсь. Я жить жажду, жить!

Саркисов хорошо знал цену жизни. Будучи инженером по разведке нефти, он поездил, побродил немало по просторам нашей страны. Зарабатывал большие деньги, жил с кавказским размахом и щедростью. И вот война — все полетело ку-

вырком. Но Сурен был уверен: закончится война, и все войдет в прежнее русло. А для этого надо хорошо воевать.

Было в привычке Сурена заниматься зарядкой. В любую погоду утром в одних трусах выскакивал он на улицу, делал небольшую пробежку, несколько упражнений и умывался до пояса холодной водой или снегом.

Сережа Михеев иногда подшучивал:

— Что, Сурен Левонич, бережешь здоровье? Двести лет жить собираешься?

— Нет, дорогой. Просто с детства этому приучен, и тебе советую, — чистосердечно говорил Саркисов.

— Легко тебе прыгать на морозе, весь в шерсти, как медведь!

— Попрыгай и ты, дорогой. И у тебя отрастет.

Жизнь Саркисов, как и все, любил. И конечно, как все, боялся той роковой черты, за которой нет ничего, только мрак, пустота, ничто. Был он суеверен? Наверно. На фронте многие верили, кто во что горазд. Один уверовал, что его от смерти спасает борода, и обихаживал ее так и этак. Другой надеялся на ладанку, которую при прощании надела ему на шею мама. Сурен же после первого вылета уверовал, что его спасла от пуль старенькая гимнастерка, которая была на нем, — латаная и пропотевшая. Именно она принесла ему удачу и стала его талисманом.

С тех пор, отправляясь на задание, Саркисов неукоснительно надевал свою застиранную, выдавшую виды гимнастерку. В ней он чувствовал себя, как в стальной кольчуге.

Ребята заметили эту его странность. Обычно перед вылетом Сурен задерживался в общежитии, чтобы надеть на себя свой талисман. А после вылета осторожно снимал гимнастерку, нежно ее разглаживал, аккуратно свертывал и прятал под подушку.

И все бы шло своим чередом, если бы Саркисов вел себя спокойно. Когда же эскадрильские остряки начали его разыгрывать и намекать про талисман, по-южному темпераментный Сурен взрывался. Ребята смеялись, а смуглые щеки Су-

рена и его сократовский лоб становились багровыми. Он сжимал кулаки, мрачнел и с большим трудом сдерживался, чтобы не броситься на пересмешников.

Но парни знали свой предел, и все обходилось благополучно.

Однажды кто-то проговорился комэску:

— Знаешь, почему Саркисов храбрый такой? Он суеверен. У него завелся свой талисман. Он без старенькой гимнастерки не уходит в полет.

— Выдумки.

— Нет, вся правда.

— Ну и пусть его! У кого нет своих причуд, — сказал Цибулевский.

Однако бесшабашные парни собрались-таки разыграть Саркисова, совсем не думая, к чему это приведет.

Как-то после ужина неизвестная рука выкрала из-под подушки заветную гимнастерку. А Саркисову предстояло лететь на боевое задание. И вдруг Саркисов не явился на командный пункт.

— Где Сурен? Почему его нет? — удивился Цибулевский.

Он знал Саркисова как исключительно пунктуального и исполнительного летчика, для которого дисциплина была выше всего.

— А где ему быть? Верняком задержался в общежитии. Ищет свой талисман. Ребята спрятали, — ответил штурман Михеев.

— Что за фокусы вы устраиваете со стариком! — возмутился Цибулевский и, сердито хлопнув дверь, выбежал на улицу, вскочил в «пикап» и ринулся искать Саркисова.

Когда комэск вошел в общежитие эскадрильи, то увидел, что все постели были перевернуты, а откуда-то из-под них неслись азиатские междометия и страшная российская ругань с кавказским акцентом.

— Саркисов, это ты? — крикнул Цибулевский.

Сурен вылез из-под кровати и поднялся, весь грязный, с мрачной физиономией.

— Командир, — колотя себя в грудь, заговорил он горячо. — Я кавказский человек. У меня есть свой обычай. Ты меня знаешь, понимаешь. Так нельзя издеваться!

Сначала Цибулевский собирался как следует отчитать и пропесочить Саркисова, но теперь, увидев перед собой взволнованного человека, он понял, что в этом виноваты эскадрильские зубоскалы, которые в своей игре явно переборщили.

Ругать Сурена не стоило. Отправлять его в полет в таком возбужденном состоянии тоже не стоило: не совладает с собой.

— Что ж, все ясно. Успокойся, Сурен Левоныч. Сегодня ты не полетишь. Будешь дежурить на аэродроме. После полетов во всем разберемся.

...Утром Цибулевский построил эскадрилью и строго сказал:

— Смотрите, чтобы таких шуток больше не было. Они, как видите, к добру не приводят. Оставьте Саркисова в покое.

Слова комэска возымели свое действие. Сразу же после завтрака, как по взмаху волшебной палочки, на кровати Сурена появилась его гимнастерка. Он подбежал к ней. Бережно поднял ее и поцеловал, а затем осторожно, словно драгоценную вазу из хрусталя, уложил под подушку. При этом он посматривал на ребят. Одним кивал головой, улыбался, другим весело подмигивал, третьим грозил пальцем.

Шли дни. Саркисов успешно летал. На груди его и в самом деле появились награды. Но он по-прежнему никак не мог расстаться со своим талисманом.

И вот как-то его гимнастерка снова исчезла. На этот раз он не искал ее, не поднимал шума, не скрежетал зубами, не ругался. «Чертенята захотели потешиться, так нет, не пройдет этот номер!»

Все же на аэродром он шагал с хмурым выражением лица. Пасмурный улетел на задание. Это был рискованный полет. Наносился удар по вражескому аэродрому. Экипаж метко обрушил свой бомбовый груз и успешно вернулся домой.

А утром девушка из прачечной, слыхом не слыхавшая про талисман Сурена, вошла и положила на подушку его заветную гимнастерку. Была она выстиранная, чистенькая, выглаженная, и даже с подшитым белым подворотничком.

Сурен улыбнулся девушке.

— Моя дорогая, бесценная!

Но эти слова были обращены уже к гимнастерке, которая мгновенно оказалась в его руках.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИВАНА ДУДРОВА

С Иваном Дудровым мы подружились, когда наш полк жарким летом сорок второго года базировался в Пружниках на Воронежском фронте. Жили мы в ветхом большом сарае на опушке дубовой рощи и спали на душистом сене.

Моим соседом оказался уже немолодой, лет за тридцать, высокий летчик с худощавым лицом, с белесыми бровями, из-под которых смотрели дружелюбные глаза. Это был Иван Петрович Дудров.

Утром перед завтраком он достал из вещевого мешка зеленую кружку и чайной ложкой принялся доставать топленое масло.

— Нравится? — спросил я.

— Куда там! — с брезгливой гримасой отозвался он. — Живот побаливает. Боюсь, не язва ли? Масло старушка одна присоветовала. Натощак. К врачам не иду: чего доброго, спишут в обоз, а времечко жаркое, самая пора фрица лупить.

Наш полк после переформировки только что прибыл на фронт, и многие ребята побаивались летать ночью. Практики почти не было. Но Иван смело ринулся в бой.

Летный стаж у Дудрова приличный. Много лет он был летчиком-инструктором в одном из киевских аэроклубов и крепко держал в своих руках штурвал самолета.

— Живу я на Брест-Литовском шоссе. Есть такая красивая улица в Киеве, — рассказывал Иван Петрович. — Квартира у меня нельзя сказать чтобы очень просторная. Но всем,

кто приходил ко мне, находилось место. Часто заглядывали курсанты, друзья. Под окнами всегда торчали мальчишки. Только выглянешь, кричат: «Дядя Ваня, возьми с собой на полеты». Ладно, говорю, огольцы, посмотрим на ваше поведение.

Тревожился Дудров за семью. Она осталась в Киеве. Жена и две малые дочери. Город был оккупирован. Известно было, как зверствовали фашисты. Что там творится? Как узнать?

— Выход один: гнать врага в три шеи, скорей освободить советскую землю, — говорил Дудров.

И его самолет без усталости летает на бомбежку. По несколько вылетов в ночь делает его птица. Едва приземлившись, летчик зычно кричит:

— Вешай, ребята, бомбы!

Проходит десять-пятнадцать минут, и самолет снова взмывает в воздух.

Да, золотой был летчик Иван Дудров. Трезвому цены не было. А вот выпьет, становится дурак дураком. Вино его и сгубило. Раз, другой, третий был отстранен от полета. Сам виноват, да и мы просмотрели, вовремя не одернули... Суров был приговор военного трибунала. Пехота. Штрафной батальон. Предстояло пройти сквозь огонь и бурю, кровью своей или кровью врага смыть свое бесчестье, свой позор. Отныне Дудров сухопутный вояка. На нем неказистая, поношенная серая шинелишка, ботинки с обмотками.

— Про авиацию забудь. Не видать тебе ее как своих ушей, — сказал ему при знакомстве комбат.

— Не смогу. Душа моя там, в небе, — откровенно проговорил Дудров. — Коли жив останусь, вернусь обратно.

— Вишь какой убежденный, — окидывая его поджарую фигуру, произнес комбат и решил: — Определяю в роту разведчиков. Не струсишь?

Дудров не ответил, лишь сердито повел бровью. А вечером, когда в роте собирали охотников на ночной поиск, вызвался без колебаний:

— Знаю самбо, драться умею.

— Ладно, пойдешь, — немного подумав, согласился комроты.

Темной осенней ночью группа разведчиков поползла в расположение гитлеровских войск. Где-то далеко, между черными облаками, изредка мерцали редкие звезды. На земле было тихо и сонно. Серый туман клубился в лощинах. Белые и желтые ракеты тусклым, холодным светом освещали холмистую местность. Чуть слышно шуршала под телами пожухлая осенняя трава.

Первый пополз юркий, как уж, усатый сапер. Он должен был открыть разведчикам дорогу через заграждения и минные поля. За ним следовал старший группы высокий, широкоплечий украинец Руденко. Он держал новичка около себя. «Дороженька мной тут еще днем высмотрена, проскользнем за милую душу», — заверил он.

Дудров не волновался. С охотой шел он на задание. Ему не терпелось повстречаться с живым фашистом. «Попадешь мне в лапы, покажу тебе русскую хватку», — осторожно передвигаясь, думал Дудров.

Небольшая остановка. Они ждут, когда сапер проделает проходы в проволочных заграждениях и минных полях. Вскоре к ним подползает усач и шепчет:

— Дорога открыта. Двигайте с богом!

И четверо разведчиков в камуфлированных маскхалатах уходят в ночную тьму.

Минут двадцать они передвигаются по вражеской территории, озираясь и прислушиваясь. Вот до них доносятся звуки немецкой речи. Очевидно, это боевое охранение. На ловца и зверь бежит. Два гитлеровца стоят невдалеке, покуривая. Разведчики, затаив дыхание, подползают совсем близко к врагу. Еще мгновение, и они бросаются на фашистов, оглушают их прикладами автоматов, суют кляпы в рот, связывают и тащат к своим позициям.

— Черт попутал, — тихо ругается Руденко, — я сбился с дороги. Темнотища — хоть глаз выколи...

— Сюда, старшой, — показывает направление Дудров. — Вон они, наши звездочки светят, — говорит он, приглядываясь к еле мерцающим в небе светилам.

Где ползком, где полусогнувшись, тащат они свою нелегкую добычу.

— Так вот и воюем, — уже сидя в своем блиндаже, говорил Руденко Дудрову, наполняя махоркой свою черную трубку. — Теперь два «языка» на твоём счету.

...Дни, вернее ночи, стремительно бежали. Дудров вызывался на самые опасные задания. Ходил по вражеским тылам, выяснял расположение вражеских частей, совершал диверсионные акты и, как всегда, приносил очень ценные сведения.

— Я ведь хитрый. Летчик-ночник. Ночь моя подруга. Ночью я вижу, как кошка, — посмеиваясь, говорил Дудров.

«Наш сухопутный летчик» — ласково прозвали его пехотинцы. Дудрова любили и уважали. Но, ползая и топя по земле, он все время с завистью смотрел на пролетавшие в небе самолеты.

Шли кровопролитные бои под Изюмом. Батальон штрафников попал в окружение. Немцы знали, кто попал к ним. Стреляли по ним со всех сторон, на полное истребление. Пали, как подкошенные, убитые и раненые. Вот замертво упал командир роты разведчиков.

В этот момент Дудров как-то само собой взял командование в свои руки. Шуткой, смелым словом, личным примером подбадривал он бойцов.

— Не вешай носы, братишки! Есть еще пули в автоматах, не иссякли гранаты. Жив Иван Дудров, в небесах не сгинул, на земле не убьют, я заговоренный!

Его голос магически действовал на людей. Любили в роте Дудрова и охотно подчинялись ему. А раз жив их «сухопутный летчик», то с ним, конечно, не пропадешь!

Наступившая ночь прикрыла остатки роты. Бойцы шатались от усталости. Раненые еле брели. Всех тревожила одна мысль: как вырваться из окружения?

— Не волнуйся, братишки, спокойно. Выскочим из этой переделки. Эвон какие красивые звезды на небе!

Ой, как пригодилось Дудрову знание астрономии! Ориентируясь по звездам, он вел сквозь леса остатки своей роты. Около двадцати километров отмахали они лесными тропками, а когда рассвело и на опушке леса показалась деревня, их окликнули. Это были свои.

Так Иван Дудров искупал свою вину. По ходатайству командования с него сняли судимость. А он все грустит и грустит по авиации.

...Прошло полгода. О Дудрове не было никаких известий. След его сгинул, затерялся на опасных тропах войны. Никто у нас в полку не думал, не гадал, что Дудров объявится.

Но вот однажды весенней порой дверь в наше общежитие открылась. На пороге с котомкой за плечом, в серой, старенькой шинели, в ботинках с обмотками, стоял подтянутый, худощавый человек. Он подошел ближе, и все мы увидели знакомые черты: белобрысые брови, глубокую складку на переносье и тонкие, умеющие складываться в ироническую улыбку губы, услышали мягкий знакомый голос:

— Красноармеец Дудров определен к вам на должность пилота.

Иван снял заношенную шапку-ушанку и обнажил стриженую голову. Глаза его смотрели прямо и честно.

Жив старый летун! Прибыл к нам начинать свой путь сначала. Говоришь, тоскуешь по небу? В пехоте не смогли удержать? Значит, душа у тебя наша, летная!

Несколько тренировок — и опять Дудров твердо держит руль управления. Самолет снова послушен ему. Иван Петрович жадно и много летает. Он изголодался, он хочет воздуха. Ни сплошной зенитный огонь, ни просвечивание самых сильных пржекторов не пугают Дудрова. Он безукоризненно выполняет любую боевую задачу. Это прежний отличный летчик. Двенадцать мастерских ночных посадок в тылу врага приносят ему первый орден. Еще месяц — и офицерские погоны появляются на плечах.

Только вот в одном его не узнаешь: к спиртному охладел. После полетов положены сто граммов фронтовых, а он:

— Нет уж, увольте. Зарок дал. Водки в рот не беру. Я свою норму давно выпил.

Желанная летная работа. Каждодневный риск. Кто-то даже сказал, что и жизнь летчика коротка, как детская рубашонка. Но это далеко не так. В каких переделках ни приходилось бывать Дудрову, однако из них выходил живой.

Как-то Дудрову пришлось попасть в ураганный зенитно-пулеметный огонь. Острая боль ожгла бок и правую ногу. Он старался держаться, продолжал полет. Но кровь наполнила унт. Силы стали уходить. Он понял, что до цели не дотянет, и повернул самолет на передовую.

— Меня ранило. Бей по фашистам, — подал он команду штурману.

Бомбы были обрушены на врага.

На своем аэродроме штурман Дудрова дал красную ракету — сигнал аварийной посадки. Летчик собрал последние силы и приземлил самолет.

Иван Петрович попал в госпиталь. Едва оправившись, он пишет в полк о том, что рана уже заживает. Пусть не сомневаются, Дудров еще полетает! И правда, летал до самой Победы.

...Не довелось мне после войны свидеться с Дудровым. А когда я появился в его квартире на Брест-Литовском шоссе, то увидел высокую седоватую женщину — его жену и стройную дочь с розовощеким мальчонкой на руках.

Обе волновались и суетились, не зная, куда меня усадить. Я всколыхнул их горе. Они всплакнули. Оказывается, Иван умер. Сказались раны и испытания, выпавшие ему на фронте.

Листаю альбом с фотокарточками, читаю сохранившиеся письма. И передо мной снова встает образ старого фронтового товарища.

Жена бережно вынимает из комода красенькие коробочки с орденами и ставит на стол. Их три. Вот они, сверкающие

эмалью ордена Красного Знамени, Отечественной войны и Красной Звезды.

Да, вернулся домой Дудров с почетом, восстановив свое доброе имя. Жизнь ведь идет не по гладкому асфальту. Были ошибки, остутился, исправился.

— Видать, папка наш крепко бил фашистов, — раздумчиво говорит дочь.

— Он никогда не жалел себя, — тихо роняет жена. — Сейчас вот воспитываю внучонка. Хочу, чтобы вырос он таким же храбрым и смелым, как дед, — говорит Мария Дмитриевна.

ЕМУ БЫЛО ДВАДЦАТЬ ТРИ

Июнь сорок второго года. Авиапункт находился на переформировке в маленьком тыловом городке. Мы получаем новые самолеты и пополняем летным составом. К нам поступают еще не обстрелянные, совсем молодые ребята.

Вот в штабе появился высокий белокурый парень в новенькой форме:

— Младший лейтенант Попов после окончания училища прибыл.

Голубые глаза его смотрели прямо, задорно. На губах трепетала улыбка. Видать, радовался он своей новенькой, красивой форме, радовался, что прибыл в боевой полк.

Точно поняв его, командир полка Изосимов спросил:

— На фронт тянет?

— Да, засиделся в тылу, надоело баклуши бить.

— Скоро будем на фронте, — заверил Изосимов. — Умеешь летать ночью?

— Этому нас не учили, — признался он.

— Как же быть? Мы ночники, — проговорил командир полка.

— Не боги горшки обжигают. Научусь, — твердо сказал Попов.

Командир побарабанил пальцами по столу и решил:

— Ладно. Пойдешь в третью эскадрилью к Котову. Он введет тебя в строй.

Попов козырнул, четко повернулся и вышел из штаба.

— Парень — картинка. С виду горяч, а будет ли с него толк? — усомнился всегда недоверчивый штурман полка Борисенко.

— Что говорить, птенцы, зеленая молодежь, — согласился, закуривая папиросу, командир полка, — жалко вот только, что времени у нас на подготовку в обрез. Придется всех в боях обкатывать.

Шли упорные тренировки. С раннего утра летчики отправлялись на аэродром, где их уже ждали заправленные и ухоженные У-2. Один за другим, громко урча, самолеты уходили в небо.

Николай Попов летал с командиром звена Заниным, иногда с комэском. И всегда они находили у него какие-либо огрехи. То посадка не чистая, то при взлете недоучел сильный ветер, то не выдержал скорость.

Потела спина от бесчетных посадок и взлетов, долгой болтанки в воздухе. Морила усталость, хотелось покурить, побалагурить, отдохнуть, а неугомонный Занин дает и дает одно задание за другим и, посмеиваясь, твердит суворовские слова: «Тяжело в ученье, легко в бою!»

Но вот Николай впервые пошел в ночной полет. В напарники ему определили бывалого штурмана Васю Черномырдина. У Васи на груди медаль «За отвагу». Он всего лишь старший сержант, а в своем деле профессор.

— Но, но, орел, выше голову. С таким помощником, как Василий, не пропадешь, — напутствовал Попова командир звена, заметив в его глазах тревогу.

Мерно гудит мотор. Над головой раскинулось огромное, черное, таинственное небо. Перед Николаем, тускло освещенная, лежит карта с расчетными данными. Но, как ни всматривается он вниз, как ни напрягает зрение, ничего, кроме мрака, не видит. Где река? Где леса? Где «железка»?

Словно поняв его, штурман басит в переговорный аппарат:

— Земли не видно — и не беда. Летим правильно. Следи за приборами, соображай своим «сельсоветом»!

Шутливое слово штурмана успокаивает.

На широкой приборной доске светятся более десятка измерительных приспособлений. Бегают, движутся черные стрелки, показывая курс, скорость, время, высоту полета. За всеми ими надо смотреть и смотреть, их надо учитывать. Ни одну нельзя упускать из виду. Не досмотришь за высотометром — можешь расплатиться жизнью. Не учтешь показателей других приборов — тоже худо придется.

Где-то внизу блеснула светлая полоска. Вероятно, это река.

— Вышли к реке, — докладывает штурман.

— Вижу. Через пять минут поворот влево, — уверенно говорит Попов.

— Правильно, — подтверждает штурман.

После поворота проходит еще пять минут, и штурман спрашивает:

— А теперь куда?

— Очередной поворот налево, — незамедлительно отвечает летчик.

— Так, так, — удовлетворенно говорит штурман.

Попов чувствует, что все у него идет складно. Все переживания отлегли, не зря он зубрил маршрут полета.

— Товарищ лейтенант, летчик Попов отлично ориентировался в ночном полете, — докладывает по возвращении штурман.

— С успехом, орел! — пожимая руку Попову, довольным голосом говорит Занин.

Попов расстегнул ворот рубашки. Ему жарко, хотя ночь и прохладная. Он облегченно вздыхает. Он попробовал ночного неба и убедился, что оно не такое страшное, как казалось.

В жаркий июльский день полк прилетел под Воронеж. Аэродром — просторный зеленый луг. Рядом — густая дубовая роща. Самолеты попрятали в капониры, замаскировали вет-

ками. Начштаба Вавилов придирчиво осматривает маскировку и говорит, попыхивая папирской:

— Хлопцы, держите ухо востро. Ближе передовая. Да и противник рыщет по небу. Ну, как настроение?

— Настроение боевое! Охота скорей схлестнуться с фашистами! — с задором отвечают молодые летчики.

У одного из самолетов Вавилов заметил крупную надпись на фюзеляже, сделанную мелом: «Смерть фашистам!»

— Кто это написал? — спросил он у рябоватого техника, который стоял у машины с промасленной тряпкой в руке.

— Летчик Попов.

— Ну что ж, хорошо, — поразмыслив, сказал Вавилов. — Не возражаю. Пускай делом докажет свою злость к врагу. Так ему и передайте.

Как только темнело, с летного поля убирались копны сена, поставленные для маскировки. Из своих убежищ с тарыхтением выруливали самолеты. То и дело слышались команды: «К запуску!», «От винта!». Одна за другой поднимались машины в темное небо.

Война не спрашивала, какие были летчики — опытные или молодые. Она от всех требовала наивысшего напряжения. Летали от заката и до рассвета. Все ночи упорно бомбили передовую, бомбили лески за Доном, где было густое скопление войск противника.

Я ежедневно встречался на командном пункте с Николаем Поповым. Видел, как он получал задание. С высоко поднятой красивой головой, с искорками задора в глазах, твердой походкой, размахивая планшетом, уходил он к своему самолету.

Первое время Николай летал с тем же опытным штурманом, что и на тренировках, — с Васей Черномырдиным. У Николая проявился твердый характер. Он быстро освоил ночные полеты. Возвращался и спокойно докладывал командиру о том, что задание выполнено.

Война есть война. С задания не приходил то один, то другой экипаж. Одни гибли в зенитном огне, другие с горящей

машины выпрыгивали на парашютах, бывало и так, что, потеряв ориентировку, наши ребята садились по ошибке на чужой аэродром.

Николай же оказался талантливым летчиком. Видать, поэтому ему и везло. А верней всего — умел он обмануть противника, хитрить с ним, не лезть на рожон.

С Воронежского фронта наш полк перелетел на Брянский. Здесь пришлось бомбить не только передовую, но и летать в глубь вражеской территории. К самолетам были приделаны дополнительные бачки для горючего. В кабине штурмана установлен пулемет, под плоскостями устроены балки для реактивных снарядов. Это уже немало значило.

Враги в крупных городах и своих опорных пунктах сосредоточили уйму зенитных орудий. По их убеждению, они создали в воздухе зону сплошной непроходимости. Но они прочислялись, не учли всех возможностей ночников.

Наши У-2 с большой высоты, бесшумно планируя, неожиданно проникали в расположение противника и наносили ему большой урон.

Как-то замполит эскадрильи кудрявый, подвижной Иван Новиков пригласил Попова в свой уголок в общежитии.

— Хватит, Николай, тебе в комсомольцах ходить. Вступай в партию, — предложил он.

— Молод я еще, да и не заслужил. Не дорос до партии, — оробев, сказал Попов, — да и кто меня рекомендует?

— Полно скромничать. Твоя боевая работа лучшая рекомендация. С тобой летал, знаю, чего ты стоишь. А за рекомендациями дело не станет. Поручусь я. Комэск тоже рекомендует.

— Что ж, коли так, хорошо, — согласился Попов.

Партбюро проходило в комнатке, где жил замкомандира полка по политчасти Иван Емельянович Муша. Этого простого в обращении и добродушного человека любили все летчики. К нему они запросто обращались с возникающими вопросами, просьбами, жалобами и всегда получали толковый ответ и нужную помощь. И все же в эту комнату, в которой и

раньше бывал, Николай вошел с заметным волнением: сочтут ли партбюро его достойным встать в ряды партии?

А вышел из этой комнаты ликующий, в приподнятом настроении. Члены партбюро единогласно проголосовали за него. У него как будто прибавилось сил и энергии.

Николай всегда возвращался с передовой без происшествий. Ну, постреляют в них, попугают, и дело с концом. Бомбежка передовой считалась в полку легким заданием.

А сегодня их крестили и утюжили нещадно. Все бы ничего. В долгу они не остались. Но напоследок, когда штурман, заметив артиллерийскую батарею, потребовал повернуть на нее и они снизились до четырехсот метров, самолет вдруг вздрогнул, и мотор заглох.

Стоял невообразимый грохот. Казалось, по самолету Попова палили все орудия фронта. Самолет терял высоту. При огненных вспышках виднелись вражеские окопы.

— Э, каналы, подбили-таки! — выругался летчик.

— Тяни, Михайлович, домой, тяни! — подбадривал штурман.

Но земля катастрофически приближалась, и вскоре самолет плюхнулся в снег, запрыгал на кочках.

— Отлетались, браток, вылезай.

Над ними с глухим свистом проносились снаряды, светлые трассы пропарывали темноту. Выходит, сели они более или менее удачно, на «нейтралке», между своими и фашистами.

Выбрались из кабин. Поползли. То и дело вспыхивали зеленые и желтые ракеты, пропарывая ночь, и летчики замирали на снегу. Николай взглянул на часы. Была половина третьего. Глубокая ночь. Северный ветер гнал колючую поземку.

— Николай, мина! — испуганно крикнул штурман, когда его рука прикоснулась к металлической тарелке.

— Не кричи. Услышат. Большая противотанковая, — определил он, — нам не страшна. Смелей вперед — и без паники!

Но все-таки дальше двигались медленно, осторожно, осматриваясь, ощупывая перед собой землю.

— Снежок глубокий, как пуховая постелька, предохранит нас, — успокаивал Николай.

Настойчиво и упрямо ползли они. И когда совсем утомились и захотелось замереть на земле, лежать и не двигаться, они услышали русскую речь.

— Наши! — воскликнул Попов. — Еще один небольшой рывок, и мы дома. Эй, братки, мы свои! — закричал он, поднимаясь во весь рост.

— Прыгайте к нам в траншею, — донеслось до них. Сделав последнее усилие, они переползли через высокий бруствер.

— А, летуны? Живы, здоровы? — удивленно говорили солдаты. Они видели, как упал самолет на «нейтралку». Но никак не думали, что летчики остались в живых. По длинным ходам сообщений их провели в блиндаж командира батальона... Он слушал их сбивчивый рассказ, улыбался и качал головой:

— Счастливчики, как есть счастливики! Проскочили сквозь наши минные поля. Нарвались на противотанковые, а взяли бы чуток в любую сторону — конец вам.

Мелькают жаркие дни и ночи. Позади Брянский, Ленинградский фронты. Война быстро выдвигает смелых людей. Николай Попов с младшего лейтенанта, рядового пилота, вырос до старшего лейтенанта, командира эскадрильи. Четыре ордена было на его груди.

Советские войска шагнули в Прибалтику. В ее небе погиб наш боевой товарищ.

...Прошла война. Пролетели годы. На большом уральском заводе, где до армии работал Николай Попов, около проходной воздвигнут гранитный мемориал. К нему люди несут венки и букеты цветов. Здесь замирают в молчании и, склонив голову, чтут погибших. В длинном списке отдавших жизнь за Родину врезано в гранит и имя Николая Попова.

Хочу рассказать маленькую забавную историю.

Без обыкновенных резиновых калош, которые надеваются на мохнатые унты, на нашем фронте летчикам прямо беда. По календарю на дворе еще зима, а кругом лужи и апрелем пахнет. Ну как тут без калош обойтись? Калоши — ровным счетом чепуха, а без них, с мокрыми ногами, летчик, понятно, не вояка.

В эту-то пору штурману Савицкому не повезло. Лишился одной калоши.

Приключилось это на пятом вылете. Четыре раза за ночь слетали нормально. Вышли на пятое задание. И тут, как на зло, один бас — это такой фанерный ящик, начиненный мелкими бомбами, — неловко извернулся под плоскостью и завис.

Савицкий из всех сил дергал бомбосбрасыватели, и все без толку. Летчик, смекнув неладное, отправил самолет в такое пике, что в глазах потемнело. А проклятуший бас висит себе и висит, как приваренный, падать на землю не хочет.

Что делать? Не возвращаться же с бомбами на свой аэродром. Стыда не оберешься. Да и при посадке, не ровен час, можешь взлететь на воздух.

Остается только одно — надо любым путем столкнуть бас. И штурман стал выбираться из кабины.

— Ты что, Федя! — закричал летчик, напрасно стараясь перекрыть свист ветра и рев мотора. — Не смей! Назад! Назад!

Видя, что Савицкий продолжает вылезать, летчик усиленно замахал рукой: мол, запрещаю.

Но штурман уже шагнул на плоскость. Присел, ухватился одной рукой за стальную ленту-расчалку, другой за стойку, соединяющую крылья. Опустил ногу под крыло и стал ею нащупывать застрявший бас. Мотал, мотал ногой, наконец, уперся в бас и толкнул. Тот даже не пошевелился. Крепко, видать, заело. Тогда Савицкий обрушил на него град отчаянных ударов, пока не уморился. Чуток отдохнул и снова при-

нялся шарить ногой по низу. Нашупал злосчастную «шкатулочку» с бомбами и принялся яростно дубасить ее.

Бешено залаяли зенитки. Один из снарядов разорвался совсем близко, на Савицкого пахло запахом гари. Но это не испугало его. Он думал только об одном: как бы столкнуть проклятый бас на фашистские головы. Во всю мочь он лупил и лупил по басу, не обращая внимания на боль в ноге. И ящик с бомбами наконец оторвался.

Штурман нырком ввалился в свою кабину. Летчик показал большой палец: молодец! Но Савицкий так устал, что даже не обрадовался. Он сопел носом, старательно платком вытирал обильный пот, который струился по лицу.

Когда вернулись на аэродром, Савицкий заметил, что на левом унте у него нет калоши. Была и пропала. От досады он готов был плакать:

— Только подумай, калошу потерял! Как я теперь без калоши буду? На одной ноге прыгать? Придется рапорт писать.

Друзья же смеялись:

— Нет худа без добра. Твоей калошей наверняка фашиста насмерть прихлопнуло. Ведь какая с высоты скорость, какая кинетическая энергия!

Но Савицкому было не до шуток. Он горевал по-настоящему.

«АУФВИДЕРЗЕЕН»

Летчик Сергей Чашин где-то случайно раздобыл «Русско-немецкий разговорник». Валяясь на койке в общежитии, он временами просматривал его.

— Не к фашистам ли в гости собираешься, Серега? — подтрунивали товарищи.

— А что мне. Я за арийца, не бойсь, сойду, — отшучивался Чашин.

Ребята похохатывали. В ту пору никто из нас не предполагал, что маломальское знание немецкого языка спасет Чашину жизнь.

В одну из зимних ночей, когда над землей дико завывала метель, командир полка получил приказ доставить десанникам взрывчатку.

Кто сумеет проскочить к ним в такую жуткую лихоманку? Выбор пал на Сергея Чащина — одного из самых бывалых летчиков.

И вот тяжело груженный У-2 пробивается сквозь лютующий белый буран. Ветер нещадно качает и кренит машину, стараясь опрокинуть ее, разломать на части.

Человек в кабине — весь собранность, настороженность, весь в напряжении и работе. Губы плотно сжаты. Глаза до боли всматриваются в снежную мглу, следят за приборами, за картой. Руки не выпускают штурвала. Ноги словно приросли к педалям. Одно неверное движение — и самолет грохнет на землю и разобьется. Только отвлекись, ослабь внимание — собьешься с курса, заплутаешь в белой мгле.

Два часа с лишним Чащин упрямо борется с непогодой. Судя по времени, где-то близко десантники.

Чащин ведет машину к земле. Ищет посадочную площадку и обещанные костры. Ничего этого нет. Лишь смотрят на него острые пики деревьев.

Самолет кружит и кружит над лесом. Внизу по-прежнему темным-темно. Уж не заблудился ли? Да нет. Вон проглядывает «шоссейка» с характерным изгибом. Какого же хрена не сигналият? Дрыхнут, что ли?

И вдруг замелькали огоньки. Смутно виднеется ровная полоска земли. Снова манящие огоньки. Кто же в такое ненастье может ждать, как не свои? Летчик повел самолет на посадку.

Поле было ровное и укатанное. Машина села и шла, замедля ход. Сергей облегченно вздохнул, почувствовав твердую землю.

Но что это? К самолету с факелами бежали солдаты в темно-зеленых шинелях, в головных уборах с кокардами. «Фашисты», — догадался он, и тотчас же неприятно засосало под ложечкой.

Машина остановилась. Совсем рядом оказался долговязый солдат. Он подозрительно смотрел на Чашина и торопливо спросил:

— Вер ист дас? (Кто такой?)

Сергей не растерялся:

— Их бин дойче. Гутен нахт! (Я свой. Доброй ночи!)

Немец приветливо взмахнул рукой.

Теперь судьбу решали секунды. Мотор был еще не выключен, и это спасло Чашина. Он дал полный газ и увеличил обороты. Самолет взревел, вздрогнул и понесся по полю.

— Улечу. Только меня и видели. Ауфвидерзеен! — крикнул он.

Самолет оторвался от земли. Прошелся над лесом. Запоздалые автоматные очереди не причинили ему вреда. Через десять минут Чашин разыскал партизанскую полянку.

ТАИНА НИКОЛАЯ ТОПОРОВА

Штурман Коля Топоров был какой-то странный. Мы в свободное время охотно бегали в деревню на танцы, не чурались чарки и песни. Он же жил тихо, скромно и спиртного не пригубливал.

— Ну, монах, сиди в своем углу, а я пойду на вечерку, — недовольно буркал его летчик Федя Шитиков.

Шитиков был рослый, стройный, щеголеватый. Топоров полная ему противоположность: коренастый, мешковатый, чуть сутулый, ходил в серой поношенной шинелишке и несколько не заботился о своей внешности. К тому же Топоров был до смешного рассеян. Обычно дольше всех готовил расчетные данные к полету, а когда летчик поторапливал, он, волнуясь, быстро рассовывал свои принадлежности в пузатую сумку и обязательно какую-либо мелочь забывал.

Но зато дело свое знал. Самолет направлял точно, в зенитном огне не терялся и бомбил метко. Любой пилот не променял бы этого штурмана ни на кого другого.

Правда, временами Топорова как будто подменяли. Он ста-

новился неузнаваемым — вялым, как в воду опущенным. На трусость это не походило. Тут было что-то другое. Федя Шитиков не раз пытался выведать, что с ним. Топоров уходил от прямого разговора.

Однажды в полете их крепко взяли в оборот. Вражеские прожектора слепили глаза, яростно лупили зенитки. То и дело в наушниках слышался глуховатый голос штурмана:

— Отверни вправо! Отверни влево!

Вдруг Топоров замолчал.

— Николка, ты живой? — тревожно спросил летчик. — Николка!

Но штурман не отзывался. Шитиков, опасаясь, бросил самолет в пике, и вскоре они вышли из опасной зоны.

— Николка! — рявкнул летчик. — Какого черта молчишь? Ранили, что ли?

— Живой я, живой, — тихо ответил Топоров.

Что же случилось с ним? Когда они попали в огненное пекло, у Топорова бешено забилося сердце. Что-то страшное давило ему грудь, спирало дыхание. Перед глазами запрыгали звездочки и заходили радужные круги. Топоров торопливо шарил рукой в сумке, разыскивая спасительное лекарство. Насилу оно было найдено. Боль, наполняющая грудь, постепенно стихла.

После полета, лежа на койке в общежитии, Шитиков снова спросил:

— Скажи, Топоров, что с тобой было?

— О чем ты? — как бы не понимая, отозвался Топоров.

— Брось валять дурака!

— А трепаться не будешь?

— Не буду.

— Мотор мой иногда барахлит, — признался Топоров.

Шитиков сдержал свое слово, но тайна штурмана все же раскрылась. Как-то после налета на брянский узел летчик посадил подраненную машину на своем аэродроме, выскочил из кабины и закричал:

— Санитарку!

Автомашина подъехала. Штурмана вынули из самолета. Федор пояснил медикам:

— С сердцем у него худо.

А потом высокий грузный доктор внимательно прослушал и простучал штурмана.

— Ба, вот так новость! Как же это ты с таким сердцем в авиации! Глухие тона, аритмия. Переходи-ка на штабную работу.

— Что вы! Двести вылетов сделал — и ничего, — стал возражать всегда покорный и молчаливый Топоров.

— Откажет сердце в воздухе — и конец, — убеждал врач.

— Судьба, знаете, доктор. От нее никуда не уйдешь. Умоляю вас, не лишайте летной работы. Хотите, перед вами на колени встану?

— Ох, и блажной. Да понимаешь ли ты, голова, что на острие ножа ходишь, что летать тебе противопоказано.

— Война, доктор. Разве кто считается со своим здоровьем! Разобьем фашистов, сам уйду из авиации.

— Право, блажной, — покачивал очкастой головой доктор, — что ж, уговорил. Только прошу, почаще ко мне заходи. Буду за тобой особо досматривать.

Не раз еще в полетах Топоров хватался за грудь, глотал таблетки, но с летной работы не уходил.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ

Помню, пришел к нам в полк смуглый коренастый летчик, старший лейтенант, с лицом, исполосованным шрамами. Сразу видать, бывалый, хлебнувший войны. Назначили его командиром эскадрильи.

Построил он своих ребят и сказал:

— Познакомимся. Я Котов Константин Иванович, родом с Тамбовщины. Из крестьянской семьи... Летную школу окончил в Чкалове. Воевал. Вопросы есть?

Вопросов не было. Но чем-то неуловимым приглянулся летчикам новый комэск.

Не любил Котов сидеть на земле. На каждое опасное задание лично водил эскадрилью. Первым бросался на добычу сквозь шквальный зенитный огонь. После налета эскадрильи горели железнодорожные станции, валились под откос поезда.

На своем аэродроме Котов вылезал из самолета, закури-вал и коротко говорил:

— Одним меньше.

Затем обращался к летчикам:

— Спасибо, ребята. Поработали на совесть.

Был Котов и требовательным командиром. Как-то при мне он строго журил молодого летчика за то, что тот сел на аэродром с бреющего полета.

— Штукарствуешь! — гремел Котов. — У-2 за машину не считаешь? Можно ее ломать, гробить? Знаешь наставление? Оно кровью написано. Удали твоей грош цена. Сломаешь машину, свернешь себе шею!

— Виноват, товарищ старший лейтенант. Больше такое не повторится, — стоя перед ним навтыяжку, оправдывался молодой летчик. — Учусь традициям Чкалова...

— Чкалова! — всерьез рассердившись, передразнил его Котов. — Кру-у-гом! Шагом марш!

Все мы знали, что Котов любил Чкалова, преклонялся перед ним. Недаром фотография великого летчика лежала у него в планшете. И поминать всуе имя это не позволял никому.

Внешне Котов выглядел хмурым и угрюмым. Война крепко похлестала его. Он потерял в ней не только трех братьев, но и сына Юрика, который, съездив навестить отца в госпитале, простудился и умер от воспаления легких.

Но по своей природе Котов был оптимист. Бывало, после удачного полета, сидя в столовой в кругу друзей за фронтовой чаркой, играл на гитаре и пел:

Капитан, капитан, улыбнитесь,
Ведь улыбка это флаг корабля.
Капитан, капитан, подтянитесь,
Только смелым покоряются моря.

Этот мрачный на вид человек был нежным сыном, мужем и отцом. Он с нетерпением ждал почту, и когда писем для него не было, уходил недовольный. Получив же весточку, весь расцветал и глаза его теплели.

Сам он письма писал почти каждый день.

В школе, занятой под общежитие, сладко спали летчики и техники после ночных полетов. Сухопарый дневальный с автоматом на плече мерно маршировал по коридору.

Котову что-то не спалось, и он вышел в коридор покурить.

— Спали бы да спали, командир, — сочувственно сказал ему дневальный.

— Не спится, дружок. Старческая бессонница одолела, — пошутил Котов.

Дверь распахнулась. Вбежал запыхавшийся солдат:

— Объявляйте тревогу. Приказ командира полка. Сбор на КП!

Дневальный стал одну за другой распахивать двери классов:

— Тревога-а-а!

Слово «тревога» действовало магически. Все зашевелилось, затопало, закрутилось.

Командный пункт находился на аэродроме, расположенном на окраине села. Вскоре все собрались, расселись по скамейкам.

Командир полка Изосимов, сидящий за столом, приглашает командиров эскадрилий к себе. Они подходят и докладывают, что летно-технический состав готов к полетам.

— Хорошо, — говорит Изосимов и, обращаясь ко всем, ставит задачу. Предстоит днем, вот сейчас, пользуясь облачностью, бомбить передний край обороны противника, предпринявшего атаки на наши позиции. Пехотинцы срочно просят ночников пощекотать врага в дневное время.

— На задание пойдут лучшие экипажи. Будем бомбить вслепую из облаков. При разворотах прошу соблюдать осторожность, чтобы не столкнуться, — говорит Изосимов.

Экипажи намечены. Первое звено поведет Константин Котов, второе — Андрей Занин, третье — Андрей Винниченко, четвертое — Борис Цибулевский. Летчики, проложив маршрут, сделав расчеты, выходят на улицу. Пахнет весенней сыростью. Хмурые облака бродят по небу.

Полет, конечно, не из легких, думает Котов. Шутка ли появиться днем над линией фронта на фанерных самолетах. Но все ребята крещены в огне, испытаны в опасных переплетках и праздновать труса не будут. Он спокоен за себя и за других.

Самолеты рулят на старт, вспыхивает зеленая ракета — сигнал взлета. Приветно помахав рукой товарищам, Котов поднимает машину в воздух. Высота всего сто метров. Облака задевают крылья. Порывистый ветер подбрасывает машину, свирепо гонит в лицо клочья тумана.

Десять, пятнадцать минут полета в сером молоке. Но вот начинает светлеть. Облака поднимаются все выше и выше. Что за ерунда? Видимость стала совсем хорошей. Высотомер показывает уже шестьсот метров. Котов замечает растерянные лица. По метеосводке в районе передовой значится сплошная облачность. Где же она?

Всегда корректный штурман эскадрильи Степан Галанов на все корки честит метеорологов:

— Опять, ветродуи, подвели!

Развиднелось. Появляются «окна», в которые ультрамарином светит бездонное небо. Облака уже где-то высоко, и сквозь них пробиваются яркие солнечные лучи. А передовая уже рядом, полыхает заревом пожарищ, артиллерийскими и минометными вспышками.

Котов ощущает, как тревожно забилося сердце. Но о том, чтобы повернуть назад, не может быть и речи. На его смуглых щеках заходили желваки. Руки твердо направляли штурвал.

Высота тысяча двести метров. Окопы и траншеи врага как на ладони. Наша пехота заметила свои самолеты и выложила на снегу черные стрелы в сторону немцев. Трассирующие

пули и цветные ракеты указывают направление бомбовых ударов.

Внезапность на войне всегда большой козырь. Пока противник размышлял, что делать, были выиграны секунды, и вниз посыпались бомбы. Звено Котова, первым появившееся над врагом, не было даже обстреляно.

Заговорили зенитки. Светлое небо покрылось дымчатыми облачками и слепящими вспышками. Сильный, но беспорядочный огонь.

— Летим вперед, — азартно кричит Котов. Вслед за комэском устремляется его звено. Под плоскостями самолетов железнодорожная станция. На путях снуют паровозики, переставляя вагоны. Обреченно растянулись товарные составы. Галанов бросает последние бомбы. Внизу гремят взрывы, бушует пламя и в панике бегают люди. Летчики Андрей Занин, Николай Попов, Михаил Лебедев завершают разгром станции. Огненный смерч бушует внизу. Рушатся и горят дома, склады, вагоны, закручиваются рельсы на путях...

Разыгрался солнечный день. Но он уже не страшил ночных летчиков. Бомбовый удар сделал свое дело. Самолеты шли низко над передовой. По ним не стреляли. Наша пехота распоряжалась в первых линиях немецких траншей. Завидев самолеты, солдаты весело махали руками.

Дома летчиков встретили торжественно и тепло.

Как хотелось мне, рассказывая о Константине Котове, о его делах и свершениях, поставить здесь точку... Хотелось бы...

Но война есть война, и она не щадит даже самых хороших людей.

Прошла неделя. Утро было пасмурное. Возвращались машины из ночных полетов. Появился и самолет Котова. Машина подрулила к стартовой избушке, шум мотора смолк. Техники помогли Котову выбраться из кабины.

— Закурить, — хрипло попросил он.

Ему подали зажженную папиросу.

— Что с тобой, Константин Иванович? — спросили его.

— Сам не пойму. Ранили вроде. Мутит, — затягиваясь папироской, ответил он и медленно, с большим трудом пошел на КП. Тихо доложил:

— Товарищ майор, боевое задание выполнено.

— Немедленно в медпункт, — распорядился Изосимов.

...Смерть комэска потрясла всех. Константину Котову была отдана последняя воинская почесть: трижды прозвучали автоматные очереди. Затем над могилой был установлен деревянный обелиск с красной звездой.

Ночью полк снова летал бомбить врага.

ЗДРАВСТВУЙ, БОРИС!

В то лето я отдыхал в Одессе, нашем солнечном, прекрасном городе, где ласковое бирюзовое море, синее, радующее глаз небо. После купания присел на берегу в тени под густым зеленым платаном. По асфальтовой дорожке мимо потоком текли люди.

И надо же было случиться такому: увидел в толпе своего фронтового дружка. Среднего роста, черноволосый, в белой рубашке с засученными рукавами до локтей, в голубых джинсах и сандалиях на босу ногу, он шагал неторопливо.

— Борис! — окликнул я его. Он оглянулся и узнал меня. Мы крепко обнялись и расцеловались.

Это был летчик нашего полка Борис Цибулевский. Прошло столько лет после войны, а он был, как прежде, круглолицый, румяный, без единой сединки в волосах. Правда, заметно располневший.

— Ах, пижон! — восклицал я, похлопывая его по спине ладонью. — Видать, время не властно над тобой!

Он добродушно улыбался.

— Ну, как жизнь?

Беспокойные волны гудились на берег, бормотали что-то ласковое и веселое. Мы вспоминали дни нашей тревожной юности, когда довелось нам воевать с фашистами на прославленных «королях воздуха» самолетах У-2.

Шестьсот боевых вылетов совершил Борис. Целое созвездие наград украсило его грудь: сверкающие ордена — Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны, два ордена Красной Звезды.

Борис дослужился до подполковника и вышел в запас. Живет в Днепропетровске. Преподает военное дело в школе. Жена, тоже наша однополчанка, работает в клинике. Сын учится в медицинском институте.

И пошел у нас обычный среди фронтовых друзей разговор: «А помнишь Подмоскowie и Воронеж? А Курск и Орел? Не забыл Ленинградский фронт, Прибалтику?»

Нам было что вспомнить. Было о чем поговорить.

Коренастый, среднего роста, с румянцем во всю щеку, выбритый до синевы, черные волосы коротко подстрижены; на синей гимнастерке и брюках ни пылинки. Сапоги хромовые блестят.

Таким пришел к нам в полк Борис Цибулевский. «Пи-жон, — бросил кто-то из ребят. — Посмотрим, как летать будет».

Новичка не сразу выпустили на боевое задание. Сначала он летал по связи. Как-то пришлось ему выполнять задание в паре с командиром эскадрильи. Летели на бреющем вдоль линии фронта по овражкам, перелескам.

Комэск вел свой самолет на предельной скорости, лихо и с ветерком. Не отставал от него и новый летчик.

После полета скупой на похвалы Курочкин сказал:

— Да ты, брат, совсем недурно летаешь.

С этого дня Борис оказался в доверии у комэска. А после того как Цибулевский слетал в тыл к фашистам, в его летных способностях и вовсе перестали сомневаться.

Было это весной. Аэродром раскис. Мы сидели на приколе. В штабе командира полка донимал представитель десантников, потрясая пачкой радиограмм.

— Ребята голодают. Боеприпасы на исходе.

— Ничем помочь не могу, — хмурился Изосимов, покашливая и нещадно дымя папиросой. — Видишь, какая погодка.

О том, как выручить десантников, думали все. Но ничего путного в голову не приходило.

Неожиданно под вечер в штаб пришел Цибулевский.

— Товарищ майор, разрешите обратиться? — козырнул он командиру полка.

— Обращайтесь.

— Пригляделся. Рядом с аэродромом угорчик. По-моему, на нем можно устроить летную полосу. Из лесу натаскать туда снегу, пригладить, и ночью при заморозках знай летай себе.

— Узковата площадка, да и деревья на ней, — засомневался командир полка.

— Деревья срубим. Берусь с этой площадки летать, — сказал Цибулевский.

— Что ж, стоит попробовать, — подумав, согласился Изосимов.

На следующее утро на лесной поляне появились веселые «лесорубы» и лихие «коновозчики». Это летчики, техники и оружейники запряглись в деревянные сани с большими плетеными корзинами, нагребли в них снегу и с прибаутками и шутками тащили везы на площадку.

К ночи полоса была готова. Длина была как раз, а вот ширина, что называется, «впритирочку». А погода окончательно испортилась. Черные тучи затянули луну и стали прижиматься к самой земле.

— Взлетишь? — спросил Цибулевского командир полка.

— Взлечу, товарищ майор, — без колебаний ответил летчик.

— Вылет разрешаю, — сказал Изосимов.

Цибулевский и его штурман Кузьма Царенко заняли свои места. Белая ракета осветила летную полосу. Машина вздрогнула и, набирая скорость, понеслась по земле, потом как бы нехотя оторвалась от нее, стала подниматься.

Самолет идет у нижней кромки облаков. Внизу чернеют леса. Вот всполохами ракет, трассами пулеметных очередей обозначилась линия фронта.

Штурман приказывает:

— Заходи в облака.

Самолет врзается в сплошное темное море и летит так пятнадцать минут. И снова команда штурмана:

— Выходи на чистое небо.

Самолет выныривает из облаков. В зеркало летчик видит смуглое худощавое лицо штурмана. На нем улыбка. «Ишь ты, проверил меня, умею ли летать вслепую». Осторожный командир полка дал ему в полет опытного напарника. Кузьма не раз бывал у десантников. Штурман немногословен, деловит, строго следит за курсом, не позволяет самолету уклоняться в сторону.

В свою очередь и штурман чувствует твердую руку на штурвале, видит широкую спокойную спину летчика, его уверенные жесты.

Время идет. Царенко все пристальней всматривается через борт в темноту, ищет знакомый ему лесок. И вот.

— Внимание. Приближаемся к цели, — говорит он в переговорный аппарат.

— Есть внимание, — отзывается летчик. Борис сдвигает с глаз очки и смотрит на карту. Территория, контролируемая десанниками, всего каких-нибудь пяток квадратных километров. Снижаться опасно. Но что делать? Он сбавляет обороты мотора. Самолет спиралью приближается к таинственной черной земле. Стрелка высотомера показывает триста... двести... сто метров. Внизу вспыхивают огоньки выстрелов. Стреляют немцы.

А в партизанском кругу еще темно. Проходит минута, другая, и загораются сигнальные костры. Летчик оглянулся. Царенко машет рукой: «Садись!», — и стреляет из ракетницы, подсвечивая.

Мгновение, и машина припала к земле, впилась лыжами в рыхлый талый снег и остановилась в конце поля.

Темные фигуры метнулись к самолету. Невольно Борис бросило в жар. Свои ли?

— Ура-а-а! Наши прилетели! — услышал он ликующие возгласы и, успокоившись, выбрался из кабины. Царенко уже крепко обнимался с высоким, дюжим мужчиной в меховой куртке.

— Борис, это Петров, командир отряда, — познакомил он. Петров дружески протянул летчику руку.

— Уж мы перестали вас ждать. Думали, основательно села авиация на прикол.

— Кто сел, а кто нет, — улыбнулся Борис.

Десантники уже привычно лезли на самолет, вытаскивали мешки с сухарями и колбасой, ящики с консервами, боеприпасы. Цибулевский с интересом смотрел на них. Он видел суровые лица и с добрыми улыбками, видел людей, разношерстно одетых, — кто в серых шинелях, кто в зеленой трофейной форме. Вооружены русскими и немецкими автоматами, на поясах пистолеты, ножи.

Петров протянул Борису кисет:

— Закуривай махры.

Цибулевский неумело скрутил сигарку, затаился раз-другой, закашлялся. Не докурив, бросил самокрутку:

— Извините. Задерживаться долго нельзя, ночи короткие. Осмотрю площадку.

Глубоко проваливаясь в мокром снегу, Борис обошел полянку, с тревогой сказал:

— Здорово тает. Летим немедленно.

— А раненых возьмете? — с просьбой в голосе спросил Петров.

— Сколько их?

— Хотя бы двоих.

— Хм. Взлет трудный.

— Очень прошу.

Раненых принесли. Они лежали на носилках, тяжело дыша. У взглянувшего на них Цибулевского зашло сердце.

— Ладно, — согласился он.

Раненых разместили. Одного посадили в кабину вместе со штурманом, другого уложили в гаргрот. Десантники сгрудились у самолета. Десятки рук тянулись к Царенко и передавали ему белые треугольники писем.

Надолго запомнился обоим летчикам тот взлет. Цибулевский еле-еле оторвал перегруженную машину у самой опушки леса.

После этого полета Бориса окончательно признали в полку «своим парнем», хотя он по-прежнему оставался таким же щеголем и франтом.

ФОРСИРОВАНИЕ РЕКИ ЗУШИ

Маленькая Зуша памятна каждому, кто воевал на Орловщине. Не велика речушка, а по ней проходил боевой рубеж. Немцы засели на высоком правом берегу. Наш же берег был низкий, болотистый.

Не раз пыталась наша пехота прорвать вражескую оборону, забраться на кручи, но нелегко это было сделать. Фашисты создали такую систему огня, что, казалось, не только человеку перебраться, но даже и птице не перелететь на правый берег.

В дни июльского наступления пехотинцы обратились к нам и попросили основательно проутюжить укрепления врага, подавить его доты и дзоты.

Утром начальник штаба, высокий, корректный Вавилов разбудил Цибулевского.

— Вставай, Борис, поедем на передовую.

На вездесущем «виллисе» они быстро домчали до штаба стрелкового полка. Побывали в землянке на командном пункте. Высокий рыжий штурман Михаил Бочкин быстро перенес на свою карту все необходимые пометки. Деревня Вяжи, от которой осталось одно пепелище, была превращена немцами в укрепленный плацдарм. Из дотов и блиндажей с мощными перекрытиями противник вел непрерывный огонь, не позволявший нашим войскам форсировать реку.

По ходам сообщений летчики пробрались в первую линию траншей и долго из биноклей наблюдали за противником.

Правый берег грозно властвовал над всей округой. Виднелись зигзаги проволочных заграждений, бугры долговременных огневых точек, извилистые линии траншей. На нейтральной полосе, уткнувшись носом в землю, лежал искореженный штурмовик «Ил», немного не долетевший до дому. В лунках стояла ржавая вода.

— Придется бомбить фугасными сотками и с небольшой высоты. Нанесем массированный удар, — определил Вавилов.

— Хорошо бы для точности бомбежки указывать нам цели трассирующими пулями и ракетами, — предложил Цибулевский.

— Договорились, — согласился командир стрелкового полка.

Пришла звездная теплая ночь. Загудело небо от самолетов. Весь полк вылетел на бомбежку Вяжей. Немцы пробовали было огрызаться. В воздухе замелькали цветные трассы. Стреляли из всех видов оружия, били зенитная артиллерия, винтовки, автоматы. Как светлячки, вокруг самолетов носились трассирующие пули.

Но летчики упрямо делали свое. Столбы земли и камня, целые бревна взлетали на воздух. Рвались боеприпасы, поднимая огненный смерч. От собственных бомб взрывной волной наши самолеты швыряло как щепки. У многих машин была продырявлена обшивка.

Жаркая была эта ночь. Все работали в полку с максимальной нагрузкой. Оружейники торопливо подвешивали бомбы. Без отдыха и перекура летали экипажи.

Многие летчики, еще планируя на посадку, с воздуха кричали.

— Бомбы! Бомбы!

В эту ночь летчики полка сделали свыше сотни боевых вылетов. Наша доблестная пехота утром овладела деревней Вяжи.

Путь на Орел был открыт.

«Борис-джан» — так первым стал величать своего командира заместитель комэска армянин, бывший начальник шахты Сурен Саркисов. Этим он отдавал дань уважения Цибулевскому.

Саркисов до войны окончил аэроклуб и не сразу попал в нашу часть. На первых порах командование полка побаивалось выпускать Сурена на боевые полеты, а Цибулевский много и терпеливо тренировал его, летал с ним в паре и дал, к радости Сурена, путевку ему во фронтовое небо.

Когда же впервые Сурен сказал свое ласковое «Борис-джан»?

Как-то у партизан вынужденно сел легчик эскадрильи. К нему на выручку полетел сам командир. В районе Идрицы самолет обстреляли. Борис заподозрил, что у них пробит бензобак. После того как они миновали зону огня, он проверил по приборам наличие горючего. Остаток бензина был такой, что нечего думать о продолжении полета.

Цибулевский приземлил самолет на белеющее снежной целиной поле. Стал осматривать бензосистему. Пробоина была чуть выше днища. До нее весь бензин вытек.

Со штурманом Лозовым они посидели в кустах, покурили, обсудили обстановку и определили, что место посадки находится во владении партизан.

Чуть рассвело. По опушке леса пошли к ближайшей деревушке. Подобрались к первой хате. Постучали тихонько в окно. Вышла старушка в накинутом пальто.

— Чего, родименькие?

— Мать, в вашей деревне партизаны?

— Что вы, сыночки, у нас сплошь немчура, а партизаны звон там, — махнула она рукой в сторону леса, из которого они пришли.

Цибулевский с Лозовым невольно переглянулись.

— Ты, мать, молчи. О нас никому ни слова, — попросил Цибулевский.

— Понимаю, сынки, понимаю. Разе я беспонятная, — закивала старушка.

Бегом, что есть сил, ринулись они к лесу. Снег был глубокий, рыхлый и попадал в унты. На опушке свалились, жадно глотая воздух. Отдышались, вытряхивали снег, налезший в унты.

— А вдруг у самолета засада? — сказал Лозовой. — Схватят как куренков.

— Я пойду первым к самолету, — сказал Цибулевский, — вскочу в кабину, и если все в порядке, подбежишь ты, провернешь винт. Я запущу двигатель, а ты за крыло развернешь самолет и вскочишь в кабину. А пока прикрывай меня.

Но никто о них еще не узнал. Они беспрепятственно прогрели мотор и взлетели.

Сквозь редкий лес виднелась дорога. По ней ползли автомашины.

— Немцы, — сказал Лозовой. — Шуганем?

— Что за детский вопрос?

Лозовой дал длинную очередь из ШКАСа. Колонна остановилась. А «рус-фанер», посеяв панику, бреющим нырнула в глубокий овраг и запетляла по нему.

Вскоре показалась сгоревшая деревушка. У колодца доставал воду парень, одетый в черную стеганку. Около него стояла пегая лошадь.

— Борис, это партизан! — крикнул штурман.

Цибулевский приземлил машину, быстро выскочил из кабины и подошел к парню.

— Слушай, браток, далеко ли до вашего лагеря? — напрямую спросил Цибулевский.

— Какого лагеря? Кто вы такие? — подозрительно поглядывая на него, спросил в свою очередь парень. Его настроенность была вполне закономерной. Никогда еще днем к партизанам никто не прилетал.

— Да свои мы, елки-палки. Вынужденно сели. Горючка вся вышла, — серьезно отвечал Цибулевский. — Свои, не сомневайся.

Парень еще подумал, затем решил.

— Идемте...

Держа лошадь под уздцы, он вел ее и рассказывал, что сначала крепко струхнул, увидев людей, которые на такой «стрекозе» разгуливают днем.

Вскоре летчики были в объятиях своих друзей. В землянку, где их разместили, пришел летчик Иванов из эскадрильи связи, который сидел у партизан вынужденно, ожидая техпомощи. Его самолет был сильно побит.

— Возьмите мою горючку, — обрадовался он.

Отдохнув, летчики пошли к самолету. Заделали дыру в бензобаке, подготовили машину к вылету. С наступлением темноты распрощались с гостеприимными хозяевами и втроем вылетели домой.

На подходе к аэродрому они увидели непрерывную серию ракет. Темное небо озарялось белыми вспышками.

— Ждут нас. Тревожится братва, елки-палки, — сказал Цибулевский, улыбаясь.

Это старался из всех сил, пускал ракеты Сурен Саркисов. Он не уходил со старта с прошлой ночи.

Его уговаривали:

— Сурен, Цибулевский не такой человек, чтобы не возвратиться. Напрасно тревожишься. Шел бы спать.

— Я не уйду со старта, пока не увижу своего командира, своего Бориса-джан! — твердил он.

Когда самолет показался над аэродромом, вспыхнула новая серия ракет. Это без договоренности все присутствующие дали салют в честь возвращения своих боевых друзей.

— О, Борис-джан! — восторженно восклицал Сурен, обнимая и целуя своего командира.

Мне вспомнилось только несколько боевых эпизодов из жизни Бориса Цибулевского. Я бы мог рассказать о нем куда как больше.

Враги на собственной шкуре убедились, что У-2 опасные и грозные машины. Один из тех, кто убедил врага в этом, был Борис Цибулевский. Он лихо и мастерски летал на этих самолетах. Он показал летный талант, крепкую хватку и большое мужество.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Давно отгремела война. Советская армия отстояла независимость нашей страны. Мирное солнце светит нам.

Но память о военных годах нетленна. Мы не можем забыть величайшей битвы с фашизмом, не можем забыть своих военных путей-дорог.

Наш 701-й авиаполк прошел большой путь от Подмосковья через огненную Курскую дугу и до Прибалтики. За участие в освобождении столицы Латвии Риги ему было присвоено звание «Рижский».

Мои друзья-однополчане с честью выдержали жестокое испытание войной. Немало летчиков погибло в боях. Отдали свою жизнь ради мира на земле Григорий Петялин, Анатолий Казаков, Дмитрий Журавлев и многие другие из моих друзей.

А тем, кому выпало счастье жить, достойно несут трудовую вахту на фронтах пятилеток. Отважный летчик Михаил Лебедев много лет работает в гражданской авиации. Сейчас он начальник аэропорта в Ульяновске. Его штурман Павел Рожин возглавляет колхоз на Кубани. Летчик Павел Банных — начальник учебно-тренировочного отряда ГВФ в Свердловске. Летчик Борис Амстибовский преподает физику в одном из ПТУ Москвы. Летчики Василий Протасов и Аркадий Атепалихин работают мастерами на заводе стекловолокна в Полоцке. Летчик Николай Сибиряк трудится конструктором в одном из КБ города Киева. Летчик Сурен Меликов работает фотолаборантом в Кисловодске. На заслуженном отдыхе летчики Борис Цибулевский, Константин Бердников, штурманы Кузьма Царенко, Юрий Сазонов...

Жаль, что быстро редуют ряды ветеранов. Смерть унесла из жизни нашего начальника штаба, генерал-майора Николая Вавилова, Андрея Виниченко, Владимира Слука, Андрея Занина, Ивана Дудрова...

После войны у нас было несколько теплых, дружеских встреч в дни празднования Победы в Киеве, Полоцке, Пскове, Риге. Мы вспоминали свои фронтовые дела, погибших товарищей и поднимали тосты за них, и за ныне здравствующих, а также за то, чтобы вечно царили на планете Земля — Мир, Братство, Труд. И, конечно, всегда пели любимую всеми песню:

День Победы —
Как он был от нас далек,
Как в костре потухшем таял уголек.
Были версты обгорелые в пыли, —
Этот день мы вспоминали как могли.

Победа советского народа была высоким рубежом истории. Хватит войн! Мы твердо верим, что здравый смысл и воля честных людей победят мракобесов, мечтающих о новых войнах.

**ЛЮБОВЬ АЛЕКСЕЕВ-
НА БУТКЕВИЧ.** В годы
Великой Отечественной
войны — медицинская се-
стра полевого подвиж-
ного госпиталя, входив-
шего в состав 38-й ар-
мии. Прошла по доро-
гам войны от Курской
дуги до Польши, Герма-
нии и Чехословакии. На-
граждена многими меда-
лями. После войны тру-
дилась операционной ме-
дицинской сестрой, рабо-
тала на производстве.
В настоящее время на
заслуженном отдыхе.
Живет в Перми.

Л. Буткевич
В ПОЛЕВОМ
ГОСПИТАЛЕ

НА ФРОНТ!

В военкомате многолюдно, шумно. Сегодня здесь больше, чем когда-либо, девушек, будущих моих спутниц по дорогам войны.

Одну за другой называли наши фамилии, приглашая с родителями на беседу к военкому. Молодой лейтенант, приоткрывая дверь кабинета, четко произносил:

— Гладких!

— Драченко!

— Никулина! — необычно громко, как мне показалось, прозвучала моя фамилия.

Я вздрогнула. Что-то сейчас будет?!

Вошли в просторный кабинет военкома.

— Присаживайтесь, — указав на стулья, сказал лейтенант.

Из-за стола поднялся высокий плотный человек в военной форме с двумя шпалами в петлицах. Привычным движением поправив гимнастерку, он подошел к нам.

— Уважаемые отец и мать, ваша дочь добровольно идет на фронт. Подавала несколько заявлений. Уверен, что она вам в этом не призналась. Что вы, родители, на это скажете?

Мать с отцом посмотрели на меня. Помолчали.

— Сама решила — наверное, так и надо. Пусть идет с богом, — тихо и покорно проговорила мать.

Я понимала, каких усилий стоило матери, чтобы произнести эти слова, потому безмерно была благодарна ей и горда за материнскую поддержку.

— Спасибо, мамочка. Простите, пожалуйста. Не могла сказать вам об этом раньше, чтобы не волновать раньше времени.

Отец не сказал ни слова. Трудно было угадать, что творилось на душе у старого солдата и как оценивал он мой поступок.

Немного времени спустя все тот же лейтенант, выйдя из кабинета, зачитал список фамилий, где значилась и моя, и скомандовал:

— На выход, стройся!

Наскоро прощаюсь с родителями. Пристраиваюсь в шеренгу.

— По порядку номеров рассчитайсь!

— Первый!..

— Шестой!..

— Пятнадцатый!..

— Старшей назначается Гладких!

— Есть! — ответила Гладких.

Наш маршрут лежал от Кировского райвоенкомата к железнодорожной станции Нижняя Курья.

Посмотрела на девчат, соображая, с кем бы из них познакомиться, но все они шли уже попарно, оживленно разговаривая, и казались такими серьезными и недоступными. К великой досаде, я ростом оказалась меньше всех. «Ну и пусть!», — подумала я и зашагала одна, уже воображая себя солдатом на марше.

— Подтяни-ись! — скомандовала Гладких.

Она понравилась всем с первых минут похода. Среднего роста, коренастая, с карими смеющимися глазами в длинных лохматых ресницах. Одета в ватник, в серую пуховую шапку с длинными ушами, а походный вид дополнял вещевой мешок за спиной. Еще бы ей брюки — и сошла бы за парня-подростка.

Гладких оказалась веселой и озорной. То к одной из девчат подойдет и начнет боксировать, то другую тормошит, поднимая настроение. И уже обращаясь ко всем:

— Давайте знакомиться. Меня Шурой можете звать.

— А я Оксана Драченко, — назвалась идущая по обочине дороги девушка с миловидным личиком в форменной одежде учащихся школ ФЗУ — черной шинели с блестящими пуговицами и берете, из-под которого выбивались русые кудряшки.

— Оксана, а ты родом откуда? — полюбопытствовала Шура.

— Нас с ремесленным училищем эвакуировали с Николаевской области.

— А что, в этом училище медицине тоже учат?

— Да нет, — смеется Оксана. Кивнув на подруг, одетых в такую же форму, она объяснила: — Это мы с девочками на фронт захотели попасть и окончили курсы медсестер.

— Добровольцы, значит? Молодцы!

— А угадайте, кто я? Без меня вам, пожалуй, не обойтись, а со мной — не пропадете, — рассмешила высокая, тоненькая, как тростиночка, девушка.

Мы с любопытством посмотрели на нее, прикидывая, кто она.

— Да парикмахерша я, Люся.

— О-о! — оживились девчата. — И на самом деле не пропадем! Причесывать нас по утрам станешь.

Подойдя ко мне, командирша сдвинула на глаза берет и сказала:

— А это Любаша Никулина. Ну, солдатик, небось уже устала? — И, не дожидаясь ответа, произнесла: — Я твоих родителей знаю давно. Сегодня с мамой разговаривали. Она просила взять над тобой шефство. Принимаешь?

— Принимаю, конечно, — обрадовалась я.

— А вы похожи друг на друга, как сестры, — заметила Оксана, — даже косички одинаковые.

— Так мы же сестры и есть, только медицинские, — шутит Шура.

Перезнакомились. Оживился разговор. Появились шутки, смех.

Нам всем было по семнадцать-двадцать лет. Настроение — хорошее. Казалось, никто не задумывался о дальнейшей цели своего похода. О том, что ожидает каждую впереди, в каких условиях предстоит жить и работать.

— Давайте споем, — не унималась командирша.

Девушки молча, выжидаяще посматривали друг на друга. А у меня настроение было превосходным, и я осмелилась запеть:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...

Все дружно подхватили песню и зашагали в ногу, как настоящие солдаты.

С песнями ехали и в поезде. Не заметили, как добрались до Перми, где предстояло сформироваться в часть, пройти необходимые военные науки, прежде чем отправиться по назначению.

Несколько длинных барачков, находящихся на окраине города, были наполнены шумом и гамом. ...В большую комнату, где разместился штаб, прибывали и прибывали люди, как и мы, группами, направленными из разных военкоматов области. Капитан, принявший поданное Шурой предписание военкома, объяснил, что формируется несколько хирургических полевых подвижных госпиталей, в один из которых мы будем зачислены. А кто не любит хирургию, того можно направить в терапевтический.

Мы были уверены, что терапевтический останется в тылу, а с хирургическим непременно попадем на фронт, поэтому попросили зачислить всех вместе в один хирургический госпиталь.

Капитан сделал пометку в своих записях, потом на нашем предписании и передал его женщине, сидящей за соседним столом.

— Будем знакомиться. Делопроизводитель-медстатистик будущего ХППГ — хирургического полевого подвижного госпиталя № 5148 — Еговцева Клавдия Степановна, — весело произнесла молодая женщина, поднявшись нам навстречу.

Она была среднего роста, черноглазая, с двумя длинными распущенными косами. По профессии оказалась учительницей. Чтобы попасть на фронт, окончила шестимесячные курсы медсестер.

— А это начштаба, он же начальник финчасти, лейтенант Крутов, — представила она средних лет, степенного, медлительного человека, подошедшего и присевшего к ее столу.

Клавдия Степановна записала в книгу все данные, что касалось личности каждой из нас. Затем объяснила, что поставила на продовольственный учет. Все было ясно. Мы пока свободны.

Вошли в соседнюю комнату, просторную, со сдвинутыми вдоль стен столами и стульями, на которых сидели или стояли возле разные по возрасту люди — молодые и постарше, мужчины и женщины. В центре внимания была худенькая, изящная голубоглазая блондинка лет двадцати пяти. Она пела под гитару веселую песенку, слова которой будто бы касались меня:

Я много в жизни потерял
Из-за того, что ростом мал...

Это была старшая операционная сестра формируемого госпиталя Миля Бойкова.

Здесь собрались врачи, сестры и санитарки, лаборанты и фармацевты... Кроме медиков — повара и заготовители продуктов, сапожники и портные, шоферы, парикмахер...

Этим людям предстояло сформироваться в одно самостоятельное медицинское учреждение, войти в состав действующей армии и по-своему драться с врагом.

Нам представили старшину. По выцветшей солдатской гимнастерке и по боевому ордену Красной Звезды было видно, что Иван Александрович Блохин фронтовик. Был он грузно-

ватый, малоподвижный, очень добродушный, по-отцовски заботливый. Его уверенные распоряжения и справедливые замечания заставляли проникнуться к нему уважением.

Несколько дней спустя состоялась первая встреча и знакомство с руководством госпиталя.

— Начальник госпиталя, майор медицинской службы Темкин Ефим Яковлевич, — представил старшина.

Это был человек среднего роста, лет около пятидесяти, худощавый, ничем не примечательный. Нам показался добрым и очень спокойным.

— Не на курорт едем, — произнес он первые слова, — работа предстоит жаркая...

Затем поднялся богатырского телосложения, интересный, с правильными чертами лица заместитель начальника по политчасти, капитан Юрий Васильевич Таран. Он из Полтавы. На Урале оказался после ранения. О себе сообщил коротко: политико-воспитательной работой начал заниматься еще в двадцать первом году. Был организатором комсомольско-молодежных дел в своем городе.

Далее старшина познакомил с ведущим хирургом капитаном медслужбы Оксом и другими товарищами.

Я, как и все девчата, с нетерпением ждала, когда нас обмундируют. Когда, наконец, мы станем настоящими солдатами. Но пока мы получили только гимнастерки и юбки. Шел холодный метелистый март, и положено было носить еще зимнюю одежду, потому нам выдали серые шапки-ушанки, вместо ожидаемых сапог — ботинки. Не обрадовало меня и то, что не шинель пришлось надевать, а большой ватный бушлат, в комплекте с которым оказались такие же стеганые брюки. Это вызвало веселое оживление населения барачков.

Девчата примеряли «обновку», подгибали рукава, запаховали подошвы в полтора раза вокруг себя и подтягивались ремнем.

— В общем-то ничего! — пришли к выводу.

Я же в бушлат могла завернуться и два раза, и по длине он был мне все равно, что пальто.

Потом выдали погоны и через некоторое время присвоили воинские звания. Врачи стали капитанами и старшими лейтенантами, старшие сестры госпитальных отделений — младшими лейтенантами, а палатные и перевязочные — старшими сержантами.

Настал день, когда в торжественной обстановке приняли военную присягу на верность Родине. Слова этой торжественной клятвы для меня прозвучали особым законом в жизни. Каждое слово накрепко врезалось в память:

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну...

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара Советского Закона и всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

Я твердо усвоила, что «приказ командира — закон», о чем нередко напоминал старшина, и беспрекословно старалась выполнять все распоряжения и приказы старших по званию.

...Развертывали свою работу партийная и комсомольская организации, разъясняя важность стоящих перед каждым задач. Комсоргом избрали с наибольшим стажем членства в ВЛКСМ и наиболее активную и общительную Оксану Драченко.

Коммунистов пока было всего три человека. Партгруппу возглавил замполит Таран.

Старшина учил разбирать и собирать винтовку, пистолет, как обращаться с гранатой. Я с интересом слушала и терпеливо познавала все премудрости военной науки и строевой службы.

- На-ле-во! На-пра-во! Кру-у-гом! — муштровал Блохин.
- Никулина, выйти из строя!
- Есть выйти из строя! — отвечала я.
- Встать в строй!
- Есть встать в строй!

Но самым важным и главным сейчас занятием была для нас медицинская практика. Большинство врачей и сестер не имели опыта. Первые пришли с институтской скамьи, медсестры — после краткосрочных курсов. Да и ранее окончившим не всем пришлось работать в госпиталях. Эти занятия необходимы были именно теперь, чтобы подучиться, узнать специфику ухода за ранеными, чтобы с началом работы в полевых условиях не растеряться.

Наконец, формирование и вся подготовительная работа закончились. Объявили, что завтра начнется погрузка в эшелон.

Моя беспокойная мама навевывалась часто. А в этот день еще до подъема приехала вместе с отцом.

— Предчувствие не дает покоя, — сказала она.

— Мама, ты, пожалуйста, за меня не очень беспокойся. Не на передовую еду, а в госпитале буду работать. Ничего со мной не случится.

Отец выглядел усталым, мрачным. Когда мама отошла от нас, он показал мне повестку, полученную вчера, в которой значилось то же, что и в моей: «Явиться в военкомат к де-вяти утра, иметь при себе пару белья, кружку, ложку...»

Мать об этом еще не знала. Вот оно что! Я поняла настроение отца. Он беспокоился не только за меня, но и за маму. Ей предстоит еще раз переволноваться.

Повернулась она к нам и увидела знакомый листочек бумаги.

— Значит, тоже уходишь? Ну что же, идите. Провожу. Только помните, что вся моя жизнь проходит в ожиданиях, так не заставляйте ждать долго. — И закрыла лицо руками. Потом, словно спохватившись, произнесла:

— Отец, тебе пора уходить. Я останусь.

— Да, я пойду. Видишь, дочь, время какое — и проводить тебя не придется. Ну, до свидания.

— До свидания, папа.

— Возвращайся с победой!

— Непременно, папа, только с победой!

Эшелон для погрузки был подан на станцию Пермь II. С утра началась перевозка госпитального имущества. К вагонам то и дело подходили машины, груженные ящиками с продуктами, мешками, туго набитыми бельем, с носилками и другим медицинским оборудованием.

Справа и слева от наших вагонов размещались коллективы других госпиталей и спецгрупп — наши будущие спутники по военным дорогам.

Мать не уехала домой, как другие.

— Останусь с тобой до конца! — заявила категорично.

На станцию пришла задолго до отправки эшелона. Уговорила часовых пропустить ее туда, где шла погрузка. Села в сторонке на порожний ящик и наблюдала за происходящим вокруг. Когда я, улучив минутку, подошла к ней, она озабоченно вздохнула:

— Ох, какие тяжести вам приходится переносить. Побереги себя.

— Хорошо, мама.

А сама снова взваливала мешки на спину, под тяжестью которых еле удерживалась на ногах. Не потому, что пренебрегала советом матери, просто не то было время, чтобы подбирать груз полегче.

...Неожиданно раздалось:

— По ва-го-на-ам!

Сердце замерло. Спешу к матери.

— Мамочка, дорогая моя, прости, пожалуйста, что доставляю тебе столько страданий. Писать обещаю часто, часто. И сразу же приеду, как только кончится война. Приеду и скажу: здравствуй, мама, вот и я!

— В добрый путь! — произносит она.

Тоскливо ныла душа. Ужасно жаль стало мать. Ведь ей предстоят еще одни проводы. На третью войну она провожать будет отца, на вторую проводила зятя, а тут еще и я за ними.

— Да, мамочка, пусть путь наш будет добрым. А ты крепись и жди нас терпеливо. Мы непременно вернемся!

Спешу к вагону, чтобы не расплакаться. Мать кивает мне головой, прижимая ко рту кончик платка, завязанного под подбородком.

Раздался долгий прощальный свисток паровоза. Резко дернулись и поплыли вагоны, постепенно набирая скорость. Кто-то из девчат запел: «Прощай, любимый город...» Песню подхватили хором. А я смотрела на мать. Она не шла за вагоном. Может, не могла или думала, что теперь все равно не догонишь. Еще раз мелькнула из-за станционной будки ее маленькая неподвижная фигурка и скрылась за поворотом надолго, надолго...

«По-ско-рей, по-ско-рей!» — отстукивают колеса вагона. Это я их подгоняю. Может, и глупо, но я спешу на фронт. Радуюсь, торжествую, что сбылась моя мечта.

В нашем вагоне разместились часть врачей, медсестер и санитаров во главе с замполитом. В основном здесь находится одно отделение госпиталя — второе.

Вот, задумавшись, сидит заведующая этим отделением капитан медслужбы Вера Петровна Чигогидзе. Кареглазая, с правильными чертами лица, очень обаятельная. Темные длинные волосы заплетены и уложены на затылок плотным клубком. Рядом с ней молодая докторша старший лейтенант Ирина Васильевна Кабакова. Они подружились с первых дней встречи и теперь всюду вместе.

Командиром среднего и младшего медперсонала, старшей сестрой второго отделения назначена младший лейтенант Валентина Лашук. Ей двадцать лет. Мы уже знаем, что Валя родом из Минска. С первых дней войны она побывала на фронте, была ранена и лечилась в госпитале. Она уже имела боевые награды — орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги». Мы смотрели на нее с большим уважением и даже завистью.

На первом организационном собрании Валя зачитала фа-

милиии сестер и санитарок, которые вошли во второе отделение. Услышав свое имя, я очень обрадовалась, что оказалась в ее подчинении.

Из нянечек в вагоне была только Маша Гуляева, чуть выше среднего роста, на вид сильная девушка со здоровым загаром лица и рук.

А вот исполнительница романсов, старшая операционная сестра, Миля Бойкова. Она выявляет таланты. Не теряя времени, создает кружок самодеятельности. Миля — бывшая воспитанница детского дома. Веселая, общительная.

Уже несколько часов в пути. Люди устраиваются на отдых. Кто на верхних, кто на нижних нарах. Всюду разостлана солома. Я «свила» себе уютное гнездышко под боком у Шуры...

К исходу вторых суток прибыли на станцию Горький.
— Пойдем посмотрим, — позвала Шура.

Мы вышли из вагона... Оказалось, здесь только что был налет вражеских самолетов. Еще не улеглась тревога. Тушат пожары. Переносят раненых. Видим разрушенный и дымящийся вокзал, искореженный пешеходный мост, перекинутый через железнодорожные пути...

Все это нас потрясло. Вот какая она, война! Жестокая, беспощадная! Она пришла сюда за сотни и тысячи километров, где живут мирные люди. Она нарушила их покой, нормальную привычную жизнь.

Вспомнила я, как мы в детстве с ребяташками почему-то боялись самолетов, когда они пролетали низко над селом. Убегали с улицы в дом и прятались. Кто под стол, а кто за мать. Почему-то большая железная птица внушала страх, хотя никакого вреда не причиняла.

От этих же вражеских «черных воронов», несущих смерть, дети не найдут спасения под столом, а от душераздирающего свиста и взрыва бомбы невозможно избавиться, спрятавшись за мать.

Долгими днями и вечерами, знакомясь друг с другом, вытягивали подробности из жизни своих спутников.

Шура рассказала, что выросла среди троих своих братьев. Наверное, потому и была по-мальчишески озорной. Дома успевала всюду. Любила шить и вышивать. Помогала матери по хозяйству, в огороде. Нравилось работать на колхозном поле, где всегда многолюдно и весело.

Отец ее был коммунистом с дореволюционным стажем. В тридцатых годах работал колхозным бригадиром в своем селе. Несколько позже стал председателем колхоза, а затем и председателем сельского Совета.

Шура после семи классов окончила двухгодичную школу медсестер и была направлена в хирургическое отделение районной больницы. Нравилась ей эта работа. Только очень хотелось еще научиться водить автомашину. Мечтала доставлять на ней боеприпасы на передовую и перевозить раненых с поля боя в медсанбат или госпиталь.

На вопрос Шуры, как я оказалась здесь, коротко не ответишь. Хотела стать детским врачом, да окончить успела только семилетку. Наверное, выросла, что все чаще задумывалась о трудностях в семье. На шесть человек был один работник — отец.

Решила пойти поработать, чтобы потом продолжить учебу. С большим трудом уговорила на это родителей.

Вот так и стала регистратором-статистиком в медпункте заводского рабочего поселка.

Научилась не только составлять отчеты, но и делать перевязки, уколы, прививать оспу. А зная латынь, нетрудно было научиться выписывать рецепты.

И вдруг война!

Решила: пойду на фронт. Здесь и без меня обойдутся.

Но не так скоро и просто осуществилась мечта. Написала первое заявление и отнесла в военкомат в начале сорок второго года.

— Пока не требуется, — ответил военный.

Некоторое время спустя вновь напомнила о себе.

Окошечко, куда подавала заявление, было расположено высоко. Приспособлено не для таких, как я. Потому каждый

раз подтягивалась на цыпочки, чтобы повыше казаться военному. А он все равно приподнимался с места, чтобы посмотреть на меня, и с улыбкой отвечал: «Пока не требуется». Да так бесконечно.

В последний раз я не выдержала:

— Каждый день отправляете на фронт, а мне все отвечаете, что не требуется, — и заплакала.

— Ух ты! Зайди-ка сюда.

Зашла. В кабинете сидело человек пять военных.

— Посмотрите на нее, на фронт собралась, — сказал сидящий у окошечка.

— Сколько лет?

— Семнадцать.

— Когда исполнится?

— Уже исполнилось.

— Неужели? А я бы сказал, что ты учишься еще в третьем-четвертом классе. Что же ты, на фронт собираешься, а растешь плохо? Что думаешь делать на войне?

— Раненых перевязывать.

— Документ есть о том, что медсестрой работаешь?

— Нет.

— Вот видишь, документа нет, и лет мало, и рост неподходящий. Так что советуем тебе еще подрасти и подучиться...

От слез не видела дороги. Злилась на свой рост и на военных, которые смеялись надо мной. С отчаянием думала: что же теперь делать?!

Несколько дней спустя, проходя мимо кинотеатра, рядом с афишей, извещающей о демонстрации кинофильма «Веселые ребята», увидела яркое объявление. Верить или не верить написанному? Там говорилось, что идет набор на краткосрочные курсы медсестер. Еще раз прочла. Зашла и написала заявление. Приняли. Теперь-то у меня будет документ!

Война разгоралась, а в нашем далеком от фронта уральском поселке жизнь текла своим чередом. Нет, пожалуй, не текла, а кипела, бурлила.

Эшелонами прибывали эвакуированные из юго-западных областей, испытавшие ужасы войны. Многие из них лишились крова, потеряли при бомбежках и обстрелах в пути своих детей, родных и близких. Прибывающие расквартировывались почти в каждую семью жителей поселка на совместную площадь. Хозяева, сочувствуя, принимали пострадавших, помогали, чем могли, хотя и сами с началом войны жили скудно. Население поселка увеличилось больше чем втрое. Стало гораздо шумней, оживленней, чем в недавнее мирное время.

Всяческие неудобства, теснота, жизненные недостатки сдружили людей — хозяев и квартирантов, и у них все стало общим. В том числе радости и печали.

Вместе проводили воевать комсомольцев-добровольцев. Вместе горевали, когда почтальон кому-то приносил «похоронку». Радовались каждому письму, пришедшему с фронта, или когда у кого-то из эвакуированных объявлялся потерявшийся в дороге член семьи.

Меня перевели на ставку медицинской сестры, хотя я еще не имела соответствующего образования. Сидела с врачами — детским и взрослым на приемах, аккуратно выполняла все, что на меня возлагалось, но постоянно думала: все равно уйду на фронт! Решение свое держала втайне.

...Итак, все позади.

Получив положенные документы, в тот же день отправилась в военкомат. Подала в окошечко знакомому военному и спрашиваю:

— Теперь сколько ждать еще придется?

— Вот так история! — удивился он. — Теперь-то, пожалуй, скоро вызовем.

Повестка пришла через день — восьмого марта сорок третьего года. Моя старшая сестра Нина, с которой я вместе жила, заметив необычно приподнятое настроение, недоуменно произнесла:

— Чему ты радуешься? Это же повестка!

Она за эти годы второй раз проводила мужа на войну.

— В том-то и дело, Ниночка, что эту повестку я ждала целый год.

— Глупая, что ты наделала?! — всполошилась она...

— Вот такая история, Шурочка.

— Да, настойчивая ты. Работала, училась — шло время, а ты не изменила своему решению...

Поезд остановился на небольшой станции. В надежде на то, что здесь долго не задержимся, все оставались на местах. Но несколько минут спустя услышали голос начальника, подошедшего к вагону:

— Хватит бездельничать! Выноси вещи из вагонов, грузи на машины, да поживее!

Это была станция Чернянка Курской области.

Разгрузку закончили далеко за полночь. Вначале отправили госпитальное имущество. Потом машины вернулись за людьми. В кромешной тьме, в каком-то селе остановились и высадились.

— Получите сухой ужин, перекусите и скорей на отдых, — распорядился старшина.

Захватив во дворе по охапке соломы, мы идем по длинному коридору двухэтажного здания, оказавшегося школой, угол крыши которого с частью верхнего этажа снесены снарядами. Свободным оказался как раз угловой класс, где зияла дыра в небо, через которую видны были звезды.

— Что ж, неплохо устроились. Свежий воздух и тэ дэ, — одобрила Шура.

— А что будем делать, если дождь пойдет? — забеспокоилась Маша Гуляева.

— Начнем потихоньку растворяться, — шучу я.

— Девчонки, хватит болтать. Жуйте побыстрее свой сухой ужин и молчок. Скоро подъем, — напомнила старшая.

Но мы продолжали шептаться и разглядывать звезды. «Определили», что они находятся в таком же расположении, как дома, на Урале. И Большая Медведица и Малая... Уста-

лость взяла верх. Скрылась зияющая дыра, звезды и весь мир...

— На завтрак, на завтрак! — покрикивала шеф-повар Лида Богомолова.

Подхватив свои котелки, мы отправились в «столовую», просторную на весь школьный двор, под крышей во все огромное небо.

Лида-повар, молодая видная женщина, «колдовала» около двух больших котлов походной кухни, откуда тянуло чем-то очень вкусным. Но там оказались всего лишь знакомая пшенная каша с кусочками сала да неизменный по утрам чай, обеспечивающий бодрость духа. Значит, просто-напросто мы очень проголодались.

Подогнув ноги, поставив котелки на колени, любители добавок расселись на поляне, поближе к кухне, а точнее к поварихе, которая доказывала, что вприкуску с шуткою вкуснее каша и слаще чай. Другие сидели на жердочках изгороди, обхватив колышки, чтобы не свалиться во время работы ложкой. Третьи — стоя на ногах, опорожняли свои котелки.

Нам с Шурой в один котелок Лида отмерила две порции каши, в другой — чаю и мы отчалили на поиски места, где бы поудобней устроиться да с аппетитом позавтракать.

С любопытством осмотрелись вокруг, не имея возможности сделать это по прибытии темно-черной украинской ночью.

До освобождения села школа была занята фашистами под солдатские казармы. Школьный двор обнесен колючей проволокой. Нежная весенняя травка помята. Растоптаны и превращены в свалку мусора клумбы, перегажены грядки. Повсюду валяются ржавые консервные банки, гильзы от снарядов. И это, называется, здесь жили представители «высшей» расы, считающие себя сверхчеловеками! Люди, которые, как нам было известно, отличались исключительной опрятностью и высокой культурой. Мы же увидели обратное — резкую противоположность. Вот и думаю, что культурный, уважающий себя человек не станет пакостить себе под ноги, пусть даже в чужом владении.

Вдобавок к беспорядку, в столь мирный двор, принадлежавший беззаботной детворе, ворвался вражеский танк. «Сунул свое длинное рыло в чужой огород», да так и замер с развороченными гусеницами.

Девчата, облепив танк со всех сторон, сидели и уже постукивали ложками о котелки. Тоже мне — нашли место! Я поморщилась.

— Да ты не бойся его, Любаша, не брезгуй, — заметила Люся, — фашистская грязь с него уже смыта дождями. Вон какой чистенький — блестит! Устраивайся рядышком с нами.

Других удобств на время обедов для нас не было создано, и мы присоединились к девчатам. И позже это место занимали всегда в благоприятную погоду, а в дождь кормиться уходили в класс с дыркой в небо.

Мы продолжали заниматься строевой, стояли на постах, патрулировали по селу в ночное время. Привыкали к бомбежкам на расстоянии трех километров. Это каждый вечер бомбили ту станцию, на которой мы разгрузились. С наступлением темноты наблюдали за полетом трассирующих пуль — цветочных цепочек, которые летели с разных сторон в одну точку, светящуюся в фокусе прожекторов. Стояла тишина. Но близость фронта вызывала ощущение тревоги.

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Советская Армия вела подготовку для нанесения решительного удара по войскам противника в районе Курской дуги. Наши ХППГ-5148 и ХППГ-5149 были направлены в состав 38-й армии.

Первое место дислокации полевого госпиталя вышестоящим командованием было определено в лесу, в двадцати километрах от Обояни.

Здесь, естественно, не было никаких условий для развертывания госпитальных отделений.

Было решено начать строительство подземных помещений. По плану, все основные отделы должны быть укрыты на глу-

бину до полутора-двух метров. Приемное отделение должно было принимать до двухсот человек, а стационар — четыре-ста.

Стены в перевязочно-операционном блоке было запланировано промазать глиной и выбелить, а в палатах-землянках отделать мелким березовым лесом. Полы покрыть деревянными решетчатыми настилами. Все помещения соединить между собой траншеями. Земляные работы завершить в течение двух недель.

Личный состав разбили на бригады, между которыми шло соревнование за быстреее выполнение работ на своих участках.

Подъем с шести перенесли на четыре часа утра. Сократили перерывы на обеды и ужины. Работу продолжали до наступления глубокой темноты.

С первых же часов у большинства девочек на ладонях вздулись мозоли. Потом они лопались. Ломило руки, болело и ныло все тело, но начатое дело приостанавливать было нельзя. На отдых времени оставалось совсем немного. Да только это не беда! Ничего, что уставали до чертиков, все равно выкраивали часик еще и на свидание с танкистами, чей корпус дислоцировался рядом, всего за километр от стройки.

С вечера, казалось, все были на месте, а после отбоя одна за другой уходили и уходили.

Как-то в поздний час в палатку зашел дежуривший по части лейтенант Крутов. Осветил фонариком и закричал:

— Что такое, где все?

Я очнулась от яркого света, направленного мне в лицо.

— Где все? — повторил начштаба.

Шуры рядом не было. Когда и куда ушла она, где остальные, я не знала.

Утром девчата покатывались от смеха, рассказывая, как уходили и как возвращались со свидания. Как кого-то чуть не подстрелил часовой. Но кого — не признались. Темная ночь выручила влюбленных.

Наконец, самая тяжелая, трудоемкая работа была позади. Ссегодня, по распоряжению старшины, мы с Шурой едем в лес на заготовку строительного материала.

Палило солнце. В гимнастерках при физической работе становилось невыносимо жарко. Мы попросили разрешения переодеться в одежду, прихваченную из дому. Это были нарядные легкие платья. У Шуры голубое с мелкими желтыми цветочками, у меня — белое с красными маками.

Посмотрел старшина, покачал головой и говорит:

— Эх, девочки, в театр бы вам в этих платьях, а не в лес за дровами. Да, видно, ничего не поделаешь. Вернетесь после победы домой, еще красивее сошьете.

Шура, как заправский лесоруб, ловко подхватила топор, пилу и, уложив их в телегу, уселась рядом со мной.

— Но-о, пошла, дорогуша! — натянула вожжи.

И дорогуша-лошадка повезла нас в лес.

Остановились среди молодых берез. Стоят они, тоненькие, стройненькие, как девушки в белых нарядах на выпускном балу. Подошла Шура, погладила одну, другую и с досадой произнесла:

— Как жаль губить такую красоту! Когда я училась, у школы посадила вот такую же тоненькую березку. Только одну. А спилить сейчас придется без счета. Вернусь домой, насажу много, много.

Прижалась щекой, задумалась, загрустила. В таком настроении я ее видела впервые.

— Перестань расстраиваться. Не мы виноваты, а фашисты. Лучше послушай, как птички поют, заливаются. Посмотри, как хорошо вокруг! Словно никакой войны нет и не было. А мы с тобой в этих платьях будто цивильные барышни на прогулке.

— Хороша прогулочка!

— Ой, мы, кажется, забыли зачем приехали. Строители заждались нас, наверное.

Спиливали березки, очищали их от сучьев, укладывали на телегу, связывали воз веревкой и подвозили к месту стройки.

Другая бригада сколачивала решетки для земляного пола, третья — взамен кроватей, которых было маловато, плела из лозы маты, чтобы уложить их потом на козлы, вбитые в землю.

Последней, тоже необычной для нас работой, занялись сейчас все — от врачей до штабных работников. Конечно же, не была в стороне и Люся-парикмахерша.

Люся Гузенко, высокая, стройная, милая девушка, отличалась безмерно жизнерадостным характером. Своих клиентов она встречала обворожительной улыбкой. Пока брила и стригла, безумолку щебетала. Умела так забавно рассказывать всякие были и небылицы, что слушатели хватались за животы от неудержимого смеха. Она в шутку называла себя самой важной фигурой в части.

На вид нежная, хрупкая, Люся оказалась на редкость выносливой, неунывающей, несмотря на то, что и у нее с рук не сходили мозоли. А сейчас они лозой были ободраны до крови.

— Это тебе не бритву держать! — подшучивали над ней.

А вот еще одна нелегкая работа. О, она хорошо знакома комсorghу Оксане и ее подругам. Они знают, как строят хаты.

Нужно было месить глину, чтобы промазать стены подготовленных землянок, а потом их выбелить. Месили руками и ногами. У всех, кто занимался этим трудом, появлялись цыпки. Все старались, спешили. Не было среди нас лодырей, нытиков, а были отличные работники, добрые и хорошие товарищи.

Замполит Таран частенько подбадривал нас, помогал, взявшись то за лопату, то за носилки. Конечно, у такого богатыря сил — не то, что у нас. Казалось даже, что капитан жалел нас, сочувствовал в том, что тяжеленько достается. Только майор Темкин пока не проявлял особого сочувствия к личному составу. Не таким уж добрым оказался, как определили вначале. Был требователен, строг. Частенько произносил свои излюбленные слова: «Не на курорт приехали, пошевеливайтесь!» Но подгонять не надо было никого. Все знали,

что в любую минуту могут начаться бои. Значит, были заинтересованы в скорейшем окончании всех дел. И спешили.

А вокруг нас шла подготовка к решающему удару по врагу. С наступлением темноты в район предстоящих боев подтягивались воинские подразделения, автомашины с боеприпасами, колонны танков и другая военная техника. С активной помощью жителей прифронтовых мест рылись траншеи, противотанковые рвы, создавались оборонительные укрепления. Все производилось с соблюдением осторожности и маскировки, потому что днями постоянно летали немецкие самолеты-разведчики.

Наконец, строительство подземного госпиталя было завершено. Уложились в срок. Подводя итоги соревнования, замполит сказал:

— Молодцы, девчата! Прямо скажу: нет среди нас побежденных в этом соревновании. На «отлично» выдержали не легкое испытание. А теперь готовьтесь к новым трудностям...

В последнюю тихую ночь я стояла на посту. Вслушивалась в покой леса, вглядывалась в укутывающую меня темноту. У нас, на Урале, летом ночи короткие. Почти их нет. Чуть стемнеет, как на востоке уже начинается рассвет. Здесь же во всю длинную ночь — тьма непроглядная!

Становилось прохладнее. Чтобы согреться, обхожу вокруг палаток, где размещены продовольственный и вещевой склады. Эти палатки стоят под горой, в стороне от всех других. Винтовку держу «наготове». «Не на курорте» все же, усмехаюсь себе. Слух и зрение напряжены до предела. Малейший шорох настораживает. А в лесу их столько! Скорей бы подъем.

Вдруг по лесу разнесся грохот. Что такое? Ага, это танк наших соседей, двинувшийся с места, нарушил чуткую тишину ночи.

Минуту-две спустя за ним последовал другой, затем третий... Лес наполнился сплошным грохотом. И я поняла, что настал час главного события, к чему мы готовились, чего ждали с необъяснимым душевным трепетом.

Было слышно, как головной танк, выйдя на большак, направился в сторону Обояни, а за ним следом, с небольшими интервалами, все шли и шли другие. Какая грозная сила!

Не затих еще грохот танков, как воздух потряс гул орудий. Это было то, что называется канонадой, или артиллерийской подготовкой перед наступлением.

Били уже не зенитки, которых мы наслушались вдоволь, к которым «привыкли». Теперь гремело так, что содрогалась земля и воздушное пространство превратилось в звуковой хаос.

С началом боев сразу же стали поступать и раненые. Да в таком количестве, что можно было и растеряться. Через несколько часов все подготовленные помещения были уже заполнены. Пришлось развешивать палатки. Остро почувствовался недостаток в обслуживающем персонале. Не хватало санитаров, чтобы перенести пострадавших с машин в приемное отделение. Сапожники, плотники, начфин Крутов — все взялись за носилки.

Люди прибывали и прибывали. Кто-то ранен в руку, кто — в ногу, кто задыхался от проникающего ранения в легкие. Кто-то лежал молча, без движения — без сознания, а кто стонал, страдая от невыносимой боли. И хотелось поскорей помочь каждому.

Сутки и вторые не выходят из операционной и перевязочной врачи и сестры и все же не могут своевременно оказать помощь всем раненым. Их поступает во много раз больше, чем успевают за это время перевязать или прооперировать сотрудники госпиталя.

Ведущий хирург Б. Д. Окс вызвал меня в операционную, где тоже не хватало работников. Операции шли пока только на двух столах. За первым оперировала Чигогидзе. Помогала ей Миля Бойкова.

У второго стерильного стояла Шура Гладких. Оперировали капитан Окс и Ирина Васильевна Кабакова. Она — молодой врач, пришедшая только с институтской скамьи. Работу начинала под руководством ведущего хирурга.

— Займи место наркотизатора, — говорит мне капитан Окс, смазывая йодом операционное поле на бедре больного.

Целый день даю наркоз. Это я делаю впервые. Потому беспокоюсь, не дать бы человеку эфира больше, чем положено. Заметила, что чуть сбавишь дозу, как больной начинает просыпаться. Значит, надо понемногу добавлять почти до конца операции.

— Хорошо даешь наркоз, наверное, опыт большой имеешь? — поинтересовался ведущий.

— Первый день провожу опыты, доктор.

— Тогда молодчина!

Капитан Окс — выше среднего роста, крепкого телосложения, с большими сильными руками. На вид кажется чересчур серьезным и даже сердитым человеком. Мы с девчатами его стеснялись и почему-то побаивались. Только сейчас узнаю, что он вовсе не сердитый и не страшный. Очень даже простой и веселый. Шутит и подбадривает всех, чтобы не уснули. Особенно Ирину Васильевну, чтобы она крепче держала в руках скальпель. Подсказывал и помогал ей во время операции. И, смеясь, рассказал даже о том, как девчонки «расшифровали» его фамилию и теперь называют «отделом капитального строительства». А мы думали, что он об этом не знает. Интересно, кто ему мог сказать?

Чуть успели закончить операцию — удалить большущий осколок, застрявший в ягодице, как занесли бойца с проникающим ранением в грудную клетку. Он в тяжелом, критическом состоянии. Задыхается. Воздух со свистом проходит через рану в легком.

Теперь за скальпель берется ведущий, а Ирина Васильевна становится его ассистентом.

Операция таким больным проводится под местным наркозом. Ткани вокруг раны обезболивают, обкалывают новокаином.

Человек задыхается. Надо спешно ушить рану. Но это не просто сделать. Чтобы добраться до легкого, прежде нужно «скусить» ребро, а может, и два. Время идет. Хирург плотно

закрывает рану стерильной марлевой салфеткой и просит подышать:

— Отдохни, голубчик.

И снова работает. Уже на легком. Вместе с раненым задышались все, кто здесь присутствует. Всем трудно дышать.

Временами у оперируемого начинают синеть ногти рук и ног от недостатка поступающего через легкие кислорода. За этим надо постоянно следить. Тогда хирург снова скажет, закрыв отверстие в легком:

— Еще подыши, дорогой мой. Теперь уже недолго терпеть осталось.

И все облегченно вздохнули, когда закончилась операция.

Прошла неделя напряженного труда. Нагрузка оказалась слишком тяжелой для неопытного и немногочисленного коллектива госпиталя. Весь личный состав работал по двое-трое суток, не покидая своих постов. Кто не выдерживал, уходили всего на два-три часа, чтобы чуть передохнуть, и снова возвращались на рабочее место. Требовательный и скупой на похвалу майор Тёмкин и тот высказал свое восхищение.

Это была настоящая боевая страда для молодого коллектива. За эти дни я не раз вспоминала свою работу в тылу и думала о том, что, конечно же, я здесь нужнее.

Линия боевых действий передвинулась вперед, и поступление раненых резко сократилось. Нам срочно предстояло свернуть свое хозяйство и двинуться вслед за наступающими войсками.

Машин мало. Всего две. И потому, пока они перевозят имущество на новое место работы, медперсонал пойдет на помощь коллективу ХППГ-5149, который теперь был впереди нас и тоже оказался в затруднительном положении в связи с большим поступлением раненых.

Врачи и сестры, перекинув за спину вещевые мешки, отправились в путь пешком. С утра день был ясным, но через несколько километров пути небо нахмурилось. Пошел мелкий затяжной дождь. К вечеру дороги были размыты и размешаны в жидкую кашу военным транспортом.

Одежда на нас промокла. Ботинки наполнились грязной жижей, и в них хлюпало. Проходящие машины то и дело обдавали нас с головы до ног грязными брызгами. Все были серьезны и задумчивы. По такой дороге быстро устали и вдобавок некоторые намозолили ноги. Пришлось нам сбавить ход.

Когда стемнело, вообще невозможно стало идти. Мы то и дело сбивались с тропы и проваливались в грязь по колено, не зная, куда отвернуть от машин, идущих без света прямо на нас.

Первый поход оказался не из приятных. Шли и сочувствовали бойцам-пехотинцам, которые постоянно, в любую погоду, находятся в окопах или переходах. Вот где требуется запас терпения и выносливости!

С приближением к линии фронта усиливался артиллерийский гул, разгоралось зарево. Небо становилось кроваво-красным от пожаров и постоянных вспышек зарниц. Мне казалось, что подошли уже очень близко к переднему краю, а тянуло еще ближе. Так хотелось заглянуть — что же там происходит?..

Госпиталь был переполнен ранеными. Сбросив промокшие гимнастерки, чуть отмывшись от грязи и наскоро перекусив, мы приступили к работе.

В операционной, развернутой в полуразрушенном здании, группа медиков словно бы не замечала того, что происходило за стенами дома. Здесь перевязки и операции шли на восьми столах. Готовясь к пятиминутному сну, «раз-два-три...» считает раненый. Другой, просыпаясь, но еще находясь под действием наркоза, почему-то бранится и плачет, а третий — поет песни...

То тут, то там стучат о маленькие эмалированные лоточки только что удаленные из ран осколки и пули. Очнувшись от наркоза, раненые забирают их на память, называя сувенирами или трофеями. Некоторые из фронтовиков с первых дней войны уже не раз побывали в госпиталях и теперь хвастаются коллекцией таких сувениров.

В предоперационной одновременно перевязываются десятки людей с более легкими ранениями, кто может самостоятельно передвигаться и сидеть.

Большинство ран обрабатывается не простой перевязкой, а при помощи скальпеля. Обрезаются загрязненные и рваные края, чтобы скорее заживали. Рассекаются маленькие отверстия, где сидят осколки или пули. Эти операции проводятся под общим наркозом. Эфира дается совсем немного, чтобы человек не чувствовал боли, пока ему производится эта несложная процедура.

Для ясности нужно сказать, что в полевых госпиталях никакие раны — ни малые, ни большие и даже культы после ампутации конечностей — не зашивались. Все ранения считались загрязненными и после ушивания давали бы больше осложнений. Порой вместе с пулей или осколком глубоко в мышцы проникали большие клочья ваты от телогрейки или стеганых брюк — значит, рана не могла остаться чистой.

Первое время жутковато было снимать бинты, пропитанные кровью. Старалась все делать осторожно, чтобы не причинить боль, которая как будто передавалась мне. Мучительно жаль было каждого человека, еще несколько часов назад здорового и только что вышедшего из боя раненым, покалеченным, изуродованным. Понимая мои щадящие действия, сами пострадавшие подбадривали:

— Ничего, сестричка, смелее. Остались живы, а это перетерпим.

Нельзя было не удивляться, как и что они только не пертерпевали, сжав кулаки, скрипя зубами, теряя сознание.

Иной раз откроешь рану, а потревоженные сосудики забьют фонтанчиками тебе в лицо, на халат.

Некоторым воинам перевязка сделана на поле боя. Использован индивидуальный пакет. А некоторым — в медсанбате, который расположен впереди полевого госпиталя. Там, кроме экстренной помощи, на каждого заполняют маленькие медицинские карточки, где описывается характер ранения и оказанная им помощь. С тяжелыми ранениями, угрожающи-

ми кровотечениями, нуждающимся в неотложной помощи, на таких карточках значится красная полоса по диагонали. И при поступлении в полевой госпиталь сразу видно, что человека без задержки нужно отправить на операционный стол. Это со жгутом, который больше двух часов держать нельзя: наступает омертвление тканей. Обязательно указывается время его наложения. Человеку со жгутом мучительно терпеть и ждать, когда он избавится от сжимающей, до неприятной боли, резиновой трубки. Однако приходилось терпеть. Потому что здесь не маленькие фонтанчики, а кровь была из крупных сосудов, угрожая жизни.

Без промедления идут на операционный стол с проникающими ранениями в грудь, живот, череп.

Все это и многое другое я узнала, казалось, в течение одного длинного дня, а на самом деле прошли сутки и вторые, а мы продолжали работать, забывая поесть. Отдых же вообще казался невыносимым. Как можно было уйти, когда сотни людей ожидали нашей помощи! Так и ходили мы с куском хлеба в кармане халата.

Порой линия фронта словно бы приближалась к нам. Звуки пулеметной стрельбы сливались с непрерывным грохотом орудий.

Вдруг к привычному гулу присоединился какой-то еще. Над нами завывали и с душераздирающим свистом начали проноситься самолеты.

— Воздушный бой идет, — пояснил раненый, которого я перевязывала.

Самолеты то и дело один за другим пикировали над домом, и казалось, что вот-вот врежутся в операционную. Временами от этого невыносимого свиста хотелось запрятаться куда-нибудь, как в детстве, хотя бы под стол, на котором лежал больной. Это было самое близкое «укрытие».

— Ура! — радостно закричали под окном ребяташки, наблюдавшие за воздушным боем.

Подбежав к открытому окну перевязочной, чтобы обрадовать и нас, они в несколько голосов сообщали:

— Загорелся, загорелся немецкий!

А босоногий мальчуган лет четырех, еле выговаривая слова, ругался:

— Так вам и надо, фашисты плоклятые!

Ах, эта детвора! Ничего-то они не боятся. Из глубокого тыла бегут на фронт. Эвакуированные из прифронтовых мест, с нетерпением ждут отступления немцев и возвращаются по домам чуть ли не первыми, хотя находиться там еще небезопасно. Поблизости идут бои. А эти пережили оккупацию. Всего повидали, и теперь им никто не страшен. Любопытство заставляет их быть всюду первыми. Увидеть и узнать о происходящих событиях раньше и больше, чем взрослым.

...Уже глубокая ночь. В операционной светло. Над каждым столом висит и светит яркая электрическая лампочка. Ток она получает от движка, установленного на машине, в нескольких метрах от операционной. Окс заканчивает обработку раны последнему бойцу. Удивляемся: почему не подвезли раненых из приемного отделения?

— Пойдемте подышим свежим воздухом, — предложил капитан. — И ты, деточка (так звал он меня), сколько уже работаешь и все на ногах. Смотри, не упади. Пошли.

Садимся на аптечные ящики, составленные вдоль стен, при входе в здание. Ноги гудят. Во время работы не присядешь.

— Ну как, здорово устала? — спросил Окс.

— Не-ет.

— Правильно. Не надо признаваться. Так говоришь, до этого с наркозом не работала?

— Нет. Раньше не приходилось.

— Нравится?

— Нравится. Только все думаю, что надо на себе испытать наркоз. Узнать, что чувствуют в это время больные.

— Ну, это совсем не обязательно.

— Любопытство разбирает, товарищ капитан. Вообще считаю, что медикам многое надо испытывать на себе.

Ведущий смеется над моими доказательствами, спорит.

Заметили, что канонада стала доноситься глуше. Значит,

наши погнали врага... Ночь сегодня светлая, с полной луной. В низинке, на лугу, течет то ли ручей, то ли маленькая речушка, поблескивая при свете луны. Днем здесь очень красиво. Как большой зеленый ковер, раскинулись луга с душистой травой и цветами, больше желтыми. А дальше — леса, леса...

Прибыл санитар из приемного отделения. Сообщил, что раненых кормят ужином, потому и создалась для нас передышка. Обрадовал тем, что поступление сократилось. Это значит, может, завтра же отправимся вперед.

Время шло к рассвету. Луга покрылись молочной пеленой, которая начала подниматься кверху, к операционной.

Привезли раненых.

В САНПОЕЗДЕ

Далеко позади осталась Курская дуга. Коллектив госпиталя продолжает шагать по фронтовым дорогам. Сейчас нам предоставлена передышка, но отдыхать будут не все. Шура и Миля Бойкова, Оксана, Валя Лашук и я поедем в ХППГ-4345, в распоряжение подполковника Ерофеева. Будем сопровождать раненых.

Во время боев раненые поступали непрерывно. Порой в течение суток принимали по несколько сот, до тысячи человек. Естественно, не всегда позволяли условия разместить такое количество пострадавших, и потому нужно было так же постоянно освобождать места для прибывающих — эвакуировать в тыловые госпитали тех, кому уже оказана помощь.

Эвакуацией раненых в тыл занимались специальные ГОПЭПы — головные полевые эвакуационные пункты, которые располагались вблизи железнодорожных станций, где формировались санитарные поезда и куда направлялись раненые со всех армейских госпиталей.

А если какой-то из полевых оказывался рядом с железной дорогой, то он сам формировал санлетучки. С одной стороны это было хорошо. Сокращались пути и время для отпра-

ки раненых, а с другой — плохо, тревожно, потому что почти все станции подвергались бомбардировкам.

Фашисты не признавали флаги и знаки с красным крестом на зданиях, которые должны были щадить по международным законам и условиям. Они одинаково расправлялись и со здоровыми, и с ранеными, и с медперсоналом — что на земле, что с воздуха.

Госпиталь, куда мы прибыли, находился на станции Бровары, под Киевом. Оказалось, что на сей раз ХППГ-4345 выполнял обязанности головного эвакуопункта и занимался формированием санпоездов.

— А, старые знакомые прибыли! — весело встретил нас во дворе подполковник Ерофеев. — Ну, девочки, с ходу получите ответственное задание: поможете погрузить на санлесточку раненых, а потом поедете сопровождать их в тыл. Определенного адреса не даю. Где примут, там и оставите.

Станция находилась в километре от госпиталя. Тут было оживленно, шумно. Раздавались стоны раненых, фыркание машин, покрикивание шоферов, которые просили освободить дорогу. Стоял состав с товарными вагонами, оборудованными нарами.

Машины, на которых мы прибыли, подошли задним бортом вплотную к вагону, и мы с Шурой, взявшись за носилки, стали переносить и перекладывать больных на разостланную солому.

Машины шли и шли. Мы переходили из вагона в вагон и снова брались за носилки. На ладонях вздулись мозоли. Руки натянуло так, что порой казалось, не удержу больного.

Иной раненый скажет:

— Дочка, я очень тяжелый. Тебе не поднять. Попроси кого-нибудь помочь.

— Ну что вы, я сильная. Справлюсь.

Тут подвезли людей на подводах. Еще трудней стало снимать носилки с телеги и поднимать их до уровня пола вагона, выше своего плеча. Вспомнились слова мамы: «Побереги себя». А как?

— Сестра, что вы делаете?! Неужели для такой работы в госпитале нет мужчин? — возмутился раненый.

А подошедший начальник санлечучки капитан Михайлов подгоняет:

— Побыстрее, девчата! Надо успеть отправить эшелон, пока не появились вражеские самолеты.

Закончив с погрузкой, распределились по вагонам, которых досталось по семь на каждую. Получив инструктаж, советы и наставления начальника эшелона, мы отправились по своим владениям.

Люди лежали на полу, справа и слева, и также сверху — на нарах. Внизу потяжелее — большинство ранены в нижние конечности, с шинами, а сверху — полегче в том смысле, что могут самостоятельно спуститься и ходить.

Обошли все вагоны — познакомилась. Договорились без шума ждать прихода сестры или санитаря.

На остановках, проходя мимо вагонов, спрашиваю, все ли тут в порядке, отвечают:

— Полный беспорядок — соскучились. Посидите с нами, сестренка.

Когда поезд шел, наблюдались оживленные разговоры, шутки. Чуть задерживался на остановках, как начиналось беспокойство, расспросы «почему не отправляют?». Иногда улавливала приближающийся заунывный гул вражеского самолета и спешила в двадцать седьмой, где лежали больные потяжелее состоянием. Не давая им навести ухо на звук, плотно закрывала двери и заговаривала:

— Чего приуныли? Может, споем — поезд скорей тронется.

— Споем, сестричка, с удовольствием, — ответили, как это было в первый раз, и кто-то из них запел приятным баритоном:

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали...

И грянул хор, от красоты которого у меня мурашки по спине побежали. Я сидела на полу, прислонившись к стенке вагона, и слушала. Охватило волнение, и навернулись слезы.

И непрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...

Я думала об этих людях, отважных фронтовиках, которые в настоящий момент были беспомощны. Они потому и прислушивались, не летит ли фашистский бомбардировщик. Ведь жить так хочется! А песня сейчас для них кстати, как отвлекающее средство.

Я радовалась тому, что нашла выход из затруднительного положения. Нашла связь с людьми, подружилась с ними, и песня поможет нам коротать дорожное время.

Ближе к фронту, на расстоянии от двух до пяти суток езды, все госпитали были переполнены, и нам советовали:

— Везите дальше. Вы же на колесах.

Санлетучка уходила глубже в тыл, и снова выручала песня.

...Паровоз резко затормозил. Шли восьмые сутки пути со дня нашего отправления, когда поезд прибыл на станцию Тамбов. Здесь наш эшелон уже встречали сотрудники местных госпиталей и представители городских общественных организаций. Было подано множество санитарных и грузовых автомашин...

Закончив с процедурой передачи раненых, капитан Михайлов покинул нас, приказав всем оставаться в штабном вагоне, где будут находиться медикаменты и все госпитальное имущество. Сказал, что вагон попутными эшелонами будет доставлен к месту назначения, в Бровары.

УРА, КИЕВ СВОБОДЕН!

Вот и Бровары. Привычная фронтовая обстановка. Бои идут за Днепр.

Валя Лашук, старшая по группе, доложила подполковнику Ерофееву о выполнении задания, рассказав и о дорожных приключениях.

— Огромное спасибо, девчата, за помощь. Сегодня отдохайте, а завтра отправляйтесь к своим.

...Проснулись от свиста бомбы. Раздался взрыв, второй... С потолка посыпался мусор. Пыль залепила глаза.

— Никакого покоя, — ворчит Шура, устраиваясь поудобней.

Самолет снова делает разворот, и опять засвистели бомбы.

— Девчонки, выйдем, пожалуй. Дом разнесет — не выберемся. Я в ответе за вас все же, — произносит Валя.

Во дворе оказалось множество народу. Все о чем-то оживленно говорили, что-то обсуждали, посматривая на дорогу, ведущую на Киев, на небо и зарево над лесом, туда, откуда доносился непрерывный гул орудий.

Мы удивились тому, как светло стало на улице, несмотря на поздний час, словно над нами повесили светильник, хотя и тускловатый, но огромной величины.

Из разговора поняли, что наши войска форсировали Днепр, что бои идут за Киев, что он объят огнем, потому горит и небо, потому светло и на земле.

От напряженной обстановки, от возбужденного поведения людей пробивала дрожь, одолевали слезы. Боже мой, сколько же там сейчас лежит раненых! А сколько погибших! Да когда же все это кончится — и бой за Киев, и вообще война?!

Неожиданно из-за леса вынырнула машина, на крыле которой стоял человек.

— Ре-бя-та-а! Киев освободили! — радостно закричал он, на ходу прыгивая с подножки.

— Ура, ура! — раздалось со всех сторон.

Машина остановилась, и ее тут же окружили, осыпая вопросами сидящих в ней людей. Раненый с перевязанной рукой плакал навзрыд.

— Ну что ты, друг, радоваться надо. Скорее своих навестишь. В Киеве у него семья в оккупации оставалась, — пояснил успокаивающий, должно быть, сосед по госпитальной койке. В это время прибывшие наперебой рассказывали о форсировании Днепра, о штурме города, о том, что фашисты при отступлении все уничтожают и жгут, беспощадно грабят и убивают жителей...

Хозяйство Тёмкина оказалось в местечке Бобрик. А четыре дня спустя машины, груженные госпитальным имуществом, приближались к Днепру.

Бесконечным потоком медленно продвигается военная техника, танки, пехота, за много километров выстроившись в ожидании очереди на переправу через Днепр. Каких родов войск здесь только не было! Все спешат за Днепр, теперь уже за Киев, на Житомирское направление, где продолжаются бои.

С замиранием сердца смотрим на «Днепр широкий». Вот ты какой! Нелегко было войскам преодолевать твои воды под огнем противника. Говорят, что во время форсирования кипела, пенилась вода от шквального огня со стороны вражеской обороны. Словно и до сих пор еще не успокоилась река. Казалась хмурой и злой. Холодные серые волны то и дело перекатывались по ее поверхности, заплескиваясь под колеса машин, проходящих как по щучьему велению развернувшемуся понтонному мосту.

Мы увидели город разрушенным, с заваленными и непроходимыми улицами. Местами так разбиты были кварталы, словно здесь непрерывно, прямой наводкой били из орудий, чтобы до основания разрушить не только дома, но и на мелкие обломки раздробить каждый кирпич. Таким оказался центр Киева — Крещатик.

Колонна машин остановилась у дома номер сорок четыре по улице Львовской, по соседству с Покровским монастырем. Во дворе, окруженное старыми соснами, стоит большое четырехэтажное здание. Его-то и надо готовить к приему раненых.

Как всегда, в первую очередь для уборки помещений нужна вода. Надо бы и умыться с дороги. Нестерпимо хотелось и пить после сухого обеда. Но город жил без воды, без света и тепла. Решили обратиться к соседям.

Мы с Шурой перешли улицу напротив и постучали в парадную дверь. Открыла маленькая сухонькая старушка лет семидесяти.

— Заходите, доченьки, заходите.

— Бабуся, нет ли у вас воды напиться? Или подскажите, пожалуйста, где ее взять?

— Вода-то у меня есть, да несвежая. Еще при немцах приносила. Перед уходом взорвали водопровод, водокачки.

Тем временем она открыла массивную дверцу старинного буфета с резными украшениями и с большой осторожностью с нижней полки достала наглухо закрытую крышкой литровую стеклянную банку, до половины наполненную водой.

— Вот, доченьки, пейте, — подала нам банку, сняв крышку.

— Бабуся, так у вас воды мало. Оставьте себе. А мы найдем и принесем вам свежей.

— Спасибо. Не беспокойтесь. Теперь без воды не умрем.

Шура взяла банку, поднесла ко рту и отдернула. Передала мне. Из банки шел застойный болотный запах, от которого чуть не стошнило. Пить было невозможно, но мы приложились к банке, задержав дыхание, сделав вид, что смочили во рту.

Бабуся просила посидеть, но мы объяснили, что сейчас некогда. А чуть освободимся, станем навещать. Как только появилась машина с флягами, наполненными водой, мы с Шурой, набрав в два котелка, побежали в дом напротив, к той самой бабуся.

— Не думала, что увижу своих. Не надеялась, что доживу до светлых дней освобождения, — говорила хозяйка, — не ожидала, что в жизни своей еще придется испытать великую радость. Ведь стара я, а пережить пришлось такие муки и страхи. Не дай бог, чтобы когда-нибудь еще повторились такие беды.

Она рассказала нам о том, как погибла ее сестра. А мы, слушая, представляли такую картину.

По обледеневшим улицам с большой осторожностью друг за другом передвигались люди. В одном направлении — с порожними кувшинами, чайниками и другими небольшими сосудами, а навстречу — с наполненными водой. Брать ее раз-

решалось не более трех литров. Потому создавалась очередь — непрерывное движение людей.

Дороги залиты. Скользко. Кое-как переставляла ноги старушка, бережно поддерживая кувшин с водой. Забавное зрелище для немецкого офицера! С наглой усмешкой он посмотрел ей вслед. Ему, должно быть, захотелось позабавиться. Вернулся и ударил по дну кувшина. Вода расплескалась, но сосуд остался в цепких руках хозяйки. Фашист, неудовлетворенный, подножкой сбил старуху с ног. Падая, она старалась удержать кувшин с драгоценным содержимым, чтобы хоть сколько-нибудь донести до дому, где ждала больная сестра. Ведь пройдено уже более половины пути.

Но немец, взбешенный, вырвал кувшин и выплеснул из него воду в лицо лежащей. Потом стал яростно пинать, топтать ее сапогами. Натешившись, пошел было прочь, да, словно вспомнив что-то, вернулся и выпустил из пистолета всю обойму в изуродованное и без того уже безжизненное тело старушки.

Мимо шли люди с водой и без воды. Одни смотрели, чтобы запомнить, другие отворачивались, чтобы не видеть зверства, и спешили удалиться, чтобы избежать подобной участи.

Той старушкой была уважаемая учительница, пенсионерка, сестра нашей знакомой бабуся.

— Мы обе учительницы, — рассказывала бабуся. — Сестра помоложе меня. Я ее берегла, чтобы немцы на работу не отправили, — продолжала старушка, — все сама ходила за водой. А тут заболела. Лежала с температурой, в забытьи. Очнулась, позвала сестру — она не ответила. Меня мучала жажда. Просила пить, когда приходила в сознание. Но ко мне никто не подходил. Не знаю, сколько пролежала в бреду. Когда опомнилась, мне показалось, что сестры нет уже давно. Постучала в стенку. Пришли соседки. Выходили меня. А она все не возвращалась. Когда я сама смогла пойти за водой, то встретила приятельницу, которая мне и рассказала о том, как погибла сестра. Даже не похоронила я ее, бедную. Такое горе!

От бабуся мы впервые услышали о страшной трагической истории — массовом расстреле жителей города в Бабьем Яру, где тысячи людей были погребены заживо, где колыхалась и стонала земля от задыхающихся жертв.

Снова лечим и долечиваем, встречаем и провожаем раненых. Передовая фронта отошла далеко, а мы все продолжаем работать в Киеве.

— Сколько еще будем загорать? — с нетерпением спрашиваем начальника.

— А здесь вам не война?!

Это верно. Тоже война. Вражеские самолеты каждую ночь беспокоили жителей города. Несмотря на непрерывный грохот и тревожную обстановку, перед людьми открывалось красивейшее зрелище. Темное небо, словно огромный цирковой купол, расцветивалось яркими радужными цветами трассирующих пуль, летящих в одну точку, к центру.

В новогоднюю ночь вражеские самолеты пытались во что бы то ни стало прорваться к городу, но защита была надежной — ни один не прошел. Тревожные фейерверки войны не помешали нам в относительно спокойной обстановке встретить новый, 1944 год.

ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ

Фронтовые дороги ведут нас все дальше. Колонна машин проходит по городам и селам, в большинстве своем значительно пострадавшим от войны. Всюду встречается огромное количество брошенной при отступлении противника боевой техники, автоматов, винтовок, воткнутого штыком в землю.

Когда передовые части, преследуя врага, продвигаются быстро, мы за неделю работы отстаем на сотни километров и догонять приходится поездом. На более короткое расстояние или там, где нет железной дороги, — автотранспортом. Сейчас в госпитальном автопарке находится уже около двух десятков отремонтированных трофейных машин и два автобуса для перевозки людей.

Не испытывали мы удовольствия от переездов в эшелонах. Может, потому, что зачастую сопровождали нас в пути вражеские самолеты. Ведь каждый налет создавал тревожную ситуацию, хотя никого из нас не трясло от страха.

Вот и сейчас, в Киеве, погрузку в эшелон закончили в сумерки, а только успели отъехать за город, как началось преследование вражеским самолетом.словно бы он тут и висел, ожидая момента отправки.

— Выходи из вагонов! — раздается команда.

Куда бежать? Темно. Повсюду вдоль дорог стояли дощечки со знаком «Заминировано».

— От пули спасешься, — на mine можешь подрваться, — зло ворчит кто-то из мужчин.

И все-таки спешим отойти к лесу. А нам ужасно надоело бегать из вагона и снова в вагон. Мы с Шурой решили не выходить. Будь что будет!

С прибытием на узловую станцию Фастов, слышим, воеет сирена: воздушная тревога! Тут же засвистели бомбы. Люди из вагона разбежались. А мы сидим на полу, на соломе, прижавшись друг к другу. Самолет снова шел в пике...

Кто-то бежал вдоль эшелона и кричал, приостанавливаясь:

— Эй, есть тут кто-нибудь?

— Есть! — подбежали мы к двери.

— Врачи?

— Нет, медсестры.

— Какого черта здесь делаете? Марш в бомбоубежище!

— Может, лучше вам поможем?

— Нет. Нужны врачи.

Врачей и операционных сестер с нами не было. Они еще утром из Киева выехали машинами в Брусилов. Там требовалась экстренная помощь.

В воздухе опять завыл самолет, снижаясь. Другой в противоположном конце поезда обстреливал скопившиеся эшелоны.

По другую сторону разрушенного вокзала находилось бомбоубежище. Оно было ближе других укрытий, и когда объ-

явили воздушную тревогу, пассажиры близстоящих эшелонов поспешили туда. И надо же было случиться такой беде — упасть первой бомбе в гущу столпившихся у входа людей. Туда-то и должны были спешить врачи. Там нужна помощь десяткам, а может, и сотням пострадавших.

Говорят, что здесь сегодня произошло самое страшное событие за все время войны.

Побежали к месту трагедии и мы.

Здесь раздавались стоны, крики отчаяния, плач людей, проклятия в адрес фашистов.

«Мамочка, роденькая моя, видела бы ты, что здесь происходит!»

Мы с Шурой подхватили носилки, куда только что положили тяжелораненую девушку, и отнесли ее к медпункту, где десятки врачей уже приступили к оказанию помощи. И снова — на место происшествия.

Взяли под руки и повели раненного в ногу лейтенанта. Довели и обратно...

— Темкинцы, по вагонам! Поезд отходит! — услышали голос старшины.

Пришлось спешить к вагону, который находился впереди, далеко за пределами станции.

Долго не могли успокоиться от пережитого кошмара. А под утро на одной из станций состав снова задержали.

— Дальше ехать нельзя. На большом участке разрушены пути.

Эта небольшая станция почему-то не охранялась зенитками. Как рассказывают жители, вражеские самолеты, зная, что им ничего не угрожает, прилетали и нагло носились над головами людей, над эшелонами, чуть ли не касаясь крыш вагонов, и били из пулеметов в упор.

— Выгружайся! — объявил старшина.

Кроме нашего хозяйства, несколько вагонов занимали вещевые склады управления и еще какие-то воинские подразделения. Соседи-спутники свое имущество перекладывали из вагонов прямо на перрон, вдоль железной дороги.

Майор Темкин не последовал их примеру.

— Вон видите лесок? — удивил он вопросом. — Все будем переносить туда.

Лесок, молодой березник, находился метров за триста. Мы с досадой посмотрели на начальника. Показалось, что он создает нам лишнюю нагрузку.

Только успели переместить имущество в указанное место, как неожиданно из-за леса появились два стервятника и пошли над землей поливать из пулеметов. Потом один из них поднялся и пошел в пике... Полетела бомба...

Мы увидели, как загорелось выгруженное на перрон. Люди пытались погасить огонь, разбросать горящие вещи, но пулеметные очереди не давали им приблизиться...

Мало что удалось спасти от огня, кроме того, несколько человек из наших спутников получили ранения.

Мы же поняли, что напрасно обижались на своего начальника. А он ходил, нервничал и повторял:

— Вот видите, я им советовал — они не послушались...

С нами следовала, погруженная на платформу, только одна автомашина. Темкин, пообещав, что скоро придет за нами транспорт, захватил с собой старшину и еще несколько человек, необходимых для организации работы на новом месте, уехал на ней. Мы остались на попечении начфина Крутова.

Эх, дороги, дороги... Фронтовые дороги! Сплошные препятствия, приключения и неожиданности. И ужасно досадно, когда спешишь, а тебя задерживают непредвиденные обстоятельства.

Не идут за нами машины. Уже неделю «загораем» на опушке леса. Вот, наконец, появилась, но только одна, к нашему удивлению.

Мы с Шурой обрадовались. Захватив вещмешки, поспешили занять место в кузове. А приехавшие шоферы — завгар Тимошенко и Сапрыкин — заявили, что, ничего, мол, не выйдет, людей брать не велено, что прибыли только за хозяйственным мылом.

— Как это не велено? — возмутилась Шура. — Мыло нужнее или люди? Там, наверное, задыхаются от работы, а мы тут дурака валяем!

— Раз послали за мылом, значит, нужнее мыло.

— Нет. Вы как хотите, а мы поедем с вами, — заявила Шура и заняла место в кузове...

В деревню Зозулинцы, где расположился наш госпиталь, мы приехали одновременно с фельдшером Николаем Дунаевским.

Обстановка здесь была «веселой», как и предупреждали шоферы. Казалось, совсем близко били орудия, раздавались пулеметные очереди...

— Девушки-дорогуши, никуда не уходите, — такими словами встретил нас старшина Блохин, — чувствуете, что происходит вокруг? Сейчас раненых к станции станем переправлять.

Зашли в штаб. Не успели доложить о прибытии, как услышали распоряжение начальника:

— Гладких и Никулина, приготовьте шприцы, бинты — все, что может понадобится в дороге для оказания помощи. Пойдете сопровождать раненых. Уже идет погрузка людей на подводы. В помощь себе возьмете Марию Гуляеву, а ответственность возлагается на лейтенанта Дунаевского...

Итак, январскими сумерками сорок четвертого года по ухабистой прифронтовой дороге двинулся санитарный обоз из двадцати шести подвод.

Снегу мало. На санях нельзя. А какво же трястись, лежа на телеге, да еще тяжелораненому. Слышались стоны, брань.

Сопровождавший местный житель-старичок шагал рядом с передней подводой, а я перебегала от повозки к повозке.

— Скоро ли доберемся, сестра? — спрашивали меня.

— Скоро, скоро. Потерпите немного, — успокаивала я, хотя сама не знала, когда настанет это «скоро».

Обоз прибыл в село Юзефовка.

— Вот вам «гостиница», а вот «перина», — сказал сопровождавший, показав на церковь с разбитым куполом и стог соломы во дворе.

Часть подвод остановилась, а остальные, в сопровождении лейтенанта и Шуры, ушли куда-то к школе. Со мной осталась Маша. Мы с ней при свете зарева поспешили осмотреть помещение. Там царил мрак. В маленькие окна, расположенные высоко у потолка, плохо проникал свет — на полу ничего не было видно. Можно было только догадаться, что полно пыли и грязи. Надо как можно больше наносить соломы и разостлать ее по всему полу.

Окружающая обстановка почти не изменилась, и раненые забеспокоились, когда их стали перекладывать на носилки.

— Это что.— ваш тыл?

— Машенька, люди на подводах замерзли. Пошли скорее еще за «перинами».

Не успели переложить с повозок, как прибыли раненые с передовой.

— Куда нас привезли? — возмущались вновь прибывшие. — Почему не отправляете дальше? Где начальник госпиталя?

— Успокойтесь, товарищи. Пока — это наш тыл. Завтра начнем эвакуировать.

— Завтра будет поздно. Скоро враги сюда придут.

— Товарищ больной, без паники, пожалуйста. Не придут сюда враги. Я верю в силу нашей армии.

— Вы меня не успокаивайте и не доказывайте. Я только что был там и потому не хочу оставаться здесь.

— Хотите оставаться или нет, дорогой мой, а придется. Пока что весь госпиталь представляем мы вдвоем вот с этой девушкой Машей. А начальник и все остальные находятся еще ближе к передовой, где не одна тысяча раненых.

Прибывшие с азартом, по-мужски, рассказывали о бое, о положении на переднем крае. Зная об угрожающей обстановке, беспокоились вдвойне, потому что сейчас они были безоружны и беспомощны.

— Ну, смотри, сестрица, на тебя вся надежда. Теперь ты — наше оружие и защита, — высказался один.

Это, конечно, было сказано в шутку, но я задумалась над словами больного, и стало страшновато. Действительно, случись что непредвиденное, что мы с Машей сделаем? А, откровенно говоря, у меня и мысли не зарождалось, чтобы наши не удержали оборону.

— Ничего, ребята, это место святое. Бог милостив и в обиду не даст уже пострадавших, — пошутил один из раненых.

Спасибо шутникам. С этими словами потом встречали всех, кто прибывал и требовал немедленной отправки в тыл.

Все свободные места на полу были заняты. Остались более почетные, возвышенные, такие, как, например, алтарь да сидения, сооружаемые по подстенкам для уставших во время моления. И здесь разложили солому и стали укладывать людей.

Всюду раздавались стоны. Просили подойти.

— Сестра, сделай укол. Нет терпения.

— У меня кровь сочится через повязку.

— Сестра, воздуху не хватает... — звал только что прибывший раненный в грудь.

Нужно спешить на каждый зов. Сделать все возможное, в этих условиях, в потемках.

Раненный в грудную клетку задышался. Требовалась срочная операция. А тут не только операцию, но и перевязку нельзя было сделать по-настоящему. Наложила давящую повязку, забинтовала покрепче, да облегчения было мало.

Хотя бы лейтенант пришел. Он где-то Шуре помогает. Она совсем одна...

Ух, какая длинная ночь! Скорей бы наступало утро!

Выбежала за очередной охапкой соломы, и тут же захотелось закрыть глаза, чтобы не видеть происходившего вокруг. Звуковой кошмар не утихал. Хотя январь стоял на дворе, а снегу было мало, земля казалась черной, а воздух и небо — в огне. А тут еще при вспышке орудийных залпов неподале-

ку высветило группу людей, похожих на вооруженных автоматами. «Может, это фашисты-разведчики. Неужели придут?!» — промелькнуло в голове.

Обхватив руками как можно больше соломы, поспешила к раненым, где темнее и тише. В работе, в столах да спорах окружающая обстановка ощущалась не так остро.

Настолько плотно уложили людей, что ступить ногой, казалось, не было места. А они все прибывали.

Снова перехожу от одного к другому, ощупывая пульс, проверяя повязки — нет ли кровотечения. Делаю уколы — сердечные и обезболивающие. Повыше укладываю раненных в грудь, чтобы легче дышалось, делаю многое другое, что может облегчить страдания людей.

Под утро меньше стало поступать раненых.

— Ну, как там? — с нетерпением спрашивали новичков.

От прибывших последними узнали, что обстановка изменилась к лучшему. Кажется, закрепили линию обороны.

...Раненному в грудь становилось все хуже. Он умирал. Я стояла перед ним на коленях и втихомолку плакала.

— Ну, потерпи, пожалуйста, — умоляла его, — скоро придут врачи, сделают операцию и станет легче.

Прибежал лейтенант. Посмотрел больного. Вместе еще потуже стянули бинты. Но никакая просьба и слезы не помогли дожить бойцу до утра. На рассвете он скончался.

На душе у меня было ужасно тяжело. Досадно. Чувствовала себя виноватой в смерти человека, хотя знала, что спасение можно было найти только в операции. Вышла на крыльцо, чтобы передохнуть и осмотреться. Добрые вести с передовой да введенный морфий успокоили людей.

Не стало ветра. Рассеялись тучи. Побледнела с рассветом луна. А главное — наступила тишина на переднем крае. Это так было необходимо для всех нас. Но затишье могло взорваться в любую минуту, поэтому за ночь часть больных была перевезена в Юзефовку, где рядом, по территории сахарного завода, проходила железная дорога и представлялась возможность формировать санлетучки.

Обстановка говорила за то, чтобы побыстрее и как можно больше переправить раненых в тыл. С этой работой оперативно справился Николай Дунаевский. За короткое время было сформировано несколько санитарных поездов и большая часть людей была эвакуирована.

В отделениях остались самые тяжелые, послеоперационные, с проникающими ранениями.

С травмой головы большинство находилось в бессознательном состоянии. Некоторые пытались подняться и с криком «ура, за Родину!» бежать в «атаку». А некоторые лежали молча часами и даже сутками.

Один из таких, поступивший без документов, без фамилии в медицинской карточке, заполненной в медсанбате, не отвечал на вопросы и вообще не реагировал на происходящее вокруг него.

— Как ваша фамилия? — то и дело подходили и спрашивали врачи, сестры и няни.

Нужно было узнать имя человека. Кто он и откуда? Нужно было уловить момент, когда может проснуться сознание. Это был особый пост, который ни на минуту не покидали медработники.

Только дня через три без движения пролежавший больной слегка передвинул кисть руки.

— Как ваша фамилия? — поспешила я его спросить. — Как фамилия? Ваша фамилия?

И вдруг он с усилием выкрикнул:

— Лукашенко! Лукашенко! Лукашенко!..

Теперь вторые сутки отключиться не может. Днем и ночью — все «Лукашенко да Лукашенко».

...Противнику удалось потеснить части нашей армии, и потому создалась опасность окружения местности, где находился госпиталь.

Потеплело. По непролазной грязи кое-как тянули лошади повозки с ранеными. Из Юзефовки я их сопровождала до ближайшего госпиталя, который находился в деревне Сестриновка.

Она располагалась в низинке, между холмами и пригорками, казалось, ничто не могло привлечь внимания немцев, но самолеты кружили и кружили над нами. Оставалось совсем немного пройти, уже спускались по косогору, когда появился самолет и пошел обстреливать обоз. Сразу же упали три лошади. Позвали на помощь вновь раненные. Растерянно смотрел на меня побледневший санитар. С безжизненно повисшей руки его частыми каплями стекала кровь. Часа два назад бежал он с носилками, помогая перекладывать людей со стола перевязочной на подводы.

Рука оказалась перебитой в локте. Рана сильно кровоточила. Наложила жгут. Наскоро перевязав, усадила на подводу. Теперь скорей его надо доставить на операционный стол.

У остальных ранения были не такими опасными.

Потеснив раненых, лежащих на телегах, мы с сопровождающим извозчиком переложили людей с тех повозок, где пострадали лошади, и покинули место происшествия.

ЧТО ТАКОЕ «ПОДВИЖНОЙ»

С успешным продвижением войск полевым госпиталям надо было оперативно следовать за передовыми частями. В таких случаях задержки на местах оказывались короче, до пяти — восьми дней. На эти дни приходилась более напряженная работа.

Получив приказ свернуться, личный состав не имел возможности передохнуть. Сразу же отправлялся в путь.

Обычно на развертывание госпиталя давалось от двух до четырех суток в тех случаях, когда шла подготовка к наступлению, во время подтягивания армейских подразделений на данный участок предстоящих боев.

Но случалось и так, что, пока подбирали помещения, приводили их в порядок, войска успевали продвинуться вперед. Тогда и мы получали приказ: «По машинам!» А полностью подготовленный госпиталь переходил в другие руки. Мы же, не успев поработать, с сожалением оставляли свои труды. Но

чем дальше, тем радостнее становилось на душе: ведь мы уходили вперед, ближе к победе.

На сборы много времени не требовалось. Взамен использованных на заправку кроватей комплектов белья от прибывших получали упакованное в мешках. Перекладывали с машины на машину и — вперед!

Бывало и так, что раненые встречали медработников в назначенном месте, где должен развернуться госпиталь. В таких случаях подготовка помещений, оказание помощи людям начинались одновременно. Так случалось тогда, когда подбирались помещения и только бронировалось место для будущего лазарета. Там пока лишь ставили указатель со словом «госпиталь». А на перекрестках дорог — стрелку с надписью «Хозяйство Темкина». Это, чтобы знали свое направление водители следом идущего автотранспорта с госпитальным имуществом. И порой только успевали поставить знаки, как тут же начинали прибывать машины с ранеными.

Определение места заключалось не только в подборе территории и помещений. Проводилось и обследование населения, освобожденного от оккупации. Выявлялись случаи инфекционных заболеваний — все подвергалось санитарной обработке. Обследовались также и водоисточники, ремонтировались колодцы. При необходимости выставлялась охрана. За все это отвечал Николай Дунаевский со своими помощниками.

Не часто удавалось подобрать подходящие помещения. Занимали конюшни и сараи, располагались по хатам, постоянно использовали полевые палатки, для личного состава — землянки. В сельских местностях вся надежда была на школы и больницы. Позже, за пределами страны, например на территории Польши, приходилось развешиваться и в графских поместьях и в помещичьих усадьбах.

Вспоминали село Бобрин Киевской области. После ухода немцев здесь уцелели всего несколько хат, полуразрушенная церковь, два класса школы да колхозные конюшни. Развертывание полевого госпиталя осложнялось тем, что большая часть личного состава еще не прибыла на место. Осенняя рас-

путица затрудняла переброску имущества. Раньше всех прибывшие врачи, медсестры и штабные работники дни и ночи расчищали конюшенные помещения и полуразрушенные здания. В плетеных сараях развернули приемное отделение. Людей укладывали на носилки, установленные на подставки.

С наступлением осени изменилась погода. Временами шел снег, раненые мерзли. Не согревали их ни шинель, ни одеяла. Пришлось срочно промазать стены сараев глиной, чтобы не продувало. Кроме того, из бочек смастерили металлические печки, которые весело загудели, щедро раздавая людям тепло.

В одном из сел на территории Западной Украины тоже стояли три длинных плетеных сарая. Это был помещицкий конный парк. Здесь можно было разместить до шестисот раненых. Только надо приложить усилия: срочно вычистить, засыпать песком полы, сколотить подставки для носилок, украсить стены хвойными ветками — получится прекрасное госпитальное отделение.

Тут же рядом находилось еще одно небольшое помещение, типа деревенского бревенчатого амбара. Уж так оно было нам необходимо! Но от пола до потолка завалено было солью или удобрениями, которые, пролежав многие годы, превратились в камень. Почти два дня мы мучались с этой соленой глыбой, разбивая ее ломом. И без того стояли жаркие дни, а при физической работе да в соленой пыли, которая лезла в глаза, нос и рот и разъедала потные тела, думали, не выдержим.

— Не на курорт приехали, пошевеливайтесь! — восклицала Гладких.

Все было сделано в срок.

Прибывший член Военного Совета генерал-майор Олейник вынес благодарность всему личному составу за быструю и хорошую подготовку помещений к приему раненых.

С каждой новой дислокацией мы не могли не вспомнить наше первое место работы на Курской дуге, где были приложены невероятные усилия для развертывания госпиталя, где был проведен огромный объем работ, потрачена масса вре-

мени и человеческой энергии на строительство подземных помещений. Подобная трата времени сейчас была уже невыносима, ведь не месяцы и недели требовались для подготовки к предстоящей работе, а порой считанные часы. На то он и полевой подвижной, назначение которого обязывает в любых условиях, за кратчайший срок подготовиться к приему и оказанию помощи пострадавшим.

Так личный состав ХППГ-5148 набирался опыта в оперативном развертывании в полевых условиях и не менее оперативно научился справляться с работой во время приема поступающих.

К назначенному сроку готовился весь личный состав. Все были сосредоточены, подтянуты, согласованно действовали во всех отделениях. И не было среди нас равнодушных к ставшей повседневной и привычной работе, а было сознательное отношение к делу каждого на своем месте.

Как уже известно, раненые с поля боя вначале поступали в медсанбаты, где им оказывалась первая помощь, а нуждающимся — экстренная операция. Затем они направлялись в госпитали по профилю ранения. В один из полевых шли получившие травму только в конечности — нижние и верхние, в другой — только с проникающими ранениями в грудь, живот, череп, в третий — только легкораненые, кому не требовалось длительного лечения, а через несколько дней они снова уходили по своим частям.

Распределение по профилю ускоряло и улучшало оказание помощи, потому что в каждом из специализированных госпиталей работали соответствующие врачи-специалисты. С их помощью и консультациями проводились операции и лечение.

Бывало и так, что на каком-то участке фронта полевой госпиталь оказывался впереди медсанбатов, тогда сюда поступали все раненые непосредственно с поля боя и независимо от профиля ранения.

Прежде чем приступить к оказанию медицинской помощи, каждому прибывшему давалось подкрепление: по пятьдесят граммов спирта, бутерброд с колбасой или маслом-сыром

и горячий сладкий чай. Затем они регистрировались. На каждого заполнялась теперь уже подробная история болезни, с которой он не расставался до выздоровления.

После этих обязательных процедур, в определенном порядке и в зависимости от тяжести ранения, одних направляли в операционную, других — в перевязочную, третьих — в санпропускник, где проводилась полная санитарная обработка. Одежда шла в дезинфекционную камеру, раненых стригли, брили, мыли, переодевали в чистое белье и относили в палату.

В оказании помощи должна была соблюдаться строгая оперативность: нуждающихся в хирургической обработке раны необходимо было прооперировать в течение первых суток после ранения.

Естественно, медицинские работники не могли не придерживаться этой строгости, понимая, что запоздалая обработка раны оборачивается ее воспалением, а ощущения от прикосновения скальпеля к тканям становятся более болезненными. Да и заживление таких ран затягивается. И медики в любой обстановке, не прячась от бомб и снарядов, спешили оказать своевременную помощь, упорно вели борьбу за жизнь каждого человека.

Случалось, если кто погибал, подробно разбирались в причинах смерти, выясняя, что могло быть упущено, что можно было предпринять еще, чтобы спасти человека.

За годы войны кто-то придумал неумную поговорку: «Война все спишет!» Нет. Ничего не списывала война, а тем более Человека. Врачу совсем не просто было написать в истории: «Умер от ран, полученных при защите Отечества» и поставить свою подпись. И потом, спустя десятилетия, родные и близкие тоже не сошлются на войну, чтобы вычеркнуть из своих сердец как умерших от ран и погибших на поле боя, так и без вести пропавших отцов, сыновей, дочерей и мужей. Они всю свою жизнь станут ждать и надеяться на чудо воскрешения. Ждать и страдать.

Уместно вспомнить здесь разговор со старшей сестрой о списании сгоревших одеял. Что они стоят по сравнению с на-

несенным войной ущербом?! Но нет, мы не ссылались на войну. Если при передаче дежурства или при переездах чего-то не досчитывались, за это расплачивались палатные и старшие сестры. Стоимость пропавшего вычиталась из зарплаты. Меня первое время удивляло и даже возмущало то, что надо было экономить каждую бутылочку-коптилочку бензина. Знала, что в гараже постоянно находится несколько бочек бензина — тонны, между тем нас оговаривали за сто-двести граммов. Перерасход — и все тут. Только потом, много лет спустя, когда перечитывала военные мемуары маршала И. С. Конева, командующего 1-м Украинским фронтом, не менее удивилась строкам о том, как он докладывал в Ставку Верховного Главнокомандования, что отпущенный лимит бензина полностью израсходован, в связи с этим просил отпустить дополнительно. Значит, тоже не брали, сколько хотели.

Да, удивляюсь. Мне казалось, как можно было лимитировать бензин на войну, если он так необходим был для победы!

Оказывается, все было лимитировано. Все находилось на строгом учете. И надо было придерживаться порядка. Если бы не было этого порядка и дисциплины, какая существовала в войсках, — не было бы и победы.

Нелегко было работать и на таком важном участке, как аптека. Ее заведующая лейтенант Рудина, Ревекка Абрамовна, имела всего одну-единственную помощницу — Надю Жукову.

Постоянной заботой начальницы было своевременное обеспечение госпиталя необходимыми лекарствами. Для этого при управлении полевыми госпиталями существовала служба доставки медикаментов с центральных складов. Но случалось так, что чего-нибудь да не оказывалось. Тогда Рудина сама, порой в распутицу, по бездорожью, на машине, лошади или пешком, отправлялась, чтобы получить и доставить необходимое. И госпиталь никогда не оставался без самых дефицитных лекарств и перевязочных средств. А при большой нагрузке эти две труженицы сутками не покидали аптеку, обеспе-

чивая отделения порошками, микстурами и стерильными жидкостями для подкожных и внутривенных вливаний, что требовалось постоянно в огромном, фантастическом количестве.

А вот Люся Гузенко, госпитальная парикмахерша, первое время работала одна, без помощников. Ей надо было побрить и постричь всех, кто поступал в приемное отделение. Каким бы тяжелым ни был больной, она находила подход к каждому и своей жизнерадостностью поднимала настроение, вызывая улыбки на лицах. Порой трудно было подобраться к больным, которые временно были уложены на пол. Приспособившись, она приговаривала:

— Ничего, так и быть, постою перед вами на коленях.

Так и ползала часами и сутками, продолжая шутить и веселить упавших духом.

С полгода остро чувствовался недостаток автотранспорта, из-за чего задерживалась перевозка людей и имущества, продовольствия и эвакуация. Вначале было всего две машины. На них кое-как успевали перевозить хозяйство. Личный же состав к месту назначения добирался пешком, на попутных машинах, на танках и мотоциклах.

Год спустя в автопарке госпиталя находилось более двадцати различных машин — грузовых и легковых, несколько автобусов.

За короткое время и молодые, неопытные врачи окрепли в своих знаниях. От мелких хирургических обработок ран они перешли на более сложные и полостные операции.

Медицинские сестры овладели техникой переливания крови и внутривенных вливаний. Это необходимо было уметь с первых дней работы в полевых условиях.

Раненым, потерявшим много крови, требовалось введение и в большом количестве различных кровезаменяющих жидкостей.

Крови тоже требовалось всегда много, и потому более половины работников госпиталя стали донорами.

Да, раненым и больным со стороны руководства и всего личного состава уделялось огромное внимание. Делали все,

на что мы были способны, не считаясь со временем и здоровьем. Доказательством тому были благодарности от фронтовиков и от высшего командования. В скором времени госпиталь стал считаться одним из лучших в 38-й армии.

Многие из нас получили повышения. Начальнику госпиталя присвоили звание подполковника, медсестры стали старшинами. Конечно, трудно было на войне нам, девчонкам, но не ныли, не стонали от усталости. Были даже довольны своей судьбой, ведь мы принимали участие в защите Родины.

По молодости мои боевые подруги (да и я тоже) казались подчас беспечными. Жизнерадостность была через край, но что касается работы, то, наверное, только такие и могли выдержать все. Трудное не казалось трудным. Удивительно, откуда брал человек столько силы и энергии, что готов был сверотить горы?

Нам все время сопутствовали дружба, сплоченность и взаимная выручка. Считаю, что сплоченность коллектива — заслуга партийной и комсомольской организаций, которые постоянно призывали к этому людей, утверждая, что в сплоченности наша сила и что только так легче переносятся трудности.

Коммунисты Миля Бойкова, Клава Еговцева и Николай Дунаевский, комсомольцы Шура Гладких и Оксана Драченко были примерными тружениками и отличными общественниками. Еговцева являлась редактором стенной газеты «Фронтовой медработник» и выпускала боевые листки. Ее заместителем была Гладких. Помогала им и я, находясь в составе редколлегии. Миля имела твердое партийное поручение — руководство кружком художественной самодеятельности, создав хороший коллектив самодеятельных артистов.

Кроме определенных поручений, все коммунисты и комсомольцы проводили политинформации в отделениях, по палатам.

Более подробные сообщения о боевых действиях по всем фронтам делали наиболее подготовленные товарищи: замполит и парторг, врачи и сам начальник госпиталя.

Несомненно, комсомольцы и коммунисты оказывали немалое воздействие в укреплении дисциплины путем проведения воспитательной работы среди личного состава. Они были и надежными друзьями-спутниками по военным дорогам.

ДЕЛА ДОМАШНИЕ

Вести из дома не приносили радости за все время переписки. Правда, мать скрывала трудности жизни в тылу. Даже писала, что живут хорошо. Просила не беспокоиться. Но я знала, что она пишет неправду. Знала по письмам сестер, как живет им тяжело и голодно. Как меняют вещи на продукты.

Можно ли было равнодушно читать такие строки: «...Когда не привозят в магазин хлеб, нам выдают по сто двадцать граммов муки... Мама ходила за мороженой картошкой в поле и пекла из нее лепешки. Они вкусные, только песок на зубах хрустит неприятно. А сейчас мама в поле идти не может. Болеет. Врачи говорят, что ее нужно обязательно положить в больницу...»

Пока шло письмо, мать уже несколько дней лежала в больнице. И без того скудный паек хлеба и других продуктов она отдавала дочерям. «Они учатся, — говорила она, — их надо кормить. А я как-нибудь переживу». Но «как-нибудь» не обошлось. Ослабленный организм не выдержал. Начался голодный отек. Потом она потеряла сознание.

Отец работал на одном из заводов Свердловска. Вызванный телеграммой за подписью лечащего врача, он вернулся домой.

Я часто задумываюсь над тем, почему так несправедлива судьба, что уйма бед сваливается на одного человека. Сколько же пришлось перестрадать моей матери!

Родилась в большой бедной семье. С четырнадцати лет испытала подневольный кулацкий труд. Скромная, исполнительная, она безотказно выполняла посильную и непосильную работу.

Несмотря на безрадостную жизнь, мать была веселой певуньей. Познакомилась с батрачившим у того же кулака Шачкова удалым парнем — гармонистом Алексеем Никулиным. Полюбили друг друга. Решили пожениться. Но родителям отца невестка нужна была побогаче. «Против воли родительской — не позволю!» — закричал дед. И, собрав скудные пожитки молодых, выкинул за ворота.

«Проживем без родительского благословения», — решили они.

Приютились в старенькой пожарной сторожке на краю села, где тоскливо свистел ветер, задувая в дыры и щели, а по ночам к самому дому подходили и выли волки.

Год спустя после замужества мать проводила отца на войну. Шел тысяча девятьсот четырнадцатый. Более двух лет не было от отца вестей. Считали погибшим, а его за это время одиннадцать раз засыпало землей при взрыве снарядов. И каждый раз откапывали легко или тяжело контуженного. Один раз он был ранен в ногу дробью, которая, как память о войне, осталась в мышце голени на всю жизнь.

Около года пробыл в плену у австрийцев. После обмена пленными вернулся домой с больными, простуженными ногами, на костылях.

Тяжелое было время. Неурожайные, голодные годы. Многие вынуждены были покинуть родные края, уехать в Сибирь, в другие области России на поиски лучшей доли. Отправились и мои родители.

Одно несчастье за другим преследовало их. По дороге в Сибирь мать тяжело заболела тифом. На одной из станций была снята с поезда и помещена в больницу. Долго лежала в бреду. Не узнавала навещавших ее мужа с ребенком. Искусанный в беспомощности язык распух настолько, что еле умещался во рту.

Врачи не скрывали, что надежды на выздоровление мало. Очень истощен был организм.

Отец не мог оставить больную мать одну на чужой стороне. Пытался временно найти какую-нибудь работу, но тщет-

но. И, чтобы как-то продержаться, вынужден был ходить с ребенком на руках просить милостыню.

Но произошло чудо! Пришел отец навестить больную с тревогой, а его ожидала радость. Мать смотрела на него во все свои огромные черные глаза, которые от болезни стали еще больше, и улыбалась...

После выписки из больницы они продолжили начатый путь. Главе семьи нужно было крепко поработать, чтобы подлечить жену и ребенка, да и сам он еле держался на ногах от всего пережитого.

Но надежды на лучшую жизнь не оправдались. И тоска по родине не давала покоя. Через год вернулись в родные края.

Отец снова ушел воевать — добивать беляков.

Потом в их село пришла Советская власть. Начались большие события и перемены. Раскулачивали кулаков и отправляли в ссылки. Противники новой власти поджигали амбары с хлебом, убивали советских общественников. Одни наводили порядок, другие создавали беспорядки. Нелегко доставалась лучшая жизнь.

А сколько было радости, когда появилась возможность поставить свой небольшой домик! Потихоньку обзавелись хозяйством. Теперь у них было почти все. Не хватало только грамоты. Отец, уже будучи взрослым, стал выводить семь букв, составляющих его фамилию, в мастерской на верстаке, где познавал столярное дело. Букву по букве научился писать и читать. Мать «А-а» тянула вместе со своими детьми, первыми школьниками.

Наступившая мирная жизнь принесла им много радости. Но вот опять война и горе...

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

Что за народ эти фронтовики — не перестаешь удивляться. Дрались отчаянно, с великой ненавистью к врагу, не щадя жизни. Совершали подвиги. Получали ордена.

Но вот ранило человека, прошедшего, как говорится, через огонь и воду. Попал он в госпиталь. Лежи бы, кажется, лечись. Отдохни. Пусть пока без тебя повоюют. Так нет ведь. Только поступит, день-два полежит, раз-два перевяжут: «Выписывайте, не могу больше! Далеко от своей части отстал». Готов в нижнем белье сбежать, а рана-то еще и заживать не начинала.

И сбега́ли. Особенно тогда, когда госпиталь принимал легкораненых. Приходилось ставить заслоны — часовых. Задерживать и возвращать в палату.

— Привязывать вас, что ли? — возмущались врачи.

Легкораненые вообще не относили себя к категории больных. Они считали так: чуть боль в ране успокоилась — можно в часть. А перевязку сделает санинструктор.

Привыкшим к окопной жизни в госпитальной постели казалось неудобно и быстро надоедает лежать.

Мы прекрасно понимали этих людей. Нам тоже работало веселей, когда находились ближе к линии фронта. А трое наших девчат вообще сбежали в действующие части.

Почему-то всем нам хотелось побыть на передовой, почувствовать наибольшую опасность, испытать себя. Хотя, по словам фронтовиков, в полевом госпитале находиться было спокойнее. Говорят, что на передовой видишь, где враг, где свой и действуешь по обстановке. А здесь, порой совсем рядом, слышна стрельба, но какая вокруг обстановка — неизвестно. Этого нам было мало. А что бомбежки — уже свыклись. И мы и раненые принимали их как неотвратимое приложение к войне и переносили спокойно. Что делать?! Вот свистят бомбы и рвутся где-то рядом. Взрывной волной гасит лампу под стеклом. Наступает темнота и тишина. Все молчат. А потом раздается торжествующий голос:

— Перелет! Еще перелет!

Конечно, в палатах находятся разные люди, с разными характерами и настроениями. И ведут себя по-разному. Могут покапризничать, могут по пустякам обидеться и даже наругать.

Есть веселые, а есть серьезные, такие, кто не принимает шуток. И к каждому надо найти подход, каждого понять, чтобы не обидеть.

Все они очень чувствительны и наблюдательны. Знают, какая сестра «легче» делает уколы, у кого «счастливая рука» при снятии приставших к ране повязок.

Как врач определяет по настроению больных их самочувствие, так и они замечают, с каким настроением приходят на дежурство медицинские работники.

Получив печальное известие из дома о гибели старшей сестры, я пришла на дежурство в подавленном настроении. Сразу же обратила внимание на то, что в палате необычно тихо. Нет шуток и оживления, как прежде при встрече.

— Почему вы такие грустные сегодня? — спрашиваю.

— Это вам, сестренка, чувствуется, не до веселья.

— Вот как! У меня все в порядке. Я здорова и вам надо поправляться.

— Э-э, когда вы придете на смену да улыбнетесь, нам весь день бывает весело, — говорит пожилой боец.

После того разговора я твердо усвоила, что свое горе и неприятности надо прятать подальше и непременно перестраивать настроение, прежде чем войти в палату к больным.

А они все лежат и мучаются. У одних чешутся «пальцы», «пяточки», которых нет, — остается такое ощущение после ампутации конечностей. Другие недовольны своей судьбой, потому что не убили ни единого фашиста. К таким относились, например, авиамеханики, которым по роду службы не пришлось ходить в атаку.

Был еще и другой род пациентов, из тех, кто тоже рвался на передовую. Это были не солдаты-фронтовики, а дети. Они попадали в самые нелепые и страшные ситуации. Чего-чего только с ними не случалось. Кто на mine подорвется. А кто-то отваживается самостоятельно отомстить фашистам за причиненное горе, за сиротство.

Скрипя зубами, слушали фронтовики повествование белорусского мальчика Юры. Прожил он на свете всего двена-

дцать лет, а ему казалось, что с появлением в селе фашистов прошла целая вечность.

Сбежал он от немцев во время облавы. Долго шел по лесу, ехал на поездах с пересадками, а куда — все равно. Хотел добраться до фронта, но на одной из станций попал под бомбежку, был ранен в ногу и доставлен в госпиталь.

Он рассказал о том, как жил с матерью в оккупированном немцами белорусском селе. Вместо игр занятиями ребятшек были поиски трупов партизан и военнослужащих Советской Армии, замученных и расстрелянных фашистами.

Они находили трупы на дорогах, в лесах, на поле. Закапывали скрытно от врагов. У кого не оказывалось в карманах документов, писали на дощечке «Неизвестный».

Почему-то особенно запомнился Юре один изуродованный труп, в карманах гражданской одежды которого ничего не было, кроме завернутого в газету маленького кусочка хлеба с маслом. Ему жаль было человека, который не успел съесть этот кусочек хлеба. Еще он подумал о том, что человек собрался в дорогу, а хлеба взял очень мало. Наверное, оставил ребятishкам...

Долго Юра размышлял о хлебе. Потому что сам был голоден.

Так и похоронили неизвестного, положив в карман маленький сверточек.

Каждую ночь коротали в страхе: доведется ли еще увидеть завтрашний светлый день.

Потом они с матерью ушли в партизанский отряд. Жили в лесу, в палатках, землянках. Мать стирала, готовила для партизан обеды, а мальчик устраивал игры с малышами. Развлекал их, как мог.

Рядом находилось болото, и их окружали тучи комаров. От укусов у маленьких детей распухали и страшно чесались лица и руки. Хотелось плакать и кричать. Но родители сказали строго: «Плакать нельзя — враги услышат!» И бедные малыши молча переносили все тревоги и испытания, выпавшие на их долю.

Наступили страшные дни. Гитлеровцы направили к лесу карательный отряд. Организовали облаву. Вначале бомбили самолетами. Потом стали окружать и расстреливать людей, загнав в болото. Женщин с детьми вывели и выстроили на дороге, погнав впереди техники.

Фашисты хотели убедиться — не заминирована ли партизанами дорога и потому направили по ней мирное население.

Потом снова началась стрельба и паника. Люди заметались по дороге. Мать крикнула сыну: «Тикай к лесу!» Раздалась автоматная очередь. Мальчик увидел, как мать упала, распластавшись на дороге.

Какая-то женщина, схватив его за руку, дотянула до лесу. «Беги скорей, не оглядывайся!» И он бежал сколько было сил. Падая, вставал и снова бежал подальше от этого страшного места.

Ночи Юра проводил очень тревожно. Чуть забывался, как начинали сниться кошмары. «Мамка, опять фашисты!» — кричал он. Вскakiвал с постели и осматривал палату...

Ох, сколько прошло людей через наш госпиталь! Танкисты и артиллеристы, разведчики и связисты, летчики и пехотинцы... Каждый из них понимал, как он необходим на своем месте, переживал, спешил выздороветь и вернуться в часть, чтобы честно выполнить свой долг перед Родиной и непременно дойти до победы. Ведь немало пройдено опасных дорог, начиная от Москвы. Многие из них принимали участие в Сталинградском сражении и на Курской дуге, форсировали Днепр... Теперь на их пути к победе были Одер и Берлин.

Каждый, прошедший через ад войны, заслужил право на счастливый финиш, должен был испытать торжество предстоящей победы.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОДИНЫ

Советские войска приближались к западным границам, освобождая израненную землю, пострадавший за годы оккупации народ. Сколько было радости, когда мы узнали, что на-

ша Родина полностью очищена от немецко-фашистских захватчиков!

Но это была еще не победа. Задача, поставленная перед советскими войсками, состояла не только в том, чтобы изгнать врага с родной земли, но и помочь народам других стран запада освободиться от фашистского рабства.

...Позади польские города и местечки Рыманув, Кросно, Краков, а меня все еще не покидала мечта побывать на передовой. И сейчас, проведив в эвакуогоспиталь раненых, я рискнула заехать в сануправление.

Начальник санотдела полковник Харченко был у себя и сразу же принял. Не успела доложить, что возвращаюсь...

— Не знаете, где находятся ваши? Сейчас скажу.

— Нет, товарищ полковник, прошу направить меня в действующую часть.

— С Темкиным не поладили, что ли?

— Товарищ полковник, я добровольцем пошла на фронт, а передовой не видела. Вернусь домой и рассказать не о чем будет.

Полковник расхохотался.

— Вот оно что! А здесь, старшина, по-вашему не передовая? Да здесь опасней, чем на передовой. Постоянно находитесь под обстрелом и бомбежками. Этого вам мало? А ответственность какая лежит на ваших плечах: сотни и тысячи человеческих жизней. Сколько пользы приносите, выхаживая раненых бессонными ночами. Сколько крови сдали, не пожалели для пострадавших воинов. Донор, небось?

— Да. У нас почти все доноры.

— Вот видишь, и кровь пролита не впустую, а на спасение жизни людей. Не даром проходят все ваши старания — до 70 процентов возвращаете в строй бойцов и командиров после лечения. Этого мало? Да вы здесь совершаете настоящий героизм, каждодневный подвиг. А будь на передовой, может, давно в живых бы не было. Шальная пуля могла уложить в первую же минуту и без всякой пользы. Вот что, дочка, никуда я тебя не пущу. Поезжай к своему Темкину, к подру-

гам-землячкам. Там тебя ждут. Сама знаешь, на новом месте всегда горячая пора. Скоро день победы будем праздновать, а вы хотите изменить землякам перед финишем. Это непροститительно! Давайте вашу маленькую, но сильную руку и крепкое слово: до победы не расставаться!

— Спасибо, товарищ полковник. Я все поняла.

— Вот и хорошо. Ваши развертываются в местечке Кенты.

— Я знаю. Разрешите идти?

— Счастливого пути, старшина!

Да. Прослушала хорошую и полезную лекцию. И теперь еду только в свой родной госпиталь. Ничего не поделаешь. Видимо, судьба моя такая.

Всю дорогу размышляла над словами полковника и соглашалась с ним. Сейчас словно другими глазами смотрела на своих случайных спутников, сидящих рядом, в кузове машины.

Это были люди молодые и пожилые. Рядовые и офицеры. Кто-то из них, возможно, спешил в часть, выписавшись из госпиталя, но теперь у меня не было зависти к тем, кто ехал на передовую. Я спешила на свой, медицинский фронт, где шла тоже ожесточенная борьба за жизнь людей.

Вижу указатель «Хозяйство Темкина». Значит, прибыла.

А обстановочка-то здесь — будь здоров! Грохот стоит невероятный. Поблизости с воем и свистом проносятся снаряды «катюш», вызывая дрожь. Хочется прижаться к земле. А земля-то сама ходуном ходит. От взрывных волн ощущается колебание воздуха, и порой кажется, что перехватывает дыхание.

В хозяйстве Темкина по обстановке чувствуется и нагрузка. Полный двор машин, пришедших с ранеными из медсанбатов и прямо с передовой. Подполковник Темкин и капитан Таран встречают и провожают в соседний эвакуогоспиталь транспортабельных. Следят за порядком приема и отправки людей, подгоняя и без того употевших санитаров.

— О, вернулась! — как-то радостно произнес начальник. — Срочно возьми в штабе журнал, ручку, чернила и настраивай-

ся на сутки, а может, и больше. В приемном отделении лежат сотни незарегистрированных людей. Там и больные, с температурой, там и раненые. Двое ведут регистрацию, но дело продвигается медленно. Большое поступление.

«Так я и знала, что без меня не обойдутся!»

Госпиталь на этом участке оказался как никогда близко расположенным к переднему краю. Пострадавшие поступали не только из частей 38-й армии, но и из соседних соединений. Коллектив столкнулся с огромными трудностями. Не хватало помещений для размещения людей. Недоставало медицинско-го и другого обслуживающего персонала.

Личный состав прилагал все силы, применял весь опыт, полученный за полтора года работы, трудился дни и ночи в течение трех суток.

Прибывшими представителями санотдела в срочном порядке была запрошена помощь. Лишь несколько дней спустя, когда прибыл еще один госпиталь и несколько машин из автобатальона, положение стало выправляться.

Это был самый напряженный момент в работе коллектива госпиталя, где каждый должен был проявить себя в деле, в умении организовать работу, — выдать все, чему он научился.

Эвакуация велась круглосуточно. Иначе было нельзя.

В феврале в этих краях чуть наступало потепление, как снег полностью исчезал. Дороги становились жидкими. Тяжело передвигаться что пешком, что на машине. Бесконечным потоком идущий транспорт углублял ямы и ямки, избивая дорогу. Я сопровождала колонну машин до эвакогоспиталя. Несмотря на малый ход, людей встряхивало, причиняя им боль. Потрясешься по таким ухабам и скажешь поневоле:

— Эх дорожка, фронтовая!

Головную, в кабине которой сидела, вел молодой шофер из автобатальона. Вот мы свернули с главной дороги на проселочную, мягкую, травянистую, по которой не слышно, как идет машина.

Проехав немного, увидели ползущего навстречу раненого фашиста. Шофер, остановив машину, вышел.

— Чего тут ползаешь?

Тот показал — застрели, мол, меня.

— Все вы так: «застрели!» Живи, коль жив остался! — ворчит парень, усаживаясь в кабину. — Зачем шел сюда, чтобы вот так ползать по чужой земле?!

Дорога шла пологим спуском, и неожиданно мы оказались на краю крутого оврага.

— В чем дело? — удивился шофер. — Была дорога, как дорога... Через такой овраг никакая машина не пройдет.

И верно, спуститься по крутому склону можно только кубарем, а выбраться совсем невозможно. Что здесь делали фашисты?

— Ты посиди, сестра, а я узнаю, где можно проехать.

Шофер отошел метров на десять вдоль оврага, как вдруг машина заскользила вниз по влажной и скользкой траве, только что освободившейся от снега.

Что делать? Кричать? Напугаю лежащих в кузове. Рванула ручку тормоза и держу что есть сил. Машина остановилась. Парень то ли уловил шум, то ли почувствовал неладное, обернулся и со всех ног пустился обратно.

Испуганный, бледный, влез он в кабину. С трудом вывел машину из опасного положения.

— Болван! — выругал он себя. — Спасибо. Выручила. Не растерялась.

— Да, не растерялась — без памяти была. Чуть успела за рычаг взяться.

— Как узнала, за какой?

— Часто ездить приходится. Привыкла уже, изучила. Доверили бы, пожалуй, повести смогла.

— Ой, представляешь, что могло произойти?

— Ладно, обошлось, и молчи. Поехали.

— Вначале выйди, посмотри, что делается в овраге.

Внизу, на глубине до ста или более метров, лежали десятки трупов вражеских солдат. По-видимому, отступая, не успели похоронить погибших. Возможно, и попавший навстречу выполз из этой ямы.

— Боже мой, что же это делается вокруг?! — не выдержала я. — И кому это надо, чтобы так мучились и гибли люди?

— Гитлеру, конечно. Кому же еще.

— Посмотрел бы он, что стало с его храбрым войском!..

С трудом отыскивали малообъезженную дорогу, которая вела к железнодорожному разъезду, где стоял эвакуогоспиталь.

Сдав раненых, повернули назад. Фашиста на дороге не оказалось. Наверное, специальные части подобрали. Ну и пусть! Без него гадко на душе. Он первый испортил настроение. Потом эта свалка трупов. И до сих пор не могу успокоиться от пережитого мгновения у оврага...

...Позади более семи месяцев жизни и работы на территории Польши. Тяжело доставались освободителям с боями пройденные километры, но теперь можно было поздравить уже и народ этой страны с освобождением от оккупантов, потому что мы переступали порог Германии.

По пути следования, на заборах и стенах домов аршинными буквами, а на машинах и танках, естественно, помельче, написано: «На Берлин! На Берлин!» «Дорога домой — только через Берлин!»

Замирало сердце от предчувствия близкой победы, а бойцам это придавало силы, порождало новые героические подвиги, создавая условия для подготовки к штурму Берлина.

Хотя нашей части не суждено было штурмовать Берлин, шоферы на своих машинах тоже написали: «На Берлин!». И вот уже госпитальные автоспидометры отсчитывают пройденные километры по немецкой земле.

Перед вступлением на территорию врага нам напоминалось о соблюдении особой бдительности и дисциплины, о тактичности в обращении с населением.

От нас не скрывали сведений о бесчинствах фашистов, о расправах с советскими людьми. Мы знали о том, что при

испытаниях боевого оружия они использовали живые мишени — советских пленных.

В боевых листках освещались все новые и новые события, свидетельствующие о злодеяниях противника. Но что могли сделать мы в своей ненависти к врагу, кроме того, что делали, выполняя свою миролюбивую миссию в борьбе за жизнь воинов, а нередко и за жизнь вражеских солдат.

Впереди увидели столбы черного дыма, то и дело поднимающиеся ввысь. Землю сотрясали взрывы бомб...

Подъехали к городу, охваченному сплошными пожарами. Нам сказали, что это была работа летчиков авиации союзников. Горели дома. Горела поверженная фашистская Германия.

Горы кирпичей забаррикадировали улицы, и по ним ни пройти, ни проехать. На месте многоэтажных домов — развалины.

Колонны машин, танки, вся военная техника с шумом и грохотом несутся по расчищенной главной магистрали. Вперед! Скорее вперед!

А наш автобус свернул в более спокойный переулок, если не считать горящих вокруг зданий. Остановились у четырехэтажного дома с, как ни странно, уцелевшими стенами, только без окон и дверей.

Входим и видим знакомое медицинское оборудование. Стоят развернутые стерильные столы, лежат гипсовые бинты, на месте вся медицинская техника. Все оставлено так, словно хозяева только что вышли, сейчас вернутся и приступят к работе.

Помещение занимал немецкий госпиталь. Раненых вывезли перед вступлением в город частей Советской Армии. Наверное, думали, что мы с ними станем справляться, как это делали фашисты с нашими ранеными.

Вокруг очень тревожно. Командование принимает меры к усилению караульной службы. Выделяется ночной патруль. Вводится строгий режим и распорядок для личного состава.

Днем и ночью в окружающих кварталах, в соседних с на-

ми домах появляются все новые и новые пожарища. Враги, не успевшие покинуть город, поджигали в разрушенных домах мебель, вещи — все, что могло гореть.

Только что трепыхались на ветру вырвавшиеся из разбитых окон разноцветные шторы, и вот они уже в огне.

«Что вы делаете? — хотелось спросить у поджигателей, — зачем уничтожаете то, что создано трудом людей?»

Многое надо было сказать и доказать некоторым жителям города, фанатично настроенным против советских людей, но они, как паразиты-невидимки, выползали из своих укрытий втихомолку и скрывались, совершив свое подлое дело, избегая дружеского общения с нами.

На крыше занятого под госпиталь дома круглосуточно дежурили бойцы, обливая ее водой из шлангов, чтобы не дать нагреться. Оберегать от огня надо было не только это здание. Напротив госпиталя, через улицу, на первых этажах были размещены наши продовольственные и вещевые склады, подсобные помещения, а на третьем — общежитие медсестер. Рядом, в двухэтажном особняке, — штаб со всеми его работниками и начальником госпиталя.

Одним словом, обстановка для жизни и работы была такой, что хуже некуда. Но, несмотря на неблагоприятные условия и проведенную большую работу по ремонту помещений, к концу вторых суток коллектив готов был к приему раненых.

У меня несколько палат светлых и просторных, с десятками кроватей, заправленных новым постельным бельем. На столах — цветы, откуда-то привезенные шоферами. В открытые окна врывается весенний апрельский ветер с запахами гари и дыма.

Еще раз осматриваю — все ли сделано. На душе отчего-то так радостно. Может, день хороший, ясный. Или по-домашнему уютно в палатах. И сама я одета почти по-домашнему. Из военной формы на мне только юбка. Блузку заменила мужская рубашка с закатанными рукавами. Вместо фартука — полотенце.

Прохожу, представляю, как раненые после окопной жизни окажутся в этих уютных палатах.

Убедившись, что все на своем месте, принялась за последнюю — расстилать трофейные дорожки, оставленные хозяевами. Ползаю по полу, разглаживаю.

Неожиданно открывается дверь, и в палату входит полковник Харченко. За ним подполковник Темкин, а там кто-то еще и еще.

Встала по стойке «смирно», чтобы отдать рапорт, а мысль сверлит: «Не по форме одета. Нагорит мне сейчас!»

— Товарищ полковник, второе отделение госпиталя к приему раненых готово! Докладывает... старшина медицинской службы Никулина.

И тут заметила, что позади Темкина стоит генерал-майор. «Ну, теперь-то определенно достанется!» Положено рапорт отдавать старшему по званию.

Выручил полковник:

— Хотя и не вижу, что докладывает старшина, но вижу, что полный порядок. Даже с цветочками и дорожками. Хорошо встречаешь раненых. Молодец! А то «на передовую хочу!» — напомнил он.

Темкин удивленно посмотрел на меня, потом на полковника. Заметив недоумение Темкина, Харченко сказал:

— Ты, товарищ начальник, докладываешь, что это твоя самая маленькая и лучшая сестра, а не знаешь о том, что она хотела сбежать на передовую. Я спросил, может, ты ее обижаешь, — не призналась.

— Не-ет, — растянул начальник, — мы с ней живем дружно. И разговору о передовой никогда не было.

— Она к тебе с такой просьбой и не пошла бы. Знает, что не отпустишь. Потому и махнула прямо в санотдел. Мы с ней хорошо побеседовали, а то бы прощай Темкин! Вот так-то, дочка, будь здорова!

Темкин выходя последним, обернулся и погрозил мне пальцем:

— Я тебе покажу передовую!

Сквозь щели между досок, которыми заколочены незастекленные окна в комнате общежития, мелькало пламя, пробивался насыщенный гарью воздух.

— Как грустно нам будет расставаться, девочки, — мечтательно произносит Шура, — я никого из вас не хочу терять. Если получится, стану врачом-хирургом. Добьюсь своего и во время отпусков стану вас навещать. Досадно, что не сбылась моя мечта — попасть на передовую, поработать на машине. Но я не жалею. Я рада, что узнала таких славных девчат.

— Да, расставание — событие тяжелое, но ничего не поделаешь. Разъедемся кто куда и займемся мирными делами. Я сразу же подамся в университет, — говорит Клавдия Степановна, — кто окажется в Перми, всех разыщу и нанесу визиты.

— Ко мне в первую очередь, Клавочка, я почти рядом с университетом живу.

— Есть, Любаша, договорились.

— Девчата, а давайте соберемся после войны, — предлагаю я, — захочется посмотреть друг на друга, какими мы станем. Наверное, фасонистые — в нарядных платьях, в туфлях-лодочках ходить будем.

— А что, и соберемся. Думаю, никто не откажется, — поддерживает Миля.

Большинство из нас на гражданке собирались стать врачами. А кто окончил краткосрочные курсы медсестер только для того, чтобы попасть на фронт, как Оксана и я, еще не решили, чем займемся — работой или учебой. Посмотрим по домашним обстоятельствам.

Потом, уже в который раз, продолжали спорить и обсуждать вопросы любви и дружбы. Стоило ли на войне поддаваться личным чувствам? Можно ли было всерьез любить, когда рядом — беда и горе? Когда одних ранило, других убивало, третьи оставались жить.

Мы будто подводили итог всей нашей беспокойной походной жизни, порой неповторимо задушевной была беседа.

Все жили надеждами на близкий конец войны. Но бои продолжались и на территории Польши, и в Германии, и в Чехословакии... Продолжали поступать и раненые. Как обычно, шла работа в перевязочных и операционных. В палатах вздыхали и стонали прооперированные.

Не стонал подполковник Одоев, командир истребительного противотанкового артиллерийского полка. Можно было позабывать его терпению. Осколком снаряда вырвало мышцы бедра. Невредимыми оставались кость и часть мышц, защищенных кожным покровом лишь на небольшом участке. Состояние было тяжелым. Большая потеря крови. При снятии повязки открывалась обширная зияющая рана. Молча лежит в палате, ни звука не произнесет и в перевязочной. Только каждый раз скромно попросит, чтобы и следующую перевязку ему сделала я.

Человек прошел войну с первого ее дня, а за две недели до победы получил ранение при освобождении чехословацкого города Острава. Подлечили его. Перелили кровь. Довели до транспортабельного состояния и отправили в тыл.

После Дмитрий Архипович Одоев пожалует о том, что не записал полевую почту госпиталя. Но он запомнил мое имя и фамилию и долгие годы искал, не теряя надежды на встречу. Как ни странно, но почти через сорок лет наша встреча состоится и он скажет: «Предполагал, что тебе всего лет шестнадцать-семнадцать, и удивлялся: откуда такой опыт, такая сноровка в работе. Перевязки делала осторожно. Потому и просил, чтобы перевязывала меня только ты. Может, это и нехорошо с моей стороны, но рана-то была ой-ой какая! И много лет спустя говорю тебе великое спасибо за сочувствие, какое ты проявляла к раненым...»

Немецкий город Ратибор останется памятным многими событиями, в том числе и самым радостным, самым главным: здесь мы встретили День Победы.

Это было обычное утро, предвещавшее ясный день. Чувствовалось безоблачным небо. Все ли оно было чистым, мы видеть не могли из-за густой укутывающей дымки. Мы находи-

лись будто в огромной колбе из матового стекла, которую прикрывал кусочек голубого неба. Только местами пробивающиеся сквозь дымку солнечные лучи обещали доброе утро и хороший майский день.

Внезапно раздались тревожные выстрелы. Вначале единичные, потом автоматные. Немного времени спустя загремело повсюду.

Встревожились больные и здоровые. Что случилось? Почему идет стрельба по всему городу?

Руководство госпиталя срочно направило связных в ближайšie воинские части, чтобы узнать причину происходящего.

Несколько минут спустя мы слышали выстрелы во дворе. Это наши посыльные вернулись с радостным известием:

— Победа! Победа! Слышите?

— Капитуляция! Это салют гремит!

— Ура! Ура! — покатилося по палатам...

Большинство раненых, молчаливо лежавших, в этот день были неузнаваемы. Пели, кто не умел. Плясали, кто не мог. Смеялись и хохотали по причине и без причин. Кто как мог проявляли свою радость, свое торжество.

Для всех участников войны это был самый счастливый день в жизни! Надо было видеть лица этих людей, их настроения. Людей, столько переживших за долгие годы войны.

Это было великое торжество советского Солдата-победителя.

Не сразу дошли до нашего сознания слова «Капитуляция!» «Победа!». Трудно было объяснить и чувства, какие испытывал каждый из нас в то доброе майское утро.

Следуя за передовыми частями, начиная от Курской дуги, мы вместе с бойцами радовались освобождению каждого километра земли. Но это всеобщее чувство торжества за одержанную победу — несравнимо, необъяснимо.

Только для войск Советской Армии война не окончилась. Продолжалась освободительная миссия — борьба за освобождение народов западных стран. Наконец, 9 мая, в великий для советского народа день, и Прага стала свободной.

Машины, вышедшие 11 мая из Ратибора, передвигались по дорогам Чехословакии в общем потоке войск.

Мы прибыли в чешский город Кутна-Гора, находящийся в семидесяти километрах от Праги.

Советско-чехословацкие войска добивали остатки гитлеровских частей, завершая полное искоренение фашистской нечисти в Чехословакии. Заканчивалась и наша миссия.

ЗДРАВСТВУЙ, РОДИНА!

Вот и пришла пора возвращаться по домам. Позади полевые условия жизни и работы. Но еще много, ох, как много лет будет эхом доноситься свист снарядов и авиабомб, пикирующих самолетов...

Все выдержали худенькие хрупкие плечи девушек-медсестер. Война закалила нас во всех отношениях. Мы стали сильнее духовно и физически, намного поумнели, стали серьезней относиться к жизни. Но главное — испытывали такое необъяснимо приятное чувство гордости за одержанную победу, хотя и не принимали непосредственного участия в схватках с врагом.

Признаться, как бы ни было временами трудно, я никогда не жалела и не думала о том, что напрасно пошла на войну добровольцем. Действительно, я здесь была нужнее, чем в тылу. Сейчас испытываю чувство гордости за себя, за то, что осмелилась так поступить, что смогла перенести все трудности и потому с чувством великого удовлетворения возвращаюсь домой.

Настал день, когда поезда и машины повезли нас на восток. Как бы ни было хорошо «в гостях», а о доме мы помнили постоянно. Временами мучила такая тоска, так страшно хотелось на минутку оказаться в родном краю.

Наверное, вдали от Родины все испытывают такое чувство, словно «болит» или «ноет» душа.

«По-ско-рей! По-ско-рей!» — отстукивают колеса.

Поезд замедляет ход у пограничной станции. Но что это? — эхо войны? Нет. Это гремит салют в честь победителей, возвращающихся на родину из дальних и трудных походов. Они не ждут полной остановки эшелона. На ходу выпрыгивают из вагонов, чтобы твердо почувствовать под ногами свою, русскую землю.

Выйдя из вагона, кто-то распластался на ней, обнимал и целовал после долгой разлуки, кто-то смеялся и плакал от радости, а кто-то громко кричал:

— Здравствуй, Родина!

И вот последнее место дислокации ХППГ-5148 в городе Станиславе (Ивано-Франковск), где мы должны сложить свои полномочия, расформироваться, расстаться с друзьями и подругами, ставшими такими дорогими, близкими...

«По-ско-рей! По-ско-рей!» — снова стучат колеса.

Спешу домой. Ведь маме обещала, что сразу вернусь, как кончится война.

Сидим с Шурой на скамейке у открытой двери вагона, вспоминаем тех, с кем не так давно расстались.

Нашими спутниками по вагону оказались сибиряки и дальневосточники. А я мысленно мчусь через весь путь, какой предстоит преодолеть до Урала, но не дала мне раньше времени побывать дома звонкая задорная песня, начатая попутчиками:

Ехал я из Берлина
По дороге прямой,
На попутных машинах
Ехал с фронта домой.
Ехал мимо Варшавы,
Ехал мимо Орла,
Там, где русская слава
Все тропинки прошла...

Дружный хор подхватывал припев. Казалось, что от радости и счастья пела сама душа у этих солдат, возвращаю-

щихся с великой битвы на Родину, которую они отстаивали такой дорогой ценой.

«По-ско-рей! По-ско-рей!»

Уже мелькают знакомые поля и леса. Не украинские хаты, а деревянные домики уральских сел и деревень. Все больше охватывает волнение.

Вот и знакомый поворот. Мелькнул зеленый огонек семафора, раздался свисток паровоза, и состав, замедляя ход, потянулся по территории станции.

Семь километров пешего пути — вот мой дом. Поднимаюсь на второй этаж. Открываю дверь квартиры. С кухни донеслось шипение жира на сковородке. Запахло чем-то домашним, маминым.

— Кто там?

— Это я, мама, — останавливаюсь против кухни.

Загремела сковородка...

— Ой, батюшки, неужели дождалась?

На звон и шум выбежали из комнаты сестры. Вышел отец.

— Ну, здравствуйте, вот и я!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращались по домам фронтовики. Постепенно налаживалась мирная жизнь, работа и переписка с друзьями. Неожиданная встреча произойдет у меня с Валентиной Лашук, старшей сестрой госпиталя. Она всю войну переписывалась с фронтовым другом, оказавшимся родом из Перми. После победы они встретились и поженились. Так белорусская девушка осталась жить на Урале.

В первый же год после возвращения разыскала меня Клавдия Степановна Еговцева. Как уже известно, еще до войны она окончила педагогический институт и учительствовала. Потом пришла с радостным известием — принята в госуниверситет, на заочный филологический, осуществила свою мечту!

Маша Гуляева не изменила медицине. Стала медсестрой

городской детской больницы. Я после двухгодичной школы работала операционной сестрой в областной клинической. Все послевоенные годы занимаюсь поисками фронтовых друзей.

Так, много лет спустя разыскала замполита Юрия Васильевича Тарана, проживающего в Полтаве. Из переписки с ним узнала, что после демобилизации он снова был направлен Центральным Комитетом Компартии Украины в один из районов Львовской области, где работал секретарем райкома партии.

В 1948 году он вернется в родные края и будет работать директором средней школы до выхода на заслуженный отдых.

В течение многих лет навещала Клавдия Степановна нашего начальника, Ефима Яковлевича Темкина, жившего в Ленинграде. Все мы очень сожалеем, что в послевоенные годы не успели с ним встретиться.

...Шла подготовка к празднованию двадцатилетия Победы. Оформляли свои классы, пионерскую комнату и учащиеся школы деревни Заболота Пермского района. Среди преподавателей и ребят шел разговор о том, чтобы разыскать фронтовиков, бывших учащихся этой школы. Одной из первых учениц была названа участница Великой Отечественной войны Шура Гладких, которая, к великому сожалению, не дожила до наших дней. Война подорвала ее здоровье. После тяжелой болезни еще в 1946 послевоенном году не стало моей подружки, веселой и жизнерадостной девушки с озорными глазами в пушистых ресницах.

И пусть Шура Гладких была обыкновенной, ничем не примечательной, не совершившей, вернее, не успевшей совершить, в жизни чего-то выдающегося, погибнув в двадцать три года, пионерская дружина школы была названа ее именем.

Шура оказалась скошенной болезнью, как молодая березка осколком бомбы, и не успела осуществить мечту о том, чтобы восстановить срубленные ею деревца во время войны. И все же ее мечта сбылась. В память о ней вокруг новой школы растут и весело шумят десятки молодых шуриных березок, посаженных руками ребят.

...9 мая 1984 года. На Октябрьской площади Перми звучат веселые марши. Юнармейцы готовятся к параду, посвященному Дню Победы. К этому времени со всех сторон спешат сюда люди. И молодые, и пожилые, и дети.

Почти одновременно, в условное место, навстречу друг другу с цветами в руках идут бывшие фронтовые подруги. Это Валя Лашук, Миля Бойкова, Клава Еговцева, Маша Гуляева...

Нас ожидает еще несколько радостных встреч. Сейчас мы сядем в такси и отправимся в аэропорт, куда в скором времени придут доктор Вера Петровна Чигогидзе из Москвы, бывший замполит Юрий Васильевич Таран из Полтавы, а из Львова — Николай Дунаевский и Оксана Драченко, которые, после войны соединив свои судьбы, стали супругами.

Бывший лейтенант Дунаевский, а сейчас майор в отставке, преподает в одной из школ города Львова. Мы встречаемся ежегодно.

...Дунаевские, радостные, взволнованные, спускаются по трапу самолета...

Немного позже в аэропорт прибыли начальница аптеки Ревекка Абрамовна Рудина из Витебска, а из Запорожья — все такая же веселая и обаятельная Люся-парикмахерша. Теперь Людмила Владимировна.

И еще предстоит одна приятная встреча. Из Севастополя приезжает бывший раненый — подполковник Дмитрий Архипович Одоев, командир противотанкового артиллерийского полка, о ком я уже рассказывала в дни работы в городе Ратиборе.

С магнитофонной ленты звучала торжественная музыка, песни военных лет, напомнившие о том далеком времени, когда была «не страшна нам бомбежка любая».

Милые мои боевые подруги, дорогие друзья. Пусть через много лет, а все же сбылась наша желаемая мечта о послевоенной встрече. Рада видеть вас по-молодецки бодрыми и такими же красивыми. Только возмужавшими и чуть поседевшими. Но наша седина — не беда, а гордость.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Сивков. ГОТОВНОСТЬ НОМЕР ОДИН . . .	7
Л. Макарова. ПОДСНЕЖНИК НА БРУСТВЕРЕ	61
С. Иванов. В ОГНЕННОМ НЕБЕ РОДИНЫ . . .	99
В. Шихов. МЫ ПОЛ-ЕВРОПЫ ПРОШАГАЛИ	141
Г. Тиунов. ЭТО БЫЛО НА РЫБАЧЬЕМ . . .	165
И. Юхнов. ДРУЗЬЯ МОИХ ВОЕННЫХ ЛЕТ . . .	191
Л. Буткевич. В ПОЛЕВОМ ГОСПИТАЛЕ . . .	299

Бойцы вспоминают

Редактор В. Шитов
Младший редактор Л. Богданова
Художник В. Остапенко
Художественный редактор С. Лузин
Технический редактор В. Чувашов
Корректор Л. Крамаренко

ИБ № 1242

Сдано в набор 29.08.84. Подписано в печать 21.12.84. ЛБ02303. Формат 70×97¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,16. Усл. кр.-отт. 19,84. Уч.-изд. л. 18,43. Тираж 15 000 экз. Заказ 557. Цена 85 к. Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30.

Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Б77 Бойцы вспоминают. — Пермь: Кн. изд-во, 1985. — 374 с.

Сборник воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны.

Б $\frac{11202-12}{M152(03)-85}$ 2—85

9(с)27